

ВЕСТНИК
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

КНИГА
XV

1926

ЗАДАЧА И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ ИСКУССТВА¹⁾.

Задача статьи наметить содержание и проблему той еще не существующей, еще не созданной искусствоведческой дисциплины, которую можно назвать «социологией искусства».

Необходимо определить это понятие.

Если мы говорим о социологическом (марксистском) изучении того или иного частного случая искусства—напр., французского искусства XVIII в. или современного русского искусства, или о социологическом изучении творчества того или иного художника (Рембрандта или Васнецова и т. д.), то это совершенно ясно и не требует комментариев, ибо речь идет здесь о вскрытии социальных и классовых корней или основ данного искусства или данного художника. Столь же понятно, когда мы говорим о социологически построенной истории того или иного искусства и всех искусств вместе взятых, ибо это значит объяснить развитие искусства социально-экономическим развитием данного общества или данных обществ. Но можно ли говорить, на ряду с социологическим изучением того или иного искусства или того или иного художника и на ряду с социологически построенной историей искусства, о социологии искусства, как особой самостоятельной дисциплине, и если да, то в чем задача и каково содержание этой дисциплины?

Подобно тому, как существует особая наука об обществе, социология, наука не идеографическая, а номотетическая (Риккерт), наука, устанавливающая общие законы бытия и развития общества, так естественно можно и должно мыслить и особую искусствоведческую дисциплину номотетического характера, выясняющую закономерность в области жизни и развития искусства—социологию искусства, как часть общей социологии. Из самого понятия «социология» искусства вытекает, что эта научная дисциплина мыслит исковую и устанавливаемую в этой области закономерность не как закономерность имманентную, а как закономерность социально-предоделенную.

¹⁾ Статья представляет экстракт книги под тем же заглавием печатаемой ГИЗом.

Идея этой науки впервые предстала еще до зарождения и распространения марксизма в 1847 г. взорам бельгийского искусствоведа Микиельса, автора «Истории фламандской живописи».

Усматривая в искусстве «выражение общества», Микиельс подчеркивал вместе с тем, что это положение наполнится конкретным содержанием лишь тогда, когда будет выяснено, как развивается общество, и если это будет сделано, то может стать вопрос—

«Какое искусство должно соответствовать отдельным периодам в развитии человеческого общества?»

Это и есть, вкратце выражаясь, основная задача социологии искусства.

Будучи только историком, а не социологом, Микиельс написал только историю фламандской живописи, а не социологию искусства.

Но, даже если бы он и задался подобной задачей, он ее удовлетворительно не смог бы решить, так как он не имел точного представления, как именно развивается человеческое общество.

Приступить к построению социологии искусства можно было лишь при свете марксистской социологии общества. Поэтому первая попытка приступить к этой задаче принадлежала марксисту, точнее, временному марксисту, Гаузенштейну, автору книги «Искусство и общество», определившему эту задачу, как *Versuch eines socialestetischen Stufenbaus*—как опыт построения социально-эстетических ступеней развития. Однако Гаузенштейн дал только одну главу или, вернее, дал лишь материалы для одной главы социологии искусства, для главы о социологии стилей. Если удастся ответить на вопрос Микиельса «какое искусство должно закономерно соответствовать отдельным периодам в развитии человеческих обществ», если удастся всесторонне построить здание социально-эстетических ступеней развития, как выражался Гаузенштейн, то это и значит не что иное, как создать еще не существующую законополагающую искусствovedческую дисциплину—социологию искусства.

Человечество в своем развитии прошло следующие этапы или ступени—охотничий строй—первоначальное земледелие—феодално-земледельчески-жреческое общество, буржуазное общество на основе торгового капитализма, промышленно-капиталистическое; о переходном к социализму обществе, равно как о социалистическом или коммунистическом обществе здесь можно не говорить, как о ступенях лишь грядущего развития.

Подобно тому, как отдельным этим ступеням общественной эволюции закономерно соответствуют известные социальные отношения и известные идеологии, так закономерно должны им соответствовать и определенные типы искусства, при чем под словом «типы» здесь подразумеваются все стороны данного искусства.

Первая задача социологии искусства и заключается в том, чтобы выявить закономерное соответствие определенных типов искусства определенным общественным формациям (в классовом обществе—классовым формациям).

Не трудно видеть вместе с тем, что некоторые из вышеуказанных экономических и общественных формаций повторялись и при том неоднократно в ходе развития человечества—охотничий строй в палеолите и у современных «дикарей», первоначальный земледельческий коллектив в неолите повсюду и ныне у некоторых отсталых племен, феодально-земледельчески-жреческие организации на основах натурального хозяйства в древнем Египте, в архаической Греции, в романском средневековье и т. д., торгово-буржуазное общество в классической Греции, в Европе XV—XVII в.в., отчасти в Европе XIX в., где торговый капитализм переходил в капитализм промышленный. В известные периоды торговый капитализм в силу особых условий политически облекался в форму абсолютизма, в форму империалистически-настроенных монархий, явление тоже неоднократно повторявшееся в истории человеческих обществ, будь то эпохи эллинизма, или западные страны XVI—XVII в.в., или Россия XVIII ст. Отсюда вторая задача социологии искусства: если известные общественные формации повторялись в истории развития человечества, то, очевидно, закономерно должны были повторяться и известные типы идеологий, и в частности известные типы искусства.

Итак: установить закономерную связь между определенными общественными формациями и определенными типами искусства, а, с другой стороны, выявить закономерную повторяемость известных типов искусства при наличии повторяющихся аналогичных общественных формаций—таковы задачи социологии искусства.

Как видно, содержанием этой дисциплины является искусство прошлого, а не искусство настоящего или будущего.

Чтобы развернуть содержание социологии искусства, как номотетической науки об искусстве, можно пользоваться двумя подходами.

Во-первых, можно переходить от одной общественной формации более ранней, к другой более высокой и т. д. и выявлять в каждом отдельном случае закономерное соответствие этим общественным формациям искусства взятого в целом, во всех его проявлениях, во всех его чертах, со всех его сторон. Или, напротив, можно разложить искусство на отдельные его элементы и моменты и показать, как эти отдельные черты проявлялись закономерно на данных ступенях общественного развития и как они закономерно повторялись на аналогичных ступенях общественно-экономической эволюции.

В дальнейшем будет использован второй подход.

Какие проблемы должны быть поставлены и решены социологией искусства?

Совершенно ясно, что эти проблемы здесь могут быть только намечены и вкратце освещены, при чем предлагаемое здесь решение их порою лишь предварительное, так как здесь предстоит еще огромная работа.

Если оставить в стороне вопрос о происхождении пластических искусств (о них одних здесь будет речь), то первый вопрос, который встает, это вопрос о социальной функции искусства на разных ступенях общественного развития. Если социальная функция искусства по существу всегда одна и та же (искусство специфическое средство организации социальной жизни), то эта основная функция на разных ступенях общественного развития проявляется разное, при чем на аналогичных ступенях всегда одинаково. У охотников, все равно палеолита или современности, оно есть магическое средство подчинения человеку природы (зверя), в феодально-жречески-земледельческих организациях оно становится средством подчинения человеку богов, превращаясь из магического в религиозный акт—все равно, идет ли речь о древнем Египте или архаической Греции, или о романо-готическом средневековьи и т. д.—являясь вместе с тем также и средством принуждения психики общественного человека в духе и в интересах господствующего класса—военно-жреческого, в поднимающихся буржуазных обществах оно из магического и религиозного акта превращается в средство морально-гражданской педагогики, при чем моральная тенденция будет превалировать в буржуазных обществах, политически еще не зрелых или политически не боевых (Гогарт, Грез, Федотов и т. п.), а гражданская в политически зрелых или политически активных (группа Гармодий и Аристокитон—Давид Донателло—живопись Давида). Наконец в буржуазных обществах, где буржуазия закончила свою борьбу с феодализмом, где она стала господствующим классом (если не политически, то социально, культурно и экономически), где царит материальное довольство и т. д., искусство превращается из акта морально-гражданской педагогики в выражение аполитического и аморального гедонизма, в «чистое», сосредоточенное на решении формальных задач—будет ли то греческое искусство эпохи Лизиппа и Апеллеса, или искусство венецианцев XVI в., или вершина голландского искусства XVII в. (Рейсдал, Питер-де-Гох, Рембрандт), или западно-европейское и русское искусство конца XIX в. и начала XX в.

Если существует закономерно меняющееся проявление основной социальной функции искусства на разных ступенях общественного развития, то может быть установлена такая же закономерность в области производства художественных ценностей, подчиненного той же эволюции, как производство ценностей материальных.

Подобно тому, как последнее при господстве натурального хозяйства совершается в пределах замкнутого (ойкосного) хозяйства—барской или царской вотчины, или же в ремесленно-построенных обществах на заказ, или, наконец, как под сенью капитализма, на рынок, так и производство художественных ценностей происходит в тех же условиях—сначала в пределах помещичьих и царевых вотчин, потом на заказ и, наконец, на рынок. В первом случае художник или крепостной, или прикреплен к поместью—барскому или царскому—как в династическом Египте, на острове Крите (дворец

в Кноссе), в монастырском поместье на западе X—XI в в., в русском барском имении еще в конце XVIII и начале XIX в. К этому типу производства художественных ценностей, соответствующему натуральному хозяйству, примыкает художественное производство в рамках абсолютной монархии, в дворцовом хозяйстве — будет ли то эпоха эллинизма (двор Александра, пергамских царей), или княжеская Италия эпохи Ренессанса, или абсолютная монархия во Франции XVII в., в Испании—XVII в., в России—XVIII в. с той разницей, что художник оплачивается не натурой и является свободным человеком, по существу частью дворцового хозяйства—*valet de chambre* (как титуловал ван-Эйка бургундский герцог).

Там, где рядом и выше феодального или монастырского поместья становится класс городских ремесленников, там, где общество строится на ремесленно-цеховых основах, там, где и сам художник является ремесленником, членом корпорации или цеха, как в классической Греции или готическом средневековьи, или еще в Италии XV в., художественное производство совершается на заказ или всего городского коллектива (Акрополь, готические соборы), или отдельного цеха (работы Гибerti и Донателло во Флоренции XV в.) и, по мере выдвигания купеческой буржуазии, по заказу отдельных богачей, все равно в Греции IV в. или в Италии Ренессанса. Там, где производство по заказу уступает место капиталистическому производству на рынок, там и художник превращается из ремесленника в производителя товаров, подчиняющегося железному закону спроса и предложения как отчасти уже в поздней Греции, так в особенности в Голландии XVII в. и во всей Европе в XIX—XX ст. Здесь нет надобности останавливаться на чертах, которые отличают искусство, творимое в пределах поместья-вотчины от искусства, творимого по заказу, и от искусства, творимого на рынок.

Если от производителей художественных ценностей перейти к самому искусству, ими создаваемому, то первый вопрос здесь встающий—это вопрос о закономерности в чередовании расцвета и упадка искусства. В той или иной стране искусство то поднимается (богатая продукция, крупные творцы, влияние искусства этой страны на другие), то влачит бесцветное существование. Гегемония в области искусства переходит от одной к другой стране. Можно установить как закон, действующий на протяжении времени, что гегемоном-вождем в области искусства является экономически передовая страна и что вместе с упадком ее экономической мощи приходит в упадок и искусство. Цветущее состояние искусства Аттики в VI—V—IV в в., наиболее передовой тогда экономической страны, подъем искусства в III и II в в. в Родосе и Пергаме, где пролегли пути торговли, зарождение христианского искусства в Сирии, наиболее промышленной стране в IV в. нашей эры, передовая роль византийского искусства в период, когда Византия смыкала хозяйство Запада и Востока, расцвет искусства в Италии XIV—XV—XVI в в., наиболее передовой экономической страны Европы, переход в XVII в. руководящей роли в этой области к Испании, Франции,

Голландии и упадок искусства в Италии XVII—XVIII в.в., Испании XVIII—XIX в.в., Голландии XVIII—XIX в.в. — все это иллюстрирует вышеуказанный закон. И если этот закон в дальнейшем не находит себе подтверждения, ибо нельзя сказать, чтобы Англия и Америка, наиболее передовые экономические страны в XIX—XX в.в., были вместе с тем и гегемонами в области искусства (хотя Англия, несомненно, в XVIII—XIX в.в. показала остальным европейским странам их собственный путь развития, проделав его раньше других), то это объясняется тем, что промышленному капитализму свойственно особое «искусство», родившееся под знаком машинного производства и инженерной техники, «искусство», получившее свое первоначальное и свое наиболее яркое выражение в наиболее передовой машинно-индустриальной стране, в Америке.

Если можно установить определенную социологическую закономерность в чередовании расцвета и упадка искусства в той или иной стране, то можно установить подобную закономерность и в чередовании двух основных типов искусства, синтетического и дифференцированного. Периоды, когда все виды пластических искусств—архитектура, скульптура, живопись (фреска, мозаика) составляют одно целое, единый художественный организм, сменяются эпохами, когда этот синтез распадается, когда скульптура и живопись (станковая) отрываются от материнского лона архитектуры, живут и развиваются самостоятельно и обособленно, как некие несвязанные с коллективом индивидуальности. В своей книге об искусстве Ф. И. Шмит приравнивает эту смену синтетического дифференцированным искусством двум моментам в процессе созревания искусства, социально не обусловленным.

«Ранние моменты в развитии искусства, когда ставятся первые проблемы, характеризуются синкретизмом всех искусств, их чрезвычайной близостью и взаимной связью. Чем дальше идет развитие, тем более обособляются и распадаются отдельные искусства».

Едва ли можно отнести—для примера—афинский акрополь—памятник синтетического искусства (архитектура, скульптура, фреска) к тому раннему периоду в развитии греческого искусства, когда ставились первые проблемы, а если принять во внимание, что синтетическое искусство—все равно, греческое или новоевропейского средневековья—всегда монументально, всегда рассчитано на потребности общественного коллектива, а не частных лиц, то имеется достаточно основания формулировать и здесь закон, в силу которого синтетическое искусство возможно только в крепко сплоченных, индивидуалистически не разложенных, спаянных религией, как господствующей идеологией, религией, поддерживающей этот синтез, обществах (феодално-ремесленного типа) и что синтетическое искусство должно неизбежно уступить место искусству дифференцированному, как только феодално-ремесленная общественная организация начинает разлагаться капитализмом, когда складывается буржуазное общество, где центр тяжести передвигается от общего к частному, где религиозная связь, как выражение общественной связи, слабеет и разрушается.

где царит индивидуалистическое разложение, где художественное произведение перестает быть собственностью общины и превращается в товар, курсирующий на рынке на ряду с другими товарами, как это имело и место в Греции IV—III в. или в Италии XV в., где скульптура получила самодовлеющее значение, фреска превращается в станковую картину. В связи с вопросом о социологически-закономерном чередовании синтетического и дифференцированного искусства встает вопрос, в свое время поставленный Тэнном и по своему им вырешенный, а именно о закономерном примате отдельных видов искусства. Тэн, как известно, старался доказать, что в Греции господство должно было принадлежать скульптуре, в средние века—архитектуре, в XVII в.—театру, в XIX в.—музыке. Нас интересуют здесь только пластические искусства и можно констатировать, что происходит смена примата архитектуры приматом скульптуры и далее живописи, все равно, имеем ли мы перед собой античную Грецию или новую Европу. Уже в греческом искусстве можно проследить, как архитектура, стоящая в центре синтетического искусства, потом уступает место скульптуре, и как, начиная с IV в., приблизительно-скульптурное мышление уступает место живописному, что выражалось как в сближении самой скульптуры с живописью (живописный характер поздних барельефов; живописно-импрессионистическая трактовка тела в эллинистическом искусстве; расцвет станковой живописи—Паразий, Зевкис, Апеллес, Аэтион и др.). То же самое явление потом повторяется в новой Европе, где господство архитектуры, как основы синтетического романо-готического искусства, сменяется отчасти расцветом скульптуры (во Флоренции XV—XVI в.в.) и в особенности живописи в Италии Ренессанса (высокая оценка живописи со стороны Леонардо и Альберти; богатая продукция в этой области; крупные живописцы), в Голландии XVI—XVII в., где архитектура и скульптура не могут конкурировать с живописью, наконец, в Европе XIX в., где архитектура влачила жалкое существование и живопись была несомненно доминирующим искусством. Если господство архитектуры, как основы синтетического искусства, обусловлено всегда синтетическим построением общества, то вместе с выделением из первоначального коллектива класса—сначала феодалов, потом буржуа,— вместе с появлением и ростом сознания господской обоженной личности создается почва для отрыва от архитектуры скульптуры (скульптура династического Египта, архаической Греции, потом классической Греции, Флоренции XV в.), а в развитых буржуазных общественных организациях примат отходит к живописи, потому что она удовлетворяет: 1) свойственному таким обществам индивидуалистическому чувству (живописец лучше других может выразить, как он лично ощущает и переживает мир); 2) свойственному таким обществам иллюзионистскому умонастроению и 3) потому что живопись одна может изображать настоящим образом материю (природу) и вещи, получающие в буржуазных хозяйствах особое значение и потому

властвующих и над мышлением и над творчеством человека буржуазного общества.

Если от социологической закономерности примата отдельных видов искусства перейти к этим последним, и прежде всего к архитектуре, то здесь встает вопрос о закономерности смены основных типов архитектуры—конструктивного (тектонического) и деструктивного (декоративного), по терминологии Кон-Винера («История стилей»), или тектонического, органического и декоративного, по определению Гинзбурга („Стиль и эпоха“). В конструктивно-тектоническом типе господствует, как формирующий принцип, целесообразность, в органическом—гармония целесообразности и декоративности, в деструктивном или декоративном—украшательский элемент. Автору книги «Стиль и эпоха» смена этих трех типов архитектуры рисуется как процесс имманентный самой архитектуре. «Молодость нового стиля по преимуществу конструктивная, зрелая пора—органична, увядание—декоративно». Автор «Истории стилей» Кон-Винер пытался подвести под эту смену социологический базис и установить здесь известную социологическую закономерность. Тектонический тип архитектуры создается, по его мнению, «наиболее сильным народом своего времени», и ему «присуще нечто демократическое», тогда как «в архитектурных типах, лишенных тектонического чувства, заложена нивелирующая интернациональная тенденция», а с другой стороны, они рассчитаны на «состоятельные классы». Не решая здесь сложного вопроса, укажем лишь вскользь на возможность установления здесь иной закономерности. Конструктивно-тектонический тип архитектуры соответствует восходящему коллективу или классу, так как в нем царит практически-интеллектуалистическая тенденция, свойственная коллективу или классу, овладевающему жизнью, органический—соответствует коллективу или классу, уже овладевшему жизнью, ставшему господствующим, в силу чего практически-интеллектуалистический момент осложняется моментом эстетизирующе-наслажденческим, а деструктивно-декоративный тип архитектуры соответствует коллективу или классу упадочному, паразитически-пассивному, в силу чего эстетизирующе-гедонистический момент упраздняет или заглушает момент практически-утилитарный. Смена в Греции дорической капители ионической, а ионической—коринфской или смена в новой Европе архитектуры раннего Ренессанса, высокого Ренессанса и начального барокко, и, наконец, позднего барокко и рококо могут служить иллюстрацией к этому закону смены трех типов архитектуры, отражающих восход, господство и упадок в развитии дворянски-буржуазного общества эпохи торгового капитализма в Элладе и в новой Европе.

Если от архитектуры перейти к живописи, то здесь перед нами точно так же два основных типа—живопись линейная и живопись колористическая. От Винкельмана и Гумбольдта до Тэна исследователи были склонны обосновать различие этих двух типов живописи различием географической среды и климата. Гористая и равнинная местность создает психологическую предпосылку для ли-

нейного мироощущения и для линейной живописи, в влажный морской воздух предпосылку для колоризма. Если это положение и находит себе на первый взгляд подтверждение, напр., в противоположности флорентинской линейной живописи XV в., родившейся в гористо-равнинной местности, и колористической венецианской, расцветшей в приморском городе, то как все-таки понять тогда, что Давид, представитель линейной живописи, и Делакруа, представитель колористической—оба работали в том же городе Париже, где морем не веет, или то обстоятельство, что импрессионизм, растворяющий линию в свете и краске, если и зародился в Англии (Тернер), то свое классическое выражение получил в Париже, не омываемом морем?

Если принять во внимание, что линия—элемент интеллектуалистический, по сравнению с краской, более эмоциональной, то, очевидно, оба типа живописи вырастают прежде всего из известного умонастроения, а именно линейная из преобладания в психике общественного человека момента активно-интеллектуалистического, а колористическая из господства в этой психике момента пассивно-эмоционального или гедонистического, но вместе с тем оба эти умонастроения имеют свой социальный базис, а именно, активно-интеллектуалистическое является выражением коллектива или класса производственно-активного, как флорентинская производственная буржуазия XV в., или политически действенного, как французская революционная буржуазия XVIII в. (отсюда флорентинские художники-интеллектуалисты типа Леонардо в XV в. и Давид в XVIII в.), тогда как социальной основой для пассивно-эмоционального гедонистического умонастроения и для колористической живописи является класс или коллектив, не производящий, а только обменивающий продукты, как венецианская купеческая аристократия XV—XVI в. в. (давшая художников-колористов) или коллектив и класс, уже овладевший жизнью, все более становящийся производственно и политически пассивным, и потому гедонистически настроенным, как европейская буржуазия конца XIX в., под сенью которой расцвел колористический импрессионизм, растворяющий и упраздняющий линию в симфониях света и цвета.

Если от основных типов искусства и основных типов архитектуры и живописи перейти к тематике (живописи и скульптуры), то можно установить социологическую закономерность и в этой области. Каждая экономическая и общественная формация вносит в искусство свою специфическую, ее структурой и идеологией predeterminedенную тему, как главенствующую. Художнику охотничьего коллектива социальная необходимость властно диктовала одну тему—зверя—и никакая другая с ней поэтому конкурировать не могла, все равно, идет ли речь о пещерниках-мадленцах палеолита или о современных бушменах и минкопах. В первобытном земледельческом коллективе зверь уступает место орнаментально-схематизированному растению. Везде там, где из первоначального земледельческого коллектива выделяется класс земледельцев-феодалов и где в этом классе

складывается чувство господской личности, зверь и растение уступают место человеку (знатному), известным образом воспринятому и воссозданному (фронтально, неподвижно, обособленно)—в искусстве феодально-династического Египта, архаической Греции и т. д. Сменяющий класс феодалов класс буржуа-купцов перенимает от феодального общества эту тему, вкладывая в нее иное содержание (идею не богоподобного господина, а гражданина-буржуа) и облекая ее в иную форму (исчезновение фронтальности, неподвижности, обособленности)—напр., в греческом буржуазном искусстве V—IV в. в.

На высотах буржуазной культуры, где изжиты традиции феодально-дворянского строя и где в связи с буржуазным способом хозяйствования растет и укрепляется материалистическое и вещное мироотношение и мировоззрение, человек уже не является единственной или доминирующей темой, разделяя свое господство с природой и вещами; отчасти уже в позднегреческом искусстве, в Голландии XVII в., в Европе XIX ст.

В тесной связи с вопросом о закономерном соответствии определенным экономическим и общественным формациям известной тематики стоит вопрос о таком же им соответствии определенных художественных жанров.

Так, портретный жанр, возможный в феодально-жреческих общественных организациях лишь в зачаточном виде, возникает и закрепляется, с одной стороны, в буржуазных обществах, где налицо сильное индивидуалистическое и реалистическое чувство—напр. позднегреческий портрет, Голландия XVII в., Европа XIX в., а, с другой, в абсолютных монархиях, представляющих для этого жанра чрезвычайно благоприятную почву—будет ли то монархия Александра (Лизипп, Апеллес, Пирготель) или княжеская Италия Ренессанса (Леонардо, Тициан, Брондзино и т. д.) монархическая Англия Карла I (Ван Дейк), Испания Филиппа IV (Веласкес) и т. д.

Так точно пейзаж в чистом виде и натюрморт, немислимые как самостоятельные жанры ни в феодальных ни в абсолютистических обществах, возникают и расцветают лишь в беспримесных буржуазных формациях—в Голландии XVII в. или в Европе XIX—XX ст.

В главе о художественных жанрах надлежит, кроме того, установить известную закономерность в вопросе о дифференциации и трансформации этих жанров. На известных ступенях общественного развития портрет, пейзаж, натюрморт еще не способны выделиться из композиции иного содержания, напр., в Италии XV в., где портрет и пейзаж часто составляют единое целое или где портрет, натюрморт, а иногда портрет, натюрморт и пейзаж входят, лишь как элементы, в композицию религиозного содержания и т. д. А на более высоких ступенях буржуазного развития дифференциация жанров становится неизбежной и находится в полном разгаре, как в Голландии XVII в. С другой стороны происходит на разных ступенях общественного развития постоянная трансформация жанров, напр. характерный для феодально-жреческих общественных организаций религиозный жанр—изображения литургических актов в еги-

петском и критомикенском искусстве, религиозные темы в романо-готическом искусстве и т. д., — превращается в полубуржуазных, полудворянских обществах, где аристократия еще доминирует со своими вкусами или где еще сильна традиция феодально-жреческого прошлого, в жанр мифологический, как уже в позднегреческом искусстве (мифологическая тематика в эллинистических барельефах и статуях), затем в новоевропейском искусстве, в живописи фламандской аристократии (Рубенс) или в галантной живописи французской аристократии XVIII в. (Буше, Наттуар и др.). Наконец, в чисто буржуазных формах религиозный и мифологический жанры трансформируются в бытовой — в Голландии XVII в., в русском искусстве эпохи передвижничества и т. п.

На ряду с необходимостью установить социологическую закономерность в области художественных жанров стоит необходимость установить закономерность в области художественных проблем. Этому вопросу посвящена значительная часть книги Ф. И. Шмита «Искусство. Основные проблемы теории и истории». Автор этой книги делит историю человечества и историю искусства на пять или шесть «циклов»; в каждом из них ставятся художниками пять-шесть художественных проблем, но в каждом доминирует одна какая-нибудь, — достаточно остановиться здесь на проблеме движения, пространства и света. Проблема движения, лишь намеченная в первых трех циклах, где господствуют иные проблемы (линия, форма, композиция) получает свое разрешение по мысли автора указанной книги лишь в четвертом цикле, т. е. в греческом искусстве. «Из всех изобразительных проблем грека больше всего интересовала проблема движения». «Искусство классической Эллады поставило и разрешило проблему движения по отношению к человеку». Если именно грек так интересовался этой проблемой и именно он впервые ее разрешил, то, очевидно, потому, что греки были «народом сильно моторного типа воображения». Но совершенно ясно, что ни капитель дорической колонны, ни Аполлон Тенейский, продукты греческого гения, ни в коей мере не оформляют идею движения или жизнеощущение динамическое. Как из того обстоятельства, что эта проблема не могла быть осознана художниками первых «трех циклов» (по-нашему, тех общественных формаций, которые развились на основе натурального хозяйства, — Египта, Ассирии и т. д.), так и из того факта, что эта проблема и в самом греческом искусстве ставилась не всегда, следует, что она вообще немислима на известных ступенях общественного развития и что она становится неизбежной на других, а именно, в условиях развития торговли, денежного хозяйства, городской культуры, как это для Греции доказал Гаузенштейн, при чем на высотах капиталистически-городской и вместе индивидуалистической культуры ощущение жизни, как движения, выражается в искусстве уже не реалистически, а импрессионистически, в смысле передачи мгновенных движений — в греческом искусстве эллинистической поры (игра в кости или в морру; передача быстрых движений пальцев и т. п.). Проблема движения как

в реалистической, так и в импрессионистической трактовке повторяется потом закономерно в новой Европе всегда там, где идет неподвижное натуральное хозяйство сменяется развитием капитализма и урбанизма — напр. в Италии Ренессанса (застылость в фресках Джотто и движение в фресках Синьорелли; или «Афродита» Боттичелли), где, по словам Бернсона («Флорентинские художники»), мы имеем в линиях волн, в линиях развевающихся волос и одежд богини абстрагированные от всякой предметности элементы движения и т. п. — или везде там, где царит буржуазно-урбаническая культура, как в Голландии XVII в., где Ф. Гальс являлся мастером в передаче чисто импрессионистической быстрых психических движений или как в европейском искусстве второй половины XIX в., где выступает Дега, этот «фанатик мгновенных движений» (Гааке) или Ван Гог, этот «апологет мировой динамики» (Тугенхольд).

Можно установить такую же не имманентную, а социологическую закономерность и для проблемы трехмерного пространства, для проблемы перспективы. По схеме Ф. И. Шмидта, эта проблема доминирует в «пятом цикле», т. е. попросту в новоевропейском искусстве, хотя известным образом ставилась и решалась уже и в четвертом цикле, т. е. в греческом искусстве, ибо чувство перспективы было не чуждо греческим живописцам IV в. (Апеллесу, Аэтиону), а теория линейной перспективы была в IV же веке изложена Евклидом в его «Оптике». Не случайность, конечно, что ощущение мира как трехмерного, ощущение глубины и дали мира было чуждо художникам первых трех «циклов» (т. е. по-нашему эпохи замкнутого натурального хозяйства) и не случайность, если проблема перспективы осознается греческими художниками, именно начиная с IV в., когда под влиянием ширившейся мировой торговли тесный мир деревни, поместья, себедовлеющего города государства расширился до бесконечности, породивши соответствующее ощущение шири и дали, и когда порожденное буржуазным хозяйством и мышлением чувство реализма и иллюзионизма должно было действовать в том же направлении. Вполне закономерно проблема трехмерного мира снова осознается художниками и ставится в порядок дня в новой Европе, на той же самой ступени экономического и культурного развития, на которой стояла Греция IV — III в. в., и прежде всего в той именно стране, где впервые развился мощно торговый капитализм, где впервые торговля расширила горизонты жизни и мышления, где впервые пала стена обособленности и замкнутости, заслонявшая перед человеком средневековья далекий мир, в Италии XV в., где учение о перспективе читается в университетах (в Падуе, напр.) и составляет излюбленный предмет научных размышлений и художественных экспериментов почти всех художников — П. Утцелло, А. Поллайоло, Мантенья, Мелоццо да Форли и др.

Третья из указанных проблем — проблема света, — как и две предыдущие, появляется в искусстве лишь на определенных ступенях общественно-культурного развития, в эпохи господства той культуры, которая может быть названа импрессионистической, порожденной

индивидуализмом и субъективизмом чувствования и мышления общественного человека, стремлением к иллюзионизму, поворотом искусства в сторону формальных задач, равно как — в известных случаях — жизнерадостным умонстроением — чертами, характерными для определенной высоты буржуазно-урбанической культуры — впервые в позднегреческом искусстве (Апеллес, как создатель портрета Александра Великого в качестве молниеносца; фреска, изображающая культ Изиды и т. п.), потом в Италии XV в. (Леонардо), в Голландии XVII в., (Питер-де-Гох; Рембрандт), наконец, в импрессионизме XIX в. (Манэ: «свет — главный герой картины»).

Можно установить такую же социологическую закономерность и в области художественных стилей, точнее тех двух основных живописно-скульптурных стилей, которые, постоянно чередуясь, все вновь и вновь появлялись в ходе развития искусства. Речь идет о стиле физиопластическом и идеопластическом (Фервори), натуралистическом и идеалистическом. Все сменявшие друг друга художественные стили в сущности лишь разные вариации этих двух основных стилей, из которых один зиждется на безрелигиозном, другой — на религиозном подходе к миру, один на благоговении и страхе, другой — на любознательности и познании. Физиопластический стиль свойственен художнику охотничьего коллектива — все равно, мадленцу палеолита или современному бушмену, в такой же степени, в какой стиль идеопластический лежит в основе орнаментально-декоративного искусства земледельцев, все равно, в какой бы расовой и географической среде последнее ни возникло. Те же два основных стили повторяются потом в историческом искусстве, в искусстве классовых обществ — идеопластический в феодально-жреческих общественных организациях, где господствует противоположность идей «господина» и «раба», «души» и «тела» и идеологией является религия, а также в искусстве абсолютистических монархий, опирающихся обычно на дворянство и духовенство или воскрешающих традиции феодализма — искусство Людовика XIV, русский академизм на рубеже XIX в., и т. д. — для второго случая — пример — искусство пергамских царей эллинистической эпохи. В искусстве всех поднимающихся буржуазных обществ или чувствующих прочность своего положения буржуазных обществ воцаряется стиль физиопластический или натуралистический — будь то научным духом пропитанное позднегреческое искусство (Лизипп и др.), или флорентинское XV в., или европейское искусство второй половины XIX в., где сменялись реализмы разных оттенков.

Как существует известная закономерность в области художественных жанров, проблем, стилей, так возможно установить известную закономерность и в отношении красочной оболочки живописного искусства. Не случайность, если в раннем и классическом искусстве Эллады, в вазописи и в фреске господствовали желтый и красный цвета, «цвета шумной общественности, рынка, народных празднеств» (О. Шпенглер), так как это было искусство еще обращенное к общественному коллективу, как не случайность золотой фон в византийском иератически-императорском искусстве, как выражение потусторонней основы царской власти, как не случайность

его исчезновение в итальянском искусстве Ренессанса и появление голубовато-зеленоватых тонов в искусстве Италии и Голландии XV—XVII в. в (у Леонардо, Альбани, Гверчини, Рейсдаля, Гоббемы и др.), «красок атмосферы», вызывающих «впечатление глубины и дали» (О. Шпенглер), краски «воздушной перспективы», дополняющей перспективу линейную и т. д. Можно установить, кроме того, закономерное соответствие известных красочных тонов и гамм психоидеологии определенных общественных классов. Классы социально угнетенные проявляют себя в живописи колоритом тяжелым и безрадостным, как их положение и умунастроение: — темный колорит крестьянских интерьеров братьев Ленен во Франции XVII в., сумрачный колорит картин французских социальных художников 30 и 40 г. г. XIX в. — Жанрона, Антинья, Тассара и т. п. Классы господствующие, физически и психически еще здоровые, предпочитают краски яркие и шумные, как венецианцы XVI в. или Рубенс в XVII в., или светлую нарядность, как в импрессионизме XIX в. Классы отходящие и умирающие облачают свое жизнечувствование в краски минорные, блеклые, заглушенные, как в XVIII в. Ватто, художник угасавшего дворянства, или как в XX в. Борисов-Мусатов, художник отходившего русского барства.

Поскольку речь идет об искусстве в классовых обществах, необходимо установить закономерность еще и в области тех явлений, которые можно назвать отражением в искусстве принципа классовой борьбы или отмежевания. Первое явление обнаруживается 1) в постоянно повторяющейся ориентации известного класса в той или иной стране на искусство, созданное этим же классом в другой стране, ранее его выступившим на историческую сцену и ранее успевшим создать свою культуру — напр., ориентация феодального искусства Греции на Восток, или ориентация итальянского искусства Ренессанса на греческое искусство буржуазной эпохи, или ориентация русских художников мещанства в начале XIX в. на голландцев и т. д. и 2) в ориентации того или иного класса в своем искусстве на искусство совершенно другого класса, при чем здесь могут быть разные случаи: 1) восходящий класс, еще не доработавшийся до четкого классового самосознания, подчиняется так или иначе идеологии и искусству господствующего класса, — напр., подчинение мещанина Греза известным сторонам галантного аристократического искусства или 2) господствующий класс ориентируется на искусство чужого класса в другой стране, ибо его положение и умунастроение роднит его с ним в большей степени, нежели с родственными ему группами в его собственной стране — напр. подражание Терборком, художником крупной голландской буржуазии XVII в., искусству испанской аристократии (даже в красочной гамме) и 3) класс, ставший господствующим, перенимает художественно-общественную культуру класса, ранее его бывшего господствующим, наследником и преемником которого он стал, — напр. ориентация английских буржуазных прерафаэлитов на феодализм и на готику или наших буржуазных модернистов на барскую культуру начала XIX в.

На ряду с тем, что можно назвать классовой в искусстве ассимиляцией, необходимо отметить особые закономерно повторяющиеся проявления в искусстве классовых противоположностей, классового отмежевания и классовой борьбы, выражающейся в том, что 1) художники одного класса или социального слоя, создающие искусство для другого, господствующего, класса, прорывают свойственными им классовыми психо-идеологическими чертами эстетический канон господствующего класса, напр.: реалистические черты, появляющиеся порой в династическом искусстве Египта, носящего печать идеалистического стиля, или проступающие сквозь италянизирующее придворное искусство немецкого Ренессанса, напр., у Л. Кранаха, крестьянски-мещанские черты и т. п.; 2) в том, что в пределах единого общества художники отдельных групп, его составляющих, отмежевываются друг от друга тематически и формально, напр., Терборк, Ян Стен, Рембрандт, у каждого из которых имеется своя тематика, свой подбор красок, свои проблемы и свой подход к искусству, как представители трех разных групп голландского общества XVII в. — буржуазии, мещанства и богемы, и 3) в том, что новый восходящий класс создает свое искусство, тематически и формально противоположное искусству господствующего класса или искусству предыдущей общественно-экономической формации; для первого случая пример — живопись наших передвижников, как противоположность придворно-барскому академизму, для второго — архитектура Ренессанса, как противоположность готике.

Таковы существеннейшие проблемы и вместе с тем главы будущей социологии искусства.

Все эти проблемы: 1) социальная функция искусства, 2) формы художественного производства, 3) расцвет и упадок искусства, 4) синтетическое и дифференцированное искусство, 5) примат отдельных видов искусства, 6) тектонический, органический и декоративный типы искусства, 7) линейный и колористический тип живописи, 8) тематика искусства, 9) художественные жанры, 10) художественные проблемы, 11) основные скульптурно-живописные стили, 12) проблема красочных типов и гамм, 13) классовая ассимиляция и классовое отмежевание, — все эти проблемы здесь, разумеется, только намечены, а не развернуты, и предлагаемые здесь их суммарно-краткие решения носят порою гипотетический характер, нуждаясь в дальнейшей проработке. Если удастся здесь набросанную схему социологической закономерности всесторонне разяснить и убедительно доказать, то есть возможность, что наука об искусстве станет тем, чем ее хотели сделать уже видные буржуазные ученые, а именно наукой столь же точной, как физика или химия. Но одно несомненно: если это удастся сделать, то лишь на основе марксистской социологии общества и искусства. Только при свете марксистской социологии можно будет выявить и установить ту закономерность, которая, как во всех областях общественной жизни, царит и в области пластических искусств.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРНЕРА ЗОМБАРТА И ФАШИЗМ

1. Старый Зомбарт

Когда Зомбарт в конце 80-х г. г. прошлого века впервые выступил на литературной сцене в Германии, в экономических и социальных науках господствовала школа Шмоллера¹⁾. Сам ученик Шмоллера, Зомбарт стал в оппозицию к господствовавшему в германских университетах течению.

Адепты исторической школы Шмоллера занимались бесконечным собиранием материалов и нагромождением сырых документов и не шли дальше простого описания фактов. Эта постоянная боязнь выйти за пределы данного, за пределы эмпирии угнетающе действовали на живой конструктивный ум молодого Зомбарта. Ему нужен был размах, широкие обобщения, целевая установка в исследовании. Зомбарт не мог помириться с ролью простого собирателя эмпирического материала. Он добивался власти над фактами. Он стремился к такой мощной синтетической теории, которая способна была бы овладеть всем пестрым многообразием общественных явлений и внести в него порядок и закономерность.

Такую теорию молодой Зомбарт нашел в марксизме: «В наш век преклонения перед фактами и беспредельного эклектизма в области экономической, социальной науки,—говорит он,—марксизм служит нам также мощным предостерегающим и ориентирующим маяком. В той мере, в какой путь исследователя удален от марксизма, возрастает несистематичность, эклектизм»²⁾.

Маркс импонировал Зомбарту мощью своих собирательных синтетических способностей, умением организовать материал вокруг глубоко продуманных теоретических построений. Путем величайших абстракций Маркс умел в то же время схватывать всю динамику, всю конкретность, всю сверкающую своеобразность действительности. Маркс дал прекрасный синтез величайшей силы обобщения с реализмом, абстракции с художественной конкретностью.

«Хотя это звучит странно, но все же не подлежит сомнению, что Маркс в своей политической экономии первый заговорил о людях, а не о бескровных понятиях. Или, выражаясь точнее:

1) Первую свою работу Зомбарт (род. в 1863 г.) посвятил итальянскому народному хозяйству: „Die Römische Campagne“ (1888 г.) В 1892 г. Зомбарт на страницах Брауновского архива защищал марксизм против нападок Вольфа. В 1904 г. он стал одним из редакторов этого журнала, переименованного в „Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik“.

2) Зомбарт—„Фр. Энгельс“, изд. Петрогр. Совета, 1918 г., стр. 29.

своими теоретическими построениями он всегда умел вызвать у нас ощущение живой жизни. В этом, кажется мне, заключен секрет: вот почему чтение работ Маркса, прежде всего, конечно, 1-го тома «Капитала», захватывает нас, как увлекательный роман»¹⁾).

Маркс пленил Зомбарта, в первую очередь, как художник, но Зомбарт, несомненно, понял и почувствовал также и научное величие Марксовых построений в области политической экономии. Он увидел в них научную истину, от которой и по сей день, несмотря на свое искреннее желание, он никак полностью освободиться не может. Добрую часть жизни, как это Зомбарт и сам утверждает, он посвятил борьбе за Маркса и за его политическую экономию. Маркса, а не кого-либо другого, он считал величайшим ученым XIX века.

Несомненно также, что Зомбарт мечтал о роли некоего «буржуазного Маркса». Ирония судьбы или, правильнее, потребности классовой борьбы сделали из него самого пошлого в мире анти-марксиста. Но в то время, в первое 20-летие своей литературной деятельности, Зомбарт был не только горячим сторонником Маркса—теоретика. Он понимал также связь, существующую между рабочим движением и социалистической марксистской теорией (что не мешало ему, между прочим, требовать, вслед за всеми ревизионистами, отделения теории от практики). В «Социализме и социальном движении» он резко противопоставлял научный социализм утопическому и правильно характеризовал последний, как учение этическое и абстрактно-рационалистическое, не опирающееся на анализ действительности. Он понял силу и историческое значение социал-демократического рабочего движения, видел интернациональные, объединяющие тенденции, зреющие в рабочем классе различных стран, сознавал принципиальное противоречие между национализмом и социализмом. Он способен был пользоваться марксистским методом для объяснения социальных явлений. Так, напр., он сумел по-марксистски объяснить, почему нет социализма в Америке и предсказать неизбежность его появления в этой стране²⁾).

Это явное сочувствие социализму, соединенное с блестящим популяризаторским талантом и громадной эрудицией, необычайной даже для немецкого ученого, быстро завоевало Зомбарту огромную аудиторию лево настроенной буржуазной интеллигенции всех стран. В 1905 году «Социализм и социальное движение», впервые изданный в 1896 году, вышел уже пятым немецким изданием и был переведен на 17 иностранных языков.

Особой популярностью Зомбарт пользовался в России, где целое поколение молодежи училось на его книжках. Социалистические симпатии Зомбарта, его близость к социалисту Брауну и продолжительное сотрудничество в брауновском «Архиве» принесли ему одновременно с европейской известностью в демократических кругах звание оппозиционера в кругах официальных и мешали его профессорской карьере.

1) Зомбарт — „К. Маркс“.

2) Зомбарт — „Почему нет социализма в Америке“.

По поводу одного его очерка марксистской системы, появившегося в «Архиве» в 1894 году, Энгельс писал: «Здесь впервые немецкий университетский профессор увидел в работах Маркса то, что Маркс действительно сказал, впервые он признал, что критика Марксовой системы должна состоять не в отрицании, «которым занимается обычно политический деятель», а в дальнейшем ее развитии»¹⁾).

Нет надобности доказывать, что и в этот период Зомбарт хотя и был белой вороной среди реакционной профессуры, и политически и теоретически еще очень далеко стоял от марксизма. Политически он в лучшем случае мог считаться левым либералом, «салонным демагогом», извне, «объективно» обозревающим рабочее движение. Литературные успехи льстили его глубоко развитому авторскому честолюбию и вознаграждали за неуспехи по линии научно-чиновничьего продвижения. Теоретически же его можно было бы причислить с натяжкой к марксистам-эклектикам. В упомянутой заметке, в которой Энгельс так хорошо отозвался о Зомбарте, он одновременно критикует (правда, довольно мягко) неправильное идеалистическое толкование Зомбартом теории стоимости, как одной лишь логической категории вроде «регулятивного принципа» à la Kant.

Было бы ошибочным зомбартовский «околомарксизм» выводить только из индивидуальных психологических влечений автора. Его нельзя объяснить одними художественно-спекулятивными устремлениями отважного, ищущего собственных путей интеллигента-ученого. Выступление Зомбарта в пользу марксизма имело свой глубокий социальный смысл. Зомбарт поддерживал марксизм постольку, поскольку он его рассматривал сквозь призму реформистских взглядов германской социал-демократии.

Он признавал марксизм лишь как ревизионизм.

Он понимал, что социал-демократическое рабочее движение есть факт исторической важности, что образование с.-д. партии в Германии есть «событие интернационального значения», мимо которого не пройдешь. Но раз развитие с.-д. и марксизма неизбежно и неотвратимо, то не лучше ли будет признать их и утвердить в форме эволюционистского реформистского учения, которое не опасно буржуазии. Признать существующее, примириться с ним, взять под свое покровительство и таким образом заранее обезвредить его от всех тех острых революционных углов и «наростов», которые содержатся в марксизме,— таков был классовый смысл «Социализма и социального движения». В нем как бы говорилось буржуазии и буржуазной интеллигенции: «Напрасно вы страшитесь с.-демократов. Это не бандиты и не анархисты, не уличные громилы и не революционеры. Они ближе к нам, чем вам кажется. Социальные реформы, филистерские мечты об улучшении своего материального положения, а не какие-либо далекие идеалы, не революционное воодушевление и под'ем двигают этими хорошо организованными с.-д. массами». Зомбарту той эпохи нельзя отказать в историческом чутье.

¹⁾ „Fr. Engels letzte Arbeit“. Neue Zeit, XIV J., I Band. 1896 г., стр. 9.

«Имеем ли мы дело с «ортодоксами», — говорит он, — или «ревизионистами», перед нами все равно большая партия оппортунистов и приспособленцев» ¹⁾).

«Профессиональные рабочие союзы, охрана труда, страхование рабочих, кооперативы, национализация и монополизация открыли эпоху социального развития, которую не без основания можно охарактеризовать, как социал-капитализм» ²⁾).

По Зомбарту, цель с.-д. движения состоит в медленном проникновении социалистических идей в капиталистическую хозяйственную систему.

Более того, он считает, что только на капиталистическом пути социалистические идеалы «получают возможность реализации» ³⁾ и что «мы живем среди процесса внутреннего преобразования капиталистической хозяйственной системы, что теперь вырабатывается новый социальный строй, который можно назвать социалистическим, если мы уж непременно хотим дать ему имя» ⁴⁾. Под социалистическими же идеалами он понимает как защиту труда против интересов собственников, так и «планомерное управление производством и дикими стихийными силами рыночного обращения при помощи союза артелей». Это тот «социализм на капиталистической основе», тот «конструктивный социализм», который современные с.-д. и социалисты всех мастей и пород считают новейшим своим изобретением.

Зомбарт ясно понимал также, что с.-д. становится постепенно, перед лицом широких масс бюргерства, преемницей немецкого либерализма. По мере того, как немецкий либерализм становился ручным и отрекался от последних остатков своего реформизма, с.-д., помимо выполнения своих особых задач, делалась как бы представительницей либеральных идей Германии и привлекала к себе все более широкие слои также и оппозиционного бюргерства» ⁵⁾.

Зомбартовский «марксизм» был ничем иным, как предвидением, идеологическим предвосхищением будущего блока с.-демократии с буржуазией. Зомбарт был дальновидным представителем прогрессивной немецкой буржуазии эпохи промышленного подъема и необычайного количественного и организационного роста пролетариата в Германии 90-х и 900-х г.г. Находясь вне рядов рабочего движения, он являлся буржуазным «наблюдателем», спокойно обзирающим с высоты литературно-профессорской вышки интересующие его социальные явления.

¹⁾ Зомбарт — „Народное хозяйство Германии в XIX в. и в начале XX века“. Изд. Моск. Рабоч. 1924 г., стр. 248.

²⁾ Зомбарт, там же, стр. 250.

³⁾ Зомбарт — „Во что бы то ни стало. Из теории и истории проф. движения“. В приложении к книге В. Кузьмана „Профдвижение“, С. Петербург. 1901 г., стр. 96.

⁴⁾ „Организация труда и трудящихся“, 1901 г., стр. 437.

⁵⁾ „Социализм и социальное движение“. Перев. с 5-го немецкого изд. п. ред. В. Каволя, стр. 125.

В с.-д. он учуял левый фланг буржуазии, он как бы предчувствовал тот исторический «подвиг», который ей суждено было совершить для спасения буржуазного строя в эпоху социалистической революции. Наконец, защищая рабочее движение, Зомбарт всего-навсего защищал тот социальный класс, при помощи которого происходило широкое развитие производительных сил¹⁾. Это было лишь отношение хорошего хозяина к своему трудолюбивому слуге. Охрана труда рабочих входила в программу «здоровой социальной политики», т.-е. в перечень правильно понятых классовых интересов. Можно было также допустить известную благодарность классу, трудом которого живешь и наслаждаешься. Эту благодарность буржуазия может себе позволить в эпоху промышленного расцвета, жирных дивидендов, мирного роста рабочего движения.

В области идеологической подобный либерализм означал научную легализацию марксизма и литературное с ним сотрудничество. Но сотрудничество с марксизмом требовало, конечно, предварительного «обрезания» его, по меньшей мере, до бернштейновских размеров. Зомбарт и начал с этой предварительной «чистки» марксизма. Революционные моменты этого учения он признал случайной накипью, историческим анахронизмом, оставшимся из эпохи 48-го года, отпеты песнью времен революционной молодости его основоположников. Он стремился к тому, чтобы радикально отгородить теорию марксизма от практики, считая, что социализм, как практическая программа, не может быть выведен из теоретических предпосылок. «Попытка «научно» доказать необходимость социализма должна была быть признана неправильной»²⁾. Не надо смешивать идеал и программу, так же как не следует связывать науку и религию. «Практическое стремление никогда не бывает научным знанием».

Зомбарт высказывается против классовой борьбы и за классовое сотрудничество, отрицает теорию концентрации капитала, теорию обнищания, диктатуру пролетариата, диалектический метод, материалистическую философию марксизма.

К этим обычным грехам ревизионизма надо еще добавить идеалистическое определение класса и провозглашение независимости партии от класса. Борьбу между двумя течениями германск. с.-д. Зомбарт рассматривал, лишь как случайный эпизод, как несущественное расхождение между теоретиками (ортодоксальные марксисты) и практиками (реформисты)³⁾.

¹⁾ „Идеалы социальн. политики“ С.-Петербург. 1906 г., стр. 57 (впервые напечатана в „Архиве“ Брауна, 1897 г.).

²⁾ „Социализм и социальное движение“, стр. 78.

³⁾ Это наименьший грех Зомбарта, если принять во внимание, что во время, когда это писалось, даже Меринг считал деление на „марксистов“ и „ревизионистов“ пустым ловушкой и ревизионизм рассматривал, как что-то бесплотное, как некое настроение, не представляющее никакого исторического интереса и „не имеющее ни малейшего влияния на практическое движение“ (см. „Истор. [герм. с.-д.“, т. 4, стр. 300—302). И даже Каутский считал в то время, что ревизионизм не затрагивает „практического марксизма“ и что вообще его появление не имеет „никакого внешнего повода, если не считать смерть и второго из отцов марксизма“. „Три кризиса марксизма“, в сборнике „Очередные проблемы международного социализма“, изд. 1918 г., стр. 13

Таково было отношение Зомбарта к марксизму в первую эпоху его деятельности. Мы оставляем в стороне его блестящий труд о «Современном капитализме», анализ которого дал бы нам столько же примеров большого влияния на Зомбарта марксистского метода, сколько и фактов в пользу идеалистического конструктивизма и эклектизма (Маркс + Кант.) Можно лишь сказать, что в «Современном капитализме» Зомбарт продолжает в области экономических вопросов ту же тактику выхолащивания из марксизма революционных «неорганических» элементов, какую он в «Соц. и соц. дв.» проводил по отношению к социально-политическим вопросам.

Остановимся еще бегло на одной аналогии: между зомбартизмом и русским легальным марксизмом. Оба они хотят, говоря языком Ленина, «убить марксизм посредством мягкости, удушить посредством объятий...», взяты из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы «без диктатуры пролетариата, вплоть до общего признания» социалистических идеалов и смены капитализма новым строем; оба приемлют марксизм, выключив из него предварительно его живую душу, его революционность»¹⁾. Оба, кокетничая с социализмом, остаются восторженными апологетами капитализма, его тубадурами. Но роль Струве в России была отлична от роли Зомбарта в Германии. Струве и его соратники теоретически оформляли рабочий консерватизм и рабочий экономизм. Наши экономисты-практики были для этого слишком слабы. В германском же рабочем движении роль Струве взял на себя не Зомбарт, а ряд теоретиков, вышедших из самого рабочего движения, с Бернштейном во главе. Зомбарт непосредственного участия в оформлении немецкого ревизионизма не принимал. Оставаясь в стороне, он движению этому лишь симпатизировал. С другой стороны, легальных марксистов сближала с русскими с. д. общая отрицательная задача: борьба с народниками, с народническими иллюзиями о возможности некапиталистического развития России. И русские с.-д., и русские легальные марксисты вместе боролись за правильное представление о неизбежности капитализма в России. Отсюда большая близость между марксизмом и струвизмом в России, чем это было между Зомбартом и с.-д. в Германии. Струве сближали с с.-д. общие текущие политические задачи, Зомбарта — лишь симпатия к ревизионизму и перспективы того будущего буржуазно-социалистического блока, который он идеологически подготавливал.

Но вот экономизм под давлением растущего революционного движения потерпел поражение, и попытка Струве перехватить марксизм, вырвать его у ортодоксов и обуржуазить не удалась. С другой стороны, надобность у русских с.-д. в союзе с либеральной буржуазией, в теоретическом литературном союзе с легальным марксизмом миновала. Тогда Струве и компания были отшвырнуты за борт революции. Их марксизм, под лучами чисто классовых революционных требований с.-д., вылинял и приобрел свою естественную идеалистическую буржу-

1) Ленин — „Против течения“, стр. 148.

азную окраску. Иначе было в Германии; здесь все время происходили рост и накопление примиренческих тенденций между пролетариатом и буржуазией и связанный с ним рост буржуазной верхушки рабочего класса и ее идеологов - ревизионистов. Отсюда длительность зомбартизма в Германии (20 лет) и все возрастающие симпатии, которые Зомбарт встречал среди немецких с.-д. правого толка.

II. Методологический анархизм

В последние предвоенные годы Зомбарт резко качнулся вправо. Этот поворот был простой функцией эволюции, проделанной всей немецкой либеральной буржуазией. В эпоху великого под'ема немецкого хозяйства, победоносного шествия его от победы к победе. Зомбарт был апологетом просвещенного капитализма с его полнокровностью, бешено мчавшейся вперед активностью, «героической» предприимчивостью, бесконечным богатством жизненных форм, высокой культурностью.

Но вот наступает эпоха великих потрясений, хозяйственно-политического и нравственного распада Германии—эпоха войн и революций. Зомбарт сильно правее. «Ведроми» законодательных обещаний он пытается потушить разгорающийся пожар пролетарской революции. В помещиках он ищет опоры и союза. Его отношение к с.-демократии становится все более настроженным, несмотря на величайшие услуги, оказываемые ею буржуазному строю. Ибо время—горячее и кредит с.-демократам можно оказывать лишь в меру их действительных контрреволюционных заслуг.

Зомбарт окончательно оформляется в эпоху поражения германской революции 1923 г., ухода с.-д. от власти и частичной стабилизации немецкого капитализма. Оправившись от смертельного страха, пережитого вместе со всей немецкой буржуазией в тревожные месяцы этого года, он переходит в наступление. Он хочет извлечь все уроки из двух нояблей (русского и немецкого), укрепить ослабевшие устои германской «республики», т.-е. подготовить идеологическую почву для кайзеровской реставрации. Гинденбург избран президентом «республики без республиканцев». Зомбарт ищет идеологический эквивалент этому великому событию. Десятое издание «Социализма и социального движения» (под названием «Пролетарский социализм (марксизм)» и выступление на Штутгартском съезде общества социальной политики в сентябре 1923 г. с докладом об идее классовой борьбы — таковы высшие достижения нового Зомбарта.

Перетасовке социальных сил современной Германии точно соответствует перетасовка взглядов нашего автора. Покровитель марксизма превратился в его хулителя, крайний либерал и просветитель — в фашиста.

В какие двери ворвались к Зомбарту новые его взгляды?

Посмотрим, что представляет собой Зомбарт-писатель? Это импрессионист и эстет. Его увлекают красивые стройные построения

и обобщения. У него есть дар различения, дар художественного воспроизведения конкретного. Он хочет заставить читателя возможно интенсивнее и ярче пережить любой факт. Он поражает неожиданной меткостью своих характеристик. Его палитра историка всегда богата подлинными документами и первоисточниками. Он любовно воспроизводит своеобразный аромат отдельных эпох, он с мастерской виртуозностью умеет оживлять исторический материал. Вот перед нашими глазами мелькает фигура буржуа старого стиля. Им руководит старая докапиталистическая идея, что человек есть мера всех вещей, он еще верит, что наше законно нажитое богатство дает радость. Правда, в нем «естественный цельный человек с его здоровой инстинктивностью потерпел уже большой ущерб; должен был привыкнуть к смирительной куртке мешанского благополучия; должен был научиться считать. Его когти подрезаны; его зубы хищного зверя спилены; его рога снабжены кожаными подушечками.

Но все это служит капитализму: крупный землевладелец и заморский купец, банкир и спекулянт, мануфактурист и шерстоторговец, — все они все-таки не переставали соразмерять свою коммерческую деятельность с требованиями здоровой человечности; для всех них дело осталось только средством к цели жизни; для всех них о направлении и мере их деятельности решают их собственные интересы и жизненные интересы других людей, для которых и вместе с которыми они действуют»¹⁾.

И далее Зомбарт, пользуясь подлинными документами современников, оживляя их художественной интуицией, все ярче и резче очерчивает характер, привычки, мировоззрение этого старого буржуа, пока он во всей своей пластичности не предстанет перед нашими глазами в лице какого-нибудь крупного купца XVIII века из Глазго, в красном кафтане, в треуголке, в напудренном парике, с достоинством шагающим перед ратушей.

«Я думаю,—говорит о Зомбарте Шмоллер,—что Золя и Ибсен наряду с Марксом оказали на него определяющее влияние: с первым ему обща живопись деталей, со вторым известная черта пессимизма»²⁾.

Но вся эта художественная культура Зомбарта, обвораживающая его читателей, имеет один маленький «недостаток». Она становится пропастью для Зомбарта-мыслителя. Зомбарт — эстет, интуитивист, рафинированный мыслитель французского типа с его живым, легким, сверкающим слогом, утонченным писательским эпикуреизмом, кокетливым скептицизмом и всегда подчеркнутым индивидуализмом. Отсюда легкость перемены взглядов, теоретическое легкомыслие, эстетическая игра построением. Быстро и часто менять идеи, соznаваться в совершенных ошибках, — разве это не смело и не оригинально, разве это не доказательство полного освобождения от пут научной рутины и догматизма, величайшей умственной гибкости,

1) „Буржуа“, стр. 120.

2) Цитировано по Степанову. Предисловие к русскому переводу „Современного капитализма“, стр. 18.

неослабевающего, напряженного внимания к новым фактам научного исследования?

Зомбарт знает, как импонировать своей буржуазной аудитории, чем блеснуть перед ней. То и дело он ошарашивает читателя каким-либо совершенно новым, диаметрально противоположным установленным, взглядом на вещи.

«Постоянно протестовать против того, что сделано до сих пор наукой,— иронически замечает Шмоллер,—это главная потребность для него. Через каждую пару страниц он уверяет, будто в той или иной научной области за последние 50—100 или больше лет никто не сумел даже правильно поставить вопроса¹⁾. Так под маской борьбы с рутинной, научно-художественной свободой, самостоятельности и оригинальности Зомбарт отвоевывает себе свободу маневрирования своими взглядами, в конечном счете свободу пускать фразеологическую пыль в глаза читателю. Так этика ученого подменяется этикой художника (Ницше). Индивидуально-психологические потребности, т.-е. писательский эстетизм, диктует научному исследованию свои законы. Художественная многосторонность, художественное плюралистически-конкретное, интуитивное отношение к миру подводит нашего писателя сначала под сень эклектизма, а потом тащит и дальше—к вере и спиритуализму.

Эстетизм становится дымовой завесой, скрывающей под обворожительной внешностью эклектическую сущность. Он перестает быть индивидуальной оболочкой Зомбарта-писателя. Он превращается в оружие буржуазной идеологии в ее борьбе с классовым противником. Таков социальный смысл зомбартовского «щеголеватого» стиля, зомбартовского эстетизма.

Если Зомбарт и пользовался половиной своей жизни—и теперь еще сплошь да рядом бессознательно пользуется—методом исторического материализма, то он никогда его полностью не понимал и не признавал²⁾. Но лишь в 1913 году Зомбарт решается официально хоронить этот метод. Вот его надгробное слово по сему случаю: «Не потому мы отказываемся от материалистического взгляда на историю,—говорит он,—что считаем его неверным. Он в такой же степени верен, как какой-либо другой метод, монистически рассматривающий историю. Мы отказываемся скорее потому, что он не приносит больше плодов»³⁾. Иссякла та золотосодержащая руда, которую исторический материализм представлял собою целые десятки лет. Зомбарт забраковал метод исторического материализма, исходя из множественности возможных методов. Каким же образом могла появиться у него эта концепция? Потому, что он на метод смотрит идеалистически. Для него метод—это изобретение ума. Это что-то вроде колодки для сапог. Меняется мода на сапоги

¹⁾ Там же.

²⁾ „Во всех вопросах, в которых требовалось теоретико-познавательное обоснование, Маркс и Энгельс были,—заявляет Зомбарт,—чрезвычайно легковерны“ (Зомбарт — „Фридрих Энгельс“, стр. 20, изд. 1918 г., впервые издано в 1895 г.).

³⁾ W. Sombart — „Krieg und Kapitalismus“, стр. 3, подчеркнута нами.

или меняется номер сапога — нужно готовить другую колодку. Но и старая колодка годится постольку-поскольку.

Марксизм, как известно, иначе рассматривает это отношение. Он его рассматривает, как диалектическое отношение между формой и содержанием ¹⁾. Метод не есть выдумка ученого, а формулировка наиболее общих законов развития, взятых из самой действительности, т.-е. законов диалектики. Они взяты из действительности, поэтому они объективны. Они — наиболее общие законы всего сущего, они — законы развивающейся действительности, поэтому они применимы и впредь к познанию этой действительности, поэтому они не стареют. Но применяясь к той или иной области действительности, они принимают особую форму, они конкретизируются. Такого диалектического единства метода и предмета. Они не тождественны, как этого хотят позитивисты, потому что метод руководит познанием предмета. Они также и не принципиально отличны друг от друга, как этого хотят кантианцы и в том числе Зомбарт, потому что представляют собою единое диалектическое целое, в котором метод вырастает из предмета и предмет из метода. Познание, не вооруженное единым методом, лишено, руководящих начал и неизбежно впадает или в идеалистический рационализм, или в плоский эмпиризм. «Методы» Зомбарта и являются шатанием между этими полюсами плюс отвергаемый, но бессознательно применяемый им исторический материализм.

В той же работе, в которой Зомбарт начинает свои методологические откровения об историческом материализме, мы находим еще дополнительную «идею». Метод исторического материализма может быть применен к проблеме войны лишь в той степени, в какой война, как надстройка, может быть выведена из капитализма, как базиса. Поскольку же Зомбарт пришел к заключению, что не война есть следствие капитализма, а наоборот, капитализм — следствие войны, постольку здесь старый материалистический метод больше не годится. Итак, нужно построить новую колодку.

Сделав подобное коперниковское открытие и освободившись таким дешевым образом от «об'ятий исторического материализма», Зомбарт в дальнейшем пускается в беспредельный простор своей конструктивной фантазии, проще — начинает бредить. Мы узнаем, что движущей силой общественного развития, главным фактором зарождения капитализма в Европе, начиная с XVI века, является фельдфебельская палка, казарменная учеба, солдатский парад, военная муштра и дисциплина, что казарма впервые дала человеческий материал фабрике, что война стимулирует любовь — этот важнейший составной элемент капиталистического строя и проч., и проч.,

То бесспорное взаимодействие, которое имеет место между войной, как политической надстройкой, и экономикой ²⁾, Зомбарт

¹⁾ Здесь не следует смешивать с кантовским дуализмом формы и содержания, с дуализмом рассудка и чувственности.

²⁾ См. Маркс — «Введение к критике политической экономии», и Каутский — «Война и капитализм», Neue Zeit, 1913 г., стр. 428.

подменил идеалистическим представлением о войне, как перво-причине.

Правда, еще Маркс обратил внимание на огромное влияние, которое имела организация армии, в частности применяемое в ней разделение труда и система заработной платы, на буржуазные производственные отношения. Но все это прекрасно уместается в наше диалектическое представление о влиянии надстройки на базис. Происхождение же самой надстройки — войны, Маркс всецело объяснял наличием собственнических и классовых интересов, определявших всегда в конечном счете внешнюю политику страны. Война и является ничем иным, как одной из форм этой политики. «Война, — говорит Ленин, — есть продолжение политики»¹⁾. Считать войну движущим началом равносильно признанию за политикой примата по отношению к экономике.

Такие же методологические *salto mortale*, как с войной, Зомбарт продельвает и с роскошью, и с евреями, и с хозяйственным духом в своих монографиях на эти темы²⁾. Ни война, ни роскошь ни характер коммерсанта еврея, ни капиталистический дух в целом не могут быть выведены из капитализма. Наоборот, каждый из этих элементов самостоятельно, хотя бы и в связи друг с другом, строят капитализм. Противоположное утверждение об'является «авантюристическим представлением», порожденным «юношеской чрезмерностью (если не остолбенелым упрямством)»³⁾. Гарантиями против этого юношески-упрямого марксизма Зомбарт скромно выдвигает «объем наших знаний и глубину нашего психологического анализа» (под «нашим» он здесь имеет в виду лишь свою ученую персону). По существу же много знающий и глубоко думающий профессор попал в сети плоской механически-идеалистической схемы, что «творение (капитализм. *И. А.*) не может предшествовать своему творцу (капиталистическому духу. *И. А.*)».

Таким образом, Зомбарт добровольно отказался от всякого понимания связи между экономическими и идеологическими явлениями.

Четыре упомянутые исследования, вышедшие из недр «Современного капитализма», показывают, как Зомбарт постепенно эмансипировался от марксистского метода. Начав с комментирования 24 главы Марксова «Капитала» («Современный капитализм» можно рассматривать, как комментарий, правда, достаточно невыдержанный, к этой главе «Капитала»). Зомбарт кончает самым безответственным методологическим эклектизмом. Мы этим, конечно, не хотим сказать, что «Современный капитализм», несмотря на всю его научную ценность, в какой-либо степени удовлетворяет требованиям марксистской методологии. И здесь марксистский метод обильно запутывается и шмоллеровским эмпиризмом и кантовским телеологиз-

1) Ленин, собр. соч., т. XIII, стр. 344.

2) W. Sombart— „Die Juden und das Wirtschaftsleben“ (1911 г.), „Der Kapitalismus und Luxus“ (1913). „Der Bourgeois“ (1913).

3) В. Зомбарт—„Буржуа“. Госиздат 1924 г., стр. 271.

мом, и особенно, всепоглощающим психологизмом. Нам здесь важно проследить лишь этапы зомбартовского сползания в то болото, в котором очутился сейчас этот «идеолог». Начав свою научную деятельность под флагом марксизма, хотя и с немалой примесью прочих методов и идеологий, он только 20 с лишним лет спустя официально отказался от него.

Зомбарт хочет показать нам хозяйственную жизнь в целом. Для этого он беспринципно связывает ее со всем, что под руку попадет: с религией и наукой, с национальной и социальной психологией, с человеческой физиологией и антропологией, с модой и искусством, с ненавистью и любовью, и прочее и прочее. Мы часто встречаемся у него с рассуждениями о национальных типах, о «народных душах», как о чем-то врожденном и определяющем экономические отношения. Мы узнаем, например, о «предрасположении» некоторых европейских народов к торговле (флорентийцы, шотландцы, евреи) и о неспособности других народов (кельты) к созданию капитализма. «Везде, где кельты образуют большинство населения, дело вообще не доходит до настоящего капиталистического духа» ¹⁾. Зато появление и исчезновение евреев в любой стране определяет ее хозяйственный рост или упадок. Нам говорят о народах-героях, о народах-торговцах, об отборе капиталистических разновидностей и скрещивании крови, о том, что выбор религии каким-нибудь народом зависит от свойств его крови ²⁾ и проч., и проч. Вслед за рассуждениями о «враждебных по своему внутреннему существу национальных душах» ³⁾ мы узнаем, что общество есть не что иное, как живой, растущий, неумирающий организм, наделенный отдельными органами ⁴⁾. В другом месте мы с изумлением останавливаемся перед фразой, как бы непосредственно взятой из арсенала фрейдистской ортодоксальной социологии. «Я не хотел,—говорит Зомбарт,—оставить невысказанной мысль, что в конечном счете способность к капитализму коренится все же в половой конституции и что проблема «любовь и капитализм» и с этой стороны стоит в центре нашего интереса» ⁵⁾. В «Пролетарском социализме» любовь эта выступает, как некий божественный свет, снисходящий на людей. Она независима и от общества, и от физической конституции человека. Этой-то «надземною» любовью Зомбарт наделяет капиталиста и ее благодати лишает социалиста. Всякий социалист же по «новому» Зомбарту есть концентрированная ненависть и разрушение. Такими и подобными благоглупостями и пошлостями (вроде того, что мещанская натура есть незротическая натура, что хозяйствование и любовь—это две противоположности) сегодняшний Зомбарт обильно угощает своего читателя.

1) Зомбарт—„Германское хозяйство“, стр. 62—68.

2) „Буржуа“, стр. 218.

3) „Der moderne Kapitalismus“, 6 Auflage.

4) Там же стр. 930.

5) „Буржуа“, стр. 162, курсив наш.

Вслед за антропобиологическими, фрейдистскими и спиритуалистическими экскурсами читатель посвящается в назидательные профессорские размышления об «оживляющем воздействии религии на капитализм; о том, как католицизм (а не протестантизм) подготавливает капиталистический дух, превращая инстинктивного, естественного человека в «специфический, рационально устроенный душевный механизм»; о воззрениях схоластиков «существенно» способствовавших укреплению и поощрению все того же капиталистического духа ¹⁾ и проч., и проч.

Мы не говорим уже о всяких стремлениях к наживе, приобретательских инстинктах, о жажде золота, о потребности в роскоши и проч. психологических мотивах и целях, которые Зомбарт с большим пафосом выдвигает в первые ряды движущих сил истории. Но это его закоренелая слабость. Ради красивого психологического анализа он всегда готов пожертвовать всякой методологической последовательностью.

Рядом с психологическими и религиозными интересами Зомбарт выдвигает интересы политические и национальные. Зомбарт отстаивает первичное разнообразие и несводимость этих интересов. Психология говорит нам о «целом ряде одинаково властных, друг возле друга находящихся, друг на друга действующих сил» ²⁾. Этот плюрализм служит ему в дальнейшем хорошим оружием для атаки Марксовой теории о классовых интересах.

Свой методологический анархизм Зомбарт возводит в принцип. Он милостиво, например, разрешает историю рабочего движения объяснять по материалистически, но зато история буржуазии, по его просвещенному мнению, требует уже «более высоких», идеалистических методов исследования.

Если при образовании феодального строя допускается коллективное творчество масс, то капитализм мог быть создан лишь благодаря творчеству отдельных выдающихся личностей. У колыбели капитализма необходим был «творческий акт» решительного, предприимчивого, протаривающего новые пути человека. «История происхождения капитализма есть история лиц» ³⁾.

Подсчитывая в своем «Буржуа» основные движущие силы, одновременно и параллельно участвовавшие в образовании капитализма, Зомбарт говорит о жажде золота, о предпринимательском духе, о государстве, об эротических и религиозных потребностях, о биологических и психических предрасположениях европейских народов. Этот эклектизм он защищает следующим образом: «Что в особенности способно вызывать чувство неудовлетворенности—это множественность причин, которые я сделал ответственными за возникновение капиталистического духа... Мне представляется, однако, совершенно безнадежным начинанием предпринимать это упорядо-

¹⁾ Зомбарт— «Буржуа», стр. 189—194.

²⁾ „ „Die Idee des Klassenkampfes“, стр. 31.

³⁾ „ „Der moderne Kapitalismus“ I, стр. 836.

чение путем сведения всех действующих причин к одной основной причине: *causa causans*. Что подобные начинания, например, в духе материалистического понимания истории (в его закостенелом применении), при современном состоянии нашего знания являются невозможными—это я постарался доказать... Противопоставить строго-экономическому каузальному объяснению какое-нибудь иное единое истолкование я чувствую себя не в состоянии, так что для удовлетворения своей потребности в иерархическом упорядочении многообразных отдельных причин я должен ограничиться сведением совокупности действующих условий в единое целое исторического процесса, в котором, правда, некоторые из приведенных причин являясь в отношении главенства и подчиненности, другие, напротив,—в отношении сочиненности»¹⁾).

Здесь чрезвычайно ярко формулированы психологические предпосылки зомбаровской методологии: Зомбарт органически не переваривает монизма. Он всегда ищет параллельных, сочиненных рядов причин. В их исключительном многообразии он находит «особую привлекательность». Его «богатая» знаниями и фантазиями натура требует сложной и многогранной постройки при объяснении всякого явления. Не беда, если кто и запутается в лесу этих конструктивных построений, зато удовлетворены будут психологические «потребности» нашего зодчего.

Эти-то психологические потребности, потребности субъекта, а не свойства объекта, и являются верховным законом зомбаровских исследований.

Методологический плюрализм приводит не только к признанию множественности движущих сил истории, но и к множественным формам самого познания, к эклектической теории познания.

Критикуя марксистскую теорию классовой борьбы, Зомбарт догматически выдвигает тройкий подход к явлениям: эмпирический, метафизический и этический²⁾). Соответственно этому он различает явление, каково оно есть, какова его истинность и какова его ценность. Единый мир ученого распадается у него на мир действительности, мир метафизических истин и мир оценок. Объясняя и критикуя понятие социализма он требует не более и не менее, как 6-стороннего «критического» анализа: с точек зрения этической, генетической, психологической, социологической, идеологической и критической³⁾). Социологическим методом *par excellence* он считает метод «понимания» (*des Verstehens*). «Понимание» идет «изнутри» предмета во вне и применимо лишь к общественным наукам. В естественных же науках мы можем только схватывать (*begreifen*) предмет из вне. Истинное знание есть лишь это первое знание. Целью «неэологической» социологии Зомбарт считает исследование внутреннего смысла закономерности отдельных культурных

1) Зомбарт—„Буржуа“, стр. 285, подчеркнуто нами.

2) W. Sombart—„Die Idee“.

3) „Der proletarische Socialismus“ I, стр. 23—29.

или духовных областей»¹⁾. По существу же метод этот ни к какой ни внутренней, ни внешней закономерности привести не может.

Методологический цинизм естественно приводит Зомбарта к отрицанию всякой общественной закономерности, к риккертскому нигилизму. Достаточно для примера прочесть рассуждения Зомбарта о революции²⁾.

Его типология революции по целям и движущим силам, различие между «персональными», политическими, социальными, национальными, религиозными, милитаристическими, массовыми революциями приводит его к идее о существовании не одной, а многих социологий революции. Если подсчитать все типы революций, которые дает Зомбарт, то окажется, пожалуй, схем больше, чем самих революций. При таких условиях революция естественно превращается в случайность. Случайны революции, как случайны и вызывающие их причины. Среди них мы находим и народную нужду, вызванную неурожаем, и плохие финансы, и военное поражение, и революционные традиции, и революционную «заразу». «Теории о закономерности и необходимости марксистского прихода, заключает Зомбарт, надо противопоставить предложение: все революции случайны»³⁾. Так Зомбарт «разоблачает» марксистскую «легенду» о революции. Упустив малость: классовое расслоение общества, он затем торжествующе разводит руками и заявляет: «Где доказательство неизбежности революции? Ничего, кроме клубка случайностей, я здесь не замечаю». Но это игра краплеными картами. Революция вырастает из классовой борьбы, является ее высшим проявлением. Отделяя ее от классовой борьбы, мы тем самым превращаем революцию в случайность. Недаром Маркс, а вслед за ним Ленин со всей решительностью настаивали на социалистической революции и вырастающей из нее диктатуре пролетариата, как на основной отличительной составной части Марксовой теории классов.

Философия случайности — выгодная философия. Она означает бегство от исторической необходимости и желание скомпрометировать все предсказания, все выводы марксизма о перспективах общественного развития, о неизбежном крахе капитализма. Она делает невозможной всякую научную тактику, растворяет социальную науку в эмпиризме отдельных, неповторяемых явлений. Философия случайности, философия социального эмпиризма во всех ее видах и формах была и остается мировоззрением *par excellence* буржуазным; мировоззрением как буржуазии, так и ориентирующихся на нее всяких буржуазно-социалистических, ревизионистских течений. С этой точки

¹⁾ W. Sombart — „Sociologie“, 3 Auflage, Berlin, 1923 г., стр. 13—14. Все это идеи, взятые у М. Вебера.

²⁾ „Die Formen des gewaltsamen sozialen Kampfes“, Kölner Vierteljahrsheft für Sociologie, 1924 г. (1 и 2 Hefte).

³⁾ Там же, стр. 6.

зрения также характерна одна из последних статей Зомбарта «О понятии закономерности у Маркса»¹⁾.

Навалив одну на другую полсотни цитат из разных сочинений Маркса и сличая их затем в разных комбинациях, Зомбарт пытается всячески доказать, что у Маркса не было никакого единого понятия закономерности; что он употреблял ее в самых различных и противоречивых смыслах, то как общественную, то как естественную закономерность; что он впадает в волюнтаризм (скачок в царство свободы) и фатализм; что он смешивает эмпирическую закономерность с конструктивно-рационалистическим понятием о ней; что его закономерность — сплошная метафизическая диалектика и софистика, в которой нет ничего определенного и ничего твердого.

Стоит ли рассматривать весь клубок нелепостей и грубых непониманий, которые Зомбарт здесь нагромождает? В критике Марксова понятия закономерности, как и во всей своей методологии Зомбарт впадает в две основные ошибки. Он не хочет и не умеет различать сущности от явления. Для него все явления одинаково первичны, равноценны, равнозначны. Отсюда — давно преодоленный марксизмом фетишизм явлений, прятие внешней их оболочки, например, национальной и политической, за сущность, отсюда — плюрализм, эклектизм и ужасающая поверхностность Зомбарта — «социолога». И как следствие из этого, органическое непонимание, что такое общественная закономерность. Следующая ошибка Зомбарта состоит в непонимании реального значения абстракции и в неумении соединять абстрактное с конкретным. Его систематизация явлений всегда превращается в абстрактно-логическую схематизацию, в пустую, хотя и красиво звучащую болтовню, полную всяких психологических «тонкостей» и пикантностей, часто ничего общего с действительностью не имеющих²⁾. Его же «конкретный» подход к явлениям вырождается в описания случайностей, в эстетический плюрализм.

Зомбарту глубоко чужд тот синтез закономерного единства и множественной конкретности, тот абстрактно-конкретный метод, который так гениально сочетает в себе марксизм. Его абстрактные схемы и конкретная жизнь разлезаются в разные стороны.

Такова непритязательная картина зомбартовской методологии. В ней полная несостоятельность философской мысли сочетается с умственной недисциплинированностью и развязностью профессионального вора, который тянет все, что плохо лежит. Зомбарт не брезгает ни историческим материализмом, ни шмоллеровским историзмом, ни канто-риккертовским миром целей, ни сексуальной социо-

¹⁾ W. Sombart „Der Begriff der Gesetzmässigkeit bei Karl Marx, Schmollers Jahrbuch, 1924. См. также „Metaphysik der Geschichtstheorien“ в „Prolog Socialismus“ 1, 15 разд.

²⁾ В последней своей работе („Die Ordnung des Wirtschaftslebens“, Verlag T. Springer 1926) Зомбарт доводит свой схематический метод до худшего, чисто механического и произвольного перечисления и расчленения экономических явлений, нагромождая гору всяких терминов и определений, представляющих образчик пустейшего конструирования.

логией фрейдизма, ни религиозно-хозяйственными построениями школы Вебера-Трельча, ни культурной социологией à la Шпенглер, ни Зиммелем, ни Шелером, ни Ницше, ни Лебоном.

Методологический скептицизм и анархизм и идеалистический конструктивизм сближают Зомбарта со школой феноменологов, этим самым, пожалуй, реакционным отпрыском неокантианства и всей современной философии. Феноменологи, под маской антиметафизичности, сугубой «научности», антипсихологизма проводят самый отъявленный спиритуализм, интуитивизм и идеализм, восстанавливают платонизм и элеатизм. Их «чистая научность» приводит к познавательной монадологии, к методологическому плюрализму и нигилизму, к теоретико-познавательному агностицизму, к полному отрицанию законов, к наивному идеализму, где признается не только априорная форма, но и априорное содержание. Начав с осторожного полумарксизма, Зомбарт кончает гуссерлианством. Туда ему и дорога.

III. Воинствующий антимарксизм и консерватизм

Еще в 1919 г., в год высшего напряжения революционной волны, в год «советской» Европы, Зомбарт заговорил о марксизме, как о «псевдо-социалистической» интернациональной, эгалитарной, плоской, механистической теории, которой следует противопоставить органический, практический, рационалистический, этический, национальный, государственный социализм ¹⁾.

Но вот в Германии нарождается и растет новая невиданная доселе революционная пролетарская сила в лице Германской Коммунистической Партии. По Европе прокатывается вслед за волной под'ема полоса реакции. В Италии фашисты захватывают власть. Германия переживает бурные годы национального унижения, перетасовки классов и партий, выхода на политическую сцену немецкого фашизма. хозяйственных судорог, частых революционных и контрреволюционных прыжков и, наконец, после месяцев жестокого страха, пережитого буржуазией, осенью 23 года — дауэсовскую стабилизацию и гинденбурговскую реакцию. В это самое время русские большевики отражают все атаки европейской реакции и развертывают свою творчески-созидательную деятельность по строительству социализма.

Всего этого было более чем достаточно для нашего идеолога, чтобы окончательно перевооружиться, бросить последние остатки жеманства и благородства по отношению к такой взрывчатой теории, как марксизм, прекратить свой долголетний флирт с историческим материализмом. Зомбарт решительно примкнул к лагерю антимарксистов.

Если в первый период он признавал марксизм за науку и отрицал лишь его политическую программу, то теперь он не видит в нем больше и тени какой-либо научной ценности.

¹⁾ „Grundlagen u. Kritik des Socialismus“. Bearbeitet von W. Sombart, Berlin. 1919. VIII—XII.

Если он вступил в ряды буржуазной профессуры, как ученый, кокетничавший своей аристократической отвлеченностью от политической злобы дня, то теперь он заговорил языком «Крейц Цейтунг». Если он начал с оппозиции к официальной профессуре, то кончил самым обыкновенным берлинским Geheimrat'ом. От аристократически-созерцательного научного эпикуреизма он переметнулся в лагерь теоретиков фашизма. Из салонного барского социалиста, из ученого мецената, покровительствовавшего марксизму, он превратился в одержимого бешеной классовой злобой реакционера. От Зомбарта больше не услышишь и двух слов о социализме без площадной ругани, клеветы и издевательства как по адресу марксизма, так и его основоположников, учеников и всего рабочего движения в целом. Чего только нет в его двухтомнике о пролетарском социализме! Все социалистические вожди, оказывается,—люди, «погрязшие в животной жизни, лишенные любви», это «деклассированные буржуа, неудачливые приват-доценты». Многие из них в молодости подверглись тюремному наказанию, выбиты из колеи и выброшены за борт приличного общества. Бывшие заключенные, внебрачные дети, евреи (их особенно много)—такова родословная социалистов. Социалисты—это мстительные звери. Типична в этом смысле «кровожадная, брызжущая ядом Роза Люксембург, над которой тяготеет бремя четырех факторов: она запятнана в Германии, как женщина, как иностранка, как еврейка и как калека»¹⁾. Сам Маркс—это воплощение ненависти, мстительности и жажды власти. Слепленный этими страстями, он никогда не в состоянии понять «реальные силы данного исторического момента». Семья Маркса «больна физически и духовно». Она — нездоровое порождение гетто.

Чем все это отличается от погромных, хулиганских, антисемитских, фашистских листов?

Но послушайте дальше! Марксизм, обвиненный в пошлом материализме, оказывается, не имеет ничего общего с немецким идеализмом. В нем нет и грана немецкого духа²⁾, потому что он неверующий, а немецкий народ религиозен³⁾ по самой своей сущности. Марксизм—еврейского происхождения. Он скорее всего порождение английского капитализма (Шпенглер). Наиболее «немецким» из социалистов был Прудон (!). Пролетарский социализм постулирует «анархию» (!) и оказывается «философией ремесленников» (!!).

Большевизм есть не что иное, как синтез Бакунина, Бланки и Маркса, синтез еврейского, татарского и славянского духа. Кровожадный большевизм идет под лозунгом «пусть буржуазная кровь течет ручьями!—Больше крови, как можно больше крови!»³⁾. Чека уничтожает сотнями тысяч (это пишется в 1924 году). Одних крестьян она уничтожила за первые три года диктатуры 815 тыс.

1) W. Sombart—„Der proletarische Socialismus“ I, 76.

2) W. Sombart. Там же, 81.

3) W. Sombart. Там же, II 469.

$\frac{2}{3}$ всех налогов Советской России поглощает Ком. Интернационал ¹⁾ и прочая чепуха.

Каковы вожди, какова теория,—таковы и массы. Пролетарские массы в огромном большинстве своем «были ничтожеством и ничтожеством остаются, ни к чему не способны и ничем не обладают». Таким же манером Зомбарт издевается над классовой борьбой, вызывающей все темные инстинкты масс, и над революцией, несущей с собою сплошную ненависть, разрушение, террор, страх, кровавые инстинкты.

Стоит ли продолжать этот бред взбесившегося буржуа? Эту жалкую пачкотню запуганного обывателя, придуманную для запугивания других обывателей?

Слепое бешенство Зомбарта так сильно, что он забывает все, что где-либо и когда-либо говорил о марксизме. Если раньше он ставил знак равенства между марксизмом и демократизмом, то теперь подлинным Марксом признается лишь революционный Маркс 47—48 года. Ненависть к марксизму приводит Зомбарта даже к правильной оценке ревизионизма. «Если,—говорит он,—люди вроде Жореса, Бернштейна, Макдональда, Каутского (то же «марксисты» (!) *И. А.*) признаются в приверженности к демократии, то тем самым они отрекаются от самых существенных принципов марксизма. И совершенно сбились с пути те теоретики социализма, которые парламентское правительство считают наилучшим» ²⁾.

Если вчера еще научный социализм доминировал по Зомбарту над утопическим и Маркс восхвалялся за свой научный реализм, то сегодня они друг другу противопоставляются, как светлый (утопический) и темный (научный), как оптимистический и пессимистический. Этот темный социализм и есть путь к власти ³⁾.

Не на шутку, как видите, запуган наш «ученый» красным призраком марксизма. Контр-революционная горячка парализует все духовные способности тайного советника Зомбарта. «Пролетарский социализм» превращается в сплошную lamentацию буржуа, теряющего социальную почву под ногами и спешащего, пока не поздно, вдоволь наиздеваться и надругаться над «марксистами». Он становится евангелием хулиганского антимарксизма, сборником всяких смехотворных вымыслов и грязных и наглых клевет на предмет использования его реакционерами и фашистами, энциклопедией всего, что когда-либо, где-либо и кем-либо сказано было против марксизма и социализма.

И надо добавить — эта-то книжка, восторженно встреченная буржуазией и в рядах германской социал-демократии, не вызвала особого возмущения. «Объективно» спокойная социал-демократическая

¹⁾ W. Sombart—„Der proletarische Socialismus“ I, 288.

²⁾ W. Sombart. Там же, 449.

³⁾ W. Sombart. Там же, II, 340.

критика не идет дальше некоторых жестов неудовольствия и нетерпения ¹⁾.

Уже в 1913 г. в III издании своего «Народного хозяйства в Германии XIX века» Зомбарт заговорил о юккере, как о природном вожде. Там же мы узнаем, что «феодальный класс подвержен непрекращающемуся процессу омоложения» ²⁾, что «союз сельских хозяев» есть внеклассовая организация, что прусская военщина, прусское чиновничество и прусская монархия—это факторы, наиболее благоприятствующие росту немецкой промышленности ³⁾. Зомбарт впадает также в ханжеский тон проповедника, бичующего преувеличенную погоню за наслаждениями и томящегося внутренней пустотой. Он жаждет идеальных движений души, которых он не находит в социал-демократии, увлеченной борьбой за материальные блага. Эти же реакционные нотки мы находим в статьях о России, появившихся перед войной и восхвалявших русскую барскую культуру.

В своем «Буржуа» (последнее издание 1923 г.) Зомбарт предупреждает об опасности, угрожающей «великану-капитализму» со стороны рабочего движения. Он советует не зевать и «ставить пожарные вадра в форме рабочего законодательства, законов о защите родины и т. п. и поручить обслуживание их хорошо организованной команде, чтобы она тушила пожар, который бросают в огороженные хижины нашей культуры» ⁴⁾. И меланхолически заключает: «быть может, великана тогда, когда он ослепнет, выдрессируют, чтобы тащить демократическую культурную тачку. А может быть, это и будут сумерки богов (т.-е. капитализма. И. А.). Золото будет возвращено Рейну. Кто знает?» ⁵⁾.

Но Зомбарт не останавливается и на этих позициях. Чем дальше, тем больше его симпатии склоняются к средневековью со всеми его категориями: церковью, государством, деревней, семьей, профессией!

Старый апологет капитализма утомлен миром одних лишь количественных оценок, механической работы, слепой безудержной погони за наживой, за внешним могуществом. Он с тревогой смотрит, как естественный живой мир превращается в развалины, как техника вытесняет человека из центра производственного процесса и из центра как хозяйственных, так и вообще культурных оценок ⁶⁾. От этой эпохи, «лишенной всякого истинного величия, отвратительной в эстетическом отношении и бесстыдной в нравственном», эпохи

1) Смотри рецензии на книжку Зомбарта Р. Михельса „Der Neue Sombart“, Archiv für Socialwiss. u. Socialpolitik, 1925 г.; К. Шмидта „Marx und Sombart“, Social-Monatsheft, 1925. 1 Heft; Краува „W. Sombart. Der profet. Socialismus“, Gesellschaft, 1925 г. № 7; Х. Нэйссера „Die Idee des Klassenkampfes“, Grundsätzliches zum Tageskampf; Festgabe für E. Bernstein „Breslauer Volkswacht“.

2) В. Зомбарт.— „Народное хозяйство Германии“ Моск. Раб. 1924 г. стр. 260.

3) Там же 62—68.

4) Зомбарт.— „Буржуа“, стр. 287.

5) Там же—288.

6) Там же—265.

электричества и радио, Зомбарт ищет спасения в мире средневековья. Там количество продукта не подавляет его качества, его художественности, его медленного органического созидания. Зомбарт сожалеет, что мир веры так brutally вытеснен миром знания¹⁾, а средневековое земледелие — современной индустрией²⁾. Средневековый индивидуум, по образному выражению Зомбарта, кажется ему так же «согретым и защищенным» в недрах семьи, «как зерно в скорлупе»³⁾. Узость социальных отношений средневековья, думает Зомбарт, как раз и есть источник его величия. Восторженный пафос в честь великана-капитализма сменяется тоской по помещицкому владению, по монархической феодальной власти. Может быть, это заиграла кровь сына богатого собственника рыцарского поместья⁴⁾.

Скорее же всего налицо постороннее влияние. Зомбарт, как это часто с ним в последнее время случается, подвергся очередному «нападению» неких «навешанных ему философских рефлексий». На этот раз он попал в плен той философской школы, которую Трельч называет философией жизни (Ницше, Дильтей, Бергсон, Рессель и др.) и в первую очередь под влияние Макса Шелера⁵⁾. Этот «католический Ницше» — певец индивидуализма, аристократии, авторитета, традиций, крайний апологет католической церкви, в которой он видит «естественный постулат разума».

В средневековьи Шелер находит центр истории, синтез церковного, германского и античного элемента, полную, действительную, нормальную культуру, в которой священник, монах, рыцарь, крестьянин и ремесленник гармонически сотрудничают. Космополитизму он противопоставляет божественную семью, отечество и сословие, социальной нивеллировке — нищенское преклонение перед силой и аристократией, типу современного буржуа — сеньоральный и крестьянский религиозно-консервативный тип. Мировая война — для него катастрофа мещанского духа. Из огня контр-революции он хочет выковать новую идеологию, как противоядие либерализму, протестантизму и рационализму, которые он идентифицирует.

Куда ведут религиозный нищенанизм, философское мракобесие Шелера, это мы увидим в дальнейшем. Сейчас же остановимся на докладе Зомбарта в Штуттгарте. В нем сильнее всего прорывается его новое, антимарксистское и национально-религиозное «мирочувствование». Он интересен также для уяснения того направления; по которому идет в настоящее время критика Марксовой теории классов.

1) W. Sombart — „Der proletar. Socialismus“ II, 223.

2) Там же I, 257.

3) Там же I, 488.

4) Отец Зомбарта, разбогатевший землемер, приобрел рыцарское поместье.

5) См. Troeltsch — Der Historismus und seine Probleme, 1922, стр. 612. В „Пролетарском социализме“ Зомбарт говорит: „Настоящее проваждение обявано во многом идеям этого (Шелера. II. А.) философа“. I. 431. В социологической хрестоматии, вышедшей ям 3 изданием в 1923 г., Зомбарт отдает все свои симпатии Шелеру, Шпанну, Шелеру и Максу Веберу.

IV. Критика Марксовой теории классовой борьбы

21-го сентября 1923 г. на генеральном собрании общества социальной политики в Штутгарте Зомбарт прочел доклад об идее «классовой борьбы»¹⁾. Он затронул следующие вопросы:

- 1) Относительная и абсолютная теория классовой борьбы.
- 2) Критика понятия классового интереса.
- 3) Критика теории о классовом характере государства.
- 4) «Метафизическая» и «этическая» критика теории классовой борьбы.

Разберем их по порядку:

1. Зомбарт различает относительную теорию классовой борьбы и абсолютную (Марксову). Относительная теория, опирающаяся на понятие интереса и власти, была создана просветителями XVII—XVIII веков (Спиноза, Гоббс, Мандевилль, французские просветители), английскими социологами XVIII века (Миллар, Фергюссон, А. Смит) и социалистами-утопистами и историками реставрации первой половины XIX века. Эта теория отличается своим естественным характером и является чем-то вроде «социального ньютонизма».

Зомбарт милостиво допускает подобную относительную теорию, но с тем большей энергией обрушивается на абсолютную теорию. «Доказав», что все элементы Марксовой теории классов даны до Маркса, Зомбарт принимается за свои «поправки»²⁾.

Во-первых, Маркс «абсолютизировал» теорию классов просветителей, т.-е. превратил ее в абсолютную догму, в единственный метод объяснения всех общественных явлений.

Во-вторых, Маркс придал ей этический характер. Можно, говорит Зомбарт, признавать разделение общества на классы, но классовое господство называть классовой эксплуатацией — это значит вызывать этическое возмущение³⁾. Против такой опасной этики Зомбарт, вообще признающий этические оценки, здесь горячо протестует.

Наконец, 3-е Марксово искажение — это «мифологизация» классовой борьбы.

Марксизм распространяет зловерные сказки о борьбе между пролетариатом и буржуазией, как о последней борьбе, о предстоящем скачке в царство свободы и пр. и пр. В этой борьбе пролетариат как бы возвышается до уровня героя⁴⁾.

Зомбарта сильно раздражает все то, что делает теорию «классовой борьбы» революционной, что превращает ее в теорию

¹⁾ W. Sombart—„Die Idee des Klassenkampfes“. Schmollers Jahrbuch, 1924.

²⁾ Этот не новый выпад, сводящий Марксову теорию к его предшественникам, по Зомбарту, к Миллару, который будто бы раньше и лучше Маркса формулировал теорию классовой борьбы, был уже в свое время со всей решительностью опровергнут Рязановым (в 1-м томе „Архива“ Маркса и Энгельса, стр. 197). „Ком. манифест.—заявляет Зомбарт.—не содержит, как мы сегодня знаем, ни одной новой идеи“ („Der prol. Sozialismus“ II, 328).

³⁾ W. Sombart—„Die Idee...“.

⁴⁾ W. Sombart. Там же.

угнетенных, что вызывает в пролетарской армии воодушевление и надежду. Абсолютная теория классов — это теория, организующая массы к революционному действию, относительная — это теория, никому не мешающая, сохраняющая все в старом состоянии, отвергающая малейшее подозрение какой-либо преступной связи с социализмом.

Охарактеризовав подобным образом обе теории, пощекотав классовые инстинкты своей профессорской аудитории, Зомбарт считает свое дело «научной критики» законченным. И все-таки ему тут же приходится сознаться, что именно эта ненаучная теория Маркса, а не его относительная теория, сыграла и пока еще играет всемирно-историческую роль. Чем же это объяснить?

Эта теория, цинично заявляет Зомбарт, пользуется успехом потому, что она стала «клоакой, в которую стекала вся душевная нечисть целого ряда поколений... Все отрицательные аффекты, аффекты ненависти, все ощущения зависти, пошлости и проч. нашли здесь приют»¹⁾. Все эти отрицательные аффекты именно этой теорией впервые и вызваны.

Пусть читатель сам судит в состоянии какого рода аффекта находился наш автор, изрыгая эти замечательные строки нищенской мудрости.

2. Особое внимание Зомбарт уделяет «анализу» понятия классового интереса.

Во-первых, что такое класс с точки зрения относительной теории? Это — «естественное образование, агрегат индивидов»²⁾.

Исходя из такого «высоконаучного» определения, нетрудно уже затем вывести конкретное разнообразие классовых интересов. Здесь, как и в определении класса, Зомбарт занимается фокусничеством. Отняв у интереса всю его сущность, оскотив его, он затем выдает ему милостиво паспорт на право жительства.

В действительности, если класс есть сумма индивидуальных, эмпирических интересов и ничего больше, то и классовый интерес может быть лишь индивидуальным интересом, т.-е. он, как классовый интерес, пропадает, а вместе с этим пропадает и всякая возможность какого-либо единства интересов внутри одного класса. «Классовое положение, — говорит Зомбарт, — в каждом классе и также в классе пролетариата так необыкновенно разнообразно, что из этого эмпирического классового положения нельзя вывести и нельзя сконструировать никакого единства и никакой однозначности»³⁾. В другом месте Зомбарт перечисляет различия, наблюдаемые в среде пролетариата. Он говорит о различиях национальных, расовых, профессиональных, о различиях темперамента, пола, возраста, характера,

1) W. Sombart — „Die Idee des Klassenkampfes“, стр. 27.

2) Там же, стр. 29.

3) Там же.

воспитания, о различиях, связанных с домашними условиями (семейные, многосемейные, бессемейные) и проч. и проч.¹⁾.

Этот «анализ» приводит его к утешительному выводу о росте дифференциации интересов и о том, что хотя «классовое положение пролетариата и представляет благодарную питательную среду для действия социалистических бацилл», но что такая зараза вовсе не обязательна²⁾, что ее можно предотвратить.

Что может быть понятнее и ближе сердцу буржуазного профессора и к тому же заядлого индивидуалиста и поборника «буржуазных свобод», как представление о многообразии классовых интересов? Что важнее для буржуазного идеолога, как доказательство противоречивости интересов отдельных слоев рабочего класса, а значит и невозможности их единства?

Классовый интерес, в силу своей разнородности и неопределенности, не может вызвать к жизни единой политической программы, а тем более—единого цельного мирозерцания. Наоборот—только из единства программы можно вывести единство настроения. «Таким образом, не программа какой-либо партии является выражением единых интересов, а то, что мы рассматриваем, как единство классовых интересов, вытекает из единства программы». Этой парой строк Зомбарт покушается на реальную значимость всей марксистской теории и программы, всего теоретического опыта рабочего движения последних 80 лет. Задрапировавшись в тогу строгого эмпирика, опираясь, будто бы, на одни реальные факты, он объявляет всякие разговоры о классовом единстве, о программно-идеологическом единстве, о партийном единстве плодом разгоряченной фантазии марксистов.

Стоит ли опровергать эту макулатуру? Стоит ли доказывать, что марксизм—не чисто эмпирическая наука, что его метод—не суммирование отдельных эмпирических фактов, отдельных случайных интересов, что он, хотя и исходит из фактов, но рассматривает их с точки зрения тех общих законов, которые за ними скрываются? Зомбарт, как некогда русские экономисты, как теперь ревизионисты, не понимает диалектической связи между индивидуальным (цеховым, групповым и т. д.) и классовым интересом, перерастания одного в другой. Из отдельных или групповых отклонений от интернационального интереса пролетариата (напр.; политики германской соц.-демократии) он выводит, как всякий мещанин, общее правило. Из неоднородности класса он приходит к заключению о необходимости ликвидации понятия о едином классе. Эту ликвидацию он мыслит себе, конечно, в первую очередь, как ликвидацию особой пролетарской партии.

А что скрывается за этими индивидуальными групповыми колебаниями, куда идет в конечном счете рабочий класс в целом? Не ведет ли классовая борьба к изживанию внутриклассовой

1) W. Sombart—„Der prof. Socialismus“, II. 109.

2) Там же, II, 132.

неоднородности? Стоит так поставить вопрос, чтобы понять всю безграмотность зомбартовской критики.

Чтобы скомпрометировать страшную для буржуазии правду о едином классовом интересе, приходится прибегать к методу вульгарного эмпиризма вроде домарксовской или даже доклассической политической экономии, которая дальше рыночных явлений, дальше случайных колебаний цен не шла. Как теория стоимости определяет рыночные явления, так теория классового интереса определяет индивидуальные и групповые интересы. Зомбарту приятно констатировать разнородность интересов внутри пролетариата, но он слеп на проявления реально-материального его единства, единства в борьбе, в победах и в поражениях. Поэтому он не видит единства интересов угнетенных классов во время революции. Он не видит, как под лозунгами борьбы за мир, за землю, за производство единство это привело пролетариат к захвату власти в октябре 1917 г. в России и теперь объединяет его в деле социалистического строительства. Все это он обходит молчанием. Символом же нашей революции он считает русского крестьянина, который «своровал» у помещика землю.

3. В порядке тех же «эмпирических» опровержений Зомбарт пытается доказать неверность марксистских представлений о политическом господстве, как о форме классового господства. Признавая, что классовые интересы оказывают на структуру общества известное влияние, Зомбарт заявляет: «Неверно однако, что всегда господствующий класс был и есть экономически сильным классом ¹⁾. Взяв в качестве иллюстрации своего положения «18 Брюмера» Маркса, он пытается доказать, что здесь Маркс запутался (!). В революции 48-го года буржуазия — класс, экономически господствующий, — отдает, однако, власть посторонним элементам: Бонапарту, чиновничеству, монархистам. Таким образом, политическое господство, в данном случае экономически, якобы ничем не обусловлено.

Разберемся подробнее в этих обвинениях.

Во-первых, пару слов о самой постановке вопроса, об отношении между экономикой и политикой, т. е. о классовом характере государства.

Революционный марксизм никогда это отношение не изображал упрощенно-механически. Мы знаем хорошо, что французский абсолютизм XVIII века был известной сделкой между дворянским государством и растущим экономически торговым капиталом. Мы знаем, что это экономическое завоевание Франции лишь в известный момент высшего напряжения сословных противоречий реализовалось политически. То же самое мы имели и в России в эпоху русского самодержавия, как до, так и после 1905 года. Оставаясь в основном помещичьим, царское правительство, особенно после 1905 г., шло на все большее соглашение с верхушкой торговой и промышленной буржуазии. Русский абсолютизм лавировал между крепостниками-землеладельцами и представителями капитала. Это лавирование, отражая

¹⁾ W. Sombart —, „Die Idee...“, 30.

известное сближение, сращение интересов этих классов, не означало однако еще эволюционного перехода к буржуазному строю¹⁾. Лишь февраль 1917 г., изменил социальную надстройку. Не совсем просто было дело и в дореволюционной Германии, где крупная буржуазия господствовала руками помещичьего класса.

Во всех этих примерах политическая власть оформлялась лишь долго спустя после фактической экономической победы буржуазии.

Во всех этих случаях мы имеем известную относительную самостоятельность государственной власти, известное относительное равновесие имущих классов, осуществляемое при помощи государства. Но это равновесие мы рассматриваем не как выражение гармонии интересов, осуществляемой надклассовым государством, а лишь как следствие известного равновесия классовых сил и вытекающего отсюда известного компромисса между ними. Отсюда до буржуазной и мелкобуржуазной идеи государства, как выразителя интересов всего общества — целая пропасть.

Итак, политика не есть простое, непосредственное, немедленное отражение экономики господствующего класса. Государственная Советская власть в России, являясь по существу выражением диктатуры пролетариата, не означает, однако, защиты одних лишь «чистых» интересов господствующего класса. Она также защищает интересы крестьянства. Ибо нет чистых классовых интересов. Компромисс с интересами крестьянства входит в правильно понятие классовые интересы пролетариата. Только согласуя свои интересы с интересами крестьянства, пролетариат может сохранить власть. И это относится, в первую очередь, к такой аграрной стране, как Россия. Постепенно привлекая к себе, поднимая до себя крестьянство, шаг за шагом уничтожая мелкое товарное хозяйство, пролетариат сможет приближаться к социализму, сможет в конечном счете эти особые крестьянские интересы уничтожить, сможет крестьянство переделать на социалистический лад.

Итак, экономика господствующего класса очень часто лишь окольным путем, лишь в общем и целом, лишь в конечном счете диктует ему его политику. Для осуществления своих экономических задач, для построения социализма пролетариат должен совершить некий исторический разбег. Этот разбег, окрещенный нами энпом, и определяет всю диалектику взаимоотношений между экономикой и политикой в условиях нашего социального уклада.

Конечно, компромисс интересов между различными классами возможен не всегда и не везде. В нашем Союзе он возможен и желателен потому, что между пролетариатом и основной массой крестьянства нет принципиальных противоречий, т.-е. таких противоречий, которые вообще неразрешимы; потому, что интересы пролетариата и крестьянства, в конечном счете, совпадают.

¹⁾ См. резолюцию декабрьской конференции большевиков 1906 г. о текущем моменте, РКП в резолюциях, 2 изд., стр. 72—73.

Вообще же он возможен или между классами революционными или контр-революционными, между классами имущими, с одной стороны, и классами неимущими—с другой.

Это ограничение необходимо установить на тот случай, если бы наши социал-демократические противники пожелали применить классовое сотрудничество и классовые компромиссы в своих «капиталистических отечествах», ссылаясь при этом на советский опыт.

Имеющееся у нас принципиальное отличие социальных укладов и основных классов запрещает механически переносить нашу практику социальных компромиссов на другие общественные системы. Но сама форма взаимоотношений между государством и экономически господствующим классом, в данном случае пролетариатом, и в этом примере подтверждает наше общее положение о диалектическом характере этих отношений. Здесь, как и в предыдущих примерах, подтверждается сложность отношений между экономикой и политикой, между базисом и надстройкой. Но здесь также подтверждается неизбежность того общего закона о классовом характере государства, в пределах которого они происходят.

А теперь перейдем к примеру Зомбарта.

Во Франции в 48 г. промышленная буржуазия еще слаба. Ее классовый интерес недостаточно еще выявлен и оформлен. В ее среде господствуют еще пока групповые интересы, интересы котерии (как, напр., буржуазные республиканцы Националя)—эти низшие зачаточные формы классовых интересов. Классовая задача буржуазии состояла в вытеснении стоявшего у власти блока между монархией и финансовой буржуазией. Это можно было сделать лишь в союзе с низшими классами. Однако февраль, а затем июнь 48 г. показал, что союзники промышленной буржуазии сами борются за свои собственные антибуржуазные интересы. Вот эти-то два факта: собственная слабость буржуазии и выход на самостоятельную политическую сцену рабочего класса и последовавшее затем его поражение и привели к диктатуре Наполеона.

Маркс показал, что изолированная борьба между верхними слоями буржуазии, начавшаяся после июньской бойни, не в состоянии привести к передвижке власти; что единственное, действительное, коренное противоречие капиталистического общества есть противоречие между буржуазией и пролетариатом; что, следовательно, поражение рабочих в июне 48 года предопределило весь дальнейший ход событий, привело революцию как бы к ее исходному пункту, т.-е. к господству финансовой буржуазии. История, сделав круг, возвратилась на свое первоначальное место. Получилось то, что Гегель назвал бы «дурной бесконечностью», если категория эта вообще применима к истории, в абсолютном смысле слова никогда, конечно, не повторяющейся.

Наполеон использовал слабость буржуазии, терзающие ее внутренние и внешние противоречия, ее страх перед красной опасностью, нерешительность и несамостоятельность мелкой буржуазии.

Опираясь на деклассированные элементы всех классов и на их взаимную ненависть, на реакционное крестьянство и его старые наполеоновские традиции, на чиновничество и его страх перед утерей своих мест, Наполеон захватил власть. Таким образом он «дисконтировал» страх имущих классов.

Значит ли это, что власть Наполеона была антибуржуазной властью, что она появилась не по экономическим причинам и вопреки им, как этого хочется Зомбарту? Ничуть. Это лишь значит, что финансовая буржуазия возвратила себе власть не собственными руками, а руками других классов, руками Бонапарта — «представителя династии крестьян и его банд». Клика финансистов, вызвавшая в феврале 48 г. революционное возмущение всех классов, возвратилась к власти в декабре 1851 г., переодетая в эффектный наполеоновский мундир, умудренная опытом революции и контр-революции, вооруженная ядом социальной демагогии, вдохновленная эпохой промышленного под'ема, начавшегося после революции.

Если в начале великой французской революции власть досталась буржуазии при помощи мелкой буржуазии и в союзе с нею, то в 48 ч. власть эта была спасена и восстановлена как-будто за плечами крупной буржуазии, и как-будто вопреки ей. Отсюда кажущаяся нелепость, когда парламентские представители буржуазии в учредительном собрании, от которых она сама отказывается, перестают ее представлять. «Буржуазия, — говорит Маркс, — спасовала перед солдатами с такой беспомощностью, что впоследствии Бонапарт, разоружая ее национальную гвардию, выставил следующий иронический мотив: он боится, что национальные гвардейцы буржуазии, под влиянием монархистов, злоупотребят своим оружием против буржуазии».

Наполеоновская власть должна была сама стать буржуазной властью, несмотря на всю экстравагантность ее зарождения. В данном переплете и при данном соотношении классовых сил наполеоновское *coup d'état*, опирающееся на реакционное крестьянство, было для буржуазии лучшим выходом из положения. Наполеон лучше какой-либо из буржуазных группировок мог выполнить роль третьей стороны, уравнивающей противоречивые тенденции, боровшиеся в самой буржуазии. Надклассовая оболочка наполеоновской власти скрывала власть имущих классов, власть буржуазии и, в первую очередь, финансовой буржуазии. «Бонапарту, — пишет Маркс, — хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать что-либо одному классу, не отнимая у другого».

Итак, 18 брюмера не было случайностью. Что случайной здесь была сама фигура Наполеона, что все его личные качества в этих событиях играли лишь ничтожную роль, что захват власти с неизбежностью естественного закона подготовлялся всем ходом событий, что, следовательно, перед нами разительный пример, подтверждающий правильность материалистического взгляда на историю, — этому учит весь гениальный анализ Маркса.

Кавалерийский набег Наполеона на революционную буржуазию 48 г. оказался простой комедией. Наполеоновские солдаты, стрелявшие в окна мирных буржуа и разгонявшие деятелей Националя, все же оставались сторожами буржуазной собственности и буржуазной власти.

Зомбарт утверждает, что бонапартизм есть или независимое от буржуазии правительство или же он представляет особый класс, класс армейско-чиновничьей бюрократии.

Так ставит вопрос о власти Зомбарт.

В обоих случаях марксизм оказывается «посрамленным».

Мы показали несостоятельность первого предположения. Вторая возможность имеет перед собой, как будто, известные основания.

Маркс в «18 брюмера» очень красочно говорит об особых интересах тех деклассированных банд и чиновничье-военных слоев, при помощи которых Наполеон совершил свой переворот.

Имело ли «правительство приказчиков» свои особые экономические, а значит—и политические интересы?

Конечно, имело. Банды «общества 10 декабря», совершившие переворот, обошлись буржуазии в немалую копейку. Будучи призваны для защиты денежного мешка буржуазии, они начали свою охранную миссию с ограбления этого мешка. Это были неизбежные «накладные» расходы контр-революции. Но и после совершения переворота банды эти, как и облепившие Наполеона чиновничество и офицерство, потребовали участия, и немалого, в дележе государственного пирога.

Таким образом у этого слоя создавалась естественная тяга к экономическому обособлению, а это в свою очередь способствовало известной государственной независимости бонапартизма, как это мы уже наблюдали у французского абсолютизма XVIII века и у царизма XIX века. Но эта эмансипация от классового базиса имеет свою меру и весь вопрос как раз в уловлении этой меры. Когда Наполеон III, кокетничая со всеми классами вплоть до пролетариата, пытался в эпоху II империи слишком эмансипироваться от реальных интересов буржуазии, вести слишком независимую от нее политику, когда он в своем реакционно-бюрократическом отчуждении слишком зарвался— он получил по шапке. Переворот 4-го сентября 1870 г. был материальным подтверждением Марксовой теории о классовом характере государства. 4 сентября—это реальный, столь милый вашему сердцу, господин Зомбарт, «факт», бьющий по идее надклассового, надэкономического государства.

Итак, если кто-либо с 18 брюмера и его толкованием и «запутался», если кто-либо «влопался», то это был, во всяком случае, не Маркс. Нехватка логики и, в первую очередь, диалектической логики обнаружилась у кого-то другого. Оно и понятно. Мы имеем дело с человеком, столь переполнившимся чувством любви к богу и к людям и возмущением к социалистическим «коммуноязерам», разводящим идеи классовой ненависти и мести, что на большее, на разумное истолкование Маркса, его не хватило. Это, конечно, выгодно

отличает Зомбарта от евреев — этих рассадников рационалистической заразы. Но, вместе с тем, эта его aberrация в сторону аффектов лишает нас всякой возможности избрать Зомбарта комментатором чего-либо, имеющего хоть какое-либо отношение к Марксу.

Мы чувствуем, что подобное биологически-физиологическое объяснение казуса с зомбартовским 18-м брюмера может быть нам поставлено на вид, как отступление от метода диалектического материализма. Но на этот раз при оценке логических способностей Зомбарта, мы все же отважились применить его метод.

Таковы зомбартовские «поправки» к Марксовой теории классовой борьбы, относящиеся к области «фактов», «логики», «науки».

По существу они не представляют ничего нового. Здесь, как и везде, зомбартовская критика является лишь компиляцией всего того, что было до него сказано против марксизма буржуазными и мелкобуржуазными ревизионистскими критиками. Что классовая борьба бессильна все объяснить, что Маркс прикрашивает ее этическими, «антиэксплуатационными», «агитационными», «ненаучными» лозунгами, что идея об освободительной роли пролетариата есть не более как миф, что пролетарские интересы не представляют никакого единства и друг другу противоречат, что государство есть вечная, надклассовая теория и пр. и пр., обо всем этом давно уже нам поют все эти Хаммахеры, Массарики, Туган-Барановские, Бернштейны, Куновы и прочие «толкователи» марксизма.

4. Остается выслушать доводы Зомбарта от метафизики и этики.

Теория Маркса упускает тот основной факт «что в человеческом существе содержатся и действуют два мира: мир природы и мир духа; она забывает, что духовное, идеальное (ideenhafte) имеет самостоятельное существование. Глупо предполагать, что все духовное можно свести к психическому и даже к физическому; духовное имеет свое неразтворимое, самостоятельное значение в мире» ¹⁾.

В дальнейшем это духовное, понимаемое Зомбартом не только как надфизическое, но и как надпсихическое, оказывается источником всех человеческих поступков, принципом свободы.

История не есть больше процесс,двигаемый одними лишь естественными инстинктами масс, «а борьба между духовным и материальным. Естественное (das Naturhafte) находит себе выражение в слепых массах, и история есть не что иное, как непрерывное стремление это естественное преодолеть и одухотворить» ²⁾.

Мы недавно слышали, что «теория классовой борьбы в ее революционной форме опирается на метафизику и этот ее метафизический базис гнилой» ³⁾. А теперь, вместо этой «гнилой» теории, нам преподносят метафизический дуализм и идеализм в самом его реакционном, нищезанском издании: мертвой массы и борющегося с ней духа.

¹⁾ W. Sombart—„Die Idee“... 32.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, 31.

Не свежее, не оригинальнее «этическая» критика Зомбарта. Она сводится к ряду отборных ругательств по адресу марксизма.

Революционная теория классов, во-первых, вульгарна, ибо она сводит всякое человеческое действие к «свинским» побуждениям. Во-вторых, она, видите ли, опасна для «духовной жизни масс», поскольку вызывает ненависть и «выносит на поверхность всю греховную нечисть». В-третьих,—самое важное Зомбарт приберегает под конец,—она «в высшей степени опасна политически, потому что она мешает процветанию мирных об'единений». Под мирными об'единениями Зомбарт понимает церковь, семью, профессию и народ, т.е. нацию и государство. Эти-то «идеальные» об'единения он противопоставляет «разрушительному действию классов».

В «Пролетарском социализме» мысль эту Зомбарт формулирует еще откровеннее и наглее. «Теория классовой борьбы—говорит он,—дает им (верующим социалистам. И. А.) возможность найти выход... всем отрицательным аффектам против королей и попов, военных и предпринимателей, против государства и отечества, против всего высокого и великого и накладывает на них отпечаток лжи и подлости, ибо тащит все в болото низменных экономических интересов»¹⁾.

Как же бороться с этой зловерной, революционной теорией классов?

Зомбарт советует читателю отказаться от мысли, что эта теория может быть кому-либо навязана в каком либо принудительном порядке. Никакой естественной закономерности в истории нет, и ничто не стесняет нашей свободной воли. А если так, то надо бороться. Но эта борьба с марксистской теорией классовой борьбы не может вестись научными средствами. Ибо из марксистской теории давно уже улетел всякий дух научности. Она превратилась в догму, в веру, а ее сторонники глухи к критике, исходящей из другого лагеря, и верят лишь в свою классовую логику. «И поэтому я мало надеюсь на успех в деле научного опровержения решительных сторонников теории классовой борьбы»²⁾. И за это спасибо. Что же остается? «Вере надо противопоставить веру,—торжественно заявляет Зомбарт,—или, если хотите, суеверию—действительную веру». Только верой в бога мы в конечном счете одолеем «из безбожности рожденную классовую точку зрения». Бог, воплощенный, конечно, в сильных личностях, призван спасти общество от марксистской заразы. Союзниками в этой борьбе будут старые религиозные национальные чувства, переживающие в настоящее время полосу возрождения в немецком народе.

Итак, разумная критика должна уступить место неразумному действию

¹⁾ Разрядка ваша. Сравни Бернштейна „Idee und Interessen der Geschichte“ Ethos—1925 Heft, 68—80. „Человечество обвиняю бы,—говорит он,—если бы руководилось одними голыми материальными интересами“.

²⁾ W. Sombart — „Die Idee“, 34.

Бороться, каждое мгновение посвящать борьбе, не слепой борьбе инстинктов, как это учит теория классово́й борьбы, но борьбе в свете идеала, «борьбе, если хотите, против масс»¹⁾—этим воинственным призывом Зомбарт кончает свой доклад. Этаким миссионерской пошленькой проповедью любви и высоких идеалов, этим христиански-ханжеским иезуитизмом Зомбарт пытается прикрасить свои реакционные построения. Фальшиво примазываясь к «относительной» теории классов, он, по существу, не оставляет места для какой бы то ни было теории классов.

Религиозно-национальный поход против восстающих, революционизирующихся в процессе классовых столкновений масс—такое то новое фашистское credo, которым кончает когда-то «околомарксист» Зомбарт.

У. Зомбарт и фашизм

Переживаемая нами эпоха характеризуется стремлением двух основных классов буржуазного общества в сторону диктатуры.

Высшими точками этого движения являются Советская власть в России и фашистская власть в Италии. Фашизм есть высшая, наиболее заостренная форма буржуазной диктатуры. Это—«классическая форма контр-революции в период развала капиталистического строя и пролетарской революции»²⁾.

Основная социальная особенность фашизма, это—диктатура крупной буржуазии, опирающаяся на широкие массы мелкой буржуазии. Основная организационная особенность его это—антипарламентаризм и политика насилия.

Фашизм появляется в периоды наибольшей опасности, угрожающей буржуазной власти, когда старые, «законные» средства и силы буржуазного государства оказываются уже недостаточными, когда лавине пролетарских восстаний нужно противопоставить блок со всеми классами и всеми группировками,³⁾. Фашизм, это—«превентивная контр-революция» (Фабри).

¹⁾ W. Sombart. „Die Idee“, 35.

²⁾ Из резолюции V Конгресса Коминтерна о фашизме. Стеногр. отчет V Конгр., часть 2-ая, стр. 121.

³⁾ С.-А. С. Ш., как наиболее устойчивое и сильное буржуазное государство, пользуется поэтому фашизмом лишь эпизодически, в форме скорее „полицейского фашизма“, служащего целям устранения и терроризирования рабочих в их повседневной классовой борьбе, чем—борьбы за спасение самого строя. Буржуазия С. Ш. тем менее нуждается в фашистской диктатуре, что Ам. Фед. Труда вяла на себя ответственный подряд по разложению, расслаблению в обуржуазинанию раб. класса и успевает в этом деле, нужно признать, не плохо. По отношению к Европе правительство С. Шт. также ведет политику поддержки легальных, парламентских правительств. Фашистскую диктатуру оно считает слишком опасной, рискованной, дорогой затеей... Стремясь к экономической и политической стабилизации Киросы, боясь за свои европейские капиталы и проценты, оно, во всяком случае в настоящее время, европейского фашизма не поддерживает. Таким образом дальнейшие судьбы европейского фашизма тесно связаны с политикой Америки и с проблемой стабилизации европейского капитализма. Само собой разумеется, что это не помешает С.-А. С. Ш. поддержать фашистский переворот и любой буржуазной стране, которой будет угрожать пролетарская диктатура.

Нужно спасти буржуазную власть, во что бы то ни стало. А для этого требуется мобилизация решительно всего. Подкупом, обманом и насилием буржуазия вербует и мобилизует для своей защиты, а затем и для наступления все шатающиеся, все обедневшие и потерявшие социальное равновесие в эпоху войн и революций слои населения. Это, в первую очередь,—средняя и мелкая буржуазия, наиболее во время войны и в послевоенный инфляционный период материально пострадавшая. Это—выбитые из колеи, разочарованные меньшевистским социализмом, отчаявшиеся в будущем отряды рабочих. Это—потерявшие квалификацию кадры демобилизованных. Это—потерявшие заработок и вместе с ним идейную устойчивость массы интеллигентов. Это—деморализованные и разложившиеся части и остатки всех классов и профессий.

Оставаясь в основе своей формой диктатуры крупной буржуазии, опирающейся, в первую очередь, на мелкую буржуазию, фашизм может также пропитываться и помещичьими настроениями и интересами, особенно там, где аграрная буржуазия, как, напр., в Пруссии или Баварии, еще сильна. И, наоборот, он принимает агрессивную, антипомещичью физиономию там, где промышленная буржуазия главенствует.

Являясь наиболее решительной, сверх-ординарной формой буржуазной диктатуры, фашизм, естественно, должен отбросить оказавшиеся недостаточными средства парламентаризма и перейти на сторону насильственных форм господства и расправы с восстающими классами и со всякой оппозицией. Это особенно легко ему сделать в странах с сильно развитым синдикалистским движением, где рабочие и мелкая буржуазия окончательно разочарованы парламентаризмом, где парламентаризм окончательно выродился.

Единоличная военная диктатура, цезаризм и бонапартизм, воспетые Шпенглером и осуществленные Муссолини, «безформенное» насилие, разрешающее все социальные проблемы—таков высший политический идеал воинствующего фашизма. Но эта диктатура возможна лишь через полное овладение государственным аппаратом, через превращение его в орудие партийной политики.

Фашистское государство—таково главное материальное оружие этой единоличной диктатуры. Основным же идейным оружием фашизма является принципиальная и последовательно проводимая демагогия, служащая целям мобилизации и привлечения мелкобуржуазных масс, попадающих на удочку «революционных» лозунгов.

Перед фашизмом стоят две основных задачи: возможно большее сплочение всех буржуазных и мелкобуржуазных классов и возможно большее разоружение и разложение и материальное и идейное пролетариата. Ради этого сплочения выдвигаются идеи нации и государства. Перед «общенациональными интересами» должны склониться общественные классы, во имя их нужно отказаться от принципов равенства и свободы и заменить их принципами иерархии, авторитета и общественной дисциплины.

Разложение пролетариата идет по линии террора и разгрома его профессиональных и революционных организаций и по линии борьбы с марксизмом и, в первую очередь, с теорией классовой борьбы.

Классовая борьба об'является вреднейшим заблуждением, «возвращением к варварскому семитическому примитивизму».

Классовой борьбе противопоставляется классовый мир, а интернациональной солидарности пролетариата—идеи национальной войны, национальной экспансии, а в странах побежденных — национально-го реванша. Отсюда особое внимание, уделяемое фашистскими идеологами проблемам иностранной политики¹⁾, отсюда их постоянное подчеркивание воинствующего империализма, отсюда—лозунг Муссолини о «Великой Италии».

Все эти лозунги, конечно, имеются уже в более или менее смягченном виде во всякой буржуазной программе. Фашизм по существу не имеет никаких особых экономических и политических идей. Он подчеркивает лишь с большей силой некоторые из давно существующих. Его отличительная черта—не новые теории и не новые программы, как бы он ни пыжился их сочинять²⁾, а лишь новые средства и меры борьбы: государственный аппарат, обслуживающий интересы партии, централизованная и милитаризованная партия и командуемые ими слои мелкой буржуазии, а часто и рабочих.

В наиболее напряженные моменты классовой борьбы и социального возбуждения, когда нужно перехватить и возглавить стихийное движение масс, привлечь к себе их симпатии, обмануть их, фашизм выступает с чрезвычайно радикальными, чуть ли не революционными лозунгами и требованиями, доходя до антикапитализма, до требования борьбы с ростовщичеством и эксплуатацией и решительных социальных реформ, вроде 8 часового рабочего дня, широкого социального страхования, ограничения прав духовенства и проч., и проч.

В Германии фашизм, в первую очередь, спекулирует на патриотизме обездоленных войною и финансовыми спекуляциями масс, на разжигании антисемитизма и национального шовинизма (нетерпимая политика к национальным меньшинствам), на разочаровании масс меньшевитским социализмом.

Программа критики и отрицания обычно превалирует у него над положительной программой. При помощи теоретического эклектизма и демагогии фашизм пытается замаскировать, запрятать тот конгло-

1) См., напр., Fr. Lenz, „Der Staat und Marxismus“.

2) Итальянский фашизм в эпоху своей организации (1920) выдвигал лишь 3 практических цели: 1) уничтожение классовой борьбы и революционных элементов пролетариата, готовивших социальный переворот; 2) борьба с пролетариатом и преодоление его силой личной диктатуры и 3) защита интересов собственности. После своей победы фашизм естественно начал искать себе теоретиков, обростать „теорией“. Муссолини возродил некоторые идеи своих бывших университетских учителей, экономистов М. Пантелони и В. Парето, а также итальянского философа и государственника Джоберти (1801—1852). Сравни E. Tatarin - Tarnheyden „Bolschewismus und Fascismus in ihrer Staatsrechtlichen Bedeutung“, Zeitschrift für die Ges. Staatswissenschaft 1925. 1 Heft, стр. 29—30.

мерат социальных интересов, который уместается в рамках этой организации. Раз клюнувшие на эту удочку мелкобуржуазные и рабочие массы фашизм затем удерживает, муштрует и пускает в бой, пользуясь аппаратом своей централизованной партии, давлением строжайшей дисциплины, наваливаясь на них всей силой и убеждения и принуждения.

Если довольно трудно говорить о какой-то особой идеологии фашизма, то можно все же прощупать в нем известную систему умонастроений, чувствований, устремлений. С этой точки зрения фашизм есть идеология непосредственного, решительного, неразумного действия. Поэтому его влечет ко всем философским течениям, выдвигающим чувственную, инстинктивную, интуитивную, иррациональную жизнь¹). Он настроен в пользу волюнтаризма и спиритуализма.

«Фашизм являет собою моральное возмущение нынешнего поколения против вырождающегося материализма». Борьба с материализмом, марксизмом, рационализмом, естественно, дополняется защитой религии, этого сильнейшего добавочного средства давления на массы, что, конечно, не мешает в нужные моменты выдвигать антирелигиозные лозунги.

Фашизм есть форма буржуазной диктатуры в эпоху империализма и социалистической революции. Эпоха эта складывается из ряда политических подъемов и реакций, из революционных бурь и полос относительной стабилизации. И, в зависимости от политического момента, фашизм может принимать ту или иную форму. Он становится более воинственным, непримиримым, диктаторским, антипарламентским, террористическим или же, под влиянием некоторых слоев буржуазии и мелкой буржуазии, он может временами, как бы, свертываться, прятаться, пятиться назад, к буржуазной демократии, перестраиваться в большую консервативную реакционную партию, объединяться с обычными националистскими течениями.

В такие моменты неопытному глазу может показаться, что фашизм, в силу раздирающих его социальных противоречий, в силу невозможности примирить непримиримое, т.-е. примирить противоречивые классовые интересы, интересы крупной и мелкой буржуазии и пролетарских масс, находится накануне своего окончательного краха.

1) С.-демократический „теоретик“ фашизма Карл Ландауэр, игнорируя социальный базис и социальные функции фашизма, сосредотачивает все свое ученое внимание лишь на иррационализме фашизма, на его ненависти к интеллекту. Отсюда жалкий вывод, что „не какие-либо политические случайности“, а только возрождение рационализма способно низвергнуть фашизм и спасти демократию (K. Landauer, „Zum Niedergang des Fascismus“—Die Gesellschaft, August 1925, № 8, стр. 164—168). Эта надклассовая—„идеологическая“ точка зрения господствует среди буржуазных ученых. Она приводит их к дешевым аналогиям между большевизмом и фашизмом. Сравни цитированную статью E. Tatarin-Tornheyden о большевизме и фашизме.

Не многим лучше определение, данное вчерашним „социалистом“ Р. Михельсом: „фашизм, говорят он, это—партия интеллигентов-фронтвиков“ (R. Michels, „Socialismus und Fascismus“ 1925, стр. 310). Михельс поет дифирамб фашизму. „Участники фашистских обществ вообще моложе, свежее, живее, кроме того физически красивее, эстетически аристократичнее, чем посетители социалистических собраний“ (там же, стр. 310—311).

Так представлялось дело после убийства Маттеоти, когда средние классы, а также немалая часть национально патриотических элементов значительно качнулись влево. Но фашизм в Италии настолько успел укрепиться, создал столь мощный государственно-партийный аппарат, что он в настоящее время в состоянии уже выдерживать колебания и оппозиционные выступления тех классов, на плечах которых он пришел к власти. Вот почему Муссолини, который начал свой «переворот» под лозунгом национального социализма, теперь может себе уже позволить более откровенный лозунг национального антисоциализма.

Фашизм это не только государственная форма, но и целая система управления, система, которая подобно бонапартизму выявляет свои имманентные, центробежные тенденции эмансипации от классовых интересов. И здесь издержки контр-революции (содержание фашистских банд, их разрушительная, погромная работа), когда они слишком возрастают, встречают протесты части буржуазии, утомленной фашистскими погромами и жаждущей нормального развития производительных сил.

Вот эти-то явления и вызывают, в первую очередь, неизбежные, таящиеся в самой системе фашистской диктатуры противоречия, которые выражаются в борьбе течений: более левого — активистского и более правого — примирительного, ревизионистского. Но эти кризисы, повторяем, отнюдь не являются еще в настоящее время кризисами фашизма в целом. Ухудшающееся экономическое положение рабочих, продолжающаяся экспроприация средних классов¹⁾, усиливающаяся классовая борьба заставляют крупную буржуазию все больше цепляться за фашизм, как средство своего спасения. О действительном разложении фашизма можно будет говорить лишь тогда, когда зап.-европ. коммунистические партии настолько окрепнут, что станут действительно во главе экспроприруемой и разлагающейся мелкой буржуазии, когда они ее отвоюют у буржуазии. Поэтому для нас проблема фашизма есть проблема завоевания средних классов. Поэтому мы полагаем, что положение V конгресса Коминтерна о неизбежности политического банкротства фашизма не следует понимать слишком механически, вне исторической перспективы, вне нашей революционной активности.

Мы здесь имели в виду, главным образом, одну форму фашизма — фашизма у власти, итальянского фашизма. Немножко иначе дело обстоит в таких странах, как Германия, Польша, Венгрия, Болгария, а в последнее время — Франция и Англия, которые тоже начинают вступать на путь фашизма.

Здесь фашизм, особенно в «мирное» время, принимает иные, менее развитые формы. Он прокладывает себе путь пока лишь в виде организационных ячеек, добровольческих отрядов, социально более однородных, или путем постепенной и незаметной, более или менее

¹⁾ Экономический кризис и связанный с ним кризис средних классов в Польше и во Франции приводит там в настоящее время к усилению фашизма.

«легальной», более или менее замаскированной фашизации государственного аппарата, как напр., в Германии, Польше и Болгарии.

Здесь фашизм пока еще готовится к своему будущему наступлению, пробавляясь до поры до времени известной рекогносцировкой, накоплением сил, их испытанием в виде уличных демонстраций, случайных погромов, организации штрейкбрехерских отрядов. Он выполняет пока полицейски-хулиганскую службу.

Правда, в 1923 г. фашизм в Германии принял массовую стихийную форму, угрожая захватом власти, в противовес надвигающейся пролетарской диктатуре. Если этого не случилось, то лишь благодаря тому, что основные силы пролетариата отступили, не будучи разгромлены, и что сам немецкий фашизм оказался недостаточно еще подготовленным для своей исторической миссии. Здесь он еще недоразвился до того классического единства, до тех отчетливых форм, которые он принял в Италии. Здесь он тратил свою силу на внутреннюю борьбу конкурирующих между собой, социально, идейно и политически противоречивых фашистских течений¹⁾. Здесь он проваливался из-за бездарности, бестолковости своих вождей. А, главное, он встречал здесь затруднения во внутреннем и международном положении Германии. Он сталкивался с петлей Версальского мира.

Фашизм в Италии во время захвата власти имел по сравнению с Германией 1923 г. три крупнейших преимущества: 1) неулегшее еще послевоенное брожение классов, 2) значительно менее постоянный по своему составу, менее организованный, более деклассированный пролетариат и 3) более благоприятную международную обстановку.

Как бы то ни было, фашизм в Германии 1923 г. упустил момент, растратил свои силы в неорганизованных путчах, не сумел объединить вокруг себя буржуазных классов. Но, провалившись на деле, немецкий фашизм ищет более обходного и длительного пути своего будущего возрождения. Он начинает с более основательной идеологической подготовки. Если фашистская фракция в рейхстаге слаба, то фашистские идеи уже начинают захватывать широкие круги буржуазии.

Немецкая буржуазия находится перед непрекращающейся внешней и внутренней опасностью. Ей нужно, как воздух, политическое и идеологическое объединение. Единственной же идеологией, стремящейся стать идеологией всех буржуазных классов, является фашизм. Может быть, фашизм в Германии, в силу ее международного положения, в силу давления Америки и Лиги Наций, изменит свой характер. Может быть, он сблизится и объединится с немецким национализмом. Может быть, он спрячет и замаскирует свои агрессивные, милитаристические, диктаторские устремления. Может быть, он будет в значительно большей степени, чем в Италии, пользоваться социал-демократией, как передаточной инстанцией в завоевании средних и низших классов. Но во всех этих случаях сама потребность в фашизме, как идеологии, объединяющей буржуазию в ее борьбе с социалистической революцией, остается.

1) Социальная разнородность фашистских группировок, ослабляя их единство, дает им возможность зато одновременно подойти к различным слоям населения. Так развивается сейчас фашизм во Франции.

Всю эту диалектическую подвижность, изменчивость и неустойчивость фашизма, особенно в Германии, нужно учитывать при оценке такого идеолога, как Зомбарт, который непосредственного участия в партийной борьбе не принимает и отражает совершающийся в буржуазии идеологический сдвиг лишь в общем и целом. И все же, не впадая ни в какое преувеличение, мы считаем возможным утверждать, что Зомбарт в основном примкнул к фашизму.

Он поддерживает основные идеи фашизма о наступательном национальном единстве, о внутри-национальной гармонии интересов и межнациональной борьбе, о борьбе с марксизмом и с марксистской теорией классов, об антипарламентском насильственном характере государства, о философии «действия».

Мы уже видели его за этой работой. Он с вождением старого охранника травит марксизм, рабочее движение, рабочих вождей. Он не гнушается здесь никаких вымыслов и клевет. На воображаемых развалинах марксистской теории классов он строит картину общественной гармонии в стиле средневековья или просветителей XVIII века, социологию которых он усиленно пропагандирует, в противовес марксизму¹⁾.

Он проповедывает «противоречия между различными по своей внутренней сущности враждебными, народными душами». Он восторгается муштрой и военной дисциплиной, как школой капитализма и немецкой культуры. Немецкую нацию и тевтонскую кровь он превозносит над всеми прочими нациями. Прусского юнкера, прусского чиновника и прусскую монархию он выдвигает, как агентов высшей, завоевывающей мир культуры. Силу он считает важнейшим элементом всякой социальной системы и, в первую очередь, капитализма. Предприимчивость, личную инициативу, «героизм» промышленных вождей, руководящую головку избранных (*élite*) он ценит больше всего и прежде всего. Евреев он травит, как рассадников рационализма и социализма, и подводит «научные» основы под антисемитизм— это важнейшее оружие немецкого фашизма.

Зомбарт становится проповедником воинствующего империализма, шовинизма, антисемитизма.

Правда, Зомбарт не сказал еще здесь своего последнего слова. Оформление его фашистского мирозерцания еще не закончено. Но, несомненно, что уже сейчас он законченный монархист, мечтающий о реставрации династии Гогенцоллернов, сторонник сильной реакционной власти, опирающейся на прусского фельдфебеля и на церковь и пр. и пр.

Наконец, если заглянуть в ту чувственно-психологическую подпочву, которая водит пером Зомбарта, то и здесь общая генеральная линия смыкается с философией фашизма, если вообще можно о такой говорить. Зомбарт быстро эволюционирует в сторону чистого интуитивизма, спиритуалистического феноменализма, в сторону рели-

¹⁾ См. Sombart. „Die Anfänge der Sociologie“, в сборнике „Hauptprobleme der Sociologie“, посвященном М. Веберу.

гиозности и даже мистицизма. Святой Августин, Достоевский, Ницше становятся его любимейшими настольными писателями. Его увлекает в них сочетание «революционного» мятежного духа с глубочайшим консерватизмом и аристократизмом. С каждым годом он все с большей и большей энергией сражается с рационализмом, натурализмом и материализмом. Еще в 6 издании своего «Социализма и социального движения» он сочувственно относится к идеалистическим и волюнтаристическим устремлениям французского синдикализма (правый синдикализм немалую роль сыграл в организации фашизма, особенно в Италии). В 10-м же издании в качестве сильнейшего аргумента против социализма он выдвигает его рационализм. Господству закона он противопоставляет господство любви и бога: «мир без бога—это мир без идей». Господству рационалистически-механических начал, которые порождают все революции,—интуитивно органическое познание.

Наконец, его методологический эклектизм и анархизм, частые колебания и шатания во взглядах, лоскутность его мирозерцания тоже чрезвычайно характерны для той идеологии принципиального обмана, которую проповедует фашизм.

Но читатель, может быть, спросит, как же быть с консервативными построениями Зомбарта в духе феодально-помещичьей реакции? В какой степени это вяжется с фашизмом, как с идеологией крупного капитала?

Этим же вопросом занят последовательный фашист Мизес ¹⁾. Отзыв Мизеса о Зомбарте интересен и для определения отношения к нему со стороны выдержанных фашистов-активистов. Мизес резко критикует безжизненный утопизм Зомбарта и его антииндустриализм. Подобные взгляды Мизес квалифицирует, как «болезненную слабость нервов». Влечение Зомбарта к средневековью объективно ведет к ослаблению капиталистического развития Германии, к материальному и духовному разоружению немецкого народа, который не сможет победоносно отражать наступления других наций. С другой стороны, Мизес разоблачает зомбартовский «марксизм». Уже сама постановка проблемы в «Современном капитализме», говорит он,—марксистская, хотя результаты и выводы как бы опровергают Маркса. Зомбарт, по мнению Мизеса, не отрешился полностью и от некоторых марксистских положений. Так, напр., он не дает ясной, научно-экономической критики социализма. Его определение социализма расплывчато. Он по-марксистски определяет и сам марксизм, как идеологию пролетариата ²⁾. Он рассматривает пролетариат, как естественного противника класса капиталистов. Он не отрицает до конца классовой борьбы, хотя и смягчает ее этическими принципами, ограничиваясь обвинением марксистов лишь в их антинационализме

¹⁾ Mises, „Antimarxismus“. Weltwirtschaftliches Archiv, 1925, April.

²⁾ За это сближение марксизма с пролетариатом Зомбарту поощает и от Г. Брифта, который всячески стремится доказать, что социализм и тем более марксизм, отнюдь не есть обязательная идеология пролетариата. См. Goets Briefe. „Über das Verhältnis des Proletarischen zum Socialistischen“, Kölner Vierteljahrshefte für Soc. 1923, Heft 2/3.

и пацифизме. У Зомбарта нет имманентной критики социализма. Метафизике марксизма он протовопоставляет тоже метафизику, марксистским выводам—веру в бога и вечную ценность.

Мизес насмехается также над Зомбартовской неустойчивостью взглядов. «Долгие годы работы, говорит он, лежат еще перед ним, и необходимы будут, несомненно, новые издания «Социализма». Они будут необходимы не только потому, что прежние разойдутся, но и потому, что Зомбарт еще полностью не уяснил себе (*nicht fertig ist*) проблем социализма Этапы перемен его взглядов, это одновременно этапы перемены взглядов высших слоев немецкой интеллигенции, вождем которой как в социологии, так и в экономических вопросах он является уже в продолжение целого поколения»¹⁾.

Эта критика Мизеса весьма характерна.

Боевой немецкий фашист, матерый волк от антимарксизма, упрекает своего коллегу «слева» в слишком больших уступках врагу, в незаконченности, в недостаточной последовательности, в «отсталости». Он приписывает ему марксистский «уклон». Это вроде того, как если бы мы коммуниста обвинили в мелкобуржуазном уклоне. Мизес подстегивает «молодого» фашиста Зомбарта. Надо изжить последние остатки старых преступных связей с марксизмом. Надо противопоставить ему цельную доктрину «национального социализма». Подтянись еще немного и ты станешь в первые ряды воинствующих тевтонцев!

На наш взгляд Мизес слишком строг. Идеология Зомбарта в основном не расходится с идеологией Мизеса. Мечты же его о средневековьи, слишком большой реверанс в сторону помещика, антииндустриализм—все это вещи несущественные. В средневековьи Зомбарт нашел образчик классовой (сословной) гармонии, столь милой сердцу сегодняшнего буржуа, переживающего эпоху «хаоса» и социальных катаклизмов. Эта-то гармония, уживающаяся с авторитарным общественным укладом, и прельстила его больше всего. Конечно, здесь можно найти также и отражение известных настроений помещичьих фашистских кругов, мечтающих о восстановлении феодальных привилегий, о сословном государстве, о мире традиций. Но и подобные настроения не пугают уже сегодняшнего буржуа, вкусившего от страха революции.

Зомбарта можно причислить к тому изданию* фашистских идеологов, философию которого наиболее ярко выразил Шпенглер в своем «Закате Европы». У Шпенглера Зомбарт перенял известный пессимизм, мистицизм и религиозность. Вслед за Шпенглером он обнаруживает тяготение ко всему органическому и почвенному, к консервативному крестьянству, в противовес лишенному истории и традиций, поглощенному классовой борьбой, демократически настроенному, верящему в одно лишь число, циническому жителю городов-гигантов. Со Шпенглером Зомбарт разделяет и любовь к Пруссии и веру в ее возрожденческую миссию. У него можно также найти,

¹⁾ Мизес, стр. 291.

в другом несколько виде, Шпенглеровское противопоставление культуры (капиталистический расцвет) и цивилизации (современный упадок национального духа). Так все свои симпатии Зомбарт отдает эпохе раннего капитализма и капиталистического расцвета. Типу современного бездушного, гонящегося лишь за наживой, зараженного спекулятивной горячкой буржуа он любит противопоставлять уходящего теперь с исторической сцены предпринимателя-героя. Зомбарт любит помечтать.

Р. Михельс сказал, что «фашизм—абсолютно карлейлистичен»¹⁾ (от Карлейля). Зомбарт мечтает о предпринимательском «карлейлизме». Он рисует также себе в воображении картину «конструктивного» органического капитализма в духе Ратенау. Эти нотки «утопического» фашизма перемеживаются у него со взрывами воинствующего антимарксизма²⁾.

Мизес, по сравнению со Шпенглером и Зомбартом представляет тип более воинствующего, бодрого, оптимистического, тип вполне современного фашиста, идущего под лозунгом «освобождающего насилия». Под маской «неолиберализма» Мизес лучше приспособлен к лавированию между буржуазными классами. Он лучше прячет свое социальное лицо. В своей критике Зомбарта он прав лишь в одном. Зомбарт действительно не отделался еще в полной мере от марксизма. Бедный Зомбарт! Человек так старается, из кожи лезет вон, чтобы угодить новым течениям и новым хозяевам, чтобы итти в ногу с новыми требованиями и веяниями, а тут, извольте, такая неприятность: обвинение в марксистском уклоне, напоминание об этом «проклятом» марксистском прошлом.

Повсюду, во всех изысканиях, исследованиях и даже во всякой критике марксизма выглядывает упрямое лицо Маркса, «холодные, жестокие, бессердечные» Марковские законы. Логика этого учения врывается во все зомбартовские «идеальные» построения и накладывает на них свой отпечаток. Такова внутренняя трагедия писателя. Изредка мелькающая, полностью еще не израсходованная научная совесть беспомощно борется с захлестывающей автора волной новых идей и требований, представляемых фашизирующей буржуазией к своему идеологу.

И получается такая нелепость, что одновременно с новым изданием «Современного капитализма», методологически более приближающимся к марксизму, чем предыдущее, появляется пресловутый «Пролетарский социализм»—этот грязнейший пасквиль оголтелого фашиста и потерявшего всякую научную щепетильность писаки.

¹⁾ R. Michels. „Socialismus und Fascismus“, стр. 319.

²⁾ Известный утопизм — необходимый элемент всякой фашистской идеологии, особенно в эпоху до захвата власти. Этот утопизм есть проявление и выражение той социальной демагогии, которая лежит в основе всех программных построений фашизма. Желая омолодить дряхлый организм умирающего капитализма, фашизм идеологически всячески прихорашивается. Он хочет стать желанной невестой перед лицом мобилизуемых им масс.

И также нелепо складывается дело с хозяйственным «духом» Зомбарта. Из-за него то и дело выглядывают контуры обусловливающих его и исторически обусловленных, имманентно между собою связанных хозяйственных систем. Зомбарт, подобно целому ряду других крупных буржуазных писателей, «заразился» марксизмом (К. Бюхер, Трельч, М. Вебер, Тэннис, Дельбрюк, Пленгэ и др.). Но он не пожелал ограничиться, как другие, обычными буржуазными «опровержениями» марксизма. Он перешел в боевое наступление. Он начал издеваться и бесноваться, изрыгать целые тонны анти-марксистской ненависти. Он скатился до хулиганского антимарксизма, не разбирающегося более в средствах борьбы. Все рабочее движение, всех рабочих вождей без различия партий и оттенков он «покрыл», под ободрающий гул всей буржуазной прессы, отборной фашистской бранью.

Зомбарт добился своего. Балаганная крикливость его последних цирковых выступлений обратила на него всеобщее внимание. Он значительно расширил сферу своего влияния. Теперь за ним стоит вся буржуазия в целом от махрово-реакционных прусских и баварских зубров до католических мелкобуржуазных демократов, а может быть, и дальше . . . Все они выталкивают Зомбарта на передний план антисоциалистического, фашистсконационального блока. Это-то последнее политическое явление, а не жалкие методологические блуждания и эклектическая стряпня когда-то «ученого» Зомбарта заставили нас обратить на него внимание и выделить из ряда других «антимарксистствующих» буржуазных социологов.

Для нас Зомбарт — символ идейного перерождения и падения западно-европейской прогрессивной, буржуазной интеллигенции. На нем мы можем проверить состояние буржуазной общественной науки — степень ее вырождения. На нем мы можем прощупать в каком направлении идет это вырождение, как западно-европейский левый либерализм перерастает в фашизм.

Станет ли фашизм, как на это надеется один из его буржуазных историков, «выражением всеобщего умонастроения» буржуазии, «как некогда либерализм» ¹⁾, это всецело зависит от дальнейшего хода социалистической революции, от тех форм, в которые выльются будуще классовые битвы, от степени нашей в них активности и подготовленности. Но и сейчас уже можно сказать, что фашизм далеко еще не обанкротившаяся форма спасения капиталистического строя в эпоху социалистической революции. Происходящий ныне процесс полевения европейского рабочего движения, ослабляя реформизм, может в известный момент толкнуть буржуазию на путь организации широкого фашистского движения.

И. Альтер.

¹⁾ J. U. Mannhardt. „Der Faschismus“. München 1925, стр. 393.

ОТЧУЖДЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

(Социологические очерки ¹⁾)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тэйлоризм только последняя по времени волна того ядовитого газа, выделяемого капиталистическим производством, который обездушивает действие и духовно умерщвляет его носителей. Сперва он едва-едва просачивался в хозяйственную практику. Потом он стал проникать в нее целыми струйками, еще разрозненными и разреженными. Со второй половины XIX века струйки эти сливаются в целое газовое облако, и в начале XX века оно заволновалось, заклубилось. Повидимому, от него нет спасения, и вот-вот вся хозяйственная жизнь погрузится в эту отравленную атмосферу...

Случилось ли это? Нет, не случилось. Если судить об этом по распространению тэйлоризма, явление получило, напротив, ограниченный и разрозненный, спорадический характер. На родине тэйлоризма, в Америке, еще недавно насчитывали едва 150—200 тысяч рабочих, испытывающих непосредственно действие этой системы. Да и здесь тэйлоризм только в редких случаях проводился вполне последовательно ²⁾. Если принять во внимание многомиллионную массу промышленного пролетариата в Америке, указанная цифра дает понятие об очень ограниченном распространении чистой культуры отчужденного действия в производстве. В других странах тэйлоризм тоже не отличается широким распространением. Он проник в них лишь незадолго перед мировой войной. С тех пор он сделал в них некоторые успехи, начал приобретать национальный характер (напр., система Шлезингера в Германии, Файоля во Франции, витлэизм в Англии и т. д.), но остается повсюду в стадии разрозненных попыток или как бы лабораторных испытаний. Не следует это объяснять заокеанским происхождением тэйлоризма. Ростки своего собственного тэйлоризма—только без Тэйлора—знают и старые европейские страны. И, например, французы не без основания указывают, что у них течение, аналогичное тэйлоризму, начало вырабатываться одновременно и независимо от американского примера. В этом нет ничего удивительного и неожиданного. Ведь тэйлоризм только увенчал движение, связанное с общим ходом развития капиталистического производства второй половины XIX века.

¹⁾ Главы I—VII напечатаны в № № 13 и 14 «В. К. А.»

²⁾ Дрүри, стр. 128—136.

Вот почему, даже и приходя в ту или другую страну извне, он застал здесь подготовленную почву и давал выражение уже назревшим тенденциям. Так это было, в частности, и в России. Перед мировой войной на русском языке существовали уже все главные сочинения Тэйлора и некоторых его единомышленников. На отдельных заводах уже делались попытки систематического применения принципов Тэйлора. Все это вполне соответствует высокому развитию капиталистического производства в предреволюционной России. После революции капиталистическая инерция сперва внушала еще некоторым почтение к тэйлоризму, но довольно скоро было распознано его несоответствие с новой системой хозяйства. И то движение, генетически связанное и у нас с тэйлоризмом, которое носит у нас имя «научной организации труда» («нот»), самым решительным и тщательным образом отмежевывается от тэйлоризма. И все-таки даже и теперь наблюдаются рецидивы тэйлоровских увлечений,—об этом напоминает наша печать, указывая на уродливые формы, в какие подчас облекаются в неопытных руках «нот»¹⁾. И так, культура отчужденного действия, несмотря на свою глубокую укорененность в недрах капиталистического производства, встречает, очевидно, какие-то препятствия своему развитию на его хозяйственной поверхности.

Такие препятствия, действительно, имеются. Притом они разнообразны и сильны.

Прежде всего существует еще многочисленное крестьянство, не знающее наемного труда или работающее на полутрудовых началах, комбинируя собственное участие в производстве с наемным трудом. В одних странах этот слой является более, в других—менее мощным, но везде он еще значителен. В интересующей нас связи не существенно, состоит ли этот слой из крестьян «самостоятельных», или это полусамостоятельные арендаторы, или, наконец, фермеры, положение которых относительно крупных аграрных предпринимателей только юридически отличается от положения крепостных старого времени. Все эти формы существуют, являясь ступенями, ведущими к пролетаризации крестьянства. Все они только «ведут» крестьянина в эту сторону, не доводя еще до нее вплотную, и постольку они обуславливают особый трудовой тип крестьянина, отличный от типа пролетария. Психология этого типа близка к психологии старинного ремесленника. Между внутренним миром крестьянина и выполняемой им работой существует та тесная связь, которая исключает отчуждение действия. Последнее является здесь столько же внешним, сколько и внутренним актом. Труд крестьянина «выразителен» в высокой мере, и «объективное» в нем представляет собою, изображает «субъективное», равно как и это последнее переводит на «язык души» ту «власть земли», в условиях которой живет и работает крестьянин. И подобно тому, как ретроспективные утописты, вроде Рескина или Карлейля, испуганные отчужде-

¹⁾ «Вряд ли у нас есть сейчас открытые тэйлористы.... однако скрытых тэйлористов у нас среди практиков-специалистов много». „Плановое Хозяйство“, орган Госплана СССР. 1925. № 1. стр. 280.

нием действия в сфере промышленного труда, охотно обращаются мыслью к старинному ремесленнику, так аналогичный испуг, возбуждаемый в некоторых перспективах пролетаризации крестьянства, как носителя особой культуры, препятствующей отчуждению действия, заставляет их идеализировать крестьянина, как особый социально-психологический тип («народничество», имевшее и отчасти имеющее своих сторонников во всех странах). Повидимому, этот крестьянский тип не имеет будущего, как не имел его и тип ремесленный. Но пока, т.-е. в настоящее время и в ближайшем будущем, крестьянский тип является социальной реальностью весьма почтенных размеров. Вся наша промышленная культура основывается на культуре сельскохозяйственной, а последняя в значительной своей части—крестьянская. В плоскости, на которой мы здесь находимся, это значит, что наша промышленная культура с ее тенденцией к возрастающему отчуждению действия окружена атмосферой, которой эта тенденция почти не знакома. И вот одно из препятствий к универсальному распространению культуры отчужденного действия.

Это препятствие действует извне. Но есть и препятствия внутренние, т.-е. лежащие в той самой сфере промышленного труда, эволюция которой в капиталистических условиях ведет к отчуждению действия от производителя, индивидуального и социального.

С точки зрения, интересующей нас здесь, нельзя рассматривать промышленное производство, как однотипное целое. Нужно выделить прежде всего (капиталистическую) сельскохозяйственную промышленность. Свообразием придают ей две черты: то, что она не знает еще полной механизации производства, и то, что производство ведется здесь на довольно разбросанной территории. Первое обстоятельство приводит к тому, что отчуждение действия от работника не удастся провести везде с помощью машины,—нередко рабочий представлен своей инициативе настолько, что может устанавливаться некоторая связь между ним и процессом выполняемой им работы. Возможность существования этой связи подкрепляется еще разбросанностью полевого производства: препятствуя проведению далеко проникающего надзора и непрерывной регламентации, эта особенность сельскохозяйственной промышленности тоже задерживает развитие отчуждения действия от производителя.

Другая сфера промышленности, в пределах которой культура отчужденного действия тоже наталкивается на внутреннее противодействие,—углепромышленное и горное дело. И здесь механизация производства далеко не является полной. Многие еще делается руками рабочего и по его усмотрению, зависит от его личной ловкости, сноровки и умения. И по этим нитям, соединяющим личность работника с его делом, как бы пробегает ток «духовности», парализуя тем самым тенденцию к отчуждению действия или значительно ее ослабляя. В том же направлении действует и здесь разбросанность производства, неизбежная в горном и углепромышленном деле не меньше, чем в сельскохозяйственной промышленности.

Все эти противодействующие моменты преодолеваются почти полностью в фабрично-заводской промышленности. Более или менее законченная механизация производства под руководством капиталиста стремится сделать рабочего простым машинообразным «придатком» к мертвому механизму. А сосредоточение производства на небольшом пространстве—и опять под руководством капиталиста—позволяет проводить отчуждающий надзор и регламентацию с энергией и последовательностью, которых желают тэйлористы.

Однако, именно здесь, где так велико давление факторов, ведущих к отчуждению действия, против них встает сопротивление, глубокое и несокрушимое. Это сопротивление вовсе не связано с одной только фабрично-заводской промышленностью. Оно всюду, где обнаруживается и развивается тенденция к отчуждению действия. Только в других случаях вес, сила этого сопротивления дополняется и замаскировывается другими факторами, сейчас упомянутыми. В капитализированной фабрично-заводской промышленности этих добавочных факторов противодействия почти нет. И потому с полной ясностью обнаруживается самая глубокая и мстучая сила, борющаяся с отчуждением действия в недрах той самой области производства, где это отчуждение имеет, казалось бы, больше всего шансов на победу.

Об этой «силе», как о чем-то едином, мы можем говорить только в виду единства, однозначной определенности ее результата—того сопротивления отчуждению действия, которое она оказывает. Сама же по себе, она сложна.

В некоторых случаях и отношениях, наемный труд, обслуживающий капиталистическое предприятие, принято делить на труд служащих и труд рабочих. В интересующей нас связи это деление имеет большое значение.

Служащие—это персонал административный и руководящий производством. Во всяком предприятии, даже и несложном, представители этого персонала распределены по известным ступеням иерархии. Это распределение соответствует кругу отношений, на который распространяется компетенция того или другого служащего. Капиталистическое производство заинтересовано в том, чтобы этот административный персонал выполнял свои служебные обязанности к выгоде капитала, но эта выгода именно и требует, чтобы исполнение обязанностей представляло для служащего и личный интерес. Притом—не только и даже не столько интерес экономический, сколько психологический. Хозяйское дело должно быть для него *bona fide* и личным делом. Ибо изобретательность, инициатива, наконец—просто наиболее успешная эксплуатация рабочих не могут быть предписаны и наперед регулированы хозяйским приказом. Они должны идти навстречу последнему, как «свободный» дар, как проявление усердия не за страх, а за совесть. Для развития и обнаружения такого «усердия», служащий должен иметь объективную возможность вкладывать в производство себя, свое я и видеть в своей работе служение своему или общему «делу», а не тому

или другому капиталистическому «лицу». Вот почему в отношении к служащим—и в соответствии с их иерархией—капиталистическое производство, в своих же интересах и совершенно неизбежно, должно отступать от последовательного отчуждения действия. И вот откуда, между прочим, встает противодействие последнему даже в рамках фабрично-заводской промышленности, как угодно тэйлоризированной.

Не менее сильным оказывается противодействие, исходящее от собственно рабочего труда. И оно тем серьезнее, тем непримиримее, что не стоит ни в какой прямой связи с интересами и выгодами предпринимателей, хотя и зависит непосредственно от того, что воообще существуют предприниматели и рабочие, точнее—от существования капиталистического производства. Антагонизм между трудом и капиталом имеет своим следствием, между прочим, повышение, обострение личного самочувствия рабочего. Отношения капиталиста и рабочего в процессе их сотрудничества суть прежде всего отношения борьбы за распределение прибавочной стоимости. А борьба подстегивает и усиливает личное самочувствие. Вечно настороже, всегда теснимый и угрожаемый перспективой новых утеснений, рабочий невольно обводит свое я жирной чертой; как в старину в защиту от дьявола обводили себя кругом, который, благодаря магической вытесняющей силе, не допускал близко дьявола. Подобным же образом и линия, подчеркивающая и замыкающая личное самочувствие рабочего в борьбе с предпринимателем, становится символом противодействия, которое рабочий не может не оказывать своему классовому врагу. И когда этот враг приходит к нему с программой и планом отчуждения его действий от его я, то это последнее, сугубо напряженное, не может не почувствовать себя затронутым в сильнейшей степени, не может не реагировать на это сильнейшим сопротивлением. Примем еще во внимание, что благодаря росту классового и профессионального объединения, сопровождающему развитие капитализма и в наше время достигшему столь высокой степени, за отдельным рабочим стоит могущественная коллективная организация. Подумаем о том, что, в сфере личного самочувствия рабочего, наличие такой организации действует как мощный резонатор и усилитель этого самочувствия, как трансформатор самочувствия в классовое—и мы поймем, какое могущественное противодействие должны оказывать отчуждению их действий рабочие, обслуживающие даже фабрично-заводскую капиталистическую промышленность, в которой так сильны тенденции к отчуждению действия. Мы не найдем неожиданными вечные жалобы тэйлористов на то, что рабочие не хотят идти им навстречу в максимальной рационализации производства. Мы наперед предскажем, что в своем сопротивлении тому, чтобы путем тэйлоризации все большая и большая доля прибавочной стоимости доставалась предпринимателю рабочие проявят искусство и изобретательность, приводящую на мысль тот размах выдумки, с каким конструкторы броневых плит отвечают на новые усовершенствования пробойной силы снарядов повышением сопротивляемости бронирования. Для нас будет понятным, что, напр., даже умеренная Американская Феде-

рация Труда во главе с покойным Гомперсом добилась назначения правительственного расследования тэйлоризма и убедила производивших его лиц, начиная с Хокси, на которого мы уже ссылались, что тэйлоризм вовсе не имеет права прикрываться интересами общего блага и что он означает прежде всего усиление эксплуатации рабочих¹⁾.

В итоге мы можем констатировать, что, несмотря на свою глубокую укорененность в недрах капиталистического производства последних десятилетий, несмотря на большую последовательность и настойчивость, дело отчуждения действия, благодаря указанным факторам сопротивления, не могло проявить себя в импозантных размерах на капиталистической поверхности. Ядовитый газ, выделяемый капиталистической системой, не может двигаться против враждебных ветров, дующих на него с разных сторон. Газ остается локализованным там и сям—в пунктах, где его выделение происходит всего легче.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мы проследили явление отчуждения действия с вытекающим из него обездушением деятеля—в плоскости практического «бытия»—быта и в области трех форм идеологии (искусство, философия, наука).

Вопрос теперь в том, могут ли эти явления в четырех разных областях не находиться друг с другом во внутренней связи.

Наперед на этот вопрос следует ответить отрицательно: нет, не могут!

Совершенно невероятно, чтобы в четырех разных рядах культуры могло повториться одинаковое явление, только выраженное разным образом на языке каждой из них, и чтобы это произошло в каждой совершенно независимо от других. Такие параллелизмы предполагают общее параллелизирующее влияние.

Мы убеждаемся в этом еще больше, учтя следующие обстоятельства.

Прежде всего, между формами отчуждения действия в хозяйственном быту и в идеологии существует гармония взаимного соответствия. Спросим себя только, какой рабочий является наилучшим с точки зрения высоко-капитализированного производства. Идеал его начертали тэйлористы, которые и пробуют претворить его в действительность. Рабочий должен действовать, как машина; между его внутренним миром и его действиями не должно и не может быть никакой связи. Тут к услугам является искусство, показывая нам пример такого человека в мистере Краггсе Замятина и других персонажах того же типа. Чугунный монументик, движения которого интегрируются, как ряд привинчиваний к последовательным пьедесталам! Мы можем усомниться, не вносит ли внутренний мир таких существ беспорядка в их действия. Представитель объективной психологии скажет нам, что

¹⁾ См. Hoxie. „Scientific management and labor“. 1920, стр. 13—19, 98—112.

наши опасения напрасны. Внутренний мир? Какое нам до него дело,— ведь речь идет о поведении, о действиях живых существ. А они протекают таким образом, как будто нет никакого внутреннего мира. Действия сводятся и исчерпываются мышечными реакциями на внешние раздражения. Будем заботиться о том, чтобы эти реакции выполнялись аккуратно. До прочего нам нет дела. Да откуда ему и быть, делу-то? Разве специалисты по чужому одушевлению не указывают нам, что, за отсутствием объективных признаков одушевленности, мы можем всякого, кроме себя, рассматривать, как бездушную машину, действующую автоматически. При наличии доброй воли мы, конечно, можем «верить» в то, что наши ближние одушевлены, но эта вера для разума не обязательна. Разум, как формулировал Введенский, может и признавать чужую одушевленность, если ему это «удобно». Например, «удобно» трактовать рабочих, как чистые машины, и тоже «удобно» разуму предпринимателя рассматривать других предпринимателей, как существа одушевленные. В последнем случае можно опереться и на Авенариуса, утверждающего, что допущение чужой одушевленности делает мир однороднее: это будет, правда, мир, населенный только предпринимателями, но, ведь, в социальном смысле они лишь и однородны между собою, рабочие же, потребители и пр.—уже представители иностранного мира.

Конечно, вся эта гармония между разными формами отчуждения действия—совершенно невольная. Никто не заподозрит предпринимателей, художников, философов и ученых в предварительном стоворе и согласии. Взаимное соответствие получается здесь само собою, вследствие тождества исходных точек, в результате низкой оценки выразительной стороны жизни. Частично и сами представители культуры отчужденного действия признают это соответствие. Например, в докторской диссертации физиолога Орбелли, ученика Павлова, мы встречаем попытку обосновать метод Павлова, исходя из философии А-ра Введенского. Что эта попытка не является обращением не по адресу, видно из того, что на одном заседании Петербургского Философского Общества, состоявшемся лет 10 тому назад и посвященном докладу ученика Павлова, д-ра Зеленого, Введенский заявил, что метод «объективной психологии» предусмотрен и обоснован им, Введенским, еще в его старой работе о чужой одушевленности.

Связь между разными формами отчуждения действия выражается не только в этом соответствии между ними. Она сказывается также во времени их появления. Тэйлор выступил в печати в те же 90-е годы, когда появилась классическая работа Введенского, исследования Бетэ, Циглера и др. Тэйлоризм сложился окончательно к началу XX века, когда развились идеи Павлова и начала складываться система бихевиоризма. Живописная манера Пикассо или изобразительные приемы Л. Андреева и других однотипных художников—все это расцвело около того самого 1911 года, когда Тэйлор поставил последние точки над и опубликованием своей книги о принципах организации труда,—книги,

быстро переведенной на все языки, на которых в то же время заговорили о Павлове, о Пикассо и Л. Андрееве.

Прибавим, что ранее никогда не встречалось ни идей, ни практики в духе отчуждения действия, хотя в сфере практики тэйлоризм подготовлялся издавна, чтобы созреть, однако, именно к нашему времени.

Наконец, связь между рассматриваемыми явлениями выражается еще и в том, что, возникнув одновременно в дополняющем друг друга соответствии, они получили одинаково скромное распространение.

Мы можем говорить, таким образом, о «культуре» отчужденного действия, выдержанной, хронологически локализованной, количественно определенной.

Как и почему она могла возникнуть в наше время такой, какою мы знаем ее? Где искать ее корни? Указание на то направление, откуда растут эти корни, дает нам факт, до сих пор нами еще не вполне оцененный. Он заключается в том, что, хотя отчуждение действия в законченной форме тэйлоризма обнаружилось в наши дни, оно готовилось постепенно. Его начатки мы проследили вплоть до истоков капитализма. И мы видели, как они развивались затем с эволюцией капитализма, подвигаясь особенно энергично с 50—60 г.г. XIX века, эпохи распространения машинного производства. Если, таким образом, отчуждение действия начало готовиться к выходу в свет сперва в области хозяйства, это заставляет нас думать, что именно здесь, в сфере хозяйственного бытия-быта и нужно искать корней всего движения. Почему—«всего», а не только хозяйственной его ветви? Потому что последняя, мы знаем, теснейшим образом связана с остальными. И, вероятно, эта связь распространяется не только на качество явления, но также и на его происхождение и развитие, на его генезис. Ведь внутренне-связанные явления должны иметь и общие корни.

Итак, мы обращаемся к генезису культуры отчужденного действия. В основе всех ее проявлений лежит стремление оторвать действие от деятеля, сведя первое к невыразительному, обездушенному процессу, автоматически-протекающему, а второго низведя до роли механизма. Мы должны найти в хозяйственной обстановке, среди которой назревало это стремление, условия, которые его вызывали и поддерживали.

Заметим, прежде всего, что это стремление свидетельствует о желании получить от работающего человека максимум производительности, что и достигается наивозможно большим уподоблением его машине. Не будем разбирать сейчас, единственный ли это способ повышения производительности труда, и в каких именно условиях этот способ становится действительно единственным. Обо всем этом ниже. Сейчас нас интересует только факт, состоящий в том, что, начиная прилизительно со второй половины XIX века, явным образом возрастает интерес к повышению производительности труда, находящий себе некоторое удовлетворение в растущем отчуждении действия от рабочего.

Этот факт не стоит одиноко. Интерес к производительности труда является только элементом озабоченности судьбами производительных сил вообще. Проблема производительных сил всегда является основной в ряду вопросов об организации и развитии общественной жизни, как в хозяйственном, так и в других отношениях. Ведь их уровнем определяется, насколько человеческое общество может противостоять неорганической среде, утилизируя ее в своих интересах. И вот, начиная со второй половины XIX века, проблема производительных сил приобретает особенную остроту. Около этого же времени проблема была впервые ясно замечена и формулирована Марксом: одно из доказательств, что она начинала уже обращать на себя внимание. Другим доказательством в пользу этого является судьба физического естествознания. Его судьбы вообще очень показательны для освещения вопроса о состоянии производительных сил. Физическое естествознание подмечает и формулирует, на что и как человеческое общество может опереться в неорганической среде в своей борьбе с нею же. Куда идет в своем развитии естествознание, на что оно обращает внимание—это всегда бросает свет на степень развития производительных сил общества. Замечательно, что направление эволюции физического естествознания со второй половины XIX века свидетельствует о каком то затруднении, почти о кризисе в развитии производительных сил.

Развитие естествознания нового времени достигло к середине XIX века высокого и относительно законченного этапа установлением закона сохранения энергии. Известно, что элементы, из которых складывается его содержание, восходят еще к XVI веку. В XVII веке Стевин, Галилей и Гюйгенс пользовались им в ограниченной форме закона сохранения механической энергии. XVIII век принес с собою распространение известности этого суженного закона сохранения. Если подумать, что другие формы энергии, кроме механической, были мало известны и плохо утилизировались до конца XVIII и начала XIX века, можно сказать, что естествознание XVII—XVIII века было достаточно знакомо с законом сохранения энергии. Первая половина XIX века расширила его объем, распространив уже на все формы энергии. Окончательную и обобщенную формулировку закон получил в 1847 году в знаменитом исследовании Гельмгольца «О сохранении силы».

При господстве одного лишь закона сохранения энергии (другие основные законы, касающиеся энергии, были еще неизвестны), естествознание двух с половиною веков нового времени интересовалось в природе не тем, как и куда идут физические процессы: об этом закон сохранения не говорит ничего. В центре внимания стоял вопрос о том, сохраняется или рассеивается данное количество энергии, заключенное в известной физической системе. Можно ли, покинув энергию этой системы, вновь найти ее нетронутой при возвращении? Всегда ли эффект, полученный однажды при расходовании данного запаса энергии, воспроизводится при повторном расходовании такого же количества энер-

гии? Вот вопросы, на которые закон сохранения энергии отвечает утвердительно. Для техники и хозяйства нового времени до середины XIX века, по отношению к энергии, существовали только такие вопросы. Энергетических ресурсов было повсюду достаточно. Кратковременное затруднение, пережитое во второй половине XVIII века в связи с истощением древесного топлива, было скоро устранено привлечением каменноугольного топлива, утилизация которого пошла столь же расточительно, как раньше утилизация дров и древесного угля. Технически и, следовательно, экономически было безразлично, имеет ли энергия свою историю, всегда ли эта история идет в желательном для нас направлении. Энергия казалась не потоком, текущим откуда-то и куда-то, а разлитым морем, и заботились только о том, чтобы, зачерпнутая ковшем из этого моря, энергия оставалась неизменной во время пребывания в ковше. Закон сохранения гарантировал это. Об остальном можно было не заботиться. С неорганической средой справлялись и при таком уровне знания ее свойств, и при степени развития производительных сил общества, основанной на этом знании.

Но уже в двадцатых годах XIX века появились признаки того, что так утилизация энергии долго происходить не может. Возрастающее значение тепловой энергии, как источника двигательной, разработка теории и практики паровой машины заставили Карно убедиться в это время, что энергия не безбрежное море, а поток, ограниченный берегами, и сам он натолкнулся на эти берега, пробуя установить, какую степень экономически-полезной механической энергии дает затрата определенного количества тепловой энергии в паровой машине. Оказалось, что, хотя теплота и «сохраняется» целиком, но полезным действием обладает только часть ее. Вот эта проблема полезного действия энергии заставила преемников Карно заняться более пристальным изучением энергии. Любопытно, что работа французского ученого («О движущей силе огня», 1824) осталась сперва не достаточно оцененной. Только его ученик Клапейрон популяризировал ее и пробовал, с другой стороны, облечь ее в более строгую математическую форму (1834—1843 г.г). Лишь после окончательного формулирования закона сохранения энергии, ряд ученых занялся разработкою наследия Карно. Между концом 40-х годов и 80-ми годами вышли многочисленные исследования Клаузиуса, Томсона, Максвелла и многих других, которые и привели к открытию и формулировке нового закона, касающегося энергии. По сфере его первоначальной разработки и по главной области его применения, он называется иногда вторым началом термодинамики, хотя значение его распространяется на всю энергетику, где закон сохранения энергии носит иногда имя первого начала¹⁾. Разницу между этими «началами» отчетливо выразил Планк. «Второе начало термодинамики, говорит он, существенно отличается по своему содержанию от первого. Оно трактует о вопросе, которого последнее и не касается. Это имен-

¹⁾ Историю обоих законов энергетике см., напр., у₂Маха: Principien Der Wärmelehre, 4 изд. 1923 г.

но вопрос о направлении, присущем всякому естественному процессу». Такое направление имеет, например, течение реки. Его лишено море. «Значение второго начала термодинамики состоит в том, что оно дает необходимый и достаточный критерий для распознавания того, какой перед нами процесс—обратимый или необратимый»¹⁾. Второе начало и говорит, собственно, что все процессы природы необратимы,—по крайней мере, процессы физические. Все они естественным образом, без нашего вмешательства, текут только в одном определенном направлении. Что естествознание дошло до установления этого закона, сильно ограничивающего возможную утилизацию энергии, указывает нам, что пора беззаботного отношения к энергетическим ресурсам уже прошла. Черпать энергию можно не отовсюду. Приходится задумываться о том, откуда и как ее добыть более экономно. Кое-кому начинает даже казаться, что едва ли можно строго говорить теперь о «сохранении» энергии. По второму началу, энергия всякой физической системы стремится перейти в состояние равномерно-напряженной в ней теплоты. И сама собою эта теплота уже не может быть превращена, напр., в механическую энергию. «Очевидно, писал Мах, что в этом случае принцип сохранения энергии играет совершенно праздную роль, которая достается ему только благодаря привычке»²⁾. Если это мнение и не является общепринятым, то, принимая во внимание крупный авторитет Маха в вопросах теории естествознания, мы не можем рассматривать его и как частное мнение одного автора. Нам доводилось встречать и прямое сочувствие этому мнению со стороны естествоиспытателей (см., напр., книгу проф. Шарвиña о Махе, 1922). Кстати, за последнее время и по другим соображениям видные физики начинают оспаривать безусловность закона сохранения энергии. Очевидно, он перестает быть аксиоматической «привычкой»...

Так, уже в конце XIX века мы дошли до весьма заботливого интереса к судьбам энергии. Но и на этом не остановилось развитие естествознания. Второе начало, знаменующее возрастание этого интереса, в его удовлетворении останавливается как бы на полдороге. Как указывает Планк, второе начало «касается только свойств начального и конечного состояния процесса, а не характера его течения»³⁾. Оно указывает нам, куда приходят энергетические превращения, исходя из того или другого состояния, оставляя в тени, как именно совершается переход между ними, как течет энергетическая река. Дальнейшая озабоченность судьбами энергии выражается в интересе к этой промежуточной стадии. То или другое ее течение не безразлично для нас в экономике природы. Лучшее знакомство с ним позволяет полнее использовать все переливы, все оттенки в ходе энергетических процессов. В начале нашего столетия (в 1906 г.) было сформулировано новое положение, касающееся именно этого. Иногда его называют третьим началом

1) Planck. Thermodynamik, 7 изд., 1922, стр. 77 и 85.

2) „Популярно-научные очерки“, 1909, статья о „Принципе сохранения энергии“ стр. 147.

3) „Thermodynamik“, 7 изд., 1922, стр. 85.

термодинамики и, соответственно, всей энергетики. Для его понимания нужно иметь в виду, что, согласно второму началу, с переходом энергии данной системы из ее исходного в конечное состояние, растет некоторая величина, называемая энтропией, представляющая собою меру возрастающей неработоспособности энергии. Третье начало в редакции открывшего его Нернста гласит именно, что «вблизи абсолютного нуля все процессы разыгрываются без изменения энтропии»¹⁾. Планк придал этому закону более общую формулировку, против которой не возражает и Нернст: «При безгранично-падающей температуре, энтропия химически-однородного тела безгранично приближается с данной ее конечной величины к нулю»²⁾. Здесь мы имеем, следовательно, указание на то, как именно протекает процесс перехода энергии от наиболее к наименее работоспособному ее состоянию.

Такое же возрастание интереса к деталям физических процессов, к характеру их конкретного протекания рисует нам и развитие других областей естествознания. Везде перестают довольствоваться знанием «начала» и «конца». Необходимость утилизировать энергию процессов полностью, без остатка, заставляет изучать также и «середину».

Как известно, учение о лучистой энергии достигло высокого развития уже давно. Знаменитые работы Юнга и Френеля по оптике, исследования Максвелла, Герца и др. о способах распространения волн лучистой энергии и другие работы, относящиеся сюда же, приходятся по большей части на первые восемь десятилетий XIX века. Характерной их особенностью было то, что судьбы лучистой энергии изучались в них более или менее обще, как бы с птичьего полета. Это не мешало достигнутым в это время знаниям быть абсолютно точными, но они освещали все-таки лишь картину в целом. В наше время в поле зрения вступают уже детали. В центре внимания становится вопрос о том, как именно протекают эти последние. Изменение, наступившее здесь, очень ярко иллюстрируется словами Планка, которые мы заимствуем из его знаменитой книги о тепловом излучении (1-е издание в 1906 г.): «Если мы обратимся к вопросу, по каким законам разыгрываются процессы излучения в системе тел, которую мы примем покоящейся, то мы можем рассматривать проблему с двух различных точек зрения. Мы можем именно фиксировать в пространстве известное место и следить за различными лучами, которые скрещиваются в этом месте в течение известного времени. Либо же мы можем остановиться на каком-либо определенном луче и спросить об его истории, т.-е. об его возникновении, его распространении и его исчезновении. Для последующего изложения, прибавляет Планк, удобнее всего будет предпочесть последний способ рассмотрения...»³⁾. Именно при этом «способе рассмотрения» Планк, а за ним и другие физики привлекли всеобщее внимание к вопросу, никогда не занимавшему в такой степени ученых,—именно, к

¹⁾ Nernst: Die theoretischen und experimentellen Grundlagen der neuen Wärmesatzes, 2 изд., 1924, стр. 71.

²⁾ Planck, Цитированное соч., стр. 273. Сравни у Nernst'a стр. 72.

³⁾ „Vorlesungen ueber die Theorie der Wärmestrahlung“, 5 изд., 1923, стр. 4.

тому, как происходит и распространяется луч: — непрерывной струей или потоком частиц, как бы выбрасываемых толчками и летящих наподобие дискретного, прерывного роя. Знаменитая теория квант, играющая такую роль в современной физике, отвечает на этот вопрос способом, о конкретных подробностях которого все еще спорят физики. Вся эта теория, определяющая собою современное учение о лучистой энергии, выражает заботливейший интерес к ходу соответствующих процессов, как и почти одновременно возникшее третье начало термодинамики.

Приведем еще один пример, говорящий о том же. Развитие химии выразилось, между прочим, и в том, что если долгое время химики интересовались в реакциях только исходными веществами и теми, которые получались в результате реакции, пренебрегая изучением промежуточной стадии, то, начиная с 50-х годов, они обращают внимание и на ход реакции. Основы учения о ходе реакций были заложены, правда, еще в конце XVIII века работами Венцеля и Бертолле. Но и тогда они не были достаточно оценены. К тому же это были именно основы, из которых не было еще сделано никаких заключений специально о ходе реакций. Говоря о механике реакций, названные химики имели в виду не процесс действия масс, участвующих в ней, а величины этих масс и влияние их на количество веществ в конце реакции. Немецкий химик Вильгельми первый занялся в 1850 году ходом самих процессов, начал изучать их скорости и нашел закон течения простейших реакций¹⁾. Вторая половина XIX века была в химии эпохой самого углубленного изучения процессов. Трудami Бертолле, Гульдберга и Вааге, Оствальда, Ван'т-Гоффа, Гиббса, Аррениуса, Лешателье и др. химия процессов была доведена до высокого совершенства, сделавшего из нее одну из разработанных глав учения об энергии, которое и в целом, мы видели, проникнуто в настоящее время горячим интересом к перипетиям в ходе энергетических процессов.

Ошибочно было бы думать, что в росте этого интереса, характеризующем вторую половину XIX века и начало текущего, обнаруживается «просто» «естественное» углубление наших знаний об явлениях неорганического мира. Конечно, развитие их в этом направлении знаменует их углубление. Но что оно происходило именно в этом, строго выдержанном направлении, из общей необходимости развития науки не вытекает. Для познания природа представляет необозримое множество направлений, по которым и может происходить развитие науки. Но выбор того или другого из этих направлений определяется запросами времени. Что в настоящем случае эти запросы клонили к наиболее скупому и экономному использованию деталей физико-химических явлений, видно также из современного состояния вопроса об утилизации энергетических ресурсов.

¹⁾ Ostwald: „Grundriss der allgemeinen Chemie“, 6 изд., 1920, стр. 317. Arrhenius: „Theorien der Chemie“, 1909, стр. 138—143.

Главным из непосредственных источников энергии является в настоящее время каменный уголь. Опасения, что его запасов нехватит надолго, появились давно. «Страх перед истощением каменноугольной продукции не нов, говорит автор новейшей работы об «умирающем угле»: он стар, как само каменноугольное хозяйство»¹⁾. Но в наше время он принял чрезвычайно обоснованную форму. «Недостаточность древесного угля и вообще древесного топлива, с которой были знакомы средневековые и ранне-капиталистическая эпоха, испытывается в наше время на каменном угле с ужасающей ясностью», свидетельствует тот же автор²⁾. Международный геологический конгресс, собравшийся в 1913 г. в Торонто, занялся подсчетом каменноугольных ресурсов всех видов, не исключая и самых плохих. Он исчислил их количество в 7.397.553 миллиона метрических тонн. Конгресс подсчитал также, исходя из размеров современного (предвоенного) потребления угля, что этого запаса хватит на 6.000 лет³⁾. В прошлом (1924 г.) году такой же подсчет произвел Redmaune. По его мнению, эта цифра должна быть сокращена до 1.500—2.000 лет⁴⁾. Но этот расчет оказывается слишком оптимистическим. Недавно, известный наш знаток теплового хозяйства, проф. Рамзин, существенно пересмотрел вопрос. Ошибку только-что указанных исчислений он усматривает в том, что при них расход угля в последующие годы был принят стационарным и приравнен к одному из прошлых годов. Между тем, потребление угля растет весьма быстро. Напр., «потребление угля в Соединенных Штатах равнялось в 1870 году 0,96 тонн на человека. В 1913 году оно дошло до 5 тонн на человека». Притом, чем ближе к нашим дням, тем этот рост потребления быстрее. В той же стране оно было равно 4,54 тонн на человека в 1911 году, а в 1913 году поднялось до 5,02 тонн⁵⁾. Следовательно, исчисляя продолжительность времени, на которое хватит существующих запасов угля, нужно учесть ежегодный прирост потребления. Рамзин прикидывает несколько цифр. Исходя из тех же мировых размеров каменноугольных ресурсов, что и Торонтский конгресс, но принимая, что потребление их будет расти с предвоенным темпом (4,4% в год), наш автор приходит к цифре в 128 лет. Если допустить, что темп роста замедлится и спустится до 1%, угля хватит на 405 лет. Рамзин считает, что наиболее вероятной цифрой годового прироста будет 2—3%. В таком случае мы обеспечены углем не более, чем на 200 лет⁶⁾. Что касается нефти, являющейся теперь подспорьем к углю, то, при довоенном росте ее добывания, мировых запасов нефти хватит

1) Lübke. „Der sterbende Kohle“. 1925, стр. 445.

2) Lübke. Навв. сочинения, стр. 253.

3) См. доклад Redmaune'a: „The Coal Resource of the World“ в „The Transactions of the first world power Conference“, 1924, т. 1, стр. 420—422.

4) Redmaune, там же.

5) Redmaune, стр. 431.

6) Статья „Ресурсы энергии в СССР“. „Плановое Хозяйство“, 1925, № 1, стр. 155—157.

всего на 22 года. При стационарном потреблении этот срок удлинится до 57 лет¹⁾).

Таковы перспективы, как видим, — весьма близкие. Но это не только перспективы. Уже в настоящее время они переживаются весьма болезненно. Ведь угля и нефти высокого достоинства очень мало. В ряде мест их запас почти иссяк. В других местах их еще достаточно (Китай, Сибирь), но там они не могут пока утилизироваться. Мир ощущает уже угольный голод, и совершенно правильно указывает Любке, что угольный вопрос стоит теперь в центре всех хозяйственных государственных отношений Европы и мира²⁾). Хозяйственные круги настолько встревожены таким положением дела, что вопрос об «умирающем угле» был поставлен в качестве одного из основных на первой энергетической конференции, состоявшейся в Лондоне летом 1924 года. В резолюции, принятой конференцией, по этому пункту рекомендуется «введение наиболее экономичных способов распределения и утилизации энергии»³⁾).

Итак, прошли времена уверенности в том, что, куда ни запустить руку, везде к нашим услугам неисчислимые источники энергии. Теперь их нужно добывать, выбивая из кремнисто-скупой природы, используя каждую щелочку, где накопилась энергия, могущая быть освобожденной для работы. Недаром Гельмгольтц создал эти понятия—связанной и свободной энергии: не вся, далеко не вся она свободна для использования...

Сопоставим теперь этот результат, объявившийся к концу прошлого и к началу нынешнего века, с установленным выше стремлением к максимальной эксплуатации работающего человека путем отчуждения его действий и уподобления его самого бездушной машине. Оба эти явления, одновременно и ясно выраженные, говорят об одном и том же: настали суровые, железные времена какого-то кризиса производительных сил. Чтобы не уронить их ниже уровня, за которым начинается общественный упадок, приходится экономить во всем: в энергических ресурсах и в человеческом труде. В первом отношении на очереди использование деталей энергических процессов. Во втором—машинизация труда и самого человека.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Откуда же этот кризис? Он коренится, главным образом, в условиях текущей стадии капитализма. Но готовился он в его недрах давно.

Капитализм вообще, всякий капитализм, и стимулирует развитие производительных сил и тормозит их. В разные эпохи его истории перевешивает то одна, то другая тенденция⁴⁾).

В эпоху раннего капитализма, когда предпринимательская прибыль извлекалась, главным образом, из торговли («торговый капитализм»),

1) Там же.

2) Lübbe, стр. IV.

3) Кукель: Первая Всемирная Конференция энергии в Лондоне, „Плановое Хозяйство“, 1925, № 1, стр. 127, примечание.

4) Для торможения достаточно, если темп роста производительных сил замедлится и поведет к уменьшению ресурсов борьбы общества с неорганической средой.

производительные силы общества получили сильнейший толчок к развитию. В поисках за новыми рынками, европейские капиталисты XV—XVII веков впервые открыли землю, как целое, повсюду раскинув сеть своих торговых факторий, впервые избороздив все моря рейсами своих торговых флотов и заставив с небывалой до того быстротой циркулировать продукты потребления и сырье через океаны. Полнокровный, экспансивный, воспламененный жаждой богатой и легкой наживы, ранний—по преимуществу, торговый—капитализм поднял кривую общественной производительности до относительной высоты, которой он никогда не достигал впоследствии. Больше не пришлось ему позднее открывать новых Америк, не удалось извлекать баснословных прибылей, сразу и далеко оставляющих позади успехи прошлого. Но в этот период грандиозного стимулирования производительных сил капитализм обнаружил и свою колоссальную способность их тормозить. Капитал идет всегда в ту сторону, где выше норма прибыли. Он не заботится ни о степени общественной важности организуемых им отраслей хозяйства, ни о равномерном развитии всех производительных сил. Устремившись в торговлю, неслыханно прибыльную, капитализм XV—XVII веков пренебрег организацией производства. Между тем, если обмен и является одной из основных хозяйственных функций, производству принадлежит среди них первенство. Если принять даже во внимание, что само производство для своего развития нуждается в организации обмена, то все же прилив капиталов почти исключительно к торговле, чуть не абсолютно обескровив производство, надолго затормозил развитие последнего. В преобладающей своей массе не только сельское хозяйство, но и промышленность были обречены прозябать в ремесленной стадии. Когда же в промышленности начался процесс капиталистической организации производства, он долгое время пребывал в состоянии мануфактуры. Прошли века, прежде, чем, начиная со второй половины XVIII века, капитал мог оплодотворить и промышленность, дав ей энергичнейший толчок к развитию. Для этого надо было, чтобы торговля перестала приносить мифические прибыли, чтобы европейские общества почувствовали себя почти парализованными в результате кровавых войн XVII века и последовавшего за ними обнищания и чтобы норма прибыли в промышленности могла сделаться привлекательной для предпринимателей, избалованных легкими успехами в торговле.

Начался период промышленного капитализма. Если производительные силы общества не были подняты им на такую же относительно героическую высоту, как в эпоху предшествующую, колоссально расширилась их база, захватив не только торговлю, но и промышленность. Развитие пошло более широким и сплошным фронтом, и только земледелие сперва очень слабо вовлекалось в эту наступательную операцию. Введением машинного производства промышленный капитализм еще более содействовал победам организованной общественности над неорганической средой. Но и в этом победном шествии капитализма по пути развития производительных сил были стадии и места, где он терпел поражения, больше тормозя производительность, чем стимулируя ее.

Как сказано, земледелие туго поддавалось капитализации. И не потому, что капитализм в земледелии, как казалось и кажется многим, представляет собою явление противоестественное. Просто приложение капитала к нему было недостаточно еще прибыльным. Предприниматели предпочитали извлекать более высокие прибыли из торговли и промышленности. Земледелие, и до сих пор остающееся, как не раз указывали, базой существования человеческих обществ, пока пребывало в стадии низкой производительности, в ожидании, не сочтет ли, наконец, капитал выгодным для себя влиться и в эту сторону хозяйства. Развитие производительных сил задерживалось в эпоху промышленного капитализма еще в одном направлении. Ему вредила распыленность производства, связанная с тем, что в эту эпоху оставалась еще масса мелких и средних предпринимателей. Производство, сосредоточенное в немногих руках, давало бы более значительный эффект, так как, в этом случае, как известно, достигается экономия в издержках производства. Впрочем, с ростом и развитием промышленного капитализма, как это предсказал еще Маркс, это распыление производства сменялось все возрастающей его концентрацией.

Тем самым проходила эпоха промышленного капитализма. Наступила—начиная с 60—80 г.г. прошлого века—стадия финансового капитализма, освещенная главным образом в трудах Гильфердинга и Ленина¹⁾, как предшествующее развитие было разъяснено Марксом. Капиталистический мир пребывает в ней до сих пор. Казалось бы, благодаря величайшему сосредоточению производства и торговли в немногих промышленных и торговых объединениях, возглавляемых могущественными банками, занимающимися их финансированием, производительные силы должны были подняться в последние десятилетия на неслыханную высоту. И в отношении широты базиса их развитие должно было достигнуть новых успехов с тех пор, как в земледелие начал проникать капитализм в форме собственности на землю, сдаваемую в аренду непосредственным производителям в виде кредита машинами и деньгами и т. д., а также и путем непосредственной организации земледелия на капиталистических началах. Действительно, производительные силы современных капиталистических обществ стоят на уровне, абсолютно превосходящем все когда-либо бывшее. Но — только абсолютно. Потому что относительно к общественным потребностям этот уровень все еще невысок. И то, что он может подниматься теперь лишь весьма медленно, с тяжелыми перебоями, делает его резко недостаточным, прямо патологически низким.

В самом деле! Две существенные особенности характеризуют финансовый капитализм. И обе сильнее всего тормозят рост производительных сил. Одна заключается в том, что фактическая собственность на предприятия торговые и производственные все более и более

¹⁾ Гильфердинг: „Финансовый капитал“ (1908). Ленин: „Империализм, как новейший этап капитализма“, (1915).

переходит в руки банков, акционирующих и финансирующих эти предприятия. Получается своеобразное «разделение труда»: одни владеют предприятиями явным или скрытым образом, другие ведут соответствующие операции, изображая хозяев, а на деле будучи только чем-то вроде уполномоченных. В отношения между финансовым капиталом и капиталом промышленным проникают начала экспроприации последних в пользу первых. Впрочем, дело не доходит до превращения экспроприруемых капиталистов в пролетариев. Устанавливается—по крайней мере, пока—род симбиоза между ними, под которым скрывается, однако, непрерывная и ожесточенная война. Она ведется не только из-за прав собственности на предприятия, находящиеся под диктатурой финансового капитала. Поводом к ней служит нередко и то, что представители промышленного и финансового капитала разно понимают и толкуют интересы «дела», которым они руководят совместно. Больше произвести и больше сбыть: вот тенденция промышленного капитала, вот линия, на которой он пожинает наибольшую предпринимательскую прибыль. Интересы финансового капитала пересекают эту линию под некоторым углом, раствор которого может меняться довольно значительно. В некоторых случаях угол приближается к нулю. Прибыль на денежный капитал является *иногда* наибольшей, если производство и сбыт достигают максимальных размеров. Но нередко имеет место и обратное. Финансовый капитал может обогащаться и при свертывании производства, создавая этим недостаток предложения, следовательно—высокие цены. В свою очередь, это позволяет ему вздуть стоимость акций данных предприятий и таким путем колоссально обогащаться в то самое время, как общественная производительность резко понижается. Вполне в духе финансового капитала и другие операции, резко противоречащие интересам промышленности и росту производительности. Банки сплошь и рядом вкладывают акционерный капитал в предприятия, заведомо невыгодные, убыточные, обреченные на крах еще раньше, чем они начнут функционировать. Банки создают вокруг них дутую репутацию прочности, спекулируют на выпуске их акций по ценам, чудовищно не соответствующим действительной рентабельности рекламируемых предприятий, и, сбыв эти акции, умывают руки, когда разражается неизбежная катастрофа. В этом случае финансовый капитал *растет за счет прямого понижения производительных сил общества*. Нет надобности перечислять здесь все подобные случаи. Они подвертываются на каждом шагу, поскольку в условиях финансового капитализма прибыль извлекается не только из ведения производства и обмена, но также из спекулятивных финансовых сделок, для которых соответствующие торговые и промышленные предприятия служат крайне слабым и недостаточным обеспечением.

Другая существенная особенность финансового капитализма, тоже ведущая к упадку или ослабленному росту производительных сил, состоит в монополистическом характере, который хозяйство все более и более усваивает при господстве финансового капитала. В экономической литературе всех направлений давно и хорошо установлено, что, захва-

тывая в свои руки те или другие ветви производства целиком или в их главных отраслях, банки исключают тем самым возможность конкуренции и становятся монополистическими распорядителями целых областей не только народного, но и мирового хозяйства. Благодаря этому для них исчезает один из могущественных капиталистических стимулов к заботе о повышении производительных сил. Раз не нужно думать о соревновании с конкурентами, за отсутствием последних, нет надобности изыскивать более совершенные приемы производства, изобретать лучшие машины, улучшать качество продукции и т. д. Благодаря монополистическому господству на рынке, потребителям можно продать любой товар лишь бы он обходился дешево при производстве. Если его мало, — тем лучше: он будет продан дороже.

Все эти, теперь общеизвестные, особенности финансового капитализма, о которых мы сочли необходимым упомянуть во избежание неясности, приводят к тому, что Ленин метко назвал «загниванием капитализма» именно в высшей его — финансовой — стадии. В нем и состоит, по преимуществу, современный кризис производительных сил, о котором мы говорили выше.

Он осложняется еще некоторыми второстепенными обстоятельствами, частью тоже стоящими в связи с финансовым капитализмом. Таков, например, современный милитаризм, как способ империалистического расширения, и сама внешняя политика империализма. Привлекая огромнейшие средства, империализм и милитаризм дают им непроизводительное назначение. Они буквально рассеивают производительные силы, вместо того, чтобы накапливать и развивать их. Такие эпизоды в истории современного империализма, как недавняя мировая война, подготовку которой историки возводят к 80—90 годам прошлого века, служат как бы мерою, как бы показателем того, насколько и в этом отношении финансовый капитализм, опора империализма, способен тормозить развитие производительных сил.

Уразумев основу их кризиса, характерного для последних десятилетий, мы поднялись на высшую точку в нашем восхождении к причинам, объясняющим отчуждение действия, как элемент этого кризиса. Обозревая теперь с перевала картину, расстилающуюся под нами, мы ясно понимаем, как и почему она складывалась.

Перманентный длительный кризис производительных сил, являющийся необходимым следствием современной стадии капитализма, находит свое выражение в проповеди энергетической экономии и воздержания, с которой мы познакомились, поднимаясь в гору. Конечно, капитализм не виноват в том, что иссякает уголь, что завтра истощатся нефтяные ресурсы. Но он, его систематическое «загнивание» причиной того, что до сих пор изобретательный гений человека не придумал ничего взамен умирающих источников энергии. Недостаточное стимулирование развития производительных сил виною тому, что усилия технической мысли остаются в этом направлении бесплодными и «уголь, как свиде-

тельствует цитированный выше Любке, уголь еще не замещен»¹⁾). Потому что нельзя назвать замещением хотя бы электрификацию. Сама она по большей части основана на предварительной эксплуатации угольной энергии. В лучшем случае она отдалит срок истощения каменноугольных запасов вместо того, чтобы вовсе избежать ее, заменив уголь другим источником энергии. Один английский экономист доложил энергетической конференции, что электрификация позволяет извлечь из английского угля в три раза больше энергии, чем получается без нее. Венгерский план электрификации отодвигает истощение угля в этой стране «на двойной или более срок»²⁾). Все это хорошо. Но все это только паллиативы. Ведь «уголь еще не замещен»! Перед лицом этой перспективы советы осторожности и экономии напоминают мальтузианство. Они сами являются выражением мальтузианства, всплывающего на капиталистической поверхности всякий раз, как развитие капитализма приводит к кризису производительных сил.

В конце концов, своеобразным мальтузианством является и отчуждение действия. Выражение современного кризиса производительных сил, и оно в то же время рассматривается его экономическими теоретиками и на самом деле является паллиативом против кризиса.

В самом деле. Кризис—кризисом, а капитализм должен оправдывать свое существование экономически. Хозяйство, руководимое им, должно приносить прибыль. Иначе капитализм перестал бы существовать. Одним из источников получения прибыли является понижение издержек производства путем более «экономного» использования энергии. Но это, строго говоря, и не источник прибыли. Капиталистическая прибыль получается за счет эксплуатации не природы, а наемного труда. Благодаря ему-то понижаются издержки производства. Но чтобы не платить ему за это, выгоды понижения ставятся в счет техники и природы: им платить не приходится. Но чем вернее, что настоящая капиталистическая «экономия» является всегда следствием усовершенствованной эксплуатации наемного труда, тем серьезнее заботится капитализм об улучшении техники этой эксплуатации.

Капитализм попробовал уже не одно средство в заботах о надлежащей ее постановке. Сперва это был максимально длинный рабочий день при минимуме заработной платы. Потом, благодаря растущему сопротивлению рабочих, организуемых для этого развитием самого капитализма, началась своеобразная «игра». Сокращая рабочий день, предприниматели понижали одновременно и реальную заработную плату. Когда понижение это упиралось в неодолимое сопротивление рабочих, начиналось увеличение заработной платы, но параллельно и удлинение рабочего дня под тем или другим видом. Долго эта «игра» приводила к желательным для капитала результатам. Наконец, благодаря сосредоточенному противодействию рабочих, она перестала приносить заметную выгоду. В последние десятилетия становится все труднее и труднее

¹⁾ Цитиров. сочинение, стр. 444.

²⁾ См. цитир. статью Кукеля, „План. Хозяйство“, 1925, № 1, стр. 129—131.

играть на понижении заработной платы или на увеличении рабочего времени. Вот когда выдвинулась идея механизации труда и рабочего путем отчуждения действий от действующего.

Путь отчуждения, путь экспроприации лежит у капитализма в крови. Сперва он экспроприировал у рабочих орудия и средства производства (а с ними—и продукты производства). И на этом фундаменте воздвиг все свое пышное здание. Теперь он требует углубить экспроприацию. У рабочего оставался его «собственный» труд. Вовсе лишить его и этой «собственности» нельзя. Но можно устроить так, что она станет совершенно фиктивной. Действия будут выполняться рабочим, но независимо от его личной психики. Его труд делается плотью, душа которой поселится в предпринимательской «воле». Отторгнутый таким образом от личности рабочего, максимально обездушенный, труд допустит затем любое внешнее регулирование и, в пределе—полную механизацию, а следовательно и максимальную для новой—человеческой—машины эксплуатацию. «Научная организация труда», как ее понимают тайлористы, позаботится о том, чтобы из этой машины было извлечено все ее «полезное действие». И, таким образом, загнивающий капитализм обретет средство борьбы с кризисом производительных сил, ставшим для него постоянным. Он подготовлял это средство давно,—мы проследили его развитие со времен раннего капитализма. Конечно, не чудесная предусмотрительность побудила капитализм к такой заблаговременной подготовке средств против будущей болезни. Болезнь эта, в виде торможения производительных сил, вошла в его организм очень давно. Только она не получила сперва угрожающего развития. С кризисом производительных сил в эпоху торгового и промышленного капитализма еще можно было бороться растяжением рабочего времени и понижением заработной платы. Лишь дополнением к ним был прием стуждения действия, долгое время несовершенный, неполный. С наступлением финансового капитализма кризис производительных сил углубился. Старые средства борьбы с ним потеряли значение. И вот когда техника отчуждения действия, сперва средство второстепенное и дополнительное, получила полную разработку и приобрела первоклассное значение.

И тем не менее, средство оказывается недействительным. Его применение—выражение вынужденной, роковым образом необходимой социологической ошибки. Только в чрезвычайной крайности можно лечить болезнь ее же симптомом. Ведь само-то явление отчуждения действия представляет как раз одну из составных частей этого кризиса производительных сил, от которого капитализм собирается лечить с помощью отчуждения действия.

Да и, кроме того, это слабое средство. Оно плохо учитывает сопротивление рабочих. Не для того же капитализм организовал их, поднял и упорядочил их классовое сознание, чтобы оно в решительный момент отказалось видеть и понимать, где враг и как с ним бороться. И мы знаем, что отчуждению действия оказано и оказывается рабочими самое мощное противодействие, не говоря о тех условиях, которые—мы убедились—поддерживают это противодействие и с дру-

гих сторон. В конце концов, метод отчуждения действия, из универсального средства борьбы капитализма с его же собственным «загниванием», низошел и остается пока лишь весьма ограниченным по размерам, хотя и отчетливым по существу, показателем, симптомом этого самого загнивания.

Совершенно естественно, что этот симптом должен был получить также идеологическое выражение. Глубокая внутренняя болезнь, состоящая в кризисе производительных сил, не могла не сказаться в современной науке, искусстве и философии. Тем более, что, как сказано, ставя вещи на голову, капитализм в самой этой болезни ищет средства против нее. Отчуждение действий на практике, являющееся таким мнимым средством, должно было получить теоретическое обоснование. И мы действительно видели, что и по существу, и по времени, и по размерам между отчуждением действия в хозяйстве и в идеологии существует теснейшая связь. Это не связь причины со следствием. Все формы отчуждения действия, как в хозяйстве, так и в идеологии, являются в равной мере следствиями одной и той же общей причины. Она состоит в особенностях современного капитализма, с необходимостью вызывающих хронический кризис производительных сил. Отчуждение действия во всех видах и является одним из элементов этого кризиса загнивания, естественно распространяющегося не только на хозяйство, но и на все остальные проявления общественной жизни.

Почему отчуждение действия получило такое ограниченное распространение в хозяйстве, мы уже видели. Но чем объяснить, что и в идеологии оно осталось тоже крайне скромным по своим размерам? Ведь особенности современного капитализма, вызывающие отчуждение действия, носят характер универсальный. Если в хозяйстве их следствию отчуждения действия в форме тайлоризма и т. п. помешало развиваться организованное сопротивление рабочих, то что же воспрепятствовало идеологическим формам получить универсальное распространение? Не сопротивление же рабочих, в большинстве своем даже и не подозревающих о существовании врага и в этой области.

Дело объясняется противоестественностью задания. Художникам, ученым и философам, представителям специфически-духовной культуры, ее активнейшим работникам, давление общественной необходимости навязало задачу осмыслить духовный элемент жизни, как несущественный, сведя жизнь к совокупности невыразительных процессов. а ее носителей и деятелей, живые существа—к автоматически-действующим машинам без своего лица, без индивидуальности—либо к теням индивидуальности, единичной и собирательной. Что может быть противоестественнее этого?..

Угашение духа передовыми, профессиональными его возжигателями представляется настолько затруднительной задачей, что приходится удивляться не тому, что она, эта задача, редко кем разрешается,

а скорее тому, что она находит хотя бы немногих исполнителей, особенно в рядах талантливых представителей искусства, науки и философии. Как поднимается у них рука на это? Неужто они не оказывают никакого сопротивления внешней необходимости, стремящейся сделать из них палачей их собственного дела—дела возрастающего одухотворения жизни?

Этого сказать нельзя. Сопротивление оказывается. Разве мы не видели, что художники, обездушивающие поведение и лица своих героев, не в состоянии сделать из этого приема нечто постоянное? Разве мы не отметили отказ Пикассо от кубистической манеры после того, как он принес ей в жертву несколько лет—и, вероятно, лучших лет—своей жизни? А философы, занимающиеся оправданием отчуждения действия под видом проблемы чужого одушевления,—они-то разве довольны результатами, к которым приходят? Не взывают ли они к совести, к вере, к постулатам, чтобы хотя несколько смягчить горечь этих результатов? Разве не штрафовал Павлов своих сотрудников за употребление «суб'ективной» терминологии, и сколько лет мучили его сомнения, по правильной ли он дороге идет? И не этими ли сомнениями. и до сих пор живыми, придется объяснить, что он не отрицает «человеческой» психологии хоть на словах, целиком отвергая ее на деле, логикой своей «отчуждающей» мысли... Даже Тэйлор, создатель техники практического обездушения дела и человека, искренно—в этом нельзя сомневаться—преискренно печется о благе всех людей, насколько оно доступно его социально-наивному пониманию.

И все-таки! И все-таки это сопротивление, этот протест совести, веры, привычки и добродушия не останавливают судебного процесса, клонящегося к угашению «духа». За него—«разум», «об'ективное мышление»—и подсудимый осужден заранее, несмотря на все прекраснодушие его защитников. Почему же?

Еще Гегель говорил о «хитрости мирового разума». Своих целей он достигает не прямыми, а обходными путями. Он утилизирует «естественный» ход вещей, чтобы бороться с ним же.

«Мировой разум» с избытком замещается в нашем случае необходимостью внутреннего развития капитализма. Она оказывает на людей ведущее влияние, пользуясь путями, которыми они уже следуют.

Выше было показано, напр., что в искусстве прием изображения жизни посредством мертвого являлся одним из возможных в порядке внутреннего развития изобразительных средств. Правда, он был не из самых вероятных и, не подхвати его волна общественной потребности, он так и остался бы, надо думать, чистой возможностью. Такая волна, однако, поднялась—и вот «мировой разум» достиг своей цели». С той лишь разницей, что ему пришлось примириться со скромными размерами своего очередного воплощения.

Нечто аналогичное мы видели и в судьбах об'ективной психологии. Одна из возможностей развития психологии из дурной физиологии в нечто более цельное и последовательное состояла в ее превращении в настоящую, доброкачественную физиологию. Правда, для этого

психологии нужно было бы покончить самоубийством при здоровом уме и твердой памяти. Небольшого нажима со стороны «мирового разума» было довольно, чтобы, несмотря на ум и память, а даже с их помощью, последовательность восторжествовала. На крыльях этого коварного разума, сказанная возможность реализовалась, совершив *salto mortale* над барьером, отделяющим психологию от чистой физиологии. Но ведь это была все-таки только одна из возможностей, притом—самая крайняя, самая маловероятная и, следовательно, ограниченная по величине, как все крайнее и маловероятное. И вот «мировому разуму», при всей его хитрости, еще раз пришлось удвлетвориться весьма нероскошным «воплощением».

Идеалистическая философия второй половины XIX века неуклонно катилась к солипсизму, сомневавшемуся в объективном существовании не только душевной жизни, но и материальной действительности. И тут вмешалась логика капиталистического развития, с ее потребностью в отчуждении духа от плоти путем пренебрежения первым в пользу последней! В результате, материальный мир стал казаться достоверно-существующим. Сомнения сохранились лишь по адресу «духа». Проблема солипсизма превратилась в проблему чужой одушевленности. Это была непоследовательность, тем более грубая, что для идеалиста «дух» *ex definitione*, по самому существу идеализма, несомненное материи. Такая непоследовательность не могла быть сделана всеми идеалистами, тем более многими. Она могла осуществиться только в порядке редкого исключения. И вот почему идеология отчуждения действия в форме учения о недостоверности чужого одушевления представлена в современной литературе весьма скромно.

Отчуждение действия от социального деятеля, проявившееся в виде формального метода в литературоведении, облегчалось в развитии последнего тем, что разными путями в искусствоведении проникал интерес к проблеме изобразительности в искусстве, к вопросу о методах и приемах, с помощью которых проявляется здесь оценка людей, жизни и мира. Давлению «мирового» разума и здесь оказалось возможным из интереса к этим проблемам создать учение, что в искусстве только и есть, что эти методы и приемы, под которыми нет никаких оценок и за которыми нет никаких осмысливающих их жизненных источников в виде деятелей, единичных или собирательных. Но ведь и эта чудовищная аберрация не могла рассчитывать на популярность. В основной массе искусствоведов она не могла встретить сочувствия, как крайнее отклонение от путей развития искусствоведения, всегда—пусть и в разной степени—исходившего из понимания великой жизненности искусства, его укорененности в глубоких пластах и слоях личного и общественного бытия.

Наконец, та последовательная философия миротворящего действия без всякого деятеля, с которой мы познакомились на примере Когена, явилась, мы знаем, результатом косвенного воздействия какого-то толчка на последовательное развитие неокантианского учения о субъекте познания. В стремлении придать познанию объективность, его

оторвали от связи с психофизическим я, с коллективным, с родовым я. Оставалось сделать только один шаг, чтобы разлучить его со всяким я. Правда, этот шаг был скачком над пропастью. Правда, он порывал со всем, что привело к нему. Это не помешало логике капитализма использовать его для нового примера идеологического отчуждения действия. Но это все-таки помешало тому, чтобы этот шаг мог сделаться явлением обычным. Даже и в цирках—salto mortale не правило, а только исключение. Кольми же паче в философии...

Так, пользуясь там и сям наличием пунктов наименьшего сопротивления, современный капитализм заставляет служить своим интересам науку, искусство и философию, прорывая фронт жизни именно в этих пунктах. Через эти прорывы просачивается струйками ядовитый газ отчуждения действия. И вот он поднимается отравляющим столбом в хозяйстве, в искусстве, в философии и в науке. До сих пор силою мощных и враждебных ветров эта газовая атака обезвреживалась. Опасность благодаря им локализовалась.

Но что же впереди?...

Т. Райнов

Август. 1925 г.

ОДИН ИЗ СДВИГОВ В ИСКУССТВОВЕДЕНИИ

I

Мне удавалось лишь от времени до времени, из личных бесед с тов. Б. В. Глебовым-Асафьевым, из отдельных доходивших до меня статей, узнавать о работе, которую проводит Разряд¹⁾ истории и теории музыки в Ленинградском Государственном Институте Истории Искусств. Теперь мне удалось получить более полную картину проведенной там работы из первого выпуска сборника «De musica», недавно вышедшего. Сборник произвел на меня самое благоприятное впечатление, хотя, как увидит читатель, я не во всем согласен с авторами главнейших статей, в нем содержащихся. Тем не менее, этот сборник и сам по себе, и как характерный кусок всей работы Разряда, свидетельствует о блестящей работе, которая по праву может быть названа европейской по своему масштабу, работе свежей, вдумчивой и в высшей степени полезной. Сборник содержит, между прочим, и небольшой отчет о деятельности Разряда за пять лет его существования.

Из этого отчета мы узнаем, что Б. В. Асафьев стал руководителем Разряда только в конце 1920 года. С тех пор, под непосредственным руководством этого замечательного человека, и начала развиваться исключительная работа Разряда. Отчет так характеризует состояние науки о музыке в России до последних лет: «Если не считать отдельных нередко самоотверженных попыток строить науку о музыке в России или в области истории культового пения (Разумовский, Смоленский, Преображенский), или в виде прерывистых начинаний изучения с чисто этнографической стороны русского народного песнетворчества, то на долю русского музыковедения остаются капитальные научные труды Танеева, Сахальского, отдельные, чаще проникновенные, нежели научные статьи Серова, Лароша и т. п. Только в более близкое к нам время, уже в XX веке, мы, в лице московского музыканта Б. Л. Яворского, получили крупную музыкально-научную личность, имеющую и свои методы, и свою школу».

Разряд поставил перед собою цель всемерно содействовать развитию в России музыковедения, при чем, конечно, ясно, что дело не сводится здесь к простой популяризации хороших, готовых, музыкально-научных и вообще искусствоведческих сокровищ Западной Европы. Естественно, что на Западе мы можем получить еще многое,

1) Теперь „Отдел“.

как из того, что там уже имеется, так и из того, что там, можно сказать, ежедневно разворачивается. Но все же надо признать, что западно-европейское искусствоведение далеко еще не достигло какой-нибудь законченности или хотя бы даже зрелости. Мало того, что касается нас, марксистов, то мы твердо убеждены, что огромное большинство искусствоведов Запада осуждено в лучшем случае на интересное собирание материалов, на разрешение отдельных проблем предварительного характера и т. д., ибо без изучения искусства, как явления социального, оно никогда не может быть изучено вообще. Социологическое изучение искусства есть не просто одна из сторон такого изучения, хотя, конечно, оно не обнимает собою целиком всего искусствоведения. Оно является основным стержнем, без которого все остальные подходы, все остальные построения в области искусствоведения рассыпаются. Попытки же построения обобщающего социологического здания в этой области, лишённые подлинной научной связи, которой может быть только марксизм, конечно, являются уродливыми, скорее тормозящими подлинное строительство в этой области, чем ему способствующими.

Вот почему каждый раз, когда мы говорим сейчас о создании в России какой-нибудь школы, изучающей какие бы то ни было явления, которые имеют отношение к обществу (а ведь это относится почти ко всему на свете), мы спрашиваем себя: положено ли в основу этого изучения, по крайней мере, в социологическую часть этого изучения,—учение марксизма, или, в худшем случае, имеются ли, по крайней мере, здоровые элементы марксизма в данной научной работе?

Посмотрим теперь, как подошел Разряд к постановке вопроса.

Отчет говорит нам: «Не предвещая тех форм, в которые должно было отлиться, в соответствии с современностью, музыкально-научное мировоззрение кадра молодых научных работников, первым методологическим требованием, вернее чисто рабочим приемом, выставленным руководителем Разряда, явился порядок исторических исследований—быть ближе к изучаемому материалу, т. е. к конкретному музыкально-художественному памятнику и к окружающему его музыкально-общественному быту, а в порядке теоретических построений—помимо отправлений от самой музыки—еще полный отказ от формалистической позиции и отвлеченной эстетики».

Кто знает, что Государственный Институт Искусств был, а во многом и теперь остается как раз аппаратом формальной школы, тот оценит, что лозунги эти, выдвинутые тов. Асафьевым, представляли собою большой шаг вперед по направлению к правильной установке музыкально-научного исследования.

Важной датой в развитии Разряда было 6-е марта 1922 года, когда тот же Асафьев основал музыкально-философский семинарий при Разряде. С тех пор, и в семинарии, и в самом Разряде начался большой ряд чрезвычайного достоинства исторических и теоретических исследований в области музыки.

Постепенно вырабатывались все основные методы исследования. Б. В. Асафьев в сборнике «Задачи и методы изучения искусства» сборнике, большинство статей которого, между прочим, представляют собою формулировку, так сказать, классического формализма, напечатал статью «Теория музыкально-исторического процесса, как основа музыкально-исторического знания».

Отчет, который я цитирую, так формулирует главные принципы этого труда: «Не личность композитора, как таковая, интересует историка-музыканта, а то окружение этой личности, которое неверно, но привычно именуется нами музыкальным бытом, музыкально-общественная среда, развитие которой, как и всякой идеологической надстройки, имеет свои собственные законы, свою интонацию и свой темп».

Итак, уточняя сказанное раньше об отходе от формализма, тов. Асафьев идет дальше. Если исходным моментом для исследователя является музыкальный памятник, созданный определенной личностью, то исходным моментом в объективной действительности оказывается уже некоторое широчайшее социальное явление, именно музыкальная среда или, как еще определеннее выражается отчет, музыкально-общественная среда. Конечно, музыкально-общественная среда является частью среды вообще, частью общества. Она характеризуется, как идеологическая надстройка, и ясно, что она должна быть исследуема в связи с тем фундаментом, на котором она покоится, которым она определяется. Заявление же о том, что развитие этой специально музыкально-общественной среды имеет свои собственные законы, в этих общих рамках является, конечно, правильным. Марксистская теория и история искусства совершенно отвергли и, надеюсь, похоронили воззрение, будто искусство вообще и каждое отдельное искусство в частности, например, музыка,—просто отражает как зеркало, то, что происходит «в основе», т.-е. в «экономике» данного общества. Зеркало каждого искусства есть прежде всего специфическое зеркало, которое весьма оригинально преломляет отражающееся. Во-вторых, к специфичности этого зеркала относится то, что на нем остаются следы прошлого, и что эти следы прошлого вступают в своеобразную борьбу и разные комбинации с новыми «отражениями». Историк музыки должен отдавать себе точный отчет в истории вообще, беря эту историю через социологическую призму, рассматривая ее в ее подлинной структуре, от определяющего экономического момента, через классы с их интересами и тактикой, к обще-культурной атмосфере данного времени и, наконец, к той специальной среде, какой в данном случае является музыкально-общественная среда. Эта среда, в большинстве случаев, вовсе не окажется единой, в ней придется различать разные потоки, разные перекрещивания социальных силовых линий, и только анализ этого сложного узла может дать ключ к полному пониманию места и значения данного композитора или данного произведения в общем росте музыки, как культурной силы.

В этом направлении шел и идет Разряд. Даже самые заглавия некоторых оставшихся мне, к сожалению, неизвестными работ показывают, что в Разряде частенько берут быка прямо за рога и подходят к коренным вопросам марксистской методологии искусствознания. Об этом говорит, например, заглавие работы Грубера «Современная музыка и диалектический материализм». Между прочим, эта работа Грубера привела, в конце концов, к созданию в Разряде в 1924 году социологической секции ¹⁾. В Институте Истории Искусств долго не было другой социологической секции, только Асафьевская школа музыковедения дошла до выделения такого, в высшей степени интересного органа. Упоминаю лишь, что в развивающейся рядом другой, очень важной для искусствоведов ассоциации, именно в Академии Материальной Культуры, имеется также отдел социологии искусства, находящийся формально под моим председательством, фактически же руководимый проф. Фармаковским. В свое время я опубликовал в прессе весьма интересные данные о работе, которую прodelывает этот научный аппарат.

Весьма знаменательно то, что говорит отчет об организации социологической секции в Разряде: «Теоретики и историки Разряда пользовались и до этого времени в своих работах диалектическим методом мышления. Упорно отстаивая в течение всех пяти лет динамистические воззрения на природу музыкального искусства и проводя неуклонно, по самому существу своих заданий, историческую точку зрения на изучаемый объект, естественно, они приняли совершившуюся к этому времени реформу Института, как достаточно созревшее, глубоко продуманное и изнутри идущее необходимое развитие всей предшествующей деятельности».

Н. Я. Марр, давший толчок к основанию комиссии по социологии искусства в Академии Материальной Культуры, заботливо указывал на то, что никто не смеет представить дело постепенного внедрения марксистских методов в научную работу Академии, как нечто извне навязанное или как некоторый защитный цвет, принимаемый Академией в угоду политически господствующей партии. Марр подчеркнул, что постепенный подход русской социологической науки к марксистским позициям в общем совершенно естественен. Ведь не могут же русские ученые не присматриваться к доктрине, оказавшейся основным орудием партии, сделавшейся руководящим органом всей жизни их страны? А присматриваться к марксизму вне пресса буржуазной псевдо-культуры, присматриваться к нему совершенно объективно, по-честному, это значит для иных стать его адептами, для других — по меньшей мере проникнуться уверенностью, что в марксизме содержится очень много истины.

Правда, иные марксисты стоят на точке зрения—все или ничего, с нами или против нас. Они склонны говорить, что эклектический полумарксизм, в каком они, например, укоряют проф. Сакулина (я говорю о его книгах «Социологический метод» и «Синтетический метод

¹⁾ Пыле включенной в т. я. „Социологический Комитет Г. П. И. И.“.

в литературоведении»), является, так сказать, ядовитой эмульсией и служит не для развития марксизма, а скорее для его деформации. Я с этим радикальнейшим образом несогласен. Само собою разумеется, что марксистская критика должна встречать все подобные работы с большим вниманием. Недаром руководитель как раз того самого Государственного Института Истории Искусств, о Музыкальном Разряде которого я пишу, профессор Ф. Шмидт свою интересную книгу «Искусство», о которой я еще буду писать, снабдил почти лирически звучащим предисловием, обращаясь с просьбой к марксистам проверить его личную систему и сказать наконец о ней, является ли она недопустимым идеализмом или законной формой материалистической мысли?

Но скажите, имеется ли у нас уже в области искусствоведения марксистская ортодоксия? Конечно, нет. У нас есть несколько основных принципов, у нас есть некоторые подготовительные труды, у нас есть небольшая группа усердно работающих товарищей. Но разве мы не должны критиковать сами себя и друг друга? Разве не ясно, что самая молодая из ветвей марксистского древа — марксистское искусствоведение — может развиваться только путем интенсивной работы? Все это ясно. Ясно и то, что марксизм, стремящийся в этой области как можно скорее перейти к какой-то преждевременной черствой ортодоксии, не имеет ничего общего ни с подлинной научной мыслью, ни, конечно, с подлинным марксизмом. С точки зрения многих представителей этого обуженного и зачерствевшего марксизма, часто кажутся эклектизмом взгляды, которые давно освящены величайшими авторитетами, авторитетом Энгельса, например. Твердый мир марксистских теоретических принципов и исторических характеристик в области искусства поднимется и сложится лишь постепенно, как совокупность блистательных и твердых кристаллов из весьма разнородного, богатого содержанием, но пока неустойчивого раствора.

Припомним же, что даже в работах таких мнимых марксистов или полумарксистов, которые являются в то же время настоящими учеными и которые пытаются объединить разнороднейшие данные своих знаний и своих индивидуальных воззрений с марксизмом, найдется рядом с некоторыми шлаками большое количество крупниц весьма важных для создания марксистского искусствоведения. Менее всего таких крупниц найдем мы, вероятно, у мнимых марксистов, имеющих, быть может, все свидетельства о марксистской благонадежности и о партийном добронравии, но не обладающих двумя существенными чертами, необходимыми для научной работы: действительно живыми и широкими знаниями и действительно гибким творческим умом.

Возвращаясь к социологической секции Разряда, секретарем которого сделался С. Гинзбург, можно сказать, что, несмотря на свою молодость, она уже проделала некоторую работу; так, тов. Финягин прочел там доклад «Музыка и культура современности». Из отчета мы узнаем, что основным тезисом доклада явилось положение, что «даже столь, казалось, отвлеченное построение, как музыкально-

эстетические воззрения, суть лишь следствия определенных общественных отношений и взаимодействий техники и материальной культуры. Признание дисциплин музыкознания только потому трудно прививается, что до сих пор они не ставились в связи с общим культурным и общественным ростом страны».

Остается лишь пожалеть, что этот доклад, интересный по теме, еще не опубликован.

Мы узнаем также, что с осени 1924 года был включен ряд чтений, базирующихся на социологическом подходе.

Если вы припомните к этому, что Разряд работает вместе с Ленинградским Губоно (с его Соцвосом) над разработкой школьно-музыкальных вопросов, что он устроил ряд реконструкций музыкально-художественных произведений и развернул большое количество концертов, впервые познакомив ленинградскую публику с новейшей европейской музыкой, что он устроил 18 открытых заседаний, посвященных интереснейшим темам, то разве можно не поздравить его с такой работой?

Отчет кончает такой самооценкой: «Факультет истории музыки, скромно начавший свою работу с лекций С. М. Ляпунова, за пять истекших лет развернулся в большое научно-исследовательское учреждение по вопросам музыкознания; об'единил вокруг себя свыше 30 работников искренне преданных делу, воспитал ряд научно-музыкальных и общественных деятелей, возобновил музыкально-научное издательство и способствует повышению концертной деятельности Ленинграда. Но не в этих скромных результатах его сила: сила его в том, что за 5 лет чисто черновой предварительной работы Разряд вырос в определенный музыкально-идеологический центр, твердо и неуклонно проводящий свои взгляды на музыкальное искусство и на задачи русского музыкознания».

II

Прекрасным образчиком работы Разряда является сборник «De musica», т.-е. содержащиеся в нем теоретические статьи. Прежде всего я оставляю в стороне, как не специалист, работу Римского-Корсакова об основании четверти-тоновой музыкальной системы.

Не подлежит никакому сомнению, что это чрезвычайно интересная работа. Переход к четверти-тоновой системе есть одно из важнейших явлений, так сказать, в формальном развитии нашей музыки. И хотя, может быть, большая дорога реформы самых основ музыки лежит по другой линии, но, во всяком случае, мы, почти наверное, будем свидетелями известного развития четверти-тоновой музыки, для которой создаются уже специальные инструменты. Для тех музыкантов, которые захотят идти по этой дороге обогащения элементов своего творчества, работа Римского-Корсакова, несомненно, послужит фундаментом.

Остальные работы имеют прямое отношение к социологическому изучению музыки. Очень интересна первая статья, принадлежащая

самому Глебову-Асафьеву, озаглавленная «Современное русское музыкознание и его исторические задачи». Я, однако, не буду останавливаться на подробном разборе ее. Я нахожу в ней две основные мысли. Во-первых, тов. Асафьев идет к марксистскому музыкознанию, так сказать, с боями. Кое-где он опасливо оговаривается, боясь вульгаризации этого необыкновенно сложного и необыкновенно спорного дела. Конечно, в высшей степени легко нивелировать важнейшие и тончайшие оттенки в области музыкознания, проводя примитивные, прямолинейные линии по его поверхности. Быть может, в некоторых случаях тов. Асафьев слишком осторожен, но нельзя не сочувствовать ему, когда он говорит о вульгаризаторах и марксизма, и музыки, которых расплодилось не мало. Я уже в предыдущей главе говорил о том, что они оказывают плохую услугу и марксизму, и искусствоведению, самой партии, от имени которой они прямо или косвенно работают, заявляя, что они, так сказать, обновляют завоеванную пролетариатом культурную землю.

Чем более искренно стремление самого Асафьева осторожно ориентироваться в тончайших чертах музыкального явления, освещая их фонарем диалектического мышления, историческо-материалистического подхода к классовым элементам, тем, конечно, более опасается он смешения этой работы с грубыми приемами какой-нибудь возобновленной шулятиковщины.

По другим поводам мы, может быть, попытаемся исследовать, какова материалистическая база самого Асафьева, сколько в ней содержится материализма, сколько содержится в ней законных элементов, так сказать, внемарксистского порядка, и не содержится ли в ней чего-нибудь антимарксистского? Мы, может быть, сделаем когда-нибудь эту работу на основании обследования всех книг и статей этого замечательного мыслителя. Сделаем это товарищески и с уважением к блестящей культурной работе, которую тов. Асафьев развертывает на наших глазах. Сейчас я только констатирую его несомненный поджог к историко-социологическому воззрению на музыку, его несомненное стремление связать и нынешнее музыкальное строительство с современностью, его несомненно почтенную осторожность в этом отношении и его несомненно правильные возражения против халтуры в этой области.

Вторая часть интереснейшей статьи Асафьева представляет собою попытку начертать основные пути даже не музыкознания, а самой музыки,— для России. Этим путем он считает, во-первых, дальнейшее и при этом самостоятельное следование по путям западно-европейской музыки. У тов. Асафьева нет ни в малейшей степени сознания того, чтобы музыка Запада исчерпала себя, чтобы она переживала по всему фронту некоторого рода декаданс. Я думаю он прав, когда находит в ней значительные элементы жизненности, прав и тогда, когда утверждает, что иные русские музыканты, воспользовавшись этими жизненными элементами, могут занять в мировой музыке совершенно исключительное место. Мы уже сейчас присутствуем при подобном явлении. Редко кто может оспаривать,

что русские музыканты Стравинский и Прокофьев занимают первое место среди мировых композиторов. Исполнение симфонии Мясковского, которого мы у себя недостаточно ценим, в Чехии и Соединенных Штатах вызвало бурные восторги. Мы до безобразия (не по нашей вине, конечно) сжали возможности наших композиторов. Их вещи остаются в ящиках письменного стола. Не только их трудно издать, но зачастую очень трудно и исполнить. Но, я повторяю, когда мы начинаем знакомиться с прдукцией наших музыкантов, мы приходим к выводу, что русская музыка находится накануне нового расцвета. Нет никакого сомнения, что русская музыка будет при этом опираться не только на западно-европейские элементы, но, конечно, и на богатый славяно-восточный фольклор, являющийся, так сказать, культурным черноземом, на котором мы растем. Вот почему мне кажется некоторым увлечением со стороны Асафьева, когда он разделяет в качестве двух разных дорог путь западно-европейской музыкальной мысли и техники и разработку восточных музыкальных начал. Не соблазнил ли здесь чересчур Асафьева высоко-талантливый парадоксалист Арсений Авраамов?

Конечно, музыка Востока не вкладывается совершенно в основные конструктивные рамки европейской музыкальной системы, конечно, европейская музыкальная система—это нечто вроде Эвклидовой геометрии, рядом с которой могут существовать другие геометрии. Но сколько таких других геометрий ни придумывалось бы, все же надо признать, что Эвклидова геометрия создалась не случайно, а имеет в себе огромные основы для того, чтобы житейски оставаться доминирующей в нашем быту и во всей нашей, примыкающей к реальной жизни, науке. Нечто подобное случится, вероятно, и с музыкой. Застоявшиеся формы музыкального здания Запада сейчас тают, подвергаются всякого рода перестройкам, становясь эластичными, и таким образом намечается путь, о котором неоднократно упоминает в своей статье Асафьев, целесообразного включения в наш музыкальный мир и таких элементов, которые раньше не могли быть в него вдвинуты или двигались в него только путем болезненной деформации.

Вряд ли, с другой стороны, различные формы азиатской музыки могут быть приняты за основание для постройки новой музыкальной пирамиды, которая возвысила бы свою главу выше европейской. Такие надежды граничили бы немножко с идеями нынешних европофобов и азиатофилов, которые думают, что на основах азиатской метафизики возможно воздвигнуть здание более обширное и возвышенное, чем еще не достроенное, но величественное сооружение европейского точно-научного знания. Азия, конечно, волеет много благотворного и нового в общеевропейскую культуру, когда—не без помощи большевистских идей и большевистских приемов—окончательно проснется и войдет, как равноправная семья народов, в общечеловеческую культуру. Но еще больше получит Азия от Европы. Буржуазная Европа, конечно, старушка, но ее наследница—Европа пролетарская—молода, сильна. Если в жилище старушки, упорно не

желающей умирать, но, тем не менее, обреченной, имеется большое количество ненужного скарба, то там же хранятся и ценности, если не вечные (этого слова зря употреблять нельзя), то, на обозримое время, чрезвычайно нужные для роста человечества. У Арсения Аврамова есть тенденция крикнуть по-славянофильски: повернемся спиной к гнилому Западу и лицом к азиатской деревне. А Асафьев — человек отзывчивый и впечатлительный — склонен уже видеть такую перспективу: одна колонна русских музыкантов марширует на Запад, а другая на Восток. Одна становится спиной к Западу, другая к Востоку. Зачем это? На самом деле этого не будет. Или вернее: самыми сильными музыкантами окажутся те, которые в силу нашей евро-азиатской сущности окажутся именно представителями евро-азиатской музыки. Ведь это сделало великими почти всех наших великих музыкантов. В новых формах и с новыми возможностями та же работа будет идти и дальше.

III

Я хочу более внимательно остановиться на статье Р. Грубера «Установка музыкально-художественных понятий в социально-экономической плоскости».

Прежде всего я, конечно, отсылаю читателя к самой статье, я не имею ни малейшего желания пересказывать ее здесь. Скажу только, что она выросла из стремления создать некоторую систему взглядов, которые опирались бы одновременно на действительные знания как в области марксистской экономической науки, так и в области науки музыкальной.

Правда, собственно научно-музыкальная часть статьи Грубера не велика, и статья его относится скорее к общему искусствоведению, что делает ее особенно ценной.

Грубер очень остроумно подходит к разрешению вопроса о музыкальном произведении, как ценности, рассматривает его, как продукт труда, как товар на своеобразном рынке. Старается установить, что делает этот продукт общественно полезным. Нельзя не приветствовать прекрасное определение особенностей художественного творчества, как не повторяющего ранее данный образец, вся суть ценности которого заключается во внесенной в него новизне, новизне как по отношению к отображаемому объекту, так и по отношению к прежде имевшимся образцам, часто и новизне, по отношению к приемам творчества. Закон, устанавливаемый при этом Грубером, гласящий, что художественное произведение тем ценнее, чем более в нем новых элементов, при условии, однако, включения их в некоторую организующую систему, закон, который можно суммировать так: «художественно прекрасным является возможно более богатый и в то же время возможно легко воспринимаемый комплекс явлений,» я принимаю с удовольствием, так как это и есть тот закон, который я считаю лежащим в основе подлинной научной эстетики. О нем мне приходилось неоднократно писать, и я рад встретить его в качестве

как бы неизбежного обоснования для дальнейших рассуждений в статье Грубера. В общем и целом статья эта является настолько ценным вкладом в искусствоведение, что, мне кажется, ни один человек, работающий в этом направлении, не может пройти мимо нее.

Но я хочу сделать здесь и несколько возражений, при этом в пунктах весьма существенных, замалчивать которые было бы нельзя. Говоря о ценности произведения искусства, приходится, конечно, наталкиваться и на вопрос о содержании, которое, так сказать, передается художником потребителю, и о форме, при помощи которой художник делает это содержание более доступным, более богатым, впечатлевающимся. Тут-то, мне кажется, т. Грубер неправильно пользуется одним из терминов марксизма, делает неожиданное и ненужное отступление в сторону формализма.

Говоря «о проблеме музыкального содержания», Грубер рассуждает так: «В музыкально-художественной конструкции овеществляется какое-то «содержание». Термин этот, без которого, думается нам, не обойтись, следует понимать примерно в том смысле, как его употребляет Маркс в выражении: «товар — овеществленный труд». Иными словами, конечно, не в смысле наивного реализма, как некоторую кристаллизацию в звуках «внемusикального содержания»; термин «овеществление» означает лишь эквивалентность вызываемого восприятием-потреблением раздражения тому состоянию музыкального сознания, которое побудило художника оформить звуковой материал так, а не иначе. Звуковая конструкция является носителем определенной содержания; отсюда, по аналогии с товарным фетишизмом, быть может, следовало говорить о художественном фетишизме: и там и здесь фикция, но фикция, вызывающая реальные социально-экономические сдвиги».

Эта несколько странная идея получает свое дальнейшее освещение в таких размышлениях: «Конечно, композитор в любом случае имеет дело со специфически-звуковыми концептами и оформляет их в соответствии с требованиями самого звукового материала, но отказывать музыке вследствие этого в фикции «внезвукового содержания» было бы с экономической точки зрения столь же нецелесообразно, как отрицать за бумажными деньгами в стране с золотой валютой платежную силу на том основании, что в них не содержится фактически ни крупинки золота. И тут, и там, повторяю, фикция, но фикция могущественная, диктующая реальные экономические сдвиги».

Заблуждения здесь бросаются в глаза. Начнем с конца. Является ли действительно «фикцией» эквивалентность бумажных денег золоту?

Всякий знает, что если в основе бумажного денежного обращения не лежит реальная обеспеченность, то наступает инфляция, деньги падают в цене. Проведем параллель с «образами», более чем понятными, к которым прибегает здесь Грубер. Получилось бы следующее: чем более внемusикальное содержание, присущее музыкальному произведению, является «фикцией», тем менее ценно само музыкальное произведение. Это ли хотел сказать Грубер? Несомненно, что он хотел сказать не

это, но выразил свою мысль словами и образами, совершенно не подходящими к делу. Подлинная мысль Грубера такова: на самом деле музыкальное произведение никогда ничего немusикального не выражает, т. е. в основе его не лежат эмоции (любви, гнева, ненависти, смирения, протеста и т. д.), в основе его не лежат силовые отношения (такие, как покой, сдвиг, ускоряющееся движение, движение стремительное, разбивающее препятствие или разбивающееся о них, распадающееся на множество побочных движений или вновь сливающееся и т. д.). Ведь нет никакого сомнения, что как мир эмоций, так и мир динамистический, в собственном смысле слова, силовой, — суть не музыкальные, а немusикальные явления. Так вот, Грубер, в угоду музыкальным формалистам, хочет доказать, будто содержанием для самого музыканта является собственно та же музыка, только, так сказать, в эмбриональном состоянии. Музыкант исходит, по мнению Грубера, «из состояния сознания, которое побуждает художника оформить звуковой материал». Первоначальным содержанием с самого начала уже является какой-то звуковой материал. Этот звуковой материал должен быть оформлен. Оформляется он, благодаря «особенному состоянию сознания». Вот это-то состояние сознания затем овеществляется самым музыкальным произведением.

Но что же такое это «особенное состояние сознания»?

Если правда, будто первым толчком к музыкальному творчеству является какой-то еще неоформленный звуковой материал, тогда состояние сознания может быть только одним, а именно, желанием означенный звуковой материал привести в порядок. Конечно, каждый случайно возникший звуковой материал, тема, которую нужно разрешить, или разные, так сказать, внутренние звучания, которые стремятся соединиться и выкристаллизироваться в себе самих, более или менее, носят ту форму, которая данный музыкальный материал может представить с наибольшим блеском, форму, наиболее адекватную качествам этого звукового материала. Как же тогда будет рисоваться нам музыкальное творчество? Неведомо почему и неведомо откуда, перед композитором вырисовывается некоторый музыкальный материал, в каком-то, неведомо как взявшемся, полуоформленном состоянии. Ведь если бы он был совсем бесформенным, то он не был бы сколько-нибудь определенным материалом. Возникновение этого материала в творце вызывает в нем, очевидно, всегда одно и то же состояние сознания, а именно стремление этот материал отлить в адекватную ему форму. Работу эту музыкальный творец совершает и дает нам произведение. Что же находится в наличии в этом произведении? Стихийно возникший материал чисто звукового характера, созревший в сознании композитора до наиболее упорядоченной формы.

Публика же, наивная дура, воображает, будто в основе музыкального произведения лежит немusикальный материал (эмоциональный, динамический). Это фикция, якобы напоминающая уверенность дуры—публики в том, что бумажный рубль каким-то образом со-

держит в себе «крупницу золота», так же, как хлеб и вино во время обедни содержат в себе плоть и кровь Христа.

Очевидно, что мы находимся вместе с Грубером в кругу заблуждений.

Во-первых, «товарный фетишизм» ничего подобного у Маркса не обозначает. Товарный фетишизм и порождаемая им фикция означают лишь, что люди принимают за свойства товара то, что на самом деле является взаимоотношением людей.

Вопросы, которые поставил перед собою Грубер, говоря о форме и содержании, никак не укладываются в рамки Марксовых рассуждений о труде и товаре, они скорее относятся к взаимоотношению стоимости трудовой и стоимости потребительской. Т. Груберу, наверное, рисуется такая комбинация мыслей: публика ценит музыку (если не целиком, то в значительной мере) потому, что принимает ее за оформление внемузыкальных элементов. Если бы публика знала, что на самом деле музыка есть до дна чистая музыка, то для нее это были бы «бумажные деньги». Реальную потребительскую ценность музыка при этих условиях потеряла бы. Поэтому для музыканта — творца или воспринимающего, все равно, — музыка есть одно, в ней ничего внемузыкального не содержится, а для публики она другое. Больше всего это напомнило бы фальшивые золотые монеты, которые показали бы публике в банке. Вот при этих условиях, действительная фикция определила бы собою, тем не менее, социальный сдвиг. Если бы можно было обмануть публику, показав ей фальшивое золото в кладовых банка и поднять таким образом ценность бумажек, то мы имели бы дело с экономическим явлением, подобным тому, которое хочет заставить нас видеть Грубер в социальной значимости музыки.

Грубер вновь и вновь возвращается к важной мысли о том, что музыка является социально организующим моментом. Он развивает по этому поводу мысли очень хорошие и очень верные, но ведь тогда в его голове не может не возникнуть вопрос: как же это музыка, которая является лишь чисто музыкальным оформлением чисто музыкального материала, в конце-концов производит внемузыкальный эффект, например, повышает мужество шеренги, идущей в бой, при помощи военного марша, или доводит до экстаза какую-нибудь религиозную секту, распеваящую псалмы, или, по Аристотелю, очищает и усиливает всю нашу природу после симфонического воздействия на нас великого произведения и т. д? А так как у Грубера, как и у многих других работников Г. И. И. И., еще осталась, так сказать, скорлупа формалистического яйца на хвосте, яйца, из которого они недавно вылупились, то Грубер и строит свое совершенно неверное представление, скрывая его за марксистским термином.

На самом деле то, о чем он говорит, такой процесс творчества, есть процесс творчества исключительный или даже, может быть, небывалый и, во всяком случае, относительно наименее ценный. Совершенно прав Грубер, когда говорит, что музыкант имеет специальную музыкальную установку на мир, что у него все его пере-

живания устремляются к музыкальной форме. Но следует ли отсюда, что музыкант совсем не любит, совсем не радуется, совсем не негодует, совсем не горюет? Следует ли из этого, что музыкант никогда не видел и не переживал затишье или бурю на море, грозу, движения огромной толпы, не испытывал динамической подоплеки величественного здания или разорванных скал? Если музыкант всегда был бы заключен в кружок музыкальных восприятий, то это был бы, в сущности говоря, полуидиот. Я могу представить себе какого-нибудь учителя музыкального чистописания, какого-нибудь музыкального Акакия Акакиевича, который действительно только то и делает, что, беря только какие-то случайные музыкальные материалы, упорядочивает их. Не то великий композитор. Великий композитор есть великий человек. Он может не быть гигантом мысли, он может не быть гигантом общественной работы, он может даже не быть гигантом индивидуального «искусства жить», так сказать, носителем внешней яркой жизненности, но гигантом углубленного переживания он непременно должен быть. Иначе его музыка будет действительно бумажными деньгами и превратится в самую настоящую фикцию; и эту бумажную деньгу, за которой не кроется ничего внемузыкального, будут принимать за настоящие деньги только ему подобные специалисты чистой музыкальности, и никаких социальных сдвигов эта музыка не произведет. Правда, возможно другое, возможно, что композитор не имеет в себе такого единственно истинного содержания, т.-е. не имеет в себе богатых, потрясающих его переживаний, но зато так научился музыкальным формам, что создает произведения, в которых содержания на самом деле нет, но которые производят обманом социальные сдвиги, т.-е. кажутся содержащими в себе такие переживания. Такой шарлатан может иногда достигнуть величайшей виртуозности. Но зачем же т. Грубер хочет нас уверить, что вся музыка представляет собою именно такое шарлатанство? Я помню, как т. Брик, на одной дискуссии, опираясь на всем известный, в высшей степени вульгарно истолкованный факт мнимой холодности Пушкина во время сочинения стихотворения «Для берегов отчизны дальней», старался доказать, что художник в сущности всегда фигляр и всегда шарлатан: «Зачем колонны из мрамора в декорациях? Не все ль равно, — если они хорошо нарисованы и производят впечатление мраморных?» — кувыркался тогда т. Брик. Но всякому ясно, что этот парадокс нисколько не попадает в цель и что в искусстве ценно и прочно только действительно пережитое и явно высказанное.

Искусство, всякое искусство, есть своеобразная организация части всечеловеческого опыта. Художник — пионер, если он истинный художник, он идет впереди остального общества, организует выше и дальше наш мир сознания. Делать это так, зря, без труда или с трудом только чисто формальным никак нельзя. Сальери полезны, но только потому, что на них могут опираться Моцарты. Сам композитор может предположить (если не умеет познать самого себя), будто этот пресловутый звуковой материал возникает сам собою и

будто он носит уже в себе свое дальнейшее развитие, стоит только, так сказать, грамотно его разработать, согласно, как говорит в одном месте Грубер, «привычным схемам сопряжения». На деле же звуковой материал есть лишь звуковое выражение жизненного материала. Музыкант потому музыкант, что его «жизненные материалы» тотчас же одеваются в музыкальные формы и преобразуются при этом так, что и самому творцу их нельзя, не хочется и не надо вскрывать непременно их внемузыкальное содержание. Музыкальная идея не только не может быть переведена на интеллектуальный язык, но и не может быть выражена ни зрительным образом, ни каким-нибудь определенно эмоциональным переживанием. Она индивидуально существует сама по себе, но она вовсе не сводится к сочетанию звуков и только. Недаром старый Бетховен с грустью говорил, будто современники его старости перестали понимать, что всякая музыка идейна. Музыкальная идея может быть переведена разное на язык образов, довольно велика амплитуда колебаний ее эмоционального или динамического истолкования. Музыкант, заражая публику своими переживаниями, далеко не всегда вызывает в этой публике какие-нибудь конкретные внемузыкальные переживания, совпадающие с его собственными, и, тем не менее, его музыкальный материал, т.е. первоначальная музыкальная идея, есть именно переживание, либо типа непосредственной эмоции, реакции на какие-либо волнения художника, как человека, либо типа художественного разрешения вызванных жизнью противоречий. Музыка то непосредственно вскрикивает, как колокол, о который ударились ядро; то, наоборот, строит целую защитную систему, которая должна разрешить в чисто художественные ценности колющие противоречия жизни. Она то откликается, то защищается. Таким образом, мы можем твердо установить, что первоначальной бессознательной основой звукового материала является некоторое сложное, часто ускользающее от сознания переживание, но переживание весьма значительное и новое, социально важное. Оно появляется затем под маской музыкального произведения. Значит ли это, что если бы оно выступило без маски, как внемузыкальная ценность, то это было бы лучше?

Ничуть.

Именно то, что это переживание. получает музыкальное тело, и создает его колоссальную социальную ценность, ибо музыкальное тело есть как раз социализация этого переживания. В форме комбинации звуков, через наши слуховые нервы, данное переживание непосредственным образом нас потрясает. Само музыкальное наслаждение получается именно в результате той необыкновенно целесообразной настроенности всей нашей нервной системы, в которую приводит нас музыка, и, затем, того объема впечатлений и переживаний, которые мы, под влиянием музыки, в такие моменты способны охватить и ощутить. Грубо заблуждается тот, кто думает, что ценность музыкального произведения заключается только, так сказать, в его подсознательном, иногда неосознанном, внутреннем, эмоциональном ядре. Нет, это ядро является только пунктом, от которого

излучается вся собранная в произведении музыкально-социальная лучистая энергия. Первоначальная эмоциональная динамическая идея бесконечно обогащается в процессе музыкального творчества и, конечно, не только потому, что она подвергается «привычным и принятым сопряжениям», то-есть музыкально-грамотно излагается, а потому, что в процессе своего роста, то-есть музыкального оформления, эмоциональное переживание выходит за границу индивидуальности. В сущности музыкант, который стремится придать своей музыкальной идее так называемую совершенную форму, стремится именно к ее максимальной выразительности для своей публики, для своих современников, для воображаемого слушателя; и, стремясь к этому, он видоизменяет и самую идею. В эпохи, когда этот воображаемый слушатель есть как бы двойник самого музыканта, получается, конечно, лишь Утончение идеи; в эпоху, когда воображаемый слушатель— миллионы сочеловеков, получается колоссальное расширение и укрепление этой идеи. Индивидуальность творца уже не может поспеть за полетом растущей идеи, через творца работает уже общество, общество, которое создало уже к данному времени и определенную музыкальную теорию, и определенные инструменты, и определенную технику исполнения, и определенный вкус и т. д.

Я подробно остановился на этой идее Грубера именно потому, что здесь, в отличие от ряда других очень правильных идей, Грубер, пользуясь будто бы марксистским методом и употребляя мнимомарксистские термины, на самом деле хочет заслонить в музыке самое важное: не только то, что ее действие социально, что оно производит социальный сдвиг, но и то, что самое возникновение ее, самое развитие музыкального произведения тоже социально. Грубер стал марксистом, он понимает, что ценность музыкального произведения— в социальных сдвигах, которые оно вызывает, но умерший формалист в Грубере нашептывает ему: «Как же это так? Почему же музыка, которая есть явление внесоциальное (ведь «все внемузыкальное музыке чуждо»), почему же она производит такой социальный эффект»? И вот вам теоретический ответ. «Это фикция. Музыка производит социальный сдвиг, хотя она сама есть дочь совсем другого мира, ничего внемузыкального в себе не содержит и вращается в мире абсолютной, исключительной музыкальности». Вам странно? Не удивляйтесь, это такая же фикция, тут проявляется тот же фетишизм, что и в товарном производстве вообще, как констатировал сам Маркс.

Все это построение т. Грубера, очевидно, должно быть отвергнуто. Очень хотелось бы думать, что все вышесказанное позволит нам столкнуться с Грубером и с другими специалистами-музыковедами, идущими навстречу марксизму.

Но я хочу остановиться еще на нескольких штрихах в содержательной статье Грубера, мимо которой тоже нельзя пройти, хотя они и не так важны.

Сомнение вызывает следующее положение автора; правильно констатируя и объяснив высокое влияние симфонической музыки

на слушателя, он продолжает: «Чем более музыка будет пронизывать весь общественный быт, чем более станет расти удельный вес «бытовой» музыки по сравнению с музыкой «надбытовой» (термин Игоря Глебова)—«художественной», тем, повидимому, меньше шансов на сохранение симфонической формы (в ее современном понятии), как главенствующего вида звукового оформления (факт, знакомый и другим искусствам: вспомним успех кино, трюковой театр и т. д.).

«Жалеть ли об этом? Полагаем, что нет. Новые формы и новый темп общественного и музыкального быта вызовут к жизни и новые понятия «художественности», ибо таковыми всегда будут считаться максимально целесообразные, с соц.-экон. точки зрения. Тяжел лишь переходный момент, главным образом, для лиц, прочно вросших в определенную систему потребления».

Правда, автор все время употребляет выражение «повидимому», «полагаем» и т. д., но нам кажется, что и «повидимому» ничего подобного произойти не может и что «полагать» автору здесь не следует. Что это значит, что музыка проникнет во все поры быта? Это значит, что массы населения будут гораздо более музыкально развитыми. Так или не так? Если так, то совершенно очевидно, что симфоническая музыка, ныне для масс недоступная, сделается для них доступной, и в таком случае несомненно должна будет иметь место и процветать симфоническая музыка.

Что значит, что «удельный» вес симфонической музыки будет меньше, что симфоническая, художественная, антибытовая музыка перестанет главенствовать?

В этом, действительно, может быть доля истины, но совсем в другом смысле, чем предполагает Грубер. Надо было только сказать не «удельный вес», а «относительная роль», ибо удельный вес симфонической музыки, именно потому, что она более интенсивна, потому, что она специфически создана для того, чтобы поднимать музыкальные впечатления выше нормального уровня их, может только возрасти; но относительная роль ее может сократиться, потому что нынче мы мало слушаем хорошей музыки в быту, а тогда, согласно правдоподобному предположению Грубера, музыка со всех сторон обнимет нас. Наслаждение симфоническими концертами перестанет быть ярким пятном на тусклом фоне, а сделается праздничным средоточием того цвета, которого, однако, и так будет достаточно вокруг людей.

В настоящее время можно сказать, что надбытовая музыка главенствует. Почему можно это сказать? — Потому, что слишком слаба всякая другая музыка. Всюду, за исключением разве быта деревни, да и то в углах, где сохранилась старинная песенная музыкальность. А тогда, в желанном будущем, общая музыкальная стихия будет настолько насыщена, что, пожалуй, в жизни человечества будет играть относительно большую роль, чем, хотя и более интенсивное, концертно-симфоническое наслаждение. В общем же ясно — на более широкой музыкальной базе воздвигается более высокая музыкальная пирамида. Все остальные построения несомненно наваяны

на Грубера довольно вульгарными представлениями, свойственными нашим псевдопроизводственникам и, между прочим, развиваемыми в скучнейшей книжке немецкой искусствоведки Лу-Мертен, о том, что искусство соответствует лишь „паразитарной“ общественности нынешнего времени и что будто оно, так сказать, растворится в производственном быту будущего. Отсюда и покивания на кино, трюковой театр и т. д.

Мы придерживаемся совершенно иной точки зрения и полагаем, что как раз увлечение масс плохим кино или плохим трюковым театром (хорошее кино—высокое искусство) знаменует собою лишь переходную пору, когда навстречу потребностям масс двинулись спекулянты, халтурщики. С дальнейшим же развитием вкусов и требований со стороны масс, с дальнейшим выдвижением со стороны масс их собственных художников мы можем ждать лишь весьма широкого и великого искусства.

Здесь мне хотелось бы привести несколько мыслей, связанных с известным положением Маркса об античном искусстве. Оно имеет отношение и к предсказаниям Грубера. Можно ли действительно помарксистски сказать с определенностью, что жалеть об изменениях в понятиях художественности не следует, ибо «такими всегда будут считаться максимально целесообразные с социально-экономической точки зрения»? Маркс, как известно, стоял на противоположной точке зрения. Он определенно утверждал, что искусства (я думаю, что он имел в виду, главным образом, архитектуру, скульптуру и поэзию) пережили свой наивысший расцвет в эпоху кульминации античной греческой культуры. При этом Маркс прямо заявляет, что в остальные эпохи мы имеем перед собою снижение искусства. Жалеть ли об этом?— Вообще говоря, конечно, плач есть вещь бесполезная в глазах всякого активного марксиста; но, тем не менее, Маркс делает такой вывод, что линия развития искусства не совпадает с линией развития хозяйственной и что при более высоких хозяйственных формах, например, капиталистической, искусство значительно ниже, чем в античной Греции. Это доказывает, что Маркс имел какие-то другие критерии высоты, чем простое соответствие целесообразности социально-экономического порядка.

В истории, как и всюду вообще, имеется прогресс и регресс. Противоречит ли это понятие марксистским принципам? Можем ли мы сказать, что последующее всегда выше предыдущего? Нет, мы этого не можем сказать, и Маркс указал нам, так сказать, биосоциологический критерий, которым мы можем при этом пользоваться. «Данный социально-экономический строй выше другого постольку, поскольку он больше способствует выявлению всех заложенных в человеке возможностей».

Очевидно, что именно этот критерий кладет Маркс как для оценки (раз дело идет об оценке) прогрессивности экономических явлений, так и для оценки прогрессивности явлений художественных. Мы вполне можем допустить, что гармоничность, т.-е. классическое соответствие всех частей произведения, а также его формы и его

содержания, может быть нарушена в последующей эпохе, благодаря воздействию прогрессирующих хозяйственных моментов. Мы можем также допустить, что прогрессирующие хозяйственные моменты заставляют упасть интенсивность — формальную высоту искусства, скажем, достигнутую господствующим классом в период его кульминации, классом, сбрасываемым дальнейшим ходом развития экономических факторов.

Непосредственно это будет означать, конечно, следующее: с точки зрения общего продвижения человечества к моменту наиболее естественного развития всех заложенных в нем возможностей данная новая общественность есть прогресс, но в частности, с точки зрения искусства, она есть регресс.

Мало того, Маркс допускает и более сложное явление. Маркс говорит, что современник (при этом имеется в виду современник Маркса; я думаю, это применимо и к нашему современнику) прекрасно понимает, что искусство его времени ниже (прежде всего, в смысле классической гармонии), чем искусство греческое, и поэтому может наслаждаться греческим искусством преимущественно перед современным. (Сам Маркс, например, ежегодно перечитывал трагедии Эсхила). Что это значит?

Маркс выражается в своих незаконченных замечаниях по искусству, которые он хотел включить в большое предисловие к своей «К критике политической экономии», метафорически, что некоторых сбивает с толку, но достаточно ясно для сколько-нибудь проницательного марксиста-искусствоведа.

Маркс говорит: смешно взрослому мужу превращаться в ребенка, но сознавать, что многие детские представления и переживания, по заключающемуся в них элементу гармоничного счастья, выше переживаний взрослого человека — вполне можно.

Конечно, Маркс вовсе не предполагал, будто история человечества по-Дреперовски проходит один или несколько циклов — с детством, юношеством, мужеством, старостью и необходимой смертью. Ничего подобного. Маркс конкретно изучал эволюцию общества и предвидел революционное преобразование капитализма совершенно новой и невиданной формы в еще более невиданную форму, основывающуюся на всех достижениях науки и техники, — коммунизм. Если он употребляет эту метафору, то она обозначает, как он сам разъясняет, следующее: греческая культура внешним образом покоится на счастливых, оптимистически очеловечивающих природу мифах. Очеловеченным, осмысленным является даже элемент страдания, который, конечно, менее всего может не досматривать в греческой культуре Маркс, считавший самым замечательным проявлением ее трагедию. С дальнейшим прогрессом знаний это очеловеченное представление о природе и обществе, как о чем-то, в конце концов, космическом, т. е. прекрасном, разрушилось. Если мы когда-нибудь, добавлю я от себя, взглянем опять на природу светлыми глазами, если мы когда-нибудь опять переживем высокую волну гуманизма, то, конечно, в том случае, когда овладеем противоречиями нашей

жизни, несравненно более глубокими, могучими, чем те, которые искусственно и поверхностно, но все же гармонизировала культура господствующих классов афинской демократии и под ее влиянием остальных греческих государств.

Нетрудно видеть также, что особый чисто греческий (в отличие, например, от египетского, как он подчеркивает) мифизм, являясь базой для замечательной высоты искусства, в свою очередь может и должен быть сведен к особенностям греческого общественного строя и хозяйства, совершенно так же, как романтика или реализм и другие формы искусства, которые, по Марксу, менее высоки, чем мифический классицизм Греции, находят свое полное исчерпывающее объяснение в анализе дальнейших этапов хозяйства.

Возможно также, что Маркс относительно будущего стоял не на той точке зрения, которую развиваю здесь я. Может быть, Маркс предполагал, что высота искусства зависит не только от степени уверенности человека в своей власти над стихиями природы и человеческого общества, что для художественного оформления всего этого, а не научного, допустим, не необходимой предпосылкой является еще и миф, т.-е. как раз разрешение противоречий не в форме построения, реально отражающего действительность, а в форме отражающей ее и примиряющей ее противоречия фантазии. В этом случае (Маркс ведь не договорил до конца свою мысль) мы будем иметь действительно кульминационный пункт художественного развития человечества позади нас. Но даже и в этом случае пришлось бы стать на точку зрения сожаления об этом, совершенно такого же сожаления, с каким обращает свои взоры к детству зрелый муж, согласно метафоре Маркса, вовсе не желающий, однако, превратиться в ребенка.

Только детство человечества, в отличие от детства индивида, оставляет продукты своего детского творчества в виде несравненных памятников гармоничного искусства, которые потом остаются утешителями человечества на всех его путях. Для тех марксистов, для которых эти Марксовы рассуждения звучат «не по-марксистски» (тов. Денике в своей статье «Маркс об искусстве» стремится «поправить» Маркса), остается только либо оспаривать идеи самого Маркса, либо признать, что их «марксизм» нуждается в известном пересмотре в отношении эстетических вопросов.

Возвращаясь к мыслям Грубера. Мы должны сказать, во-первых; ничто не заставляет думать, что при повышении общего уровня бытовой музыки не будет в соответствии подниматься и, так сказать, вершинная, сверхбытовая симфоническая музыка, хотя она может принять, конечно, совершенно новые формы. Во-вторых, если бы симфоническое искусство заменилось бытовым в таком направлении, в каком, скажем, сейчас театральное искусство сменяется «обозрениями» разных мюзик-холлов, то об этом вполне можно бы «жалеть», если бы даже можно было доказать, что это соответствует социально-экономическому строю наших дней. Это значило бы только, что социально-экономический строй, хотя и под-

нявшийся на более высокую степень, не благоприятствует развитию искусства, а снижает его. А так как бороться за одно против другого в человеческих силах, то сожаление это надобно бы переложить на активную борьбу против такого снижения. Ведь мы, марксисты,— не фаталисты и оставляем значительное место за организованной волей—и чем дальше, тем больше.

Коснусь бегло и других несколько спорных вопросов, например, о «вечных музыкальных художественных ценностях», которые Грубер отрицает, по видимому, не с той точки зрения, конечно, что они переживут человеческий род, а с той точки зрения, что они необходимо устаревают.

Я думаю, что это неправильно. Конечно, кульминационное искусство собственной нашей эпохи (если оно ею достигнуто, чего сейчас нет) будет нам всегда милее и дороже, но и кульминационные искусства других веков для исторического человека,— а он становится таким все в большей мере,— сохранят многое из своей прелести. Правда, Грубер принимает «ценности с максимально гибким и обширным диапазоном». К этому надо только прибавить, что сам диапазон наших вкусов и нашей конгенитальности к различным музыкальным формам становится также все более гибким и обширным.

Далее Грубер приводит такое рассуждение: «В отношении более действительного проведения принципов квалификации музыкального произведения по идеологическому признаку надлежит быть крайне осторожным. Разбирая, например, музыкальную данность, с точки зрения «классовой идеологии» ее производителя, следует всякий раз дать себе отчет во взаимном воздействии следующих «идеологически значимых признаков»: А) социальное происхождение, Б) социальное положение в момент создания данного произведения, В) тот класс, для которого творит и к которому обращается композитор». Установив такое положение, Грубер не без иронии спрашивает: «Какова будет с этой точки зрения классовая номенклатура, скажем, восьмой симфонии Малера, который по рождению принадлежал к беднейшему классу, в момент написания был крупный буржуа и обращался в симфонии ко всему человечеству?». Эта ирония могла бы покинуть т. Грубера, если бы он как следует ознакомился с ответом, даваемым на его вопрос даже внутри того «Разряда», где он сам работает. Так, в отчете о деятельности Разряда излагается содержание статьи его руководителя, Асафьева, озаглавленной «Задачи и методы изучения искусства». В ней говорится: «Не личность композитора, как таковая, интересует историка музыки, а то окружение этой личности, т.-е. музыкально-общественная среда, развитие которой, как и всякая идеологическая надстройка, имеет свои собственные законы, свою интонацию, свой ритм». Гораздо важнее поэтому, чем колебаться между происхождением и данным положением автора, говоря о Малере, поставить перед собою такой вопрос: какие вообще потребности и какой части публики выявляла симфоническая музыка в эпоху написания Малером симфонии? Приобретши таким образом главную базу для дальнейшего суждения, можно было бы указать, как изме-

нилась в эту эпоху традиционная симфоническая музыка и почему она изменилась именно в данную сторону. А если рядом с Малером, как это и было, явились другие симфонисты, то задаться целью выяснения, каким течениям вкусов современников соответствовал каждый вариант, или какие особенности психики, т.е. преломления в ней социально-экономического момента, выразились именно в данных произведениях. Биографическая справка может быть при этом только подсобным, но отнюдь не исходным моментом.

IV.

Своеобразный интерес представляет также статья т. Финагина «Форма, как ценностное понятие».

Т. Финагин очень верно указывает, что в художественном произведении форма вовсе не есть нечто аналогичное вообще формам бытия различных «естественных предметов». Форма в художественном произведении есть понятие чисто ценностное, в конце концов совпадающее с тем, что можно назвать смыслом данного музыкального произведения.

Творческий акт композитора можно схематически разделить на два момента: на момент интуитивного замысла и сознательной формальной разработки. Конечно, это только схема, ибо подсознательная работа, которая подсказывает иногда внезапно композитору его исходную идею, сама по себе обладает формирующими свойствами и при этом именно музыкально формирующими, как мы уже имели случай говорить в этой статье. Но форма, в которой бессознательное подсказывает сознательной композиторской работе его материал, кажется самому композитору неудовлетворительной, иначе он не стал бы обрабатывать ее. В процессе этой обработки также беспрестанно играют роль интуитивные находки, но в общем доминирует сознательная, так сказать, архитектурная работа. При этом она принимает в свое здание лишь те интуитивные элементы, которые она осмысливает. Сама музыкально оформляющая работа, разумеется, не может приниматься равной, скажем, уму математическому. Так, например, Пуанкаре эти же процессы наблюдал и констатировал в творчестве математиков, но математик, так сказать, до дна и насквозь прохватывает критическим разумом свои интуитивные находки. Музыканту этого не нужно. Музыкальный «ум» сам носит в себе черты бессознательного в том смысле, что движется в музыкальных понятиях, не переводимых на интеллектуальный язык, т.е. язык понятий или величин.

С другой стороны, слушатель может, конечно, просто позволить музыкальной форме воздействовать на себя и оценить ее целесообразность просто силою этого воздействия. Но он может задаться и критической целью понять, почему именно налицо имеется такое или иное оформление, и, конечно, удовлетворен будет лишь в том случае, если придет к выводу о необходимости и «наилучшести» употребленных музыкантом в данном случае форм.

Наибольшая аналогия между этими обоими процессами может быть найдена в творчестве и критике архитектуры, орнаментального рисунка и тому подобных явлениях.

Но, установив правильное представление о музыкальной форме, т. Финагин предаётся довольно нецелесообразной роскоши, в духе гуссерлевского феноменологизма, устанавливать всякие новые, вряд ли нужные понятия. Все действительно серьезные вопросы формы, как ценностного понятия, остаются при этом в стороне. Ну, что может дать, например, такое положение (между прочим, у т. Финагина одно из наиболее ясных и близких подлинным задачам исследования формы): «Ясное осознание формы есть уже ясное осознание художественного смысла и поэтому бессмысленной формы вообще не существует».

Да, бессмысленной формы не существует, но значит ли это, что формы все равноценны? И если они не равноценны, если сама критика их предполагает как раз оценку большей или меньшей художественной ценности данной формы, то ведь надо предположить и какую-то амплитуду колебаний? Вверху будут наиболее совершенные, наиболее осмысленные формы, а внизу—формы, почти лишенные ценности, допустим, трафаретные или слабо охватывающие данный материал. Мало того, ясно, что материал незначительный привести к формальной осмысленности легче, чем значительный материал.

Архитектурная форма тоже никогда не может иметь бессмысленное оформление, бессмысленные здания попросту рухнули бы.

Но одно дело придать осмысленную форму шалашу, другое—Миланскому собору или Эйфелевой башне. Само положение, являющееся как бы торжественным выводом из всех довольно длинных путей и перепутий тов. Финагина, представляется, таким образом, в высшей степени пустым.

Форма всегда формальна, форма всегда оформляет, если оформляющий есть художник, то и его форма будет художественно-оформляющей. Ну, а дальше что же? Кончает свою статью т. Финагин так: «Мы пришли бы к скептицизму, если бы не старались обосновать свою работу на понятиях психофизической функциональности. Пока психофизический метод в области изучения искусства не будет признан обязательным и не получит должной научной формулировки, до тех пор, действительно, вне философской эстетики науки об искусстве вообще и, в частности, музыковедения строить невозможно». Мы же со своей стороны скажем, что пока такая психофизическая основа музыковедения не создана, надо ее создать, а стараться высосать музыковедение из пальца, стараться что-то вычитать в музыке путем феноменологического метода значит заниматься переливанием из пустого в порожнее. Это доказывается даже статьей самого тов. Финагина. С величайшим удовольствием поэтому я узнал из отчета, что т. Финагин уже закончил труд «Систематика музыкально-теоретических знаний», из которого опубликована глава «Психофизика звучащего вещества». Содержание этой главы отчет передает так: «это попытка обосновать как самое динамическое

понятие вещества, так и требуемый данным объектом внеформалистический подход к его изучению, вытекающий в силу его психофизичности».

Конечно, психофизическое или физическое, вернее, психофизиологическое обследование музыкального явления есть половина того, что нам нужно, и без этой половины мы вперед двинуться не можем.

Мы можем только радоваться, что в области музыкальной физики, т.-е. акустики, мы имеем уже сейчас огромную опору. Да и физиологическая акустика, в особенности поскольку она найдет свежие импульсы в современной рефлексологии, не будет стоять на одном месте, как всегда топчется на одном месте феноменология.

Но все же, если бы даже мы могли сконструировать законченную (более или менее законченную) теорию музыки, как явления физического и физиологического, мы бы еще не смогли оценить ни ее подлинного значения, ни законов ее эволюции. Без социального момента это совершенно невозможно.

Когда задумана была Научно-Художественная Академия, ныне существующая и работающая в Москве, то я, в основных моих речах и статьях по этому поводу, указывал на то, что подлинное понимание искусства возможно только при тройном пути его обследования: физическом, психофизическом и социологическом, при чем все эти три пути должны быть координированы между собою не только в конечном результате, но и в каждом своем шаге. Я очень рад, что Музыкальный Разряд Г.И.И. пришел к тому же выводу. Чем меньше в дальнейшем будет играть роль в работах его секций чисто философская эстетика, чем больше места будет занимать физическое, физиологическое и социологическое обследование музыки, тем успешнее будет работа Разряда. Но уже сейчас можно сказать, что он находится на подступах к совершенно верному пути, что его работа дает ценный теоретический и практический результат. Настанут дни, когда лучшие специалисты всех сторон искусствоведения, шире того — всех сторон культуроведения, сомкнутся вокруг гигантского прожектора — марксистского метода, и только тогда дрогнет тьма нашего неведения и начнется систематическое описание и систематическое объяснение всего захватывающе интересного мира культурных явлений, что послужит прекрасным фундаментом и прекрасным инструментом для дальнейшего сознательного и тем более богатого построения культуры грядущих дней.

А. Луначарский

Из работ Секции Естеств. и Точных Наук Коммунистической Академии.

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКАЯ СРЕДА.

(Систематический обзор).

1. П о н я т и е с р е д ы .

Организм и среда. Определение среды. Среда внешняя и внутренняя. Среда биологическая и физико-химическая.

Жизнь представляет собой ряд непрерывных изменений живого вещества и построенных из него более или менее сложных жизненных структур под влиянием разнообразных воздействий окружающего мира. Совокупность всех условий окружающего мира, оказывающих какое-либо влияние на живой организм, называется средой. С понятием среды тесно связано понятие раздражения. Раздражением — в самом общем смысле этого термина — является всякое изменение среды. Понятие среды получает, таким образом, на первый взгляд необъятно широкое значение, почти сливаясь с понятием природы; это — природа, действующая на живой организм.

Чтобы разобраться в понятии среды, необходимо, прежде всего, остановиться на некоторых свойствах организма. Одно из наиболее характерных биологических свойств всякого организма — то, что он является особью, индивидом, неделимым. Организм является индивидом, неделимым в том же смысле, как молекула сложного химического вещества. Будучи разделенной на более мелкие части, последняя утрачивает свою первоначальную химическую индивидуальность: то же можно сказать и об организме. Биологическое исследование позволяет вплотную подойти к изучению проблемы индивидуальности, которая в области жизненных явлений далеко не отличается той простотой и схематичностью, которую мы обычно вкладываем в это или аналогичные понятия (молекулы, атома, кванта) неорганической природы. Здесь для нас важно лишь то, что организм представляет собой высший, но не единственный для живого вещества тип индивида. Ткани и органы, из которых (в случае многоклеточного организма) он построен, обладают известной органической самостоятельностью и могут быть рассматриваемы, как индивиды низшего порядка. Еще ниже в этой лестнице стоят клетки, которые обладают, однако, всей совокупностью жизненных признаков и являются элементарными жизненными единицами. Мы имеем перед собой, таким образом, последовательную иерархию индивидов разных порядков. Мы могли бы пойти еще дальше и в самой клетке установить еще более мел-

кие и до известной степени самостоятельные структуры, обладающие уже способностью ассимиляции, роста и размножения: ядро, находящиеся в нем хромозомы, отдельные зернышки хроматина — хромиды и др. Но для наших целей достаточно будет сравнить среду двух основных индивидуальностей — отдельной клетки и построенного из клеток организма. Совершенно очевидно, что «окружающим миром» для клетки будет не только внешний мир организма, но и лежащие вне клетки части того же организма. Таким образом, условия, господствующие внутри организма, в свою очередь служат средой для находящихся в нем индивидов низшего порядка. Отсюда основное подразделение на среду внешнюю и внутреннюю.

На ряду с этим подразделением может быть проведен и другой принцип классификации: различается среда физико-химическая и среда биологическая. Первая представляет совокупность тех физических и химических условий, которыми неорганическая природа действует на живой организм непосредственно, или же преломляясь в нем, как внутренняя физико-химическая среда. В свою очередь биологическая среда охватывает всю ту сеть сложных биологических взаимоотношений, которые связывают друг с другом различные организмы: отношения прямой борьбы или косвенного соперничества, различные формы симбиоза и пр. Изучение биологической среды приводит к целому ряду важнейших биологических проблем; оно является вместе с тем наиболее общей постановкой тех вопросов, которые в области общественных отношений связаны с понятием «социальной среды». Биологическая среда, подобно физико-химической, может выражать не только внешние зависимости организма от других живых существ, но и внутренние биологические соотношения. Последние особенно наглядно выявлены в таких представлениях, как учение Ру о борьбе между частями развивающегося зародыша — вполне аналогичной борьбе за существование между отдельными особями.

Нужно, впрочем, иметь в виду, что хотя разделение условий среды на биологические и физико-химические является очень удобным в практическом отношении, между обеими группами факторов нет глубокой принципиальной пропасти. Мост между ними перебрасывают те случаи, когда влияние окружающих организмов обусловлено производимыми ими изменениями физических и химических условий существования. Такова, в значительной мере, интересная проблема густоты заселения: организмы, заселяющие совместно ограниченное пространство, изменяют его химический состав, поглощая нужные им вещества и выделяя в него продукты своего обмена веществ. В еще более сильной степени такое косвенное влияние сказывается во внутренней среде организма. Достаточно известна та огромная роль, которая выпадает здесь на долю «гуморальных», химических взаимодействий клеток и органов — гормонов.

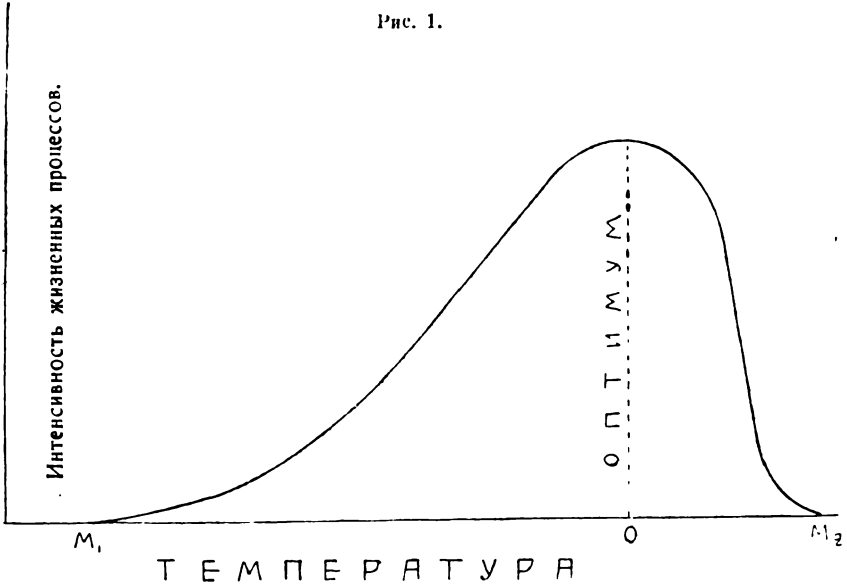
В настоящем беглом очерке мы ограничимся рассмотрением важнейших факторов физико-химической среды.

II. Физико-химические условия среды

Температура: минимум, оптимум и максимум. Теплокровные животные. Химические влияния. Пища. Кислород. Вода и осмотическое давление. Солевой состав. Кровь и морская вода. Густота вселения. Общие итоги.

Одним из важнейших факторов физико-химической среды является температура. Жизненные явления могут протекать лишь в ограниченном температурном интервале, различном у разных организмов. Точки, ограничивающие этот интервал снизу и сверху, называются соответственно температурным минимумом и максимумом. При нагревании и гибель животных и растений происхо-

Рис. 1.

дит вследствие свертывания белков, из которых построено их тело. Температурный максимум зависит поэтому от температуры свертывания клеточных белков и не обнаруживает особенно больших различий у разных организмов: в большинстве случаев он лежит между 40 и 50° Ц. Только покоящиеся стадии, как, например, споры бактерий, сухие семена и т. п., выносят значительно более высокие температуры. Это объясняется малым содержанием в них воды, так как известно, что и для свертывания сухих белков требуется более сильное нагревание, чем для тех же белков, богатых водой.

Несравненно больше различий наблюдается в минимальной температуре, при которой прекращаются жизненные процессы у разных организмов. В некоторых случаях эта нижняя температурная точка лежит значительно выше нуля. Гораздо чаще она соответствует

точке замерзания клеточных соков. В узких капиллярных пространствах жидкости могут очень сильно переохлаждаться, не замерзая. В таких именно условиях находятся жидкости в живом организме, и поэтому жизненные процессы нередко останавливаются лишь при температурах, лежащих заметно ниже 0° .

В интервале между этими крайними точками интенсивность жизненных процессов очень сильно зависит от температуры, быстро возрастая с ее повышением. Согласно правилу, установленному Ван'т Гоффом (Van't Hoff), при повышении температуры на 10° Ц. скорость большинства химических реакций возрастает приблизительно в 2—3 раза (скорость физических процессов обычно значительно медленнее изменяется при повышении температуры). В основе жизненных явлений лежат химические процессы; поэтому они так же сильно (во многих случаях — еще сильнее) ускоряются при нагревании. Лишь незадолго до верхнего температурного предела ускорение, вследствие начинающегося разрушения живого вещества, сменяется все более и более резким замедлением, быстро сводящим жизненные явления к нулю. Таким образом, между обеими крайними точками жизненная кривая, кривая интенсивности жизненных процессов имеет форму одновершинной кривой (см. рис. 1). От температурного минимума она постепенно поднимается до верхней точки — оптимума, затем круто падает к максимуму.

При переходе за верхний температурный предел быстро наступает смерть. При переходе за пределы кривой в противоположном направлении, при слишком низкой температуре во многих случаях также наступает смерть, в других — более или менее продолжительное время может сохраняться жизнеспособность, несмотря на полное — или почти полное — прекращение всех проявлений жизни. Наступает особое состояние «скрытой жизни» или анабиоза, при котором жизненные процессы, повидимому, не совершенно прекращаются, но лишь понижаются, делаясь почти неуловимыми (отсюда название «*vita minima*»); жизнь тлеет, готовая вспыхнуть вновь, лишь только это позволят окружающие условия. Мы не имеем здесь возможности подробнее остановиться на интересном явлении анабиоза.

На примере температурных условий особенно хорошо может быть выяснено различие между теми двумя подразделениями физико-химической среды, о которых упоминалось выше, — средой внешней и внутренней. Температура внешней среды определяется климатическими условиями; во внутренней среде организма к ним присоединяется влияние протекающих в организме процессов. В каждом живом организме идут химические процессы, сопровождающиеся выделением тепла: это прежде всего окислительные процессы, далее — различные брожения. Вследствие этого, его температура обычно несколько выше температуры окружающей среды. У растений это повышение температуры большей частью мало заметно, хотя и у них оно может быть обнаружено: так, например, его непосредственно измеряют термометром в куче прорастающих семян. То же явление мы наблюдаем в более ясной форме у животных. Таким образом,

некоторое различие температур вне организма и внутри его, во внешней и во внутренней среде, представляет общее явление. И то резкое различие внешней и внутренней температуры, которое мы наблюдаем у так называемых «теплокровных» животных (млекопитающих и птиц), составляя очень важную биологическую их особенность, не представляет чего-либо принципиально нового. Новым является не повышение температуры тела, на которое указывает название «теплокровные», а ряд вторичных приспособлений, которые путем изменений выработки и отдачи тепла организмом поддерживают эту температуру на приблизительно постоянном уровне. Правильнее их поэтому назвать животными с постоянной температурой тела («гомотермичными»). Особенно важно, что эта постоянная температура достаточно точно соответствует тому оптимуму, через который, как мы видели (см. рис. 1), проходит температурная кривая жизненных явлений. Благодаря характеру температурной кривой, круто падающей от оптимума к максимуму, и близкому совпадению температурного максимума (зависящего от свертывания тканевых белков) у разных животных, постоянная температура тела также очень мало различается у различных гомотермичных животных.

Сохранение температуры тела на постоянном, оптимальном уровне имеет для высших животных очень большое значение. Оно делает их внутренние ткани в значительной степени независимыми от внешних температурных условий, которым в полной мере подчинены остальные организмы. Внутренняя среда производит стабилизацию данного внешнего фактора. Постоянство температуры тела приводит, однако, еще и к другому результату, который часто упускают из виду: ткани, культивируемые в подобных условиях, как в термостате, обычно оказываются значительно более чувствительными к колебаниям температуры, чем у привычных к ним «холоднокровных» животных.

От температуры мы обратимся теперь к важной группе внешних факторов, которые определяются химическим составом среды.

Сюда относится прежде всего пища. Вещества, служащие пищей различным организмам, до крайности разнообразны. Для животных это, главным образом, сложные органические соединения—белки, жиры, углеводы; для растений—минеральные соли; для бактерий—почти любое вещество, содержащее нужные для построения их тела элементы или какой-либо запас энергии. В виду такой разнообразности химической природы различных видов пищи, последней нельзя дать чисто химического определения. Пищей следует называть всякое вещество, поглощаемое организмом и служащее строительным материалом для построения его тела или же источником энергии для протекающих в нем процессов.

В последнем смысле к пище относится и кислород, производящий в организме окислительные процессы, сжигающий органические вещества и продукты их распада. Известный минимум парциального давления кислорода необходим всем животным, за исключением сравнительно немногочисленных анаэробов, не нуждающихся в элемен-

тарном, газообразном кислороде и пользующихся кислородом, отщепляемым ими из его химических соединений. Этот минимум очень различен для разных организмов; то же можно сказать и о максимуме. Для анаэробов он бывает нередко мал, и самые ничтожные следы кислорода могут действовать губительно на организм. В других случаях он достигает весьма значительной величины, в несколько раз превышая парциальное давление кислорода в атмосферном воздухе. Расстояние между максимумом и минимумом оказывается тогда очень большим. Между этими двумя крайними точками интенсивность окислительных процессов очень мало зависит от парциального давления кислорода, и кривая, которую можно здесь построить, будучи того же типа, как и приведенная выше для температуры, отличается далеко не таким крутым ходом.

Одной из главных количественно преобладающих составных частей живого вещества является вода. Ее присутствие необходимо и во внешней среде. Поэтому для наземных животных требуется известная влажность воздуха, для растений—некоторое минимальное содержание влаги в почве. Недостаток влаги ведет к высыханию и смерти. В некоторых случаях высушенные животные (так же как сухое семя) переходят в состояние скрытой жизни, «*vita minima*», или анабиоза, подобное тому, которое может наступать при охлаждении.

В более характерных и точнее учитываемых условиях находится поглощение воды у водных животных. Если условия получения воды из атмосферы определяются содержанием в ней водяных паров, их давлением или упругостью, то для водной среды соответствующую роль играет ее осмотическое давление. Молекулы газа, двигаясь в замкнутом сосуде, ударяются об его стенки; эти удары и производят непосредственно измеряемое нами давление газа. Подобным же образом и молекулы растворенных в воде веществ своими ударами о непроницаемые для них перегородки производят так называемое осмотическое давление. Величина последнего непосредственно характеризует ту силу, с которой растворенные в воде вещества удерживают воду. Если два раствора отделены друг от друга так называемой «полупроницаемой перегородкой» (т.-е. перегородкой, пропускающей воду, но задерживающей растворенные в ней вещества), то вода переходит через нее от раствора с меньшим к раствору с большим осмотическим давлением. Такими «полупроницаемыми перегородками» являются клеточные оболочки, а также ткани, покрывающие тело водных животных.

Вода океанов, которые являются колыбелью жизни на земном шаре, содержит в среднем около 3,5% солей. Ее осмотическое давление, как показывает непосредственное измерение, равняется приблизительно 28 атмосфер. Другими словами, каждый живущий в океане (или в море) организм испытывает давление, превышающее 28 кгр. на кв. см. (иначе: давление столба воды почти в 300 метров высоты). Если морские животные выдерживают такое давление и не дают ему оттянуть, отжать из их тела содержащуюся в нем воду, то объясняет-

ся это тем, что их собственная кровь и другие внутренние жидкости производят такое же осмотическое давление, уравнивающее давление наружного раствора. В других водоемах (соленых озерах, лиманах и проч.), содержащих более крепкие, или же, напротив, более разбавленные растворы солей, соответственно наружному раствору изменяется и концентрация внутренних жидкостей низших животных. Их внутренняя среда несколько не отличается по своему осмотическому давлению от среды внешней.

Подобное тождество свойств внутренней и внешней среды сохраняется, однако, не всегда. Подобно температуре и другим физико-химическим условиям, осмотическое давление оказывает влияние на жизненные процессы. При известных его значениях (оптимум) они протекают с наибольшей интенсивностью, при слишком малых или слишком больших давлениях—задерживаются. Особенно ясно проявляется гибельность слишком малых значений. Их легко наблюдать, так как в природе имеется огромное количество естественных сред с ничтожно малым, почти отсутствующим осмотическим давлением. Это—различные «пресные воды»—реки, озера, пруды. Лучшим доказательством непригодности такой «пресной» воды для жизненных процессов является тот факт, что все пресноводные животные, вплоть до самых низших, при помощи специальных приспособлений, вырабатывают в своем теле, в своей «внутренней среде» осмотическое давление в несколько (5—6) атмосфер: только снаружи их тело омывается пресной водой, не имеющей почти никакого осмотического давления.

Но не только слишком маленькие,—слишком большие осмотические давления также неблагоприятно отражаются на ходе жизненных явлений, а еще несравненно более вредными оказываются те изменения величины осмотического давления, которым могут подвергнуться животные при перемене осмотических условий (например, у животных, заплывающих из моря в реки). Неудивительно поэтому, что у животных в ходе их эволюционного развития постепенно вырабатываются приспособления (сперва простые, затем—все более и более совершенные), регулирующие осмотическое давление внутренней среды, поддерживающие ее на более или менее постоянном уровне. Такое постоянство осмотического давления, давно уже известное у человека, существует почти у всех позвоночных (вплоть до костистых рыб), а в пресных водах—даже у многих беспозвоночных. Постоянство температуры у «теплокровных» значительно резче бросается нам в глаза, но постоянство осмотического давления не менее важно для организма и развивается на значительно более ранней ступени.

Осмотическое давление морской воды обусловлено растворенными в ней солями. Последние состоят, главным образом, из обыкновенной «поваренной соли», хлористого натрия, а также (в меньшем количестве) из солей калия, кальция и магния. Первоначально предполагали, что для жизни имеет значение лишь высота осмотического давления, а для создания его достаточно главной и наиболее

безвредной из солей—хлористого натрия. На этом представлении основаны так называемые «физиологические растворы» хлористого натрия, которые до последнего времени применялись медициной для замены крови (например, после сильных кровотечений). Более точные опыты привели, однако, к совершенно неожиданному результату.

Оказалось, что для морских животных чистый раствор хлористого натрия (имеющий такое же осмотическое давление, как морская вода) является резко ядовитым. Не менее ядовиты—в чистом растворе—и другие соли морской воды. Однако, при смешении их приблизительно в такой же пропорции, в какой они находятся в последней, получается оптимальная для жизненных процессов химическая среда. В такой смеси, представляющей «искусственную морскую воду», соли, ядовитые порознь, не связывают друг друга химически и не образуют каких-либо новых соединений. Тем не менее, они каким-то образом взаимно подавляют свое вредное физиологическое действие, свою ядовитость. Это явление, которое еще очень мало выяснено и продолжает оставаться предметом исследования, получило поэтому название «физиологического антагонизма солей».

Такое физиологическое равновесие между окружающими живую клетку солями представляет одно из важнейших и наиболее общих условий жизненной среды. Однако далеко не для всех животных оно осуществляется во внешней среде. Моря и океаны являются колыбелью жизни на земном шаре; лишь значительно позже развившиеся в океане организмы заселили пресные воды и сушу. Уже в пресных водах характерное для морской воды физиологическое равновесие солей оказывается нарушенным. Еще в более отклоняющихся условиях находятся наземные животные, тело которых вообще не омывается извне каким-либо раствором. Однако опыты показывают, что и для тканей высших животных, в частности человека, необходимым для жизни условием является присутствие водного раствора солей. При этом чистые растворы отдельных солей так же ядовиты для них, как для морских животных, а наиболее благоприятной средой являются растворы, содержащие те же соли и даже приблизительно в том же количественном соотношении, как морская вода. Такими растворами являются кровь и лимфа высших животных, непосредственно омывающие их ткани и служащие для них внутренней средой. Кровяная сыворотка представляет собой морскую воду, лишь несколько измененного состава (главным образом, более разбавленную, чем естественная).

Такое совпадение минерального состава крови и морской воды является, конечно, не случайным. Происхождение человека от морских океанических предков ясно обнаруживается при его эмбриональном развитии. О нем свидетельствуют закладывающиеся в шейной области у всех позвоночных жаберные щели. У рыб они развиваются в жабры, у наземных позвоночных недоразвиваются и превращаются затем в другие органы. Согласно основному биогенетическому закону,— развитие особи представляет сокращенное повто-

рение развития вида. Проходимая человеческим зародышем «стадия рыбы» является наглядным доказательством того, что человек не только является родственником обезьяны, но вместе с последней происходит от несравненно более низко стоящих водных животных. Солевой состав крови может служить не менее ярким подтверждением этого обстоятельства: он сохранился по наследству от той жизненной среды, в которой жили и к которой приспособились в отдаленную геологическую эпоху предки позвоночных животных.

Когда о человеке говорят, что «у него в жилах течет, вместо крови, вода», то это образное выражение значительно ближе к истине, чем обычно думают; следовало бы только сказать: «морская вода». Когда мы хотим сохранить на суше морское животное, мы помещаем его в аквариум с морской водой. Такими же аквариумами являются кровеносные сосуды высших животных, но только аквариумами замкнутыми, помещенными не вне, а внутри организма: переходя к наземному существованию, позвоночные животные сохраняют в них на суше привычную для их тканей морскую воду.

Далеко не таким постоянным, как солевой состав, является другой химический фактор, представляющий особенный интерес, благодаря тому, что он позволяет перекинуть мост между условиями физико-химической и биологической среды. Такой сложный социально-биологический фактор, как влияние густоты заселения, может быть в некоторых случаях сведен к химическим воздействиям, доступным совершенно точному анализу. Прежде всего мы имеем здесь дело с явлениями самоотравления, когда выделяемые живыми организмами продукты обмена веществ вредным образом отражаются на их жизненных процессах. Подобные явления самоотравления могут происходить во внутренней среде, если вредные продукты накапливаются внутри организма, или же во внешней среде, если выделяемые отбросы отравляют окружающий раствор (или воздух). Однако, не всегда увеличение густоты заселения оказывает такое губительное влияние. Оно может, напротив, играть защитную роль, увеличивая жизнеустойчивость организмов, повышая их выносливость по отношению к вредным внешним агентам, в частности ядам. Механизм этого полезного действия нуждается еще в точном изучении.

Приведенными факторами далеко не исчерпываются физико-химические условия неорганической природы, влияющие на живой организм. Однако изучение остальных факторов не прибавляет ничего принципиально нового к полученным уже результатам. Так, например, свет необходим для всех зеленых, способных к ассимиляции, растений, хотя его минимум оказывается для различных растений весьма неодинаковым. Многие животные могут, как известно, обходиться без освещения,—для них световой минимум равняется нулю. Сюда относятся, например, пещерные животные и обитатели больших океанических глубин, до которых не доходит дневной свет. Точно так же может быть устроен и световой максимум: на всякий организм свет слишком большой интенсивности действует губительно.

Там, где световой минимум отличен от нуля, для действия света можно построить обычного типа одновершинную жизненную кривую с тремя кардинальными точками (минимум, оптимум и максимум).

На механическом давлении и на других более или менее второстепенных факторах мы здесь останавливаться не будем.

Мы можем теперь подвести итог всему, что было выше сказано о физико-химических факторах среды. Несмотря на все их разнообразие, каждый внешний фактор, каждое раздражение может действовать на организм лишь в пределах известной амплитуды, ограниченной двумя крайними точками—минимумом и максимумом.

За пределами этих точек жизнь прекращается—окончательно (смерть) или временно (анабиоз). Минимум может равняться нулю, максимум— всегда конечная величина. Между минимумом и максимумом жизнедеятельность организма выражается в общей форме одновершинной кривой, постепенно поднимающейся к наивысшей точке—оптимуму, затем круто падающей к максимуму. Важным частным случаем этой общей кривой является действие вредных или ядовитых агентов. Для них первая, восходящая часть кривой (от минимума до оптимума) отпадает, так как оптимумом является полное отсутствие (нуль) вредного раздражителя; нисходящая часть кривой получает название кривой ядовитости.

В природе жизнь подвержена тысяче случайностей. Она прекращается, лишь только какой-либо из факторов в своих непрерывных естественных изменениях перейдет свою нижнюю или верхнюю жизненную границу. Еще несравненно меньше шансов на сколько-нибудь длительное сохранение крайне узко ограниченных оптимальных условий (т.-е. тех количественных значений внешних факторов, которые соответствуют оптимуму жизнедеятельности). Важным коррективом к такой изменчивости внешней среды является среда внутренняя. Одним из наиболее существенных результатов органической эволюции должна быть признана стабилизация физико-химических условий во внутренней среде. Осмотическое давление, солевой состав, температура и другие внешние агенты один за другим приобретают во внутренней среде высших животных стойко фиксированные, лишь в очень узких пределах колеблющиеся значения. Внешние переменные делаются здесь более или менее постоянными величинами, жизненными константами. Внутренние ткани и органы не испытывают тех резких изменений, которым подвергается организм, как целое. Создание стойких, приблизительно оптимальных условий, делает возможным непрерывное течение сложных жизненных процессов.

Эту стабилизацию не следует, однако, понимать, как полную независимость организма, нечувствительность его к внешним воздействиям. Более или менее точное постоянство внутренней среды достигается путем непрерывных процессов регуляции, тем более сложных и интенсивных, чем сильнее ее отличия от внешней среды.

Стабилизация сопровождается поэтому высокой сенсibiliзацией всех тех чувствительных аппаратов, которые приспособлены для улавливания и устранения всяких изменений внутренней среды.

Такая сенсibiliзация не ограничивается, однако, регулирующими аппаратами, но является очень общим явлением. Живые клетки и ткани, находящиеся всегда под воздействием какого-либо внешнего фактора определенной, постоянной интенсивности, обычно оказываются несравненно чувствительнее к его изменениям, чем в том случае, когда эти изменения представляют для них привычное явление. Хорошим примером может служить осмотическое давление. У многих морских беспозвоночных оно—без всякого вреда для организма—может подвергаться очень значительным колебаниям, изменяясь нередко в несколько раз (как во внешней, так и во внутренней среде). Напротив, для тканей человека и других млекопитающихся всякое сколько-нибудь значительное отклонение осмотического давления омывающего их раствора от его нормальной величины (последняя равна приблизительно 8 атмосфер) оказывается губельным—даже при наличии всех прочих физиологических условий.

III. Среда и ориентировочные движения (тропизмы и таксисы)

Движение животных к оптимуму. Таксисы положительные и отрицательные. Тропизмы. Механизм тропизмов и таксисов.

Постепенное развитие постоянства внутренней среды составляет важнейшее, но не единственное средство, вырабатываемое в процессе эволюции для сохранения оптимальных условий существования. К тому же результату приводят совершаемые многими организмами активные движения из губельных или неблагоприятных мест в оптимальную для них зону. Особенно яркий пример такого движения к оптимуму дают перелетные птицы, которые с наступлением зимы совершают длительные, иногда в тысячи верст, странствия в более теплые края. Если здесь мы имеем массовые перемещения в исключительно крупном масштабе, то в более скромных размерах аналогичные движения крайне широко распространены. Огромное большинство всех активных движений ведет животное к оптимуму пищи, света, тепла или какого-либо другого фактора среды.

Самый механизм этих в высшей степени полезных для животного движений долгое время был покрыт дымкой загадочности, ореолом телеологии и целесообразности. Долгое время господствовавшие взгляды приписывали их не механическим причинам, а заложенным в органическом мире психическим факторам, свойственному всему животному стремлению к цели. Точные исследования позволяют рассеять этот туман.

Для научного изучения поведения живых организмов наибольшее значение имеют особые двигательные реакции, получившие название тропизмов и таксисов.

Если какое-либо внешнее раздражение, например, теплота, неравномерно распределено в наружной среде, то многие животные передвигаются в сторону повышенной или пониженной температуры. Движение животного в направлении возрастающей или убывающей интенсивности раздражения получает название таксиса. Таксис может быть вызван самыми разнообразными раздражителями — температурой, светом, химическими веществами, электрическими силами и т. п., и в соответствии с этим различают термо-, фото-, хемо-, таксис и т. д. Далее, если таксис ведет животное к более сильному раздражению, он считается положительным, в противном случае — отрицательным. Так, например, если мы поместим инфузорий парамеций («туфельку») в небольшую ванночку, и один конец ее будем охлаждать до 5° Ц., а другой нагревать до 20° , то животные, обнаруживая положительный термотаксис, соберутся у теплого конца ванночки. Доведя затем противоположные концы ванночки до 25° с одной стороны, 40° — с другой, мы заметим у тех же животных отрицательный термотаксис: они двигаются теперь к менее нагретым местам. Очевидно, те же две реакции («положительная» в первом случае, «отрицательная» — во втором) в пространстве, где имеется вся гамма переносимых животным температур, неизбежно должны уводить его из участков неблагоприятных для жизни — чрезмерно высоких или низких температур — в среднюю, оптимальную зону. Таким образом, без какой-либо сознательной деятельности, с точностью хорошо действующего механизма животное направляется в область, где господствуют благоприятные для него термические условия.

Среди других таксисов мы нередко встречаем подобное же сочетание двух противоположных двигательных реакций — положительной при слабой (субоптимальной), отрицательной — при высокой (супероптимальной) интенсивности раздражения. Результатом их неизменно является движение к оптимуму. Особенно детально изучены движения, зависящие от фототаксиса, который во многих случаях приводит к обширным, массовым перемещениям животных. Так в самых различных водоемах — в океанах, морях, озерах, — яркий свет, господствующий днем в верхних слоях воды, вызывает у чувствительных к свету животных отрицательный фототаксис и заставляет их опускаться в направлении убывающей яркости освещения, т. е. в глубь. На известной глубине — неодинаковой для разных животных — яркость света настолько понижена, что действие отрицательного фототаксиса прекращается. При дальнейшем опускании вниз он сменяется все более и более сильным положительным фототаксисом (по отношению к свету слабой интенсивности). Этот отрицательный фототаксис удерживает животных в зоне оптимального для них освещения, не позволяя им опускаться глубже. Однако в течение суток яркость света периодически меняется. К вечеру оптимальный слой поднимается вверх. Почти все светочувствительные животные положительно фототактичны по отношению к слабому вечернему и ночному освещению и к вечеру собираются у водной поверхности. Поэтому

вечерние и ночные сборы мелких свободно плавающих животных (так наз. «планктон») дают обычно в поверхностных слоях воды несравненно более обильные уловы, чем дневные. С утра вновь начинается то же ежедневное странствие, и животные, уходя от дневного света, опускаются в тем более глубокие (и, следовательно, тем более темные) водные слои, чем ниже их световой оптимум. Для достаточно чувствительных и подвижных организмов в прозрачных (следовательно, пропускающих свет на значительную глубину) водоемах размах этих суточных передвижений, имеющих большое значение в жизни животного, может достигать нескольких десятков и даже одной-двух сотен метров. При этом животные так же покорно следуют за смещением своей оптимальной световой зоны, как лежачие на стекле железные опилки—за передвигаемым под стеклом магнитом.

Сочетание этих двух противоположных световых реакций—положительного фототаксиса при слабом освещении, отрицательного—при интенсивном свете—неизбежно направляет светочувствительное животное в промежуточную, оптимальную зону. На первый взгляд может, пожалуй, показаться, что и здесь у животного все же возможен свободный, сознательный выбор желательных для него условий, хотя бы в элементарной форме «любви к свету», в одном случае, «светобоязни»—в другом. Экспериментальные данные, впервые полученные Лёбом, показывают, однако, что дело происходит не так, и что основной механизм изменения знака фототаксиса определяется не психическими склонностями животного, а протекающими в его теле и вполне доступными нашему контролю физико-химическими процессами.

Решающее значение имеют в этом отношении опыты искусственного изменения знака фототаксиса под влиянием химических и физических воздействий. Так, например, личинки морского сидячего «усоногого» рака балана отрицательно фототактичны: они уплывают от дневного света в наиболее темные места. Достаточно, однако, прибавить к морской воде небольшое количество углекислоты, чтобы знак их световой реакции резко изменился; теперь они устремляются к свету и собираются на обращенной к свету стороне сосуда. Того же эффекта можно достигнуть при помощи других воздействий, например, изменяя (понижая) температуру. Прием пищи (и наступающие вслед за этим химические процессы) также могут вызывать изменение знака фототаксиса. Это наблюдается, например, у гусениц одной бабочки (*Porthesia*): только что вылупившись из яйца, они обнаруживают положительный фототаксис, который затем, после приема пищи, сменяется отрицательным. Первая ориентировочная реакция заставляет животных ранней весной взбираться вверх, к первым зеленеющим на верхушках деревьев почкам; вторая уводит их затем от обглоданных уже верхушечных почек вниз, к более поздней зелени побегов. Индуцированное химическими воздействиями обращение знака фототаксиса создает здесь картину сложного целесообразного инстинкта. Механизм подобных изменений знака таксиса еще недостаточно выяснен. Однако приведенные факты не оставляют сомнений в том,

что он всецело сводится к протекающим в живом организме химическим и физико-химическим процессам.

Особенно наглядным доказательством произвольного, «вынужденного» характера этих движений может служить другой таксис— гальванотаксис, возникающий у многих животных (например, у инфузории—туфельки парамеции, о которой была уже речь выше) при раздражении их электрическим током. Электрический ток представляет совершенно новое, незнакомое инфузории раздражение, по отношению к которому мы не можем предполагать какой-либо врожденной любви или боязни. Тем не менее при пропускании тока все инфузории с точностью магнитной стрелки устанавливаются в направлении силовых линий и плывут по направлению к отрицательному полюсу—катоде. Вместе с тем это движение не представляет собой пассивного переноса электрическими силами, как переносится током отмершая инфузория (последняя притягивается в обратном направлении—к аноду), или всякая другая заряженная частица (почти все взвешенные в воде частицы несут на своей поверхности электрический заряд и увлекаются током). Это именно, как всякий таксис, самостоятельное, активное движение, но движение, подчиняющееся железным законам, строго направляемое внешними силами. Аналогия продолжается и дальше: при помощи внешних воздействий, в частности прибавлением некоторых солей, можно и в этом случае изменить знак гальванотаксиса, заставить животных двигаться не к катоду, а к аноду.

Нам нет надобности останавливаться на других таксисах. Их изучение не дало бы ничего принципиально нового. Всюду, где мы имеем сочетание двух таксисов противоположного знака, положительного при слабых, отрицательного при сильных раздражениях, результатом является движение к оптимуму. Такое же приближение к оптимальным жизненным условиям получается и при постоянном, не меняющем своего знака, таксисе, если только в природе раздражение лежит всегда по одну и ту же сторону от оптимума. Это во многих случаях имеет место при различных видах хемотаксиса. Так, например, некоторые ядовитые вещества в любых концентрациях возбуждают отрицательный хемотаксис; даже наиболее разбавленные их растворы, производящие еще какое-либо действие, не вызывают положительной реакции. Поэтому хемотаксис выводит в данном случае организм из сферы действия яда: оптимум совпадает здесь с полным отсутствием раздражителя, все раздражения можно рассматривать, как супероптимальные.

При таком руководящем значении таксисов, как ориентировочных двигательных реакций, направляющих организм во внешней среде, особенный интерес приобретает вопрос об их механизме. Значение этого механизма должно дать нам ключ к пониманию одной из наиболее темных областей, где биология граничит уже с науками психологическими, должно подчинить биологии учение о поведении животных. Путь к пониманию механизма таксисов проложили исследования Лэба.

Отправной точкой послужила для Лёба аналогия между таксисами животных и тропизмами растений. Если растение подвергать неравномерному, одностороннему раздражению, оно так же, как животное, изменит свое положение, свою ориентировку в пространстве. Будучи прикрепленным корнями к почве, неспособным к локомоторному движению, оно при этом лишь изогнется по направлению к раздражению или от него, и в этом новом направлении будет дальше расти. Такой изгиб и такое ростовое движение, вызванное неравномерным распределением во внешней среде какого-либо раздражения, носит название тропизма, положительного, если рост совершается в направлении возрастающей интенсивности раздражения, отрицательного — в противном случае. Так, например, рост стеблевого побега большинства растений к свету (особенно ясно заметный, когда свет падает с боку, из окна, и соответствующим образом изгибает стебель) представляет положительный фототропизм, противоположный рост корня — отрицательный.

Подобно свету, и другие физико-химические агенты, будучи неравномерно распределены во внешней среде, вызывают соответствующие тропизмы. Примерами могут служить термотропизм (реакция на неравномерное тепловое раздражение), различные виды хемотропизма (вызываемые различными химическими агентами), реотропизм (реакция на механическое раздражение, производимое током воды) и др. Подобно таксисам у животных, тропизмы приводят растения (или отдельные их части) в оптимальные для них условия среды, — в этом их биологическое значение. Отличия заключаются лишь в ростовом, а не локомоторном характере движения (корнями растение прикреплено к субстрату) и в значительной независимости отдельных частей растения (корень, стебель, листья), позволяющей каждому из них расти и ориентироваться по-своему, в поисках оптимальных для каждого из них условий. Так, например, в ответ на одно и то же световое раздражение (дневной свет) главный корень обычно реагирует отрицательно (отрицательный фототропизм — наряду с положительной реакцией на силу земного притяжения, геотропизмом — направляет корень вниз, в почву), стебель — положительно (благодаря чему он выносит зеленые части растения к свету, в котором они нуждаются для ассимиляции), листья же дают промежуточную реакцию и располагаются в наиболее выгодном для поглощения солнечной энергии положении — приблизительно перпендикулярно к падающим на них световым лучам.

Эта глубокая аналогия между поведением растений и животных продолжается и дальше. Те растения, которые не прикрепляются корнями к почве, а свободно плавают при помощи двигательных органов в воде, обнаруживают, подобно животным, таксисы. Таковы одноклеточные растительные организмы (жгутиковые) и одноклеточные половые элементы многих многоклеточных растений. Особенно известным примером являются мужские половые клетки («сперматозоиды») папоротников и мхов, которые притягиваются химическими продуктами женских органов растения; встреча мужских и женских половых

«клеток и оплодотворение происходят здесь благодаря хемотаксису. Напротив, у животных, прикрепляющихся к подводным предметам. (например, различные полипы и сидячие черви), ориентировочной реакцией на неравномерно распределенные физико-химические условия являются изгибание и поворачивание тела в направлении, по которому действует внешнее раздражение, т. е. тропизм. Таким образом нет никакой пропасти между животными и растениями; и одни, и другие могут обнаруживать как тропизмы, так и таксисы. Мы можем в общей форме сказать: Таксис это ориентировочная реакция подвижных организмов, тропизм — прикрепленных. Особенно наглядно внутренняя близость этих двух типов двигательной реакции проявляется у некоторых организмов, которые в ходе своего развития ведут то свободный, то прикрепленный образ жизни. Такой случай представляет один изученный Лёбом гидроидный полип. Его личинки покрыты ресничками, при помощи которых они быстро плавают в воде. Они положительно фототаксичны по отношению к дневному свету и собираются, вследствие этого, на освещенной стороне сосуда. Позже они прикрепляются ко дну и к стенкам сосуда, сбрасывают ресничатый покров, превращаются в сидячего полипа и теперь обнаруживают положительный фототропизм — как растения, поворачиваются и растут в направлении световых лучей.

Впервые установленное Лёбом принципиальное сходство (Лёб говорит даже — тождество) таксисов и тропизмов имеет основное значение для объяснения поведения животных и растений. Тропизмы и таксисы должны служить их общим фундаментом. Когда мы видим, как бабочка летит на огонь, а таракан заползает в темные щели, мы слишком легко прибегаем к удобному приему, который Гётте обрисовал словами:

«Когда недостает понятий,
Их можно словом заменить».

И, вместо точного научного объяснения, сплошь да рядом довольствуемся такими ничего не объясняющими словами, как «любовь к свету» или «светобоязнь». Если бессмысленность и бессодержательность такого понимания поведения животных маскируется аналогией с поведением человека; то у растений ссылка на психологические мотивы, на сознательные и волевые импульсы мало кого удовлетворяет¹⁾. Одни и те же законы должны охватывать поведение животных и растений, но эти законы коренятся не в тайниках психической жизни, а в элементарных жизненных явлениях.

Каков механизм тропизма, как совершается изгибание растения к раздражению или от него? — Этот вопрос в настоящее время до известной степени выяснен. Достаточно будет рассмотреть один пример — положительный фототропизм стебля. В темноте, как известно,

¹⁾ Хотя все же нет недостатка в ботаниках (например, Ф р а н с э), признающих у растений элементарные сознательные процессы.

стебель растет особенно быстро. Выросшие в темноте (так называемые «этиолированные») растения имеют чахлые, бледные, мало развитые листья и очень длинный стебель; свет замедляет, тормозит рост стебля. Поэтому при неравномерном освещении, когда свет падает сбоку, освещенная сторона стебля растет медленнее, чем затемненная. Прямым механическим результатом такого неравномерного роста будет изгибание верхушки стебля в ту сторону, где рост замедлен, т. е. к свету. Совершенно аналогичным образом происходят и все другие тропизмы. Тропизм вызывается всяким раздражителем, изменяющим скорость роста растения. В зависимости от того, замедляет или ускоряет данный раздражитель процессы роста, тропизм будет положительным или отрицательным. Лишь только стебель (или другой симметричный орган растения) изогнется таким образом, что ось его расположится в том направлении, в котором действует раздражитель (все равно, будет ли она направлена к раздражителю или от него), симметричные точки его поверхности будут подвергаться одинаковому раздражению (и, следовательно, будут расти с одинаковой скоростью), и тем самым исчезнет причина для дальнейшего изгибания. Дальнейший рост будет совершаться прямо.

Таким образом тропизм осуществляется благодаря неравномерному раздражению и— вследствие этого — неравномерному росту симметричных точек растения. У подвижных организмов локомация и ориентировка во внешней среде совершается не посредством роста, а путем сокращения мышц или других двигательных органов. Суть дела от этого не меняется. Если у симметрично построенного животного двигательные органы одной половины тела (мышцы, мерцательные реснички и т. п.) сокращаются энергичнее, чем на противоположной стороне, тело животного будет автоматически поворачиваться, как поворачивается лодка при неодинаковой работе весел на правом и левом бортах. Поэтому всякий раздражитель (свет, температура, химические агенты и проч.), вызывающий неодинаковую работу двигательных органов на обращенной к нему и на противоположной стороне животного, заставит последнее повернуться к нему или от него. После этого симметричные точки животного будут находиться в одинаковых условиях, причины для дальнейшего поворачивания исчезнут, и животное будет двигаться прямолинейно, обнаруживая положительный или отрицательный таксис.

Такой простой механизм таксисов в последние годы удалось особенно наглядно воспроизвести и иллюстрировать при помощи машины, построенной по идее Лёба одним американским инженером Гаммондом. Машина эта, установленная на колесах, состоит из двух симметрично (справа и слева) расположенных электрических двигателей, каждый из которых при замыкании пропускаемого через него тока приводит ее в движение и поворачивает в то же время в свою сторону. Для того, чтобы автоматически регулировать и направлять движения этого «автомобиля», воспользовались важным свойством селена—его светочувствительностью. Селен обладает, как известно,

той особенностью (нашедшей себе уже интересные практические применения), что, будучи в темноте очень плохим проводником электричества, он проводит его на свету, и при том тем лучше, чем ярче освещение. Две селеновые пластинки, расположенные спереди симметрично по бокам машины (под углом друг к другу, как показывает следующая схема: \wedge) и снабженные собирающими свет линзами, соответствующими хрусталику, могут поэтому служить ей парными светочувствительными органами, «глазами». Каждый из селеновых глаз включен по пути тока, один — правой, другой — соответственно левой электрической установки. В темноте электрический ток через селен не проходит, и машина остается неподвижной. На свету ток замыкается, машина приходит в движение, поворачиваясь в то же время в ту сторону, которая ярче освещена. Лишь только оба глаза окажутся одинаково освещенными, правый и левый моторы начнут работать с одинаковой силой, и машина устремится по прямой линии к источнику света. Так же легко воспроизвести и отрицательный фототаксис. Для этого достаточно в той же «фототаксической машине» соединить правую селеновую пластинку с проводкой левого мотора, и, наоборот, совершенно подобно тому, как у высших позвоночных животных, благодаря скрещиванию глазных нервов, каждый глаз связан с противоположной стороной тела.

Технически вполне возможно снабдить подобную машину, кроме селеновых пластинок, другими аппаратами, способными воспринимать разнообразные внешние раздражения (химические агенты, температура и проч.), превращать их в электрические изменения и передавать в таком виде по металлическим проводам (соответствующим нервам) в двигательные механизмы. Животное, ориентирующееся при помощи более или менее богатого комплекса таксисов в разнообразных условиях внешней среды, ничем не отличается в своем биологическом поведении от такой машины.

Тропизмы и таксисы, протекающие по намеченной здесь схеме, являются важнейшими и наиболее широко распространенными, но далеко не единственными двигательными реакциями, позволяющими живым организмам ориентироваться во внешней среде. Все они имеют одну основную биологическую задачу: путем активной локомоции, изгибания на месте или роста, приблизиться к оптимуму жизненных условий во внешней среде.

Рассмотрение более сложных ориентировочных реакций привело бы нас к анализу так называемой «высшей нервно-психической деятельности» животных и вышло бы далеко из рамок настоящего очерка.

IV. Приспособление организма к изменениям среды

Приспособление и „приспособленность“. Приспособление и „Привыкание“.

Мы видели, как организм борется с вредными для него изменениями внешних условий. С одной стороны, в случае неоднородного распределения жизненных условий во внешней среде, он стремится, при помощи разнообразных, автоматически протекающих ориенти-

ровочных реакций, занять наиболее выгодное положение в пространстве, проникнуть в область оптимальной интенсивности раздражения. С другой, — путем все усиливающегося, по мере эволюционного развития, обособления внутренней среды от внешней — у животных постепенно вырабатывается способность искусственно создавать и поддерживать для своих внутренних тканей оптимальные условия (температуры, осмотического давления, химического состава и проч.), даже тогда, когда их нет во внешней среде. Мы можем не останавливаться здесь на третьем и последнем этапе борьбы организма со средой: искусственном создании оптимальных условий не только во внутренней, но и во внешней среде. Эту последнюю победу над природой одерживает человек при помощи непосредственно облегающей его тело одежды, при помощи искусственно нагреваемых, освещаемых, аэрируемых и т. д. жилищ, наконец, посредством широких изменений самой природы (осушение болот, вырубка или насаждение растительности и т. п.).

Тем не менее, несмотря на все эти более или менее удачные попытки различных организмов освободиться от воздействий внешней среды, сфера прямого или косвенного влияния последней остается крайне обширной. Изменения окружающих условий за пределы характерной для каждого из них верхней или нижней границы поминутно грозят гибелью всякому живому организму. Однако там, где не удается активная борьба за сохранение оптимальных жизненных условий, у организма остается еще одна возможность — пассивное приспособление, адаптация к изменению окружающих условий.

Очень трудно дать точное определение понятия «приспособление». Мы будем выражать им такое изменение свойств организма, в результате которого вредное или же совершенно индифферентное условие среды делается более или менее безвредным или полезным. Нужно заметить, что в огромном большинстве биологических книг и руководств понятие приспособления получает крайне туманное и расплывчатое толкование. Оно нередко сливается с общим неопределенным представлением о «приспособленности», о соответствии каждого предмета или явления занимаемому им в природе месту, об общей гармонии природы. Ему легко придают тогда религиозно-телеологическую окраску, которой хорошо соответствует известная формула: «все к лучшему в этом лучшем из миров». В сложной области соотношений между организмом и его биологической средой особенно часто изучение процесса приспособления подменяется бесплодным и во многих случаях преувеличенным восхищением перед приспособленностью и совершенством организма. Достаточно яркой иллюстрацией преувеличенности этого восхищения может служить произведенный Мечниковым (в его известной книге) подробный анализ несовершенств и дисгармоний в строении «венца творения» — человеческого организма. Великой заслугой Дарвина является то, что он впервые отбросил мистическое представление о гармонии и

совершенстве органического мира и открыл путь к научному изучению приспособлений на основе их биологической полезности для вырабатывающего их организма.

Можно было бы думать, что хотя бы в области физико-химической среды, значительно более доступной точному исследованию, мы будем свободны от телеологических представлений. Однако они достаточно часто господствуют и здесь и приводят даже к полному извращению основной проблемы. Вместо исследования того, как происходит приспособление организма к условиям среды, мы встречаем обратные рассуждения о «приспособленности среды» для жизни (Гендерсон «Среда жизни»): на языке современной науки воскрешаются старые взгляды о гармонии мироздания.

Этим путем мы не пойдем, — он, все равно, не привел бы нас к цели! Для разрешения вопроса о приспособлении, представляющего один из наиболее важных и в то же время наиболее темных биологических вопросов, изучение физико-химической среды открывает широкие возможности. Приспособление к изменениям биологической среды требует огромных промежутков времени, и мы большей частью судим о них лишь по достигнутым результатам. Начиная со времени Дарвина, мы стараемся за современной биологической приспособленностью организмов отгадать медленный, приведший к ней эволюционный процесс. Напротив, приспособление к изменениям физико-химических условий совершается иногда за очень короткий срок у нас на глазах, и в этом простейшем случае мы можем попытаться проникнуть в самую динамику процесса приспособления.

Для иллюстрации хода исследования достаточно будет немногих примеров.

Мы уже видели, что для различных организмов температурные кривые жизнедеятельности не совпадают. Естественно возникает вопрос: почему один организм хорошо переносит высокую температуру, губельную (лежащую выше максимума) для другого. Чтобы приблизиться к разрешению этого вопроса, ему следует дать другую, более определенную формулировку: почему один и тот же организм в известных условиях (например, в известной стадии развития) оказывается более теплоустойчивым, чем в других. Например, вегетативные стадии бактерий гибнут при значительно более низкой температуре, чем их споры. Ответ на этот вопрос дает изучение условий теплового свертывания белков. Споры содержат значительно меньше воды, чем подвижные стадии бактерий, а известно, что сухие белки свертываются значительно медленнее влажных. Если мы будем постепенно, очень медленно нагревать мокрый белок, давая достаточно времени для испарения содержащейся в нем воды, он будет, как живой организм, «привыкать», «приспособляться» к повышению температуры и свернется при значительно более высокой температуре, чем если бы мы нагрели его быстро, при первоначальном содержании влаги. В такой форме вопрос переходит на строго научную почву изучения физико-химических условий коагуляции

коллоидов в организме и вне его и теряет окутывающий его ореол загадочности.

Таким же путем должно идти исследование приспособления организмов к изменениям концентрации солей, осмотического давления, реакции раствора и других факторов физико-химической среды. В ряде случаев путем медленного, постепенного привыкания удастся приспособить организм к таким значениям внешнего раздражения, которые первоначально были для него губельны. Ход процесса можно иногда очень точно проследить, хотя механизм его остается еще недостаточно выясненным.

Особенный интерес представляет при этом вопрос о том, насколько длительно и стойко сохраняются результаты адаптации. Если организм, приспособившийся к необычной для него интенсивности раздражения, подвергавшийся ему более или менее продолжительное время, вернуть в первоначальные условия, — как долго сохраняется приобретенная им выносливость? Если подвергать измененным условиям не только самый организм, но и его потомство в течение ряда поколений, удастся ли выработать стойкую «физиологическую расу», отличающуюся от исходной формы не какими-либо морфологическими особенностями, но своими биологическими реакциями, отношением к внешним раздражениям? Образование такой физиологической расы было бы простейшим частным случаем общей эволюционной проблемы видообразования под влиянием внешних условий.

Все эти проблемы ждут еще своего экспериментального решения.

V. Влияние среды на форму и строение живых организмов

Влияние света, тепла, химического состава. Чувствительный период и специфичность морфологических изменений. Количественное объяснение качественных изменений.

С изменением внешних условий живой организм борется при помощи стабилизирующего влияния внутренней среды или активных движений к оптимуму. Наступающие тем не менее изменения физико-химических условий по обе стороны от оптимума вызывают понижение интенсивности жизненных процессов, падающей до нуля по достижении минимума или максимума данного фактора. Положение минимума и максимума не остается, однако, при этом строго постоянным, но может более или менее длительно смещаться в результате явлений адаптации, приспособления. На ряду с этими количественными изменениями, внешние воздействия могут производить и глубокие качественные изменения, влияя на форму и строение живых организмов.

Примером такого влияния может служить воздействие температуры на окраску бабочек. Наиболее простые результаты были получены у бабочек, имеющих сезонный деморфизм. У них путем изменения температуры удавалось превращать по желанию летнюю форму в зимнюю и наоборот. У других видов, не обладающих деморфизмом, умеренное повышение температуры нередко изменяет тип

бабочки так, что она делается похожей на южный вариант того же вида, а охлаждение приближает ее окраску к более северной форме. При этом, только те температуры, которые немного выше или ниже нормальных, вызывают южные или северные варианты, тогда как резкие отклонения температуры в ту или другую сторону обычно ведут к возникновению аберраций, не встречающихся в природе. Особенно интересно—и это обстоятельство имеет большое значение для понимания изучаемого явления,—что одинаковые изменения окраски и формы производятся нередко противоположными температурными изменениями,—как нагреванием, так и охлаждением.

Другим фактором, влияющим на строение и, особенно, на пигментацию живых организмов, является свет. Хорошо известны те изменения, которые вызывает отсутствие света у растений. В темноте зеленый пигмент растений—хлорофилл—недоразвивается и в то же время своеобразным образом изменяется рост листьев и стебля; листья остаются малыми и плохо развитыми, между тем как стебель быстро и усиленно растет и поднимает высоко вверх хилое, слабое растение. Описываемое изменение получило название «этиолирование». В значительной степени аналогичные результаты производит отсутствие света у животных. Особенно ясно они наблюдаются у привычной к мраку пещерной фауны. Не говоря уже о частом отсутствии или недоразвитии органов зрения, которое может быть понято, как результат функциональной атрофии недейтельного органа, обращает на себя внимание большое количество слабо или совершенно непигментированных, альбиносных форм. Сходство с этиолированными растениями в некоторых случаях дополняется у пещерных животных усиленным ростом в длину конечностей.

Непосредственная зависимость альбинизма пещерных форм от светового фактора доказывается и прямыми опытами. Если самцов бледного пещерного тритона-протей подвергнуть действию света, у него развивается такая же темная пигментация, как у родственных видов, живущих на свету. Столь же ясные результаты были получены на камбале, у которой пигментирована верхняя сторона тела, между тем, как нижняя, обращенная ко дну, остается лишенной пигмента. Однако в аквариуме со стеклянным дном, при освещении камбалы снизу, у нее на нижней, в обычных условиях бесцветной стороне, развивалась сильная пигментация.

Химические условия—вода, соли, химический состав пищи—могут оказывать не менее глубокое влияние, чем физические факторы. Особенный интерес представляет влияние солености, изученное впервые Шманкевичем на мелком ракообразном из Одесских лиманов (*Artemia*). Наблюдаемые здесь изменения выходят далеко за пределы тех мелких вариаций окраски или узора крыла бабочки, которые большей частью производят колебания температуры или влажности. Увеличивая концентрацию соленой воды, в которой живет *Artemia salina*, Шманкевич вызывал появление новой формы, соответствующей другому виду *Artemia Mülhauseni*. Еще более глубокое изменение производило медленное, постепенное пони-

жение солености, результатом которого было превращение первоначального организма в форму, имеющую признаки рода *Branchipus*. Сенсационные опыты Шманкевича вызвали сильную критику и были признаны ошибочными повторившими их исследователями. Однако последние годы вновь принесли экспериментальное подтверждение полученных им результатов, которые, вероятно, должны будут занять видное место в учении о физико-химических факторах формообразования.

К химическим условиям нужно, наконец, отнести и влияние густоты заселения, которое, как мы видели, до известной степени перебрасывает мост между неорганической средой и наиболее элементарными социально-биологическими факторами. Последние действуют в данном случае путем изменения состава среды, из которой они извлекают питательные вещества и в которую они выделяют вырабатываемые ими продукты. Они могут видоизменять как физиологические, так и морфологические особенности организма. Так, у инфузории, путем максимального уменьшения густоты населения и возможно более совершенного удаления продуктов обмена веществ, можно устранить всякую склонность к половому процессу, которая в обычных условиях периодически, через известное число поколений, у них наблюдается. Лучшие примеры морфологических изменений дают моллюски. Известно, что одни и те же виды моллюсков нередко имеют в различных водоемах неодинаковые размеры: в очень малых водоемах они имеют меньшую величину, чем в более обширных. Семпер (*Semper*) попробовал искусственно культивировать моллюсков в сосудах различной величины. При их росте очень скоро обнаруживались различия того же характера, как те, которые наблюдаются в природе: там, где одинаковое число животных содержалось в большем объеме воды, они (несмотря на одинаково обильную пищу) достигали больших размеров, чем их теснее жившие сверстники. При перенесении животного из одного сосуда в другой вместе с условиями существования (густотой заселения) соответственно изменялся и рост. У ряда других животных удалось в настоящее время констатировать сходные зависимости.

При экспериментальном изменении организмов посредством внешних воздействий нам приходится иметь дело с особым, не поддающимся обычно более точному анализу свойством организма—его специфической восприимчивостью к действию того или другого внешнего агента. Эта специфическая восприимчивость большей частью не остается постоянной в течение всей жизни организма, но может сильно меняться с возрастом. Она может быть даже строго ограничена известными возрастными стадиями и совершенно отсутствовать как в более раннем, так и в более позднем возрасте. Мы имеем тогда определенный «чувствительный момент» жизненного цикла, когда раздражение должно подействовать, чтобы произвести ожидаемый эффект. Раньше или позже оно не оставляет следов. В особенно ясной форме мы можем наблюдать такой «чувствительный момент» у колорадского жука (*Leptinotarsa*).

Если колорадского жука подвергать в течение всей его жизни действию измененных условий температуры или влажности, его окраска несколько меняется. Умеренное повышение или понижение средней обычной для него температуры или же умеренное изменение влажности (все равно, в сторону ее увеличения или уменьшения) приводит, обычно, к усилению пигментации жука, к меланизму. Крайние, наиболее резкие изменения тех же факторов имеют своим результатом более или менее значительное исчезновение пигмента— альбинистическую вариацию. Эти изменения передаются и следующему поколению. Ограничивая изменения внешних условий известными периодами жизни животного, можно установить, как меняется его восприимчивость к внешнему раздражению. В данном случае действие на личиночные стадии не дает никаких результатов; чувствительность появляется лишь на более поздней стадии— у куколки. Однако если в измененных условиях находится лишь куколка, взрослая форма (*imago*) хотя претерпевает перемену окраски (меланистическую или альбинистическую), но не передает ее своему потомству. Для этой передачи необходимо, чтобы изменение внешних условий продолжалось в период созревания яиц, которое происходит у взрослого жука, после выхождения его из кокона. Наконец, при действии изучаемых факторов только на взрослую форму из яиц, созревших в измененных условиях, получается измененное потомство, хотя окраска самого жука, окончательно фиксированная в стадии куколки, остается неизменной. Таким образом, мы имеем здесь характерные периоды чувствительности к внешнему воздействию: в стадии куколки определяется характер пигментации жука, в момент созревания яйца у последнего сказывается влияние на окраску дочернего поколения. Чувствительный период может быть очень непродолжительным (например, момент созревания яйца), и во многих случаях кажущаяся невозможность подчинить экспериментальному контролю свойства организма объясняется незнанием нами того момента, когда внешнее воздействие могло бы дать желательный результат.

Не только наличие или отсутствие изменения организма в ответ на внешнее влияние, самый качественный характер этого изменения обычно объясняют не поддающейся анализу специфической чувствительностью организма. Когда свет влияет на пигментацию, детали этого фотохимического процесса могут быть нам неясны, но принцип его вполне понятен. Точно так же не представляется загадочным уменьшение предельного роста животных под влиянием накопления выделяемых ими вредных продуктов обмена веществ при чрезмерной густоте заселения. Но уже между изменением температуры или влажности и вызываемым им появлением той или иной окраски жука или цветного узора на крыле бабочки трудно уловить какую-либо связь. Объяснение облегчается в этом случае тем обстоятельством, что здесь, действительно, нет строго специфической зависимости. Увеличение влажности, как мы видели на примере колорадского жука, может действовать так же, как ее уменьшение, положительное температурное изменение— как отрицательное. Более того, температур-

ные изменения и изменения влажности производят в приведенном выше примере одинаковый эффект, и различия последнего зависят лишь от интенсивности любого из этих раздражений.

Бросается в глаза сходство этих отношений с деятельностью органов чувств, с присущей им специфической активностью, позволяющей превращать любое воспринимаемое раздражение в свойственную им форму возбуждения. Это сходство дает повод к представлению о существовании у организма, помимо видимого строения, скрытых морфологических потенций, для проявления которых необходим лишь импульс, даваемый внешним раздражением. В действительности, однако, мы легко можем обойтись без подобных предположений. Окраска или другой морфологический признак складается обычно из ряда внутренних факторов (образование и распределение различных пигментов и т. п.), каждый из которых может обладать своей самостоятельной кривой зависимости от внешних условий. Небольшие изменения температуры или другого внешнего фактора могут стимулировать образование пигмента; предельные температуры, приближающиеся к температурному минимуму или максимуму, не убивая еще животного, могут прекращать выработку пигмента. При этом, благодаря симметричному ходу температурной кривой, падающей до нуля по обе стороны от оптимума, положительные и отрицательные температурные колебания производят одинаковый эффект. Так же просто, как меланистические и альбиностические вариации, объясняются и более сложные изменения окраски. При наличии нескольких цветных пигментов, их температурные кривые (или кривые зависимости от влажности и т. п.) могут не совпадать друг с другом. Температурное отклонение, подавляющее отложение доминирующего при обычных условиях пигмента, может быть еще сравнительно безвредным (или даже оптимальным) для другого пигмента, в нормальных условиях замаскированного первым. Изменения температуры приводят тогда к сложным изменениям расцветки или рисунка, ставящим в тупик исследователя. Мы видим, что и здесь дело сводится к простому (выражаемому одновершинной кривой) количественному изменению интенсивности отдельных биологических реакций, и лишь их сложное сочетание приводит к тому, что количественные изменения превращаются в изменения качественные.

Мы видим, таким образом, что температурная кривая, с рассмотрения которой мы начали настоящий очерк,—кривая, при усилении раздражителя поднимающаяся от минимума до оптимума, затем более или менее круто падающая к максимуму, представляет универсальный закон, выражающий действие любого фактора среды на любой биологический процесс. И мы можем без преувеличения сказать, что количественное знание этих кривых для отдельных элементарных биологических процессов позволило бы нам объяснить не только количественное, но и качественное многообразие наиболее сложных жизненных явлений в их зависимости от внешней среды.

VI. Среда и видообразование

Со времени Дарвина прочное обоснование получил взгляд о зависимости видообразования от прямого или косвенного влияния среды ¹⁾. Преобладающую роль при этом отводят косвенному влиянию среды, — как неорганической, так в особенности биологической, — переживанию организмов наилучше приспособленных к условиям внешней среды. Значительно более темной остается по настоящее время указанная впервые Ламарком и особенно выдвигаемая неоламаркистами возможность непосредственного изменения организма действием физико-химических факторов.

В предыдущей главе мы убедились на нескольких примерах, что такое прямое воздействие возможно, более того — что оно постоянно происходит у нас на глазах. Будут ли производимые им изменения достаточно стойкими и прочными, могут ли они фиксироваться организмом и передаваться им, наравне с его врожденными признаками, потомству? Мы стоим здесь перед наиболее темной и наиболее спорной проблемой современной биологии — перед вопросом о наследовании индивидуально приобретенных признаков.

Критический анализ этой проблемы и современных попыток ее разрешения выходит из рамок настоящего очерка.

З а к л ю ч е н и е

Мы можем теперь, подводя итоги, точнее формулировать те основные вопросы, которые ставит перед нами изучение среды.

Старая морфологическая, в буквальном смысле слова «формальная», зоология рассматривала животное, как самостоятельный, независимый от внешних условий организм. Теперь самую форму мы изучаем динамически, как равновесие организма с силами внешней среды. Понятие среды охватывает, как мы видели, всю природу, весь окружающий мир (поскольку он может влиять на жизненные явления). Однако среда в то же время представляет сумму внешних факторов, действующих на живое вещество, совокупность условий, окружающих живой организм (или его элементарные части), и в этом отношении неразрывно связана с понятием организма. В этом смысле, несмотря на единство природы, можно смело сказать, что каждый организм имеет свою собственную жизненную среду, отличную от среды других живых существ.

Все жизненные явления вытекают из непрерывного взаимодействия организма и его жизненной среды с железной необходимостью. Неудивительно поэтому, что только на основе изучения взаимодействия

¹⁾ Противниками его являются „лишь сравнительно немногочисленные приверженцы идеи „ортогенеза“, заложенной в самом организме внутренней тенденции к прогрессивному развитию. В недавнее время идеи ортогенеза были вновь воскрешены в теории „момогенеза“ Берга.

организма и среды возможна правильная постановка наиболее основных проблем биологии, на некоторых из которых мы бегло остановились в настоящем очерке: проблема индивидуальности, проблема поведения животных и их ориентировки во внешней среде (как основа их «психической жизни»), проблема приспособления (и целесообразной «приспособленности»), проблема непосредственного изменения строения организмов воздействием внешних агентов и наследования индивидуально приобретенных признаков.

Д. Рубинштейн

Л И Т Е Р А Т У Р А

Подробный критический разбор литературы предположено дать в другом очерке („Среда в биологии“). Здесь можно указать лишь на некоторые важнейшие руководства.

Rzibgam. Experimental-zoologie (физико-химические условия среды; их влияние на строение организмов).

Ферворт. Общая физиология (внешние условия; тропизмы и таксисы).

Морган. Эксперим. зоология (внешние факторы формообразования).

Лёб. Динамика живого вещества.

Лёб. Организм, как целое (печатается), (лучшее изложение вопроса о тропизмах и таксисах).

Quinton. L'eau de mer, milieu organique (морская вода, как основная живая среда).

Рубинштейн. Введение в физико-химическую биологию (физико-химические условия среды и их изменение во внутренней среде высших животных). 1925.

ГИПНОТИЗМ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ ОБ УСЛОВНЫХ РЕФЛЕКСАХ

В то время как область неорганического мира находится всецело во власти естествознания, в науках о жизни еще не окончательно изжиты идеи анимизма и спиритуализма. Однако победное шествие естествознания не останавливается и перед самыми сложными явлениями жизни: позиция за позицией отвоевывается точной наукой у метафизики и умозрения. Особенно долго во власти последних находилась область душевной жизни, мир психический. Одним из величайших достижений человеческого ума является открытие объективного метода изучения психической жизни, метода условных рефлексов. Его задачей является изучение механизма высшей нервной деятельности, воспринимаемой нами субъективно как психические процессы. При помощи метода условных рефлексов мы вступаем таким образом в область, казавшуюся неприступной для естествознания: открываются основные механизмы высших отделов нервной системы, создается естественно-научная дисциплина о поведении животных, а также и человека. Наконец, этот метод, как мы постараемся доказать, намечает путь для окончательного решения вопроса о гипнотизме, явления которого давно поражали своей таинственностью и казались одной из величайших загадок биологии и психологии.

I.

Три периода в истории гипнотизма

Явления гипнотизма встречаются как в мире животных, так и у человека. Древние культурные народы были знакомы с фактами человеческого гипнотизма и умели вызывать гипноз особыми приемами. Тайной гипнотизации владели египетские и греческие жрецы и халдейские маги. Уже тысячу лет назад индусская секта йогов владела способом аутогипноза, благодаря которому достигалось особое мистическое состояние экстаза.

Гипноз используется для религиозных целей и носит на себе все черты архаическо-магической эры человеческого мышления. За этим теологическим периодом истории гипнотизма следует второй—уже в новые века — метафизический период.

Он связан с именами Парацельза, Флюdda и Месмера. Это было время алхимии и астрологии. Под влиянием астрологических идей со-

здавалась магнитно-флюидная теория гипнотизма, главным последователем которой был Месмер. По его учению, магнетическая сила разлита во всей вселенной, эта сила присуща и животным организмам и называется животным магнетизмом. Гипнотизеры—это люди, обладающие в избытке магнетической силой. Эта сила, эти флюиды, сообщаясь другому организму, приводят его в гипнотическое состояние и оказывают целительное действие. Эта теория представляет в настоящее время исторический интерес, ее многочисленные сторонники стоят совершенно в стороне от научного мышления, находясь под влиянием суеверий спиритизма и оккультизма. В начале XIX века против магнитно-флюидной теории выступил вернувшийся из Индии португальский аббат де-Фариа. Он отрицал существование какой-то сверхъестественной силы у гипнотизера, объясняя явления гипноза психологически, воображением гипнотизируемых.

В 1843 году английский хирург Брэд опубликовал сочинение «*Neuhypnology*», в котором также высказывался против существования какой-то магнетической силы. Он указал на два важных приема для вызывания гипноза: фиксацию блестящего предмета и внушение. Брэд является предтечей научного периода в истории гипнотизма. Настоящим же основателем новой главы в истории гипноза и внушения является врач Огюст Льебо, живший во второй половине XIX века. Его книге «Искусственный сон и сходные с ним состояния», а также неутомимой практической работе гипнотизм обязан большим шагом вперед. Отношение медицинского мира к Льебо было вначале отрицательное, но его настойчивость и замечательные результаты привлекли внимание ученых врачей и физиологов—Бернгейма, Дюмона, Бона. Они принялись за изучение гипнотизма и стали основателями особой школы—Нансийской, так как деятельность их протекала в городе Нанси.

В конце XIX века гипнотические явления привлекли внимание великого невропатолога Шарко.

Совместно со своими учениками он изучал гипноз у истеричных. Благодаря особенностям своего материала, школа Сальпетриера пришла к другим выводам по вопросу о природе гипноза, чем Нансийская школа. Явления гипноза животных, после описания «*experimentum mirabile*» (чудесного опыта) Анастасием Кирхером в 1646 году, привлекли внимание физиологов (Черман, Гейбель, Прейер, Ферворн Мангольд, Данилевский).

Трудами клиницистов и физиологов явления человеческого и животного гипнотизма были фактически установлены и описаны. Однако, как мы увидим дальше, существует разногласие по вопросу о сущности гипноза, о механизме гипнозогенных факторов, о сущности так наз. гипноза животных и его отношении к гипнозу человека. Особый интерес представляют учения школ Сальпетриера и Нансийской. Изложив взгляды этих школ, мы сможем выяснить основные вопросы гипнотизма и подвергнуть их рассмотрению в свете новой физиологии мозга.

II

Две школы гипнотизма

Уже самое слово «гипноз» от греческого «Нурпос» (сон) указывает на сходство его со сном. С другой стороны в явлениях гипноза есть черты, сходные с истерией.

Школа Сальпетриера во главе с Шарко обратила особое внимание на это сходство и смотрела на гипноз, как на явление патологическое, родственное истерии. Де-ла Туретт говорит: «Гипнотизм есть не что иное, как истерический припадок, который не наступает естественно, а вызывается искусственно». Школа Сальпетриера различает большой и малый гипнотизм. В большом гипнотизме различаются три фазы: каталептическая, летаргическая и сомнамбулическая. Эти фазы вызываются или самостоятельно, или переходят одна в другую. Для вызывания этих состояний применяются следующие приемы: внезапный сильный шум, яркий свет, продолжительная фиксация какого-нибудь предмета. Сущность гипноза сводится к особому патологическому состоянию нервной системы, вызываемому сильными или слабыми раздражителями. Это состояние может быть вызвано у лиц с особенной нервной системой, у истеричных. Таковы взгляды на гипноз школы Сальпетриера. В противоположность этому Нансийская школа считает гипноз не патологическим состоянием; он может быть вызван и у нормальных людей. Несогласна она также с существованием описанных трех фаз большого гипнотизма, считая их результатом специальной выучки. Большинство современных гипнологов также не наблюдали этих фаз. Нам также не удалось их наблюдать в течение десятилетнего опыта с применением гипноза для целей лечения. Обычный гипноз, который нам удалось вызывать, исчерпывался тремя фазами, отмеченными Нансийской школой: сонливость, гипотаксия и глубокий гипноз с амнезией. Среди сторонников Нансийской школы многие отождествляли гипноз со сном (Льебо, Форель, Фогт). Другие это отождествление отрицают (Гиршлаф). Бернгейм считает, что есть гипноз без сна, гипноз со сном и с иллюзией сна. Леман и Фогт сводят гипноз к частичному системному сну. Взгляд Левенфельда на сущность гипноза сводится к следующему: «гипноз есть состояние частичного сна; в основе его лежат те же физиологические изменения в функциональном состоянии корковых элементов, как и в естественном сне; различные формы и степени гипнотического состояния обуславливаются исключительно различиями в распространении этих изменений в отдельных случаях». (Гипнотизм, стр. 70, русский перевод).

По вопросу о способах вызывания гипноза Нансийская школа приписывает главное значение внушению. Гипноз есть внушенный частичный сон. Загадка гипноза сливается с загадкой внушаемости. Внушаемость же является в известной степени достоянием каждого человека, благодаря чему каждый человек при известных условиях подвержен гипнозу. По этому поводу Сайдис говорит следующее: «Элемент внушаемости является составной частью нашей натуры, он не покидает

нас никогда, он всегда в нас. Не общественность или разум, а внушаемость характеризует каждого человека, человек—внушаемое животное». Нансийская школа стремится к психологическому истолкованию гипнотизма. Однако этот путь не может быть особо плодотворным, так как процесс самонаблюдения, эта основа субъективной психологии, не имеет места в состоянии глубокого гипноза. В легких формах он также нарушен и не может дать исходных элементов для научной теории.

Психологический подход к явлениям гипнотизма в лице его выдающихся представителей обогатил науку многими ценными наблюдениями, разработал симптоматику гипноза, но не привел к определенным взглядам на сущность его. Школа Сальпетриера, хотя и стремилась стоять на физиологической точке зрения, ограничивалась односторонним подбором материала, людьми с патологической нервной системой. В силу этого, а также вследствие отсутствия экспериментально-физиологической основы, она также не могла привести к научному пониманию сущности гипнотизма. Необходимо было найти иной подход, посредством которого эта загадка могла бы быть разрешена. Таким подходом является объективное изучение высшей нервной деятельности. Для того, чтобы открылся путь к проблеме гипнотизма, должны были выясниться основные механизмы высшей нервной деятельности, физиологический механизм бодрствования и сна.

III

Высшая нервная механика и сон

Работа в лабораториях академика Павлова привела к установлению тех высших нервных механизмов, благодаря которым вырабатываются временные связи между организмом и средой, условные или временные рефлексы. Они являются надстройкой над фундаментом врожденных, постоянных рефлексов (инстинктов), а в своей сумме составляют то, что есть личный опыт, привычки индивидуума. Вся жизнь индивидуума, эволюция его, есть образование новых и уничтожение старых, ненужных реакций. Эта деятельность выпадает на долю коры головного мозга. Основные процессы, участвующие в этой работе, суть процессы раздражительный и тормозный, два противоположных друг другу состояния нервной клетки. Эти процессы обладают двумя свойствами: концентрации и иррадиации.

Процессы возбуждения и торможения являются одинаково активными, но противоположными процессами. Они оба участвуют в работе высших нервных аппаратов. Бодрствующий мозг представляет собой мозаику возбудимых и заторможенных пунктов. Эта клавиатура приводится в движение падающими на мозг раздражителями. Многочисленными опытами установлена близость тормозных процессов с состоянием сна. Каждый раз, когда создаются условия для преобладания тормозных процессов, животное становится сонливым и иногда совсем засыпает. Борьба с этим сном можно, лишь умножая число возбудимых пунктов, усилением раздражительного процесса. Сон представляет со-

бой тот же процесс торможения, но распространившийся широко по коре и нижележащим частям мозга. Словом, в основе его находится один из процессов, участвующих и в работе бодрого мозга—процесс торможения. С другой стороны, в бодром состоянии мозга имеются отдельные заторможенные пункты. Переход от бодрого состояния к сну, различные формы частичного сна зависят от степени распространения тормозного процесса. С этой точки зрения открывается путь к пониманию гипнотизма. Акад. Павлов по этому поводу говорил: «Раз мы принимаем парциальность, раздробленность сна в больших полушариях, явления человеческого гипнотизма, вообще говоря, становятся понятными, имея в виду большую расчлененность и сложность больших полушарий у человека». И действительно, предшествовавшими работами по физиологии сна, а также моей экспериментальной работой накоплен ряд фактов, обнаружены закономерности, дающие возможность объективного, естественно-научного подхода к основным вопросам гипнотизма. Таковыми являются: 1) вопрос о сущности гипнотического состояния, 2) вопрос о механизме действия гипнотических приемов и, наконец, 3) отношение гипноза животных к гипнозу человека. В такой последовательности мы и рассмотрим эти вопросы, основываясь на экспериментальных данных, с точки зрения учения об условных рефлексах.

IV

О физиологической сущности гипнотического «раппорта»

Отличием гипноза от сна является существование «раппорта», т.-е. восприимчивости к внушениям со стороны гипнотизера. С психологической точки зрения в основе этой особенности гипноза имеется сужение сознания, сосредоточенность душевных процессов вокруг воздействий, исходящих от гипнотизера. Нашей задачей является выяснение физиологического механизма «раппорта», что представляется возможным на основании нижеследующих экспериментов. Задачей этих опытов было создать в коре животного такое сочетание раздражительного и тормозного процессов, при котором наблюдалась бы нечто аналогичное «раппорту». Для этой цели мы выработали у наших собак условный рефлекс на один из тонов фисгармонии—тон do (в 256 колебаний в секунду). Остальные 22 тона фисгармонии соответствующей методикой были сделаны тормозными (при их действии не было ни слюноотделения, ни двигательной реакции).

И вот оказалось, что если мы в течение опытного дня чередовали тон do с другими тормозными тонами, то собаки оставались бодрыми. Если же мы действовали только тормозными тонами, то собаки засыпали. Это объясняется тем, что в первом случае в мозгу собак не нарушался баланс возбуждения и торможения, во втором мы давали преобладание тормозному процессу, который, распространяясь по мозговой массе, переходит в сон. Таким образом мы получили возможность, действуя определенными тонами, усыплять животных. Но при этом

оказалось, что глубоко усыпленное животное просыпалось при действии тоном do (256). Нарочито поставленными опытами мы постарались достичь довольно глубокого сна, при котором посторонние раздражители, как слабые, так и сильные, не будили (сильный свисток, стук кулаком в дверь, колodka). Тон же do пробуждал собак от этого сна. Обыкновенно при засыпании собак условный рефлекс значительно уменьшается, а иногда и совсем исчезает. В нашем же случае собаки при действии условным раздражителем do не только пробуждаются, но и дают полный рефлекс. Как понять механизм такого явления? В чем причина такого действия тона do на спящих собак, не реагирующих на другие раздражители? Механизм этого явления представляется нам в следующем виде. Путем систематического сочетания тона do с кормлением животного мы создали в коре головного мозга пункт, связанный с пищевым центром. Так как при выработке тормозных тонов мы применяли в течение опытного дня и тон do, то мы таким образом как бы тренировали возбудимый пункт, иммунизируя его против торможения. Возбудимость этого пункта сделалась настолько великой, что при засыпании собак, когда вся мозговая масса как бы заливалась волной торможения, этот пункт, подобно маяку, остается свободным, сохраняя свою возбудимость. Среди пустыни сна имеется как бы оазис бодрствования. Мы назвали этот пункт «сторожевым» пунктом коры полушарий, уподобляя его сторожу, бодрствующему в царстве сна. Нашими экспериментами мы воспроизвели явления вполне аналогичные многим фактам в жизни человека. Сюда можно отнести сон матери, просыпающейся от малейшего движения ребенка и продолжающей спать при других более сильных шумах, сон сиделки, просыпающейся при движении больного, и т. д. То же, наконец, мы видим и в гипнотическом «раппорте», когда усыпленный, оставаясь безучастным к посторонним воздействиям, реагирует лишь на внушения гипнотизера. Во всех этих фактах необходимо предположить тот же механизм, что и в наших опытах с тоном do. В «раппорте» материнского сна, сна сиделки, гипнотического сна, физиологической основой является образование «сторожевого пункта». Во сне матери или сиделки существование таких пунктов является результатом естественных условий. Их образование объясняется сочетанием определенных комплексных раздражителей с какой-нибудь важной функцией. Например, у матери все исходящее от ребенка воздействия приобретают характер сильного раздражителя, так как они связаны с биологической функцией материнства. По этому типу и происходит образование натуральных сторожевых пунктов. Наконец, гипнотическое состояние представляется как сочетание сторожевого пункта с общей заторможенностью. Его адекватным раздражителем является гипнотизер, подобно нашему тону do. Гипнотизер представляет собой комплексного раздражителя, могущего вызвать условные рефлексы разнообразного характера. Сложность коры человека объясняет и большую сложность этих явлений, но в основе его лежит тот же механизм, что и в приведенных нами экспериментах. При истерии, повидимому, также образуются очаги возбуждения, патологические сто-

рожевые комплексы на фоне частичной заторможенности остальных отделов коры. Эти нервные механизмы и обуславливают так наз. «сужение сознания» как в гипнозе, так и при истерии. Но в последней все это носит фиксированный, стационарный характер, в гипнозе же эти явления мимолетны, здесь имеется лишь временное нарушение нервной механики, подобно вызванному нами у собак экспериментальному сну с частичным фокусом возбуждения. Выяснив физиологическую основу гипнотического «раппорта», необходимо подвергнуть анализу нервный механизм, лежащий в основе различных форм гипноза.

V

О корковом торможении в разных степенях гипноза

Существуют различные мнения относительно степеней гипноза. Так Бернгейм насчитывает 9 степеней, другие авторы, в том числе Форель, 3 степени, Дессуар 4 степени, Гиршлаф, Левенфельд 2 степени. К последнему взгляду присоединяемся и мы, различая легкий и глубокий гипноз. Легкий гипноз, гипотаксия или состояние очарования, характеризуется невозможностью открывать глаз, каталептическими явлениями, автоматизмом. Субъект однако сохраняет сознание и помнит обо всем происшедшем. Это состояние напоминает собою оцепенение от страха. Глубокий гипноз есть уже состояние глубокого сна, в котором однако путем внушения удается вызвать галлюцинации. После такого гипноза существует амнезия относительно всего происшедшего в течение сеанса. Эта степень гипноза напоминает сон с яркими сновидениями или состояние лунатизма. Для уяснения физиологического механизма различных степеней гипноза необходимо остановиться на некоторых фактах, обнаруженных при изучении лабораторного сна собак, а также на экспериментах, сюда относящихся. Павлов¹⁾ и Воскресенский могли вызвать у собаки различные фазы сна. Глубокому сну, при котором не наблюдалось ни слюноотделения, ни двигательной реакции на действие условного раздражителя, предшествовала своеобразная фаза. Она отличалась тем, что животное реагировало на условный раздражитель слюноотделением, но двигательной реакции не было, животное не брало пищи. Такую же фазу раз'единения двигательной и секреторной реакций наблюдал и Чечулин²⁾ при усыплении собак угашением ориентировочных раздражителей. Мы также могли наблюдать эту фазу сна в наших опытах. После усыпления собаки тормозными тонами, однажды сон был очень глубокий, собака совсем повисла на лямках и храпела. Когда мы применили тон до, то появилось слюноотделение, собака открыла глаза, но оставалась неподвижной, в состоянии как бы оцепенения; это состояние продолжалось и после того, как была придвинута кормушка с едой: собака ела не

1) Павлов и Воскресенский. Материалы к физиологии сна. „Двадцатилетний опыт“.

2) Чечулин С. И. Новые материалы к физиологии угасания ориентировочного рефлекса. Архив Биол. Наук, т. XXIII, вып. 3—5, 1923.

брала, оставалась неподвижной, несмотря на обильное слюноотделение. Только после вторичного, через несколько минут, применения тона do, собака окончательно проснулась. Описанные факты едва ли понятны с психологической точки зрения. Однако они вполне уясняются, если исходить из известных теперь основных корковых механизмов. Одним из них является процесс иррадиации, пространственного движения процессов торможения. Сон является в результате распространения тормозного процесса по всей коре головного мозга. Но возможно и ограничение этого процесса, этого движения в одной какой-либо области. Описанные факты заторможения двигательной реакции при сохранении секреторной можно объяснить локализацией тормозного процесса в пределах двигательного анализатора, наиболее тормозимого при наших условиях опытов. В описанном нами эксперименте нервная механика сводится к следующему: действуя на спящее животное тоном do, мы сигнализировали процесс торможения со всех анализаторов, но в двигательном это торможение осталось; поэтому собака и осталась в состоянии оцепенения, но с открытыми глазами и обильным слюноотделением. Мы ее частично разбудили, она осталась частично спящей. В описанном состоянии мы должны видеть, следовательно, результат локального торможения двигательной зоны. Такое каталептоидное состояние нужно считать предшествующим засыпанию и просыпанию. Оно обуславливает также оцепенение от страха. Оно же характеризует так наз. легкий гипноз. Во всех этих случаях имеется однородный механизм, локальное торможение двигательной зоны. В легком гипнозе, когда человек не может двинуть членами, открыть глаз при сохранении сознания, тормозные процессы, очевидно, ограничиваясь областью моторной, оставляют свободными другие части коры. Наблюдающееся в этих случаях повышение тонуса — каталептические явления — объясняется растормаживанием низших отделов нервной системы. Если имеется анестезия, то мы должны допустить распространение тормозного процесса на кожный анализатор. Переход легкого гипноза в глубокий, разные промежуточные степени находятся в зависимости от движения тормозного процесса. Если этот процесс захватывает всю кору, кроме «сторожевого пункта», то имеется глубокий гипноз. При распространении торможения и на «сторожевой пункт» — «раппорт» исчезает и гипноз переходит в сон. Итак различные формы гипноза зависят от распространенности, от локализации тормозного процесса. Больше или меньшее сходство загипнотизированного со спящим зависит от обширности и глубины коркового торможения. При незначительности его поведение гипнотика может быть мало похоже на состояние сна. Отсюда понятно, что может быть «гипноз со сном и гипноз без сна» (Бернгейм). При обширном и глубоком торможении коры гипнотик похож на спящего, но все же это состояние остается гипнотическим, пока есть в коре и очаг возбуждения и «сторожевой пункт». В этом своеобразном сочетании раздражительного и тормозного процесса и заключается сущность гипноза.

С указанной точки зрения объясняются некоторые загадочные свойства лиц, находящихся в глубоком гипнозе, напр., повышение некоторых способностей, обострение органов чувств. В основе этого факта находится явление корковой индукции, благодаря которой увеличение процесса торможения одних участков повышает возбудимость других (положительная индукция).

Из всего вышесказанного следует, что гипноз относится к формам парциальных корковых торможений, он представляет собою одну из форм частичного сна. Однако в нем есть и свои особенности, которые зависят от условий его возникновения, от тех приемов, посредством которых гипноз вызывается. Для углубленного проникновения в сущность гипнотического состояния необходимо обратиться к выяснению механизма действия гипнозогенных факторов.

VI

Физиологические основы гипнотизации

Наиболее употребительным методом гипнотизации является метод Льебо—Бернгейма. Субъекта усаживают в удобное кресло и предлагают созерцать какой-нибудь блестящий предмет. При этом производят поглаживание лба или пассы вдоль всего тела. Затем начинают внушать наступление сна в следующих выражениях: «Ваши веки смыкаются. Вы не можете их больше открыть. Вы испытываете тяжесть в руках и ногах. Вы ничего не слышите. Ваши руки как будто парализованы. Вы ничего не видите. Вы погружаетесь в сон». При этом субъект обычно погружается в гипноз. Описанный метод гипнотизации включает в себе факторы двоякого рода. Одни из них соматические (фиксация, пассы), другие считаются психологическими (внушение). Школа Сальпетриера придает главное значение первым, сторонники Нансийской школы и большинство современных исследователей гипнотизма приписывают главную роль при гипнотизации исключительно внушению. Многие даже отказываются от фиксации и пассов, ограничиваясь лишь одним словесным внушением сна. Нашей задачей является выяснить механизм действия гипнозогенных раздражителей, именно физиологическую основу гипнотизации. Для этой цели мы обратимся сначала к выяснению роли соматических раздражителей (фиксации и пассов, внезапных сильных раздражений). Фиксация (продолжительное созерцание какого-нибудь предмета), а также пассы (равномерное поглаживание) представляют собою слабые, однообразные раздражения воспринимающих поверхностей. По вопросу о физиологическом действии однообразных раздражений на нервную систему в настоящее время имеются экспериментальные данные. При изучении лабораторного сна собак было обнаружено снотворное действие повторных температурных и кожно-механических раздражений. Отмечено гипнозогенное действие уединенной обстановки, что сводится к действию однообразных индифферентных раздражений. Многочисленные факты

и эксперименты приводят И. П. Павлова к следующему заключению: «Всякое более или менее продолжительное раздражение, падающее на определенный пункт больших полушарий, какого бы оно ни было жизненного значения, а тем более без дальнейшего жизненного значения, и как бы оно ни было сильно, если оно не сопровождается одновременными раздражениями других пунктов или не сменяется другими раздражениями, непременно рано или поздно приведет к сонливости и сну. Нужно прибавить, что не делается исключения из этого и тогда, когда условный возбудитель пищевой реакции состоит из сильнейшего электрического раздражения, приложенного к коже собаки. Всякое однообразное и длящееся раздражение приводит к сонливости и сну». Такое, можно сказать, роковое действие однообразных раздражений на нервную систему объясняется начинающимся при этом истощением нервных клеток. Развивающееся в связи с этим тормозное состояние и сон являются как бы предохранением нервных клеток от полного истощения и гибели. Снотворное действие слабых, однообразных раздражений подтверждается многими случаями в жизни. Мочстонная речь оратора располагает аудиторию ко сну, в особенности это действует на лиц со слабой нервной системой. У таких лиц фиксация и пассы могут вызвать гипноз, как это нам приходилось наблюдать в нескольких случаях. Взгляды школы Шарко на роль соматических приемов при гипнотизации истеричных получают вполне физиологически-экспериментальное подтверждение. Сильные внезапные раздражения, повидимому, также действуют истощающе на нервные клетки и вызывают тормозное состояние. Все же при гипнотизации людей с нормальной нервной системой так назыв. физические раздражения— фиксация и пассы—имеют второстепенное значение. Они создают лишь благоприятную почву для другого рода факторов и главным образом для внушения. В этом факторе «психологическом» многие видят отличительную черту человеческого гипноза. Загадка гипноза сводится к внушению. Но что такое внушение? Бернгейм понимает под внушением процесс, при помощи которого представление вводится в мозг и воспринимается им. Форель видит во внушении вызывание динамического изменения в нервной системе человека при помощи пробуждения представления о том, что такое изменение совершается, совершилось или еще совершится. По мнению Бехтерева, внушение проникает в психику не прямым путем, путем логического убеждения, а, так сказать, «с заднего крыльца», обходя при этом «я» индивидуума, его сознание и волю. Шаффер считает, что внушение и рефлекс суть явления, обусловленные одним и тем же изменением ассоциативного механизма: оба представляют собою непосредственные ассоциации при отсутствии ассоциаций контролирующих. Существует еще много определений внушения, но почти все они построены на психологической и философской основе. Для естественно-научной монистической теории гипнотизма необходимо найти объективный подход и к факту внушения, выяснить его физиологическую основу. Для этого обратимся к некоторым наблюдениям и экспериментам работников по методу услов-

ных рефлексов. Опытами Фольборта установлено, что всякий индифферентный раздражитель, совпадая некоторое количество раз с состоянием торможения, приобретает затем свойство вызывать это состояние. Таким образом, получают тормозные или отрицательные рефлексы. На некоторых собак обстановка опытов производит снотворное действие и, после некоторого времени, сильная сонливость обнаруживается, едва собака войдет в комнату для опытов. Мы также наблюдали, как после частых опытов с усыплением собаки она стала сонливой и однажды впала в глубокий сон, едва ее поставили на станок. Этот факт можно легко объяснить таким образом, что обстановка сочеталась с состоянием общего торможения, стала затем условным возбудителем сна. Механизм здесь тот же, что и при тормозном или отрицательном условном рефлексе. В опытах Крылова, после нескольких впрыскиваний морфия собакам, один вид шприца или приближение экспериментатора вызывали снуоотделение и другие признаки морфийного отравления. Условно-рефлекторный механизм этих фактов совершенно ясен. По отношению к человеку мы бы считали такие же факты внушением. Во время наших опытов мы заметили, что сами стали для животного условным возбудителем сна: стоило нам стать сбоку, возле кормушки и фиксировать собаку взглядом, как она опускала голову, закрывала глаза и засыпала. Нам удалось выяснить механизм такого факта: наш вид сочетался многократно с состоянием общего торможения, а потому мы и стали для собаки условным возбудителем сонного торможения. По отношению к человеку мы бы сказали, что наше присутствие внушает ему сон, как это бывает после нескольких сеансов гипнотизирования: один вид гипнотизера повергает субъекта в сон. С физиологической же точки зрения мы здесь имеем условно-рефлекторный механизм. Процесс внушения с объективной стороны есть воздействие при помощи условного раздражителя на кору головного мозга. Если это воздействие реализуется, то можно говорить о внушении, как о совершившемся факте. Следовательно, внушение есть корковый условный рефлекс. Проводя дальнейшие аналогии, можно сказать, что воспитание есть процесс выработки условных рефлексов, новых связей. Без этих готовых, установленных связей не может быть и внушения.

В течение индивидуального онтогенетического развития целый ряд раздражителей ассоциируется с засыпанием и сном. Эти раздражители имеют значение и для развития нормального сна (привычная обстановка, определенный час и т. д.). Это суть условные возбудители сна; к ним принадлежат также и слова, связанные с явлением засыпания. Внушать сон—значит воздействовать условным возбудителем сна. Такой сон будет иметь характер условного тормозного рефлекса. Рассматривая с этой точки зрения вышеприведенную формулу гипнотизации, мы теперь понимаем, что слова: «Вы ничего не слышите» есть условное торможение слухового анализатора, «Ваши руки как будто парализованы»—условное торможение двигательного анализатора, «Вы ничего не видите»—зрительного анализатора. Вызываемое условным

путем торможение в разных анализаторах, суммируясь, переходит в сон. Аналогичное этому механизму вызывание сна мы экспериментально воспроизвели у собаки. Мы выработали у нее тормозные раздражители для нескольких анализаторов. Тормозные тона—для слухового анализатора, условный тормоз (свет + колодка)— для зрительного и кожного анализаторов. И вот оказалось, что если действовать только дифференцировочными тонами, т.е. вызывать торможение только в слуховом анализаторе, то сон наступает медленно, но если чередовать это торможение с торможением других анализаторов, то сон наступает быстро и отличается большой глубиной. Наши опыты, таким образом, дают экспериментальное основание для обычной техники гипнотизации. Физиологической основой ее являются раздражители, вызывающие процесс коркового торможения. При этом однообразному раздражению органов чувств мы должны приписать у человека лишь вспомогательную роль. При гипнотизации человека преобладающее значение имеют условные возбудители сна (словесное внушение). Из всего сказанного следует, что гипнотический сон человека есть условно-рефлекторный сон. Как и всякий рефлекс он вызывается тренировкой все легче и легче. Разве не этим объясняется тот факт, что после повторных гипнотизаций уже одно слово «спите» достаточно для мгновенного наступления гипноза.

Однако определение гипноза, как условно-рефлекторного сна, не объясняет нам частичности, парциальности этого сна. Мы уже выяснили раньше, что гипноз принадлежит к формам частичных корковых торможений. Как же объяснить частичность гипнотического сна, существование очагов возбуждения, «сторожевых пунктов»? Левенфельд видит причину этого в самых условиях вызывания гипноза: засыпание при гипнотизации отличается от обычных условий: оно совершается не при изолированности органов чувств от внешнего мира, определенный участок поддерживается в состоянии возбудимости. Этот участок и остается вне общего коркового торможения. Процесс здесь, повидимому, имеет тот же механизм, что и при экспериментально образованном нами у собак «сторожевом пункте». Итак, гипноз есть условно-рефлекторное парциальное корковое торможение, частичный сон. В его вызывании поэтому главное значение имеют условные гипнозгенные раздражители. Другие факторы являются вспомогательными, поскольку они способствуют торможению нервных клеток. Сюда относятся слабые однообразные, а также внезапные и сильные раздражители. В некоторых случаях они сами по себе создают гипноидные состояния. Таким же образом может действовать и личность гипнотизера, благодаря его авторитетности или по другим причинам. Особенно к такому торможению от одного только присутствия гипнотизера предрасположены лица с повышенным пассивно-защитным рефлексом (трусливые, робкие, застенчивые). У женщин здесь могут иметь место и сексуальные раздражения (сексуальный гипноз), вызывающие тормозное состояние. За исключением редких случаев, указанные факторы гипнотизации имеют все же второстепенное вспомогательное зна-

чение, создавая лишь благоприятный фон для действия условных гипнозогенных раздражителей. Этот фон есть то, что носит название внушаемости. Благодаря повышению внушаемости и получаются все чудеса гипнотизма. Она стоит перед нами как последняя и окончательная проблема человеческого гипнотизма.

VII

Условные рефлексы в гипнозе и проблемы внушаемости

Путем внушения в гипнозе удается вызвать целый ряд явлений поражающего характера. В течение многолетнего опыта по лечебному гипнозу нам удалось воспроизвести экспериментально и наблюдать всевозможные явления гипнотизма. Путем внушения мы искусственно вызывали параличи и устраняли их, вызывали нечувствительность к болевым ощущениям, немоту, глухоту, слепоту, всевозможные насильственные движения, фантастические переживания: катанье на лодке, полет на аэроплане; достаточно нескольких слов, чтобы субъект не видел того, что находится перед его глазами, а видел то, чего нет на самом деле. Путем внушения субъект приводился в любое настроение: буйное веселье, глубокую печаль, сильный гнев, преображался и вел себя, как глубокий старик или малый ребенок. В одном случае нам удался и опыт зоометаморфоза: женщине внушено было, что она кошка, и действительно, она опустилась на четвереньки, бегала по комнате и мяукала (демонстрировано врачом в 1913 г.). Нечего и говорить, что у тех же субъектов, пока они в нормальном состоянии, таких явлений вызвать не удастся.

Описанные явления казались весьма загадочными и уже с давних времен заставляли видеть в гипнозе нечто таинственное и сверхъестественное. Попытаемся подвергнуть физиологическому анализу и эти загадочные явления. Прежде всего мы должны разделить все внушения, производимые в гипнозе, на две группы: одни из них касаются возбуждения функций, другие—задержки их, торможения. К первым относится вызывание каких-либо движений, галлюцинаций, вегетативных явлений. Ко вторым: внушение параличей, анестезии, мутизма (немоты) и т. д. Все эти явления вызываются словами, а слово есть условный раздражитель. Поэтому внушения в гипнозе суть условные рефлексы. Смотря по тому, будет ли вызываться возбуждение или торможение функций, мы будем различать положительные или отрицательные (тормозные) условные рефлексы. Если считать это установленным, то перед нами стоит вопрос об особенном характере условных рефлексов в гипнозе. Благодаря каким причинам условные раздражители, слабо действующие в бодром состоянии, приобретают такую силу. такое могущество в гипнозе? В чем причина повышенной внушаемости в гипнозе? В обычных условиях жизни бывают периоды, когда определенные условные раздражители действуют сильно, но это объясняется повышенной возбудимостью определенных нервных центров. Так,

например, если собака голодна, то условный рефлекс получается больше, чем если она сыта. В последнем случае условный раздражитель может и совсем не дать никакого эффекта. Но в гипнозе этих условий нет, никакие центры не возбуждены, и тем не менее условные раздражители оказывают огромное, иногда просто чудовищное действие. Об этом, очевидно, и говорит на языке субъективной психологии Жанэ, характеризуя внушение: «Развитие идеи не производится пробуждением какого-либо могущественного инстинкта, ибо данная идея не имеет значения и интереса для субъекта и даже может быть противна его вкусам и интересам. Он вовсе не имеет желания быть парализованным» (Неврозы, стр. 240).

Повышенная внушаемость сводится к особому случаю сильного действия обычно слабых условных раздражителей, при чем это усиленное действие не обуславливается повышением возбудимости соответствующего нервного центра. Перед нами стоит проблема о повышенной внушаемости в гипнозе. Но существуют и другие состояния, при которых наблюдается повышение внушаемости: во сне, при сильном утомлении, страхе. Наконец, о патологически-повышенной внушаемости можно говорить по отношению к таким людям, «у которых одно лишь словесное утверждение без всякого сна и при отсутствии способствующих ему манипуляций может вызвать все так называемые гипнотические явления. Одними словами можно вызвать у них анестезию, контрактуру, галлюцинацию, импульсы и различные действия» (Бернгейм). Повидимому, во всех этих состояниях есть нечто общее с гипнозом, это общее сводится к процессу коркового торможения. Последний вызывается условным путем в гипнозе, естественно он развивается во сне, при утомлении, испуге, и, наконец, у некоторых лиц тормозные процессы преобладают и в бодром состоянии. Такие лица внушаемы наяву. Во всех перечисленных состояниях торможение носит частичный, неполный характер. В очень глубоком гипнозе наблюдается уменьшение, а иногда и потеря внушаемости. Таким образом мы находим зависимость между степенью внушаемости и процессом торможения. Повидимому, существуют особые формы торможения нервных клеток, при которых повышается возбудимость к обычно слабым условным раздражителям. Благодаря этому удается вызвать такие условные рефлексy, которые при обычных условиях не получаются.

Почему же в тормозном состоянии повышается возбудимость к слабым раздражениям? Почему повышается внушаемость?

Необходимость разрешения этой проблемы с физиологической точки зрения представляется очевидной. Так, Левенфельд того мнения, что «в вопросе о реализации действия внушений речь идет о чисто материальных процессах, и мы тщетно стали бы стараться объяснять их, если захотели бы поставить их в связь с субъективной стороной внушения». Левенфельд стремится объяснить повышение внушаемости в гипнозе ограничением ассоциативных процессов, вызванным понижением корковой возбудимости. Корковые возбуждения не могут распространяться во всех направлениях по ассоциативным путям, открытым

перед ними в состоянии бодрствования. Такая задержка распространения обуславливает усиленное накопление, своего рода концентрацию корковых возбуждений. По мере уменьшения распространения экстенсивности раздражения, увеличивается его интенсивность. Такой механизм вполне возможен при состояниях коркового торможения. К этому присоединяется, вероятно, и другой момент: отсутствие противоположных импульсов со стороны других участков; отсутствие борьбы рефлексов или так называемого внешнего торможения. Эти механизмы по всей вероятности способствуют проведению импульсов по условно-рефлекторной дуге. Возможно, что существуют и другие, пока неизвестные нам факторы. В связи с новейшими экспериментальными данными из лаборатории академика Павлова открывается возможность нового физиологического подхода к проблеме внушаемости.

Эти данные заключаются в следующем. При некоторых трудных для нервной системы животного условиях, при неожиданной встрече раздражительного и тормозного процессов получается «нервный срыв», особое патологическое состояние. При этом у части собак наблюдается перевес в сторону торможения (Розенков, Петрова).

В течение перехода от такого патологического тормозного состояния к нормальному наблюдался ряд фаз. Одна из этих фаз выражалась тем, что обычно слабо действующие условные раздражители давали такой же эффект, как и сильные. Другая фаза характеризуется особо сильным действием обычно слабых раздражителей: эффект получался больше, чем при действии сильных раздражителей. Так, например, если колодка обычно дает рефлекс меньший, чем метроном, то в указанной фазе рефлекс с колодки больше, чем с метронома. Эти фазы, являясь следствием «нервного срыва», длились довольно долго. При углублении невроза получалось полное торможение условных рефлексов, при восстановлении нормального состояния нервной системы получалась обычная реакция: слабые раздражители давали слабый эффект, сильные—сильный. Из вышеизложенного следует, что утомленная, травмированная клетка перед наступлением полного торможения или при освобождении от него проходит через какие-то фазы. Эти фазы характеризуются повышением возбудимости к слабым раздражениям, понижением возбудимости к сильным. Слабые раздражения возбуждают, сильные—тормозят.

Описанные фазы изменений возбудимости нервных клеток коры в общих чертах совпадают с данными, установленными Введенским на нерве и описанными им в его книге «Возбуждение, торможение, наркоз». Эти данные сводятся в общих чертах к следующему. При действии на отрезок нерва какими-нибудь агентами, термическими, механическими или химическими, можно было наблюдать постепенное уменьшение проводимости возбуждений. Оказалось, что полной потере возбудимости предшествуют особые фазы. Из них одна характеризуется тем, что слабые и сильные раздражения дают один и тот же эффект, одну и ту же силу сокращения мышцы, связанной с отрезком нерва. Эту фазу Введенский назвал провизорной. Другая фаза характе-

ризуется ослабленной проводимостью нерва к сильным раздражениям: слабые раздражители дают больший эффект, чем сильные. Это—парадоксальная фаза. При более длительном или сильном действии на отрезок нерва вредных агентов наблюдается уже полное торможение и затем гибель нерва. Указанные фазы Введенский считает выражением парабиотического состояния, т.-е. состояния уменьшенной жизнедеятельности, вызванного травмирующими, вредными агентами. При помощи метода условных рефлексов удалось открыть описанные фазы и в нервных клетках коры (Розенков). Эти фазы являются и здесь показателем патологического состояния, экспериментального невроза, вызванного травмирующими моментами, слишком трудной задачей уравнивания баланса между возбуждением и торможением. В этом случае можно также видеть парабиотическое состояние нервных клеток, которое может быть переходом к более глубоким нарушениям, как это установлено Введенским на нервах. Итак, при переходе нервных клеток от нормального, бодрого состояния к патологическому торможению и обратно существуют определенные фазы изменений возбудимости. Естественно было предположить, что такие фазы, как мимолетные и скоропроходящие, могут быть обнаружены и в нормальных физиологических условиях, например, при погружении в сон. Ведь последний является результатом истощения нервных клеток. Можно сказать, что день нас отравляет и что сон представляет собою физиологически вызванный парабиоз. Отдельными экспериментаторами наблюдалось действительно нечто аналогичное описанным явлениям при различных формах иррадиированного торможения. Поставленные нами под руководством И. П. Павлова специальные опыты все больше убеждают в том, что такие фазы действительно существуют, как мимолетное явление, при переходе животного от бодрствования ко сну и обратно. При этом оказалось, что слабые условные раздражители действуют или одинаково с сильными или дают больший эффект, получались провизорная или парадоксальная фазы парабиоза. Основываясь на вышеизложенном, можно с полным основанием видеть в повышенной возбудимости к слабым условным раздражителям (повышенной внушаемости) загнипнотизированных, спящих, истеричных—проявление описанных фаз. В гипнозе эти фазы вызываются искусственно, имеют мимолетный, временный характер. При истерии эти фазы имеют стойкий характер, являясь продуктом травмирующих моментов (нервный срыв), с одной стороны, и конституционального предрасположения (тормозимость)—с другой. У таких лиц удается внушением наяву вызвать те же явления, которые вызываются обычно в глубоком гипнозе. Лица, легко впадающие в гипнотический сон, отличаются большой внушаемостью и в обычной жизни; и то и другое имеет в основе, повидимому, особо тормозное состояние нервных клеток с сильной реакцией на слабые условные раздражения—провизорную или парадоксальную фазы. В таком положении представляется пока вопрос об основах внушаемости с точки зрения физиологии больших полушарий.

Возможно, что новые эксперименты откроют другие механизмы. другие стороны. Все же нам кажется, что существенная сторона проблемы в наших руках и что мы приблизились к глубочайшим механизмам гипноза и внушения. Кроме того те же данные проливают новый благотворный свет и на загадочную природу неврозов и в частности—истерии.

Этому вопросу мы предполагаем посвятить особую работу.

Теперь обратимся к последнему из намеченных к рассмотрению вопросов гипнотизма, к вопросу о взаимоотношении человеческого гипноза и гипноза животных.

VIII

О гипнозе животных и его отношении к человеческому гипнотизму

После выхода в свет книги Анастасия Кирхнера с описанием «чудесного опыта», гипноз животных становится объектом изучения многих физиологов.

«Чудесный опыт» заключался в следующем: если положить курицу на пол боком и держать крепко, пригнув голову, а затем провести мелом черту на полу поперечно ее голове, то после некоторого времени курица приходит как бы в состояние оцепенения; она остается в нем и после, хотя ее перестали удерживать.

Этот опыт был проверен физиологом Чермаком, при чем по его наблюдениям для вызывания гипнотического состояния нет необходимости в проведении меловой черты. Суть дела здесь сводится к насильственному удерживанию в неестественном положении. Это подтверждается и нашими опытами с гипнозом мелких птиц и молодых цыплят. Чермак отмечает, однако, большое значение фиксирования взгляда, особенно у голубей. Так, например, гипноз голубей наступает быстро, если держать перед их глазами палец при одновременном удерживании туловища.

В наступающем при подобных манипуляциях состоянии наблюдалась анестезия, каталептические явления и сон. Поэтому Чермак считает это состояние аналогичным человеческому гипнозу. После него Гейбель в описанном состоянии отказывается видеть сходство с гипнозом, считая, что при этом наступает обыкновенный сон. Прейер объясняет гипноз животных действием испуга, страха и предлагает называть это состояние «каталепсией». По его мнению это состояние не похоже ни на гипноз человека, ни на сон. Данилевский на основании многочисленных опытов приходит к выводу о единстве гипноза животных и человека. При этом он пытается нарисовать психологический механизм гипноза животных: «Вследствие бесполезности борьбы у животного возникает инстинктивное чувство непреодолимого насилия: как бы сознавая или учитывая свою беспомощность, оно покоряется и невольно делается пассивным автоматом в руках наблюдателя. Угнетение волевых и мыслительных процессов превращает животное в анестезированное пассивное существо» (Гипнотизм. Изд. 1924 г.).

Форель соглашается с этим и сводит гипноз животных к элементарному автоматическому механизму внушения. Мангольд находит, что в отношении физиологических симптомов наблюдается тождество в гипнозе животных и человека: неподвижность, изменение мышечного тонуса и рефлекторной возбудимости. Отличие же человеческого гипноза заключается в его психологических свойствах: внушении, «раппорте», сомнамбулизме. Из вышеизложенного становится ясным, что изучение гипноза животных и толкование его симптомов представляло смесь физиологии с психологией. Такой методологически туманный подход не мог быть плодотворным, экскурсии же в область субъективного мира животных являлись совершенно бесполезными и фантастичными. Что испытывает животное во время гипноза? Это не есть проблема для естествоиспытателя. Теперь не приходится доказывать то положение, что если субъективная психология человека и имеет право на существование, то психология животных должна быть сдана в архив. На смену ей развивается точная естественно-научная дисциплина—физиология коры больших полушарий. Если с помощью ее нам становится все более ясным и понятным механизм человеческого гипноза, то тем более это можно сказать по отношению к гипнозу животных. По этому поводу академик Павлов высказался следующим образом: «В настоящее время ¹⁾, благодаря систематическому исследованию нормальной деятельности большого мозга, я в состоянии указать биологический смысл факта и точно и полно выяснить его физиологический механизм, объединяя таким образом все отдельные фактические данные авторов. Это есть один из самоохранительных рефлексов задерживающего характера. Перед огромной силой, при встрече с которой для животного нет спасения ни в борьбе, ни в бегстве, шанс остаться целым—именно в неподвижности, или чтобы быть незамеченным, так как движущиеся предметы особенно привлекают к себе внимание, или чтобы суетливыми, беспокойными движениями не вызвать у этой сокрушающей силы агрессивной нападающей реакции. Неподвижность достигается следующим образом. Чрезвычайные, очень большой интенсивности или в высокой степени необычайного вида внешние раздражения вызывают быстрое рефлекторное задерживание прежде всего двигательной области коры больших полушарий, заведующей так называемыми произвольными движениями. Это задерживание, смотря по силе и продолжительности раздражения, или ограничивается только двигательной областью и не переходит ни на другие области больших полушарий, ни на средний мозг, или же распространяется и на них».

В первом случае, т.е. при локализации тормозного процесса, в двигательной зоне получается «каталепсия», каталептическое явление, сцепление, во втором случае наступает сон. Таким образом, нервный механизм так называемого гипноза животных сводится к процессам коркового торможения, и различные формы и фазы гипноза обяс-

¹⁾ „О так называемом гипнозе у животных“. Сообщение в заседании Отделения физико-математических наук Российской Академии Наук. 9 ноября 1921 г.

няются большим или меньшим распространением тормозного процесса по мозговой массе. Итак, с биологической точки зрения гипноз животных представляется как один из врожденных рефлексов пассивно-защитного характера, защиты слабого против сильного. Вполне естественно, что этот рефлекс сильнее выражен у мелких животных (лягушек, птиц, кроликов). Физиологический механизм состоит в процессе торможения, вызванном сильным, внезапным раздражением. У высших млекопитающих (собак, кошек, обезьян) вызывание гипноза сильными раздражителями обычно не удается. Но в лаборатории акад. Павлова наблюдались случаи, когда внезапное схватывание собаки и установка на станок вызывали каталептическое состояние, переходящее в сон. Эти случаи относятся к животным с повышенным пассивно-оборонительным рефлексом и представляют собою явление, тождественное с так называемым гипнозом животных. У собак же с нормальной нервной системой вызвать описанным путем каталепсию и сон не удается. Эти состояния получаются у них при действии однообразными и выработанными тормозными раздражителями. Наконец, гипнотическое состояние у собак, как мы уже упоминали, может быть вызвано условным путем. На основании этого можно сказать, что по способу вызывания гипноз собак стоит ближе к человеческому гипнозу.

И здесь, конечно, имеет значение большее или меньшее предрасположение к пассивно-защитным реакциям. Но типичный гипноз у человека вызывается применением однообразных раздражений органов чувств и условных раздражителей (внушение). Гипноз собак, изученный нами экспериментально, представляет собою переходную ступень между так называемым гипнозом животных и человеческим гипнотизмом.

Все вышеизложенное приводит нас к выводу, что по существу и в том и в другом имеется один и тот же механизм. Этот механизм сводится к процессу парциального торможения, частичного сна и вызывается у животных сильным раздражением, внезапным схватыванием и насильным удержанием в неестественном положении. С биологической точки зрения гипноз животных относится к безусловным, врожденным рефлексам пассивно-защитного характера.

У человека тот же механизм внутреннего торможения вызывается преимущественно условным путем, он относится к группе условных тормозных рефлексов. Но и у человека имеет значение и однообразное раздражение, а также и нервная конституция, большая или меньшая тормозимость, что, как мы видим, является физиологической основой внушаемости. В таком виде представляется нам взаимоотношение между так называемым гипнозом животных и человеческим гипнотизмом с точки зрения учения об условных рефlekсах.

Выводы и заключения

Проблема гипнотизма распадается на три частных вопроса: 1) в чем физиологическая сущность гипнотического состояния; 2) в чем заключается физиологический механизм гипнотизации (гипнозогенных

факторов); 3) в каком отношении находится гипноз человека к так называемому гипнозу животных. Попробуем теперь в кратких чертах формулировать ответы на эти основные вопросы гипнотизма с точки зрения учения об условных рефлексах.

1. Гипнотическое состояние у человека и высших животных обуславливается частичным торможением коры головного мозга. Различные степени и формы гипноза зависят от характера распространения и локализации тормозного процесса.

2. Физиологический механизм действия гипнозогенных факторов заключается в развитии процесса внутреннего торможения. Этот процесс может вызываться как однообразными слабыми раздражителями, так и (в редких случаях у человека) сильными раздражениями.

Кроме того, тормозное состояние может быть вызвано путём применения условных тормозных раздражителей (условных возбудителей сна). Последний фактор (внушение сна) имеет главное значение у человека, поэтому гипноз человека есть условно-рефлекторный частичный сон.

Б. Бирман

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ ТОВА. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО: „ЗАКОН ЦЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ“¹⁾

Тов. Литвинов. — Товарищи, доклад т. Преображенского весьма содержателен и интересен как по своему содержанию, так и по тем проблемам, которые затрагивает т. Преображенский. Однако, в некоторых своих положениях он у меня вызывает сомнения. Приходится останавливаться на самом существенном, потому что время ограничено. Доклад т. Преображенского состоит из двух частей: вв части, где т. Преображенский излагал весьма интересн и, по-моему, весьма правильно тот теоретический подход, который нам необходим при оценке категорий, господствующих в современной советской экономике, и из части, которая, если так можно выразиться, носит характер реванша. В этой части т. Преображенский берет реванш как в отношении того закона первоначального социалистического накопления, который был им когда-то установлен, так и в отношении старой полемики между ним и т. Сокольниковым относительно валюты у нас в СССР—относительно червонной валюты и ориентации на золото. В этой своей части доклад вызывает у меня некоторые сомнения. Спорно положение т. Преображенского, например, когда он говорит, что у нас сдельщина носит реакционный характер. Действительно ли сдельщина носит у нас реакционный характер? Т. Преображенский говорит, что сдельщина является реакционной формой зарплаты в СССР. Мне кажется, что такое разделение, такое различие между формой и содержанием в нашей экономике недопустимо. Поскольку у нас сдельщина соответствует повышению производительности труда и тем самым ускоряет наше движение к социализму, она является прогрессивной формой заработной платы, и разделение, которое делает т. Преображенский, по-моему, неправильно. По мнению т. Преображенского, раз в капиталистическом обществе сдельщина является самой реакционной формой заработной платы, то таковой же она является и у нас. Это по-моему не совсем верно.

Другой вопрос. Т. Преображенский утверждает, что если бы у нас крестьянство получило часть средств, которые вырабатываются рабочим классом, часть того прибавочного продукта, который создается пролетариатом,—это было бы в известном смысле, говорит т. Преображенский, эксплуатацией пролетариата крестьянством. Я вполне согласен с т. Преображенским, что в СССР при нашем современном положении такое положение было бы действительно вредно для пролетариата, ко-

¹⁾ Доклад заслушан 21/1—1926 г. Статья на ту же тему напечатана в 14 кн. В. К. А.

Прения происходили 21, 26 и 29 января 1926 г.

торый составляет меньшинство населения; при отсталости нашей промышленности, при отсталости нашего оборудования это было бы нежелательно для всего народного хозяйства. Это есть вопрос экономической политики. Но можно ли сказать, что это эксплуатация? Представим себе, что власть к пролетариату переходит в стране, где пролетариат составляет большинство населения и где его экономическая мощь гораздо сильнее, чем крестьянства. Такому пролетариату во время его диктатуры придется, быть может, для того, чтобы приблизить к себе крестьянство, для того, чтобы разрешить основную проблему строительства социализма, проблему уничтожения грани между городом и деревней, придется часть своего прибавочного продукта давать крестьянству, это не будет эксплуатацией ни в коем случае. Это является вопросом исключительно конкретной экономической политики, и мне кажется, что т. Преображенский в этом вопросе совершил ту же самую ошибку, которую совершил т. Мотылев, когда он перенес на социалистическое хозяйство категорию прибавочной стоимости. Нельзя в таком обществе при таком положении говорить об эксплуатации крестьянством пролетариата. Другое дело — торговая прибыль надманов. Тут факт эксплуатации пролетариата бесспорен. По вопросу о золотом рубле т. Преображенский цитировал тут одно место из Маркса, где говорится, что если хозяйство в стране организовано, то золото нужно стране исключительно для покрытия баланса внешней торговли. Отсюда т. Преображенский делал вывод о неправильности политики Наркомфина относительно золотого и червонного рубля. Но ведь весь доклад т. Преображенского состоял из положений, которыми он иллюстрировал, что у нас в советском хозяйстве, в вашем хозяйстве в целом, имеются, как каждому известно, начала плановости и элементы стихийности: элементы социализма на ряду с элементами капитализма и элементами еще более отсталыми. Неужели у нас можно применять положение Маркса? Неужели положение Маркса вполне применимо к советскому хозяйству, где идет — т. Преображенский сам это неоднократно повторял — борьба закона ценности с законом первоначального социалистического накопления (этого закона я пока касаться не буду, но предположим, что такая формулировка правильна, что идет борьба между законом ценности и законом первоначального социалистического накопления или, лучше сказать, как говорил т. Ленин, борьба стихийного начала с социалистическим началом). Неужели по отношению к подобному хозяйству можно применять такое положение, о котором говорит Маркс, что, когда все народное хозяйство организовано, золото нужно исключительно для покрытия внешнего баланса? У нас не все народное хозяйство организовано. Поскольку же это так, приходится нам в нашей конкретной политике считаться с тем, что у нас имеются элементы и капитализма и мелкого товарного крестьянского хозяйства. Сам тов. Преображенский в своем докладе говорит, что крестьянство прячет хлеб, потому что этим самым оно обеспечивает себя от падающего червонца. Но если это так, то мы должны считаться с курсом золота не только потому, что мы связаны с мировым рынком,

но и потому, что у нас не все народное хозяйство организовано, а имеются целые отрасли, которые не организованы. Поэтому ставка на золото, на мировые деньги, на которое крестьянство смотрит иначе, чем на червонец, вполне правильна и, может быть, необходима. С этим неизбежно приходится считаться.

Т. Преображенский выразился таким образом, что мелкое производство по отношению к социализму в лучшем случае является нейтральным. Всякое другое утверждение, говорит т. Преображенский, противоречит ленинизму. Я с этим не могу согласиться. По-моему, слова т. Преображенского как раз противоречат ленинизму. Мелкое производство несомненно не рождает на себя социализма. Но если в стране имеется диктатура пролетариата, если командные высоты находятся в руках пролетариата, если в них, в командных высотах, имеются сильные, иногда преобладающие элементы социализма, утверждать, что мелкое производство является и при таких условиях нейтральным по отношению к социализму, это, по-моему, неправильно. Это значило бы, товарищи, что у нас крестьянство может быть по отношению к социализму только нейтральным. Дальнейший логический вывод из этого положения означает, что поскольку мелкое крестьянство может быть даже при диктатуре пролетариата, при командных высотах в руках пролетариата только нейтральным, то это означает, что и политически крестьянство может быть в лучшем случае нейтральным. Это означает, что из мелкого производства социализм вырасти не может. А между тем как раз обратное подтверждено постановлениями съездов В. К. П. (Смех. Аплодисменты). В этих революциях съездов В. К. П. говорится, что есть два пути развития для крестьянского хозяйства: путь капиталистический и путь социалистический. Ошибка народников состояла в том, что они считали, что мелкое крестьянское производство само собою может вращаться в социализм. Это, конечно, неверно. Но если у нас в промышленности, в командных высотах народного хозяйства, имеется социализм, тогда мы можем привести мелкое крестьянское хозяйство к социализму, минуя капитализм. Этому нас учили Ильич. И поскольку социалистический путь более выгоден для мелкого крестьянского хозяйства, чем капиталистический путь, связанный с разорением и пролетаризацией крестьянства, постольку нельзя сказать, что мелкое крестьянское хозяйство даже при диктатуре пролетариата является по отношению к социализму в лучшем случае только нейтральным.

Тов. Стецкий. Тов. Преображенский кончил свой доклад тем, что посоветовал вам ознакомиться с его статьей относительно первоначального социалистического накопления. Я думаю, что это действительно будет полезно, потому что сегодняшний доклад тов. Преображенского тесно связан с тем, что он развивал в той своей статье. Но я должен со своей стороны рекомендовать вам прочесть статью тов. Бухарина, которая является ответом тов. Преображенскому и которая доказывает, что в его теории имеется целый ряд отклонений от принципов, признанных партией, и от взглядов, которые развивались Владимиром Ильичем. Я должен подчеркнуть последнее обстоятельство.

торый составляет меньшинство населения; при отсталости нашей промышленности, при отсталости нашего оборудования это было бы нежелательно для всего народного хозяйства. Это есть вопрос экономической политики. Но можно ли сказать, что это эксплуатация? Представим себе, что власть к пролетариату переходит в стране, где пролетариат составляет большинство населения и где его экономическая мощь гораздо сильнее, чем крестьянства. Такому пролетариату во время его диктатуры придется, быть может, для того, чтобы приблизить к себе крестьянство, для того, чтобы разрешить основную проблему строительства социализма, проблему уничтожения грани между городом и деревней, придется часть своего прибавочного продукта давать крестьянству, это не будет эксплуатацией ни в коем случае. Это является вопросом исключительно конкретной экономической политики, и мне кажется, что т. Преображенский в этом вопросе совершил ту же самую ошибку, которую совершил т. Мотылев, когда он перенес на социалистическое хозяйство категорию прибавочной стоимости. Нельзя в таком обществе при таком положении говорить об эксплуатации крестьянством пролетариата. Другое дело — торговая прибыль надманов. Тут факт эксплуатации пролетариата бесспорен. По вопросу о золотом рубле т. Преображенский цитировал тут одно место из Маркса, где говорится, что если хозяйство в стране организовано, то золото нужно стране исключительно для покрытия баланса внешней торговли. Отсюда т. Преображенский делал вывод о неправомерности политики Наркомфина относительно золотого и червонного рубля. Но ведь весь доклад т. Преображенского состоял из положений, которыми он иллюстрировал, что у нас в советском хозяйстве, в нашем хозяйстве в целом, имеются, как каждому известно, начала плановости и элементы стихийности: элементы социализма на ряду с элементами капитализма и элементами еще более отсталыми. Неужели у нас можно применять положение Маркса? Неужели положение Маркса вполне применимо к советскому хозяйству, где идет — т. Преображенский сам это неоднократно повторял — борьба закона ценности с законом первоначального социалистического накопления (этого закона я пока касаться не буду, но предположим, что такая формулировка правильна, что идет борьба между законом ценности и законом первоначального социалистического накопления или, лучше сказать, как говорил т. Ленин, борьба стихийного начала с социалистическим началом). Неужели по отношению к подобному хозяйству можно применять такое положение, о котором говорит Маркс, что, когда все народное хозяйство организовано, золото нужно исключительно для покрытия внешнего баланса? У нас не все народное хозяйство организовано. Поскольку же это так, приходится нам в нашей конкретной политике считаться с тем, что у нас имеются элементы и капитализма и мелкого товарного крестьянского хозяйства. Сам тов. Преображенский в своем докладе говорит, что крестьянство прячет хлеб, потому что этим самым оно обеспечивает себя от падающего червонца. Но если это так, то мы должны считаться с курсом золота не только потому, что мы связаны с мировым рынком,

но и потому, что у нас не все народное хозяйство организовано, а имеются целые отрасли, которые не организованы. Поэтому ставка на золото, на мировые деньги, на которое крестьянство смотрит иначе, чем на червонец, вполне правильна и, может быть, необходима. С этим неизбежно приходится считаться.

Т. Преображенский выразился таким образом, что мелкое производство по отношению к социализму в лучшем случае является нейтральным. Всякое другое утверждение, говорит т. Преображенский, противоречит ленинизму. Я с этим не могу согласиться. По-моему, слова т. Преображенского как раз противоречат ленинизму. Мелкое производство несомненно не рождает из себя социализма. Но если в стране имеется диктатура пролетариата, если командные высоты находятся в руках пролетариата, если в них, в командных высотах, имеются сильные, иногда преобладающие элементы социализма, утверждать, что мелкое производство является и при таких условиях нейтральным по отношению к социализму, это, по-моему, неправильно. Это значило бы, товарищи, что у нас крестьянство может быть по отношению к социализму только нейтральным. Дальнейший логический вывод из этого положения означает, что поскольку мелкое крестьянство может быть даже при диктатуре пролетариата, при командных высотах в руках пролетариата только нейтральным, то это означает, что и политически крестьянство может быть в лучшем случае нейтральным. Это означает, что из мелкого производства социализм вырасти не может. А между тем как раз обратное подтверждено постановлениями съездов В. К. П. (Смех. Аплодисменты). В этих революциях съездов В. К. П. говорится, что есть два пути развития для крестьянского хозяйства: путь капиталистический и путь социалистический. Ошибка народников состояла в том, что они считали, что мелкое крестьянское производство само собою может вращаться в социализм. Это, конечно, неверно. Но если у нас в промышленности, в командных высотах народного хозяйства, имеется социализм, тогда мы можем привести мелкое крестьянское хозяйство к социализму, минуя капитализм. Этому нас учил Ильич. И поскольку социалистический путь более выгоден для мелкого крестьянского хозяйства, чем капиталистический путь, связанный с разорением и пролетаризацией крестьянства, постольку нельзя сказать, что мелкое крестьянское хозяйство даже при диктатуре пролетариата является по отношению к социализму в лучшем случае только нейтральным.

Тов. Стецкий. Тов. Преображенский кончил свой доклад тем, что посоветовал вам ознакомиться с его статьей относительно первоначального социалистического накопления. Я думаю, что это действительно будет полезно, потому что сегодняшний доклад тов. Преображенского тесно связан с тем, что он развивал в той своей статье. Но я должен со своей стороны рекомендовать вам прочесть статью тов. Бухарина, которая является ответом тов. Преображенскому и которая доказывает, что в его теории имеется целый ряд отклонений от принципов, признанных партией, и от взглядов, которые развивались Владимиром Ильичем. Я должен подчеркнуть последнее обстоятель-

ство, потому что в начале своего доклада т. Преображенский заявил, что его теперешняя работа о нашем советском хозяйстве является непосредственным продолжением работ Владимира Ильича. Именно в связи с этим заявлением тов. Преображенского я думаю товарищам небесполезно будет ознакомиться с той дискуссионной, очень краткой и острой, которая происходила по этому поводу.

Каковы те взгляды, которые развивал т. Преображенский в своей статье относительно первоначального социалистического накопления? Там он дает определение целому периоду развития нашего хозяйства. Он устанавливает, что характерной чертой этого периода является борьба между товарно-капиталистическими и социалистическими элементами нашего хозяйства, что отношения между социалистическим ядром нашего хозяйства и мелкобуржуазным окружением являются отношениями эксплуатации, что весь предстоящий период будет характерен именно тем, что социалистическое накопление будет происходить главным образом за счет перекачки средств из этого мелкобуржуазного окружения в социалистическое ядро нашего хозяйства—в нашу промышленность и т. д., что мы должны всеми способами: путем налогов, путем политики высоких цен и т. д. добывать ресурсы из этого мелкобуржуазного окружения для укрепления нашего социалистического ядра.

Я ограничусь этим для того, чтобы напомнить о тех основных положениях, которые развивал т. Преображенский в прошлом, для того, чтобы установить некоторую связь его сегодняшнего доклада с тем, что им развивалось в прошлом году.

Должен отметить далее, что я согласен с частью доклада тов. Преображенского, где он говорит относительно формы прибавочной стоимости, заработной платы и прибыли в нашем хозяйстве. (С места: „Бухарин согласен“. Смех). Но я должен сказать, что некоторые моменты в основном вопросе, центральном пункте доклада—в вопросе о ценности—возбуждают у меня большие сомнения. Здесь т. Преображенский говорил очень много о кооперации, много говорил относительно формы прибавочной стоимости и т. д. Я думаю, что полевно было бы, если бы мы из всей этой массы важнейших вопросов, которые представил в своем докладе т. Преображенский, выбрали центральный пункт, основной пункт, а именно вопрос о ценности в нашем советском хозяйстве. Этот вопрос является интереснейшим теоретическим вопросом, затрагивающим существо нашей экономики и вместе с тем мало разработанным вопросом. Я думаю, что в этом вопросе действительно концентрируется вся суть наших взаимоотношений, взаимоотношений социалистических элементов хозяйства с мелкобуржуазными и капиталистическими и что необходима тщательная разработка этого вопроса.

По какому пункту у меня сомнения в этом вопросе? Тов. Преображенский правильно определил ценность, как основной регулятор капиталистического хозяйства. (Т. Преображенский: „Маркс“). Ну если хотите, то т. Преображенский правильно изложил Маркса. Однако мне кажется, что неправильно, когда т. Преображенский этому основ-

ному регулятору капиталистического хозяйства противопоставляет с нашей стороны, со стороны социалистических элементов хозяйства, регулятор — социалистическое накопление. Нет сомнения, что основной целью нашего строительства является социалистическое накопление, развитие социалистических элементов хозяйства, точно так же, как целью капиталистического хозяйства является капиталистическое накопление и капиталистическая прибыль. Это — аксиома, но когда речь идет о том, какой свой регулятор мы противопоставляем регулятору капиталистического хозяйства, то основным регулятором с нашей стороны, со стороны социалистической базы нашего хозяйства является плановое начало.

Я думаю, что ошибка в этом вопросе отражается и на дальнейших положениях т. Преображенского. Он противопоставляет ценности не тот регулятор. В чем заключается роль закона ценности, этого регулятора капиталистического хозяйства? В том, что этот закон является регулятором, распределяющим и перераспределяющим общественный труд между различными отраслями хозяйства. В капиталистическом обществе распределение общественного труда происходит на основе закона ценности. У нас распределение общественного труда мы стараемся проводить иначе, на основании нашего расчета, на основании нашего плана, на основании нашей сознательной воли, подчинения высшей цели строительства социализма.

Здесь говорилось относительно того, что при условии свободы конкуренции тяжелую индустрию мы не смогли бы поднять в течение целого ряда лет. Мы сейчас эту тяжелую индустрию поднимаем, мы производим перераспределение общественного труда и перераспределение общественного продукта. На основании чего? На основе нашего плана, на основе планового хозяйства, на основе нашего планового расчета.

Другой вопрос, товарищи, как у нас обстоит дело с этим плановым расчетом. Я согласен, что тут обстоит еще очень плохо. Но то, что именно этот регулятор — наш план, наша сознательная воля — противопоставляется в этом отношении закону ценности, не может быть никакого сомнения.

Мне кажется, далее, что то, что говорил т. Преображенский относительно модификации закона ценности по отдельным областям нашего хозяйства, является только второй частью теории ценности в советском хозяйстве. Это часть вопроса. Основной вопрос, как его нужно поставить и разрешить, он ждет еще разработки. Этот основной вопрос заключается в том, чтобы взять этот вопрос с точки зрения соотношения всего социалистического ядра нашего хозяйства с капиталистическим окружением, во-первых, и мелкобуржуазным окружением внутри страны, во-вторых. Нельзя при рассмотрении этого вопроса изолироваться от капиталистического окружения. Почему? Потому, что мы связаны с этим окружением нашей внешней торговлей. Наши торговые сношения с капиталистическими странами развиваются наш экспорт растет, импорт растет также, и изолироваться от влияния на наше хозяйство господствующего в капиталистическом окружении

закона ценности мы не можем, несмотря на монополию внешней торговли. У т. Преображенского имеются только отдельные намеки по отдельным частным вопросам на обстоятельства, возникающие из этой хозяйственной связи с капиталистическими окружениями. Целиком и полностью он этого вопроса не взял, точно так же, как и вопроса о взаимоотношениях с мелкобуржуазным окружением.

Наконец, третий момент, который необходимо отметить, заключается в том, что т. Преображенский рассматривает вопрос о ценности исключительно с точки зрения модификации цен и тем самым закрывает себе дорогу в правильному решению вопроса о ценности. Когда говорится, что категория ценности у нас отживает, что это значит? Это значит, что она перестает быть регулятором нашего хозяйства. Вместе с тем это означает, что перераспределение общественного труда перестает происходить путем обмена и товарных отношений. Следовательно, наряду с отживанием закона ценности должны создаваться какие-то новые, особые средства перераспределения общественного труда помимо обмена. Этому важному моменту т. Преображенский внимания не уделил. Он не указал, какие добавочные средства создаются для распределения общественного труда между отраслями, если ценность и обмен отживают. Если этот момент не затронуть, нельзя дать полного представления о роли закона ценности в советском хозяйстве.

Тов. Нон. Товарищи, мне представляется, что вопрос о действительности закона стоимости в нашей экономике может быть поставлен в двух плоскостях. Во-первых, мы можем говорить о том, являются ли наши отношения меновыми по существу, или только по форме? Регулируется ли наше хозяйство в целом меновыми стихийными законами или нет? Во-вторых, мы можем ставить вопрос о том, совпадают ли те пропорции, которые возникают в обмене, совпадают ли они с трудовой основой, с теми нормами, которые имеются в меновом обществе? Мне кажется, что это—две самостоятельные стороны вопроса. Между тем четкости в разграничении этих двух сторон нет, и путаница в теорию стоимости в нашей экономике вносится довольно основательная. Если возьмете курс т. Мотылева, о котором т. Преображенский упоминал (эта книжка является единственным „трудом“, посвященным теории советской экономики, кроме нее, мы как будто не имеем ничего, если не считать мелких популярных брошюр), если возьмете соответствующую главу в книжке т. Мотылева, вы найдете на одной странице утверждение, что закон стоимости действует в нашей экономике, регулирует наше производство, в другом месте найдете утверждение, что закон цен производства в нашей экономике не действует. Здесь тов. Мотылев явно путает два вопроса—вопрос о том, регулируется ли наша экономика стихийными регуляторами, и вопрос о том, соответствуют ли наши меновые пропорции нормам менового общества. Благодаря тому, что т. Мотылев не разграничивает этих двух вопросов, у него создается явное противоречие: если закон стоимости действует в нашей экономике, значит стихийный перелив труда (а следовательно, и капитала) из одной отрасли произ-

водства в другую здесь совершается беспрепятственно. Однако утверждение, что закон цен производства теряет силу в нашей экономике, означает обратное—что стихийный перелив капитала в нашей экономике невозможен. Такая постановка вопроса свойственна не только т. Мотылеву, но и некоторым другим товарищам. Мне кажется, что т. Преображенский сделал методологическую ошибку в своем докладе в том отношении, что не поставил вопроса во всю широту. Он не начал с того, регулируется ли наше хозяйство в целом меновыми законами и нет ли в нашей экономике препятствий, которые мешали бы этому. Мне кажется, что эта часть доклада нуждается в дополнении. Мне вопрос представляется так: капиталистическое хозяйство (и всякое меновое хозяйство) построено на принципе причинности. Принцип причинности, а не целевой принцип является отличительной чертой менового хозяйства. Он господствует здесь не только в сфере отношений общества с природой, но и в сфере отношений между людьми. Это вначит, что стихия господствует в меновом обществе. Спрашивается, может ли в нашем обществе стихия получить полное господство? Мне кажется, что господство стихии встречает препятствия прежде всего в целевой установке нашей экономики. Эта экономика возглавляется пролетариатом, который стремится к социализму, и руководит этой экономикой в направлении к социализму. Этот целевой принцип сталкивается с принципом причинности по вполне понятной причине. В капиталистическом обществе равновесие производства поддерживается стихийно переливом капитала и труда из одних отраслей производства в другие. Перелив капитала и труда из одних отраслей производства в другие совершается потому, что при нарушении равновесия общественного производства, нарушается равенство нормы прибыли в различных отраслях производства. Капиталистическое общество раздроблено, отдельные ячейки его ставят перед собою целью извлечение прибыли и только извлечение прибыли. Цели отдельных субъектов в общественном масштабе превращаются в причину, которая и порождает перелив капитала из одних отраслей в другие. Если бы мы допустили, что наше хозяйство руководится только целью извлечения прибыли, то перелив капитала из одних отраслей в другие может быть и был бы возможен. Но тот самый факт, что наше хозяйствующее государство ставит задачей не извлечение прибыли, а гораздо более широкую задачу переустройства общества, этот факт мешает переливу капитала из одних отраслей в другие. Если мы сейчас проводим программу электрификации, поддерживаем, развиваем нашу тяжелую индустрию, в то время, как, например, колбасное производство, несомненно, выгодней чем машиностроительное, то это говорит о том, что у нас стихийный регулятор производства дополняется целевым принципом. Здесь происходит борьба между этими началами. Допустим даже, товарищи, что государство поставило бы перед собой единственной целью извлечение максимальной прибыли. Значило ли бы это, что государству необходимо было бы развивать те отрасли производства, которые по той для другой причине сократились, и сокращать те, которые чрезмерно расширились? Нисколько, потому что

при условии, что государство имеет монополию в большинстве отраслей нашей промышленности, вся прибыль, которая порождается в различных отраслях, попадает целиком в карман государства. Мне представляется так, что государству должно быть более или менее безразлично, выше прибыль в данной отрасли производства, или ниже, или норма прибыли во всех отраслях производства равна. То, что государство теряет от понижения нормы прибыли в металлургической промышленности, оно может наверстать и возместить повышением прибыли в других отраслях,—текстильной, кожевенной и т. д., т. е. все поступает в один и тот же карман. Если бы мы руководились единственной целью извлечения прибыли, то наиболее выгодной комбинацией распределения государственного производства была бы та комбинация, когда было бы равновесие общественного производства. Если бы в нашей экономике действовал исключительно причинный принцип, как регулятор экономики, то равновесия общественного производства не было бы, оно не могло бы поддерживаться. В том и заключается особенность нашего периода, что стихийный регулятор общественного производства теряет силу, натывается на препятствия, перестает действовать. Важно не то, что в отдельных сделках между государственными промышленными предприятиями, или одним государственным, а другим частным, нарушается закон стоимости. Гораздо более существенно, что закон стоимости не может не нарушаться. Вот что по-моему существенно. Вот что т. Преображенскому следовало подчеркнуть.

Далее мне хотелось бы отметить еще одно место в докладе т. Преображенского, которое, несомненно, нуждается в уточнении. По мнению т. Преображенского у нас в экономике есть два регулятора: один плановой, другой стихийный. Мне представляется, Евгений Алексеевич, что это не совсем верно. У нас есть два элемента регулирования, но регулятор один. Говорить о двух регуляторах, сталкивающихся друг с другом в непосредственной борьбе, значит натурализовать наши общественные отношения, изображать нашу экономику в форме системы военного коммунизма, когда на ряду с системой планового хозяйства существовало и хозяйство меновое, значит переоценивать нашу экономику. Специфичность нашего советского регулятора, нашей экономики заключается в том, что принципов регулирования два, а регулятор один. Нужно отличать форму стоимости от содержания стоимости. Мне представляется, что т. Преображенский, когда говорит о двух регуляторах, игнорирует форму стоимости. По внешности меновые отношения у нас есть. Содержание же этих меновых отношений начинает изменяться. Здесь не появляется другой регулятор со стороны, извне меновых отношений, он зарождается внутри меновых отношений. Под покровом пены появляется новое начало, которое сплетается с началом меновым по существу в один регулятор. Это не стоимость, не старый регулятор, а новый, названия которому мы еще не нашли. Нет основания и надобности спешить с нахождением термина потому, что старый термин неудачен. Форма стоимости, меновые свойства товара остаются, содержание же, скрывающееся за

ценою, меняется. В основу цены, кроме тех трудовых элементов, которые всегда лежат в основе цены, вкладываются новые элементы планового регулирования через рынок. Плановые элементы регулирования нашего хозяйства не носят натурального характера. Мы регулируем плановым путем наше хозяйство через посредство товара, через посредство рынка. Мы меняем производственные пропорции и благодаря этому получается некоторая новая меновая пропорция. Мы меняем ее, с другой стороны, со стороны распределения производительных сил между различными отраслями производства. Тут в меновой форме, несомненно, достигается единство регулятора, сплетение обоих элементов регулирования нашего хозяйства и это необходимо всячески и всячески подчеркивать.

Я перейду к следующему вопросу—о прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы в нашей экономике. Мне кажется, здесь формулировка Евгения Алексеевича не вполне должна нас удовлетворить. Евгений Алексеевич сказал, что мы с точки зрения изживания рыночных отношений, изживания стоимостных отношений отошли от капиталистического общества далеко. Он приводил ряд примеров, когда закон ценности или не действует или ограничивается в своем действии. Когда же он перешел к вопросу о зарплате, он сказал, что здесь мы только начинаем отходить от капитализма. Мне представляется как раз наоборот,—что заработная плата и регулирование заработной платы, это область, где мы наиболее далеко отошли от капиталистических отношений. Это надо понимать не так, что рабочие получают слишком много, что мы далеко ушли в смысле размера заработной платы, а так, что мы далеко ушли в смысле характера регулирования заработной платы. В самом деле, действует ли закон стоимости рабочей силы в нашей экономике? Если верить т. Мотылеву и его учебнику, то этот закон действует. А мне кажется, что он не действует или действует очень ограничено. Достаточно сказать такую простую вещь, что мы не имеем классового противопоставления (об этом говорил и Евгений Алексеевич), не имеем классовой противоположности интересов вокруг повышения заработной платы. И кажущийся наниматель и рабочий стремятся к повышению заработной платы, есть только объективные препятствия для повышения этой заработной платы. По мере роста производительности труда, по мере роста нашего производства заработная плата будет двигаться вверх, будет повышаться. Но если она будет повышаться, а не колебаться вокруг определенного уровня, то нельзя говорить об основе заработной платы, о стоимости рабочей силы. Если с некоторой основой и можно говорить, то мы не можем говорить, что основой заработной платы является стоимость рабочей силы, что заработная плата стремится к стоимости. Как бы низко заработная плата ни стояла, как бы мало ни получал рабочий, мы должны говорить, что мы далеко ушли от капиталистических отношений, потому что у нас нет экономических препятствий для повышения заработной платы, а следовательно, нет постоянных зигзагов в развитии зарплаты, и нет экономической основы ее—стоимости рабочей силы. По-моему, Евгений Алексеевич должен

был это всячески подчеркнуть, потому что, только отправляясь от этого положения, можно говорить, что прибавочной стоимости нет в нашей экономике. Конечно, можно говорить, что раз нет противоположности классов, значит нет эксплуатации, а раз нет эксплуатации, значит нет прибавочной стоимости. Но этого недостаточно. Прибавочная стоимость создается, во-первых, когда есть классовая противоположность и наличие эксплуатации, во-вторых, когда есть меновые отношения и в-третьих, когда это не простая эксплуатация, а эксплуатация, помноженная на меновые отношения, когда извлечение прибавочного продукта происходит под покровом меновых отношений. Тогда можно говорить, что это прибавочная стоимость. Я считаю неточным, когда говорят, что раб в меновом рабовладельческом хозяйстве создает прибавочную стоимость. (Преображенский: „Это сказал Маркс“). Я знаю, но все же это не точно. (Смех). Это не точно. Мы можем говорить, что Маркс всегда и всегда прав, но мы можем также говорить, что отдельные формулировки у Маркса более точны, другие менее точны. Эта формулировка менее точна. В том контексте, в котором она дана, это допустить кое-как можно, но высказывать в любом контексте это положение — неверно. Этой формулировкой не следует злоупотреблять, потому что характерная черта извлечения прибавочной стоимости, это обязательная покупка не человека, а рабочей силы и обязательная продажа продукта. Поэтому выяснение вопроса о том, действует ли в нашей экономике закон стоимости рабочей силы, чрезвычайно важно, ибо оно дает ответ также и на вопрос относительно прибавочной стоимости. На наших государственных предприятиях не создается прибавочная стоимость не только потому, что здесь нет эксплуатации труда, но также и потому, что рабочая сила продается не по стоимости...

Тов. Мендельсон. Я, товарищи, не имел возможности познакомиться с тезисами доклада тов. Преображенского и, поэтому, должен ограничиться тем, что уловил на слух. Этого чрезвычайно мало, и я лишен возможности дать развернутый анализ тех положений, которые предложены нашему вниманию Евгением Алексеевичем. Я должен буду остановиться на отдельных моментах, и, к сожалению, эти моменты недостаточно систематизированы.

Прежде всего я алиминирую вопрос о борьбе двух начал, о которых говорит Евгений Алексеевич. Я думаю, что вопрос о законе стоимости надо поставить следующим образом. Маркс при анализе стоимости ставил вопрос так: дано капиталистическое хозяйство; каковы законы, которые этим хозяйством управляют? Постановка, которая должна быть дана нами, такова: до революции у нас было капиталистическое хозяйство, существует капиталистическое хозяйство и в настоящее время за пределами советской системы. Мы должны ответить на вопрос: действует ли закон стоимости у нас? Если действует, то как? Вот основной вопрос, который, мне думается, надо решить.

Второе соображение, которое у меня имеется, на основании на слух схваченного положения Евгения Алексеевича, это сомнение насчет того, насколько удобно вводить дуалистический принцип в объяснение

законов развития вашего хозяйства? Для меня не совсем ясны взаимоотношения между законом стоимости и основным законом социалистического накопления: равноценные ли это силы, которые борются друг с другом, или они как-то соподчинены? Главный основной закон в условиях капиталистического хозяйства—закон стоимости, и целый ряд других законов, напр., закон тенденции нормы прибыли и т. п., подчинены основному закону. Взаимоотношения между этими элементами для меня ясны. Если оба закона тов. Преображенского—законы равноценные, силы равновеликие, одинаковые, которые борются друг с другом, то получается, что два закона управляют развитием нашего хозяйства—дуализм, который меня смущает.

Основной, мне кажется, методологический дефект построения Евгения Алексеевича, это рассмотрение нашего хозяйства в статическом разрезе, не в движении, не в динамике. На данное хозяйство действуют какие-то категории, и вопрос о законе стоимости решается не в зависимости от движения, развития во времени в пространстве этой системы; система как будто бы закончена. Отсюда, мне кажется, целый ряд неясностей, по меньшей мере, а может быть, и неправильностей. Мне думается, что основной предпосылкой при анализе этого вопроса является вопрос общий—о природе того хозяйственного процесса, с которым мы имеем дело в наших условиях. На этот вопрос мы натолкнулись тогда, когда Госплан составлял контрольные цифры. Нам нужно было решить вопрос: какова природа нашего хозяйственного процесса? Имеем ли мы дело с процессом восстановительным или реконструктивным? Если мы заострим эту постановку, то получается так: восстанавливаются ли у нас формы, которые существовали до революции или происходит какой-то новый процесс перерождения формы и происходит преобразование тех элементов, с которыми мы имеем дело? Мне думается, на этот вопрос может быть только один ответ. Основная характеристика процесса нашего хозяйства в том, что это процесс реконструктивный. С того момента как произошла социальная революция, перекройка социальных отношений, когда выпал один класс—землевладельцы, переустроилась по-иному вся система, получилась иная расстановка элементов; мы имеем новых носителей хозяйственного процесса, и весь этот процесс носит иной характер—реконструкции, пересоздания основных элементов, основных его категорий. Вот фон, на котором нужно рассматривать все остальные явления.

Для того, чтобы еще более уточнить это положение, я хочу остановиться на таком вопросе: что мы называем той или иной формацией? Что мы понимаем, когда говорим о капиталистическом хозяйстве, о простом товарном хозяйстве и пр.? В природе „чистой“ общественной формации не существует. Чистого товарного хозяйства нет. Есть простое товарное хозяйство, есть элементы натурального хозяйства. Нет чисто капиталистического хозяйства. Наличие отсталых форм имеет в нем место. Основной и характерной особенностью нашего хозяйства, нашей формации, формации переходного периода, является то, что мы имеем элементы нового типа, выше капиталистического, и имеем всю

гамму старых формаций, которые друг на друга наслаиваются. Это первое. Теперь второе. Обыкновенно та или иная формация получает название от той формы, которая является наиболее прогрессивной в данных условиях, которая имеет тенденцию к дальнейшему распространению своего влияния на остальные формы. Когда мы говорим о капиталистическом хозяйстве, мы говорим о таком хозяйстве, в котором имеют место различные формы, но господствующая форма—капиталистическая; она является прогрессивной по отношению ко всем остальным и имеет тенденцию к распространению и подчинению себе всех остальных форм. В наших условиях мы имеем среди других хозяйственных форм форму выше, чем капиталистическую, и имеется тенденция к подчинению себе этой формой всех остальных. Одним из специфических отличий переходного периода является чрезвычайная интенсивность и динамичность этого процесса, в то время как в капиталистическом хозяйстве этот процесс протекает значительно медленнее. В условиях переходного периода этот процесс протекает интенсивнее и быстрее и вносит больше модификаций в целый ряд других явлений. Из этих соображений нужно исходить при анализе наших категорий.

Перехожу к оценке решения основной проблемы, которая здесь поставлена: действует ли закон стоимости и как он действует в наших условиях. Возьму наиболее выпуклые примеры, которые приводил Евгений Алексеевич. Вопрос об образовании цены на том участке нашего хозяйства, где плановое начало наиболее ярко выражено. Я возьму образование цены внутри государственного сектора—цены на хлопок и на уголь. Я не знаю, какими материалами оперировал Евгений Алексеевич, когда давал характеристику образования цен на хлопок. Мне приходится участвовать в выработке этих цен и сравнивать, как устанавливаются цены на другие продукты. Я категорически утверждаю, что мы еще чрезвычайно далеки от того, чтобы мы по своему усмотрению устанавливали эти цены. Это иллюзия. Какой процесс имеет место? Имеет место процесс совсем иного порядка. Мы прощупываем эти цены, они складываются не в Госплане, а там, где соприкасаются спрос и предложение, производитель и покупатель. Госплан при установлении цен должен учитывать этот момент. Этот факт решающий. Я считаю, что у нас закон стоимости действует, и процесс, который здесь имеет место, реконструкция товарных отношений, состоит в том, что мы учимся рационализировать этот стихийный процесс. Мы исходим из действительности, которую образует закон стоимости, и весь свой аппарат приспособляем к тому, чтобы улавливать действие этого закона, и это имеет место в такой области где наши силы наиболее велики.

Теперь я, рискуя навлечь на себя весь гнев, с которым Евгений Алексеевич обрушился на Наркомфин, позволю привести еще один пример. Не далее как сегодня в одном из заседаний, где решался очень конкретный и практический вопрос, пришлось коснуться закона стоимости, в частности, по вопросу о деньгах в нашей обстановке. Для того, чтобы ясно показать, как обстоит дело, я дам формулировку

одного из ответственных товарищей. Когда ему в упор был поставлен вопрос: „То, что мы называем деньгами, есть деньги, или что-нибудь другое в наших условиях?“—Ответ был такой:--„Я склонен думать, что в наших условиях это уже может быть скорее талоны“.— Вот, что ответил сторонник той теории денег, которую поддерживает Евгений Алексеевич. Со своей стороны я думаю, что до талонов мы еще не дошли. (Тов. Преображенский: „И я думаю“). Тогда позвольте вас спросить: если вы ставите вопрос так, что золото не есть деньги, то должно существовать другое мерило стоимости. В условиях замкнутой системы при наличии золотого обеспечения мы имеем бумажную валюту, которая выполняет все функции денег. Если вы считаете, что нет связи между бумажной валютой и золотом, тогда вы должны провести грань между вашей концепцией и, в лучшем случае, концепцией Гильфердинга. Если в такой обстановке, в таких условиях, в каких мы находимся, деньгами могут служить бумажки, на которых написано «червонец», если червонцы не опираются, в конечном счете, через тысячи тысяч звеньев, через соприкосновение с мировым рынком на золото; если вы говорите, что наша червонная система может заменить и выполнять функции денег, в том числе функцию мерила стоимости, вы должны объяснить, как это происходит, если вы не принимаете концепции Гильфердинга. Понимаю гнев и раздражение Евгения Алексеевича, который, очевидно, знал, а может быть, инстинктивно чувствовал, что кроется за тем золотым рублем, о котором шла дискуссия в свое время. Там установка была совершенно определенная и совершенно неприемлемая. Тот золотой рубль вел страну к восстановлению капиталистических отношений. Это совершенно ясно, если взять в контексте все высказанное в то время и получившее отчеканенную формулировку в последнее время. Но все-таки не нужно вабывать, что мы в процессе движения. Мы имеем и вторую установку, второе направление. Мы в процессе социальной революции перестроились по-новому и стали на путь, когда для нас открыты колоссальные возможности для превращения нашего переходного хозяйства в хозяйство социалистическое. Мы располагаем колоссальными возможностями, в виде тех рычагов, при помощи которых мы можем нажимать и здорово нажимать на весь наш народно-хозяйственный процесс, направляя его в сторону социализма. Но хотя мы оторвались от старой капиталистической пуповины, но все же не настолько, чтобы сразу все капиталистические категории заменить другими. Это процесс длительный и во всяком случае сказать, что наступило уже полное переформирование из капиталистических форм в социалистические, мы не можем.

Меня несколько не удовлетворяет доклад Евгения Алексеевича потому, что я в нем ответа на поставленный вопрос не слышал, может быть потому, что плохо разобрался. У меня получилось впечатление, что есть описание целого ряда участков нашего хозяйственного фронта, отдельных явлений, но в один узел это не завязано, и ответ пока не дан. Таково мое общее впечатление.

Тов. Пашунианис. Работа т. Преображенского, извлечения из которой мы слышали в прошлый раз, представляет собой несомненно

Большую ценность, как первая попытка дать теоретическое обоснование всем происходящим у нас хозяйственным процессам. Тов. Преображенский остановился на целом ряде вопросов и дал в заключение формулировку, которая, с его точки зрения, является основной и обобщающей. Я не буду касаться отдельных положений, выдвинутых т. Преображенским, и не потому, чтобы я был со всеми согласен, наоборот, я считаю, что многие из них весьма спорны; на это отчасти уже указали предыдущие ораторы. Я здесь только замечу, что та линия, которую продолжает т. Преображенский в своем выступлении — хотя бы по вопросам об оценке нашей валютной политики, о сущности червонца, о нашей кредитной политике, словом, вся та линия, которая в 1923 г. суммировалась в лозунге „диктатура промышленности против диктатуры Наркомфина“, что вся эта линия и все эти положения, которые в 1923 г. были неправильны, сейчас не сделались правильными от того, что их можно направлять против оппозиционера 1925 г. т. Сокольникова. Мне думается (если мне будет позволено отклониться на эту тему, не чисто академическую), что оппозиция 1925 г. сделала неудачный выбор. Если бы эта оппозиция в качестве оруженосцев взяла себе тех четырех товарищей экономистов, которые в 1923 г. выступили с известной революцией, то было бы меньше оснований упрекать новую оппозицию в отсутствии принципиальной выдержанности, в отсутствии единства взглядов и т. д. и т. п. Я говорю меньше оснований потому, что известные основания были бы и в этом случае. Это между прочим. Сейчас я перехожу к той основной обобщающей формуле, которую дал т. Преображенский и которая гласит: „Борьба закона ценности или стоимости (я предпочитаю второе выражение) и закона социалистического накопления“. Прежде всего встает вопрос: действительно ли мы здесь имеем такую обобщающую формулу, которая раскрывает нам смысл всех совершающихся хозяйственных процессов? Действительно ли она определяет собой весь ход развития нашего хозяйства? Мне кажется, что это не совсем так. Чтобы это было так, нужно, чтобы социалистическое накопление всегда и всюду выступало в противоречии с этим законом стоимости, чтобы оно могло утверждать себя, лишь устраняя этот самый закон. Но, товарищи, это вовсе не так. Это видно из тех примеров, которые приводил т. Преображенский. Возьмем тот пример с ценами на хлопок, который он упоминал. Ведь, если мировая цена на хлопок ниже, чем внутренняя цена на хлопок, то, как сказал т. Преображенский, мы будем покупать хлопок за границей, ибо этого требует закон социалистического накопления, который в данном случае, как вы видите по Преображенскому, не борется, а пользуется законом стоимости. Значит, не всегда эти два закона живут во вражде, но могут жить и в ладу (т. Преображенский: „Несомненно“). Несомненно. Во-вторых, что такое борьба с законом стоимости, о которой говорил т. Преображенский? Из тех примеров, которые он приводил, это есть не что иное, как метод установления монопольных цен, метод, с помощью которого закон стоимости, как т. Преображенский удачно выразился, искривляется. поле деятельности его суживается, но это вовсе не значит, что мы

переходим на какую-то принципиально иную почву. Мы почву закона стоимости принципиально здесь не покидаем, мы только вносим в него поправку, искривляем в свою пользу, как это делают монополистические капиталистические организации. С точки зрения механики установления монопольных цен никакого различия нет, устанавливает ли цены капиталистическая монопольная организация или социалистическая монопольная организация. Во всяком случае и там и здесь закон стоимости в своей принципиальной сущности, как овековеченное выражение общественного труда, имеется налицо. Как бы мы ни устанавливали цены на хлопок (а между прочим, специалисты, которые принимают в этом участие, говорят, что мы не так-то безапелляционно их устанавливаем, как это изобразил т. Преображенский, но что нам приходится антиципировать и не всегда удачно рыночные цены), но те отношения, которые при этом складываются между социалистическим государством, закупающим хлопок, и производителем хлопка, опосредуются формой денежного эквивалента. Значит, здесь мы без закона стоимости обойтись никак не можем, выпрыгнуть из него не можем. Мы можем, конечно, пропорции, которые складываются стихийно, отклонить в нашу пользу, но мы можем это делать в известных, весьма узких рамках. Почему? Потому, что не надо забывать, что закон стоимости у Маркса является формой другого, более общего закона, который он прямо так и называет законом природы. Вот что пишет Маркс: „Очевидно само собой, что необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться лишь может форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться в зависимости от различных исторических условий может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,— эта форма есть меновая стоимость этих продуктов“ (Письмо Маркса Кугельману от 11 июля 1868. Письма Маркса и Энгельса. Изд. под ред. Адоратского, стр. 153). Таким образом, говоря об уничтожении закона стоимости, мы должны помнить, что мы не в состоянии уничтожить лежащий в основе более общий закон, диктующий распределение общественного труда в определенных пропорциях; при чем Маркс этот последний закон называет даже законом природы; конечно, фигурально, ибо это тоже общественный закон, но во всяком случае он подчеркивает, что отменить, уничтожить этого закона мы не можем, мы можем только изменить форму его проявления.

И вот здесь, товарищи, я должен уже затронуть выступление одного из оппонентов тов. Кона, которое меня очень удивило. Он вырыл целую пропасть между принципом причинности, который, по его мнению, господствует в товарном хозяйстве, и моментом целевого целесообразного регулирования, которое характеризует социалистическое хозяйство. Тов. Кон, это противоречит марксизму, противоречит ди-

алектике, вы это прекрасно знаете, ибо причинность не может быть ничем отменена, причинность остается, и свобода есть не что иное, как только познание необходимости. Значит, тот принцип причинности, который проявляется стихийно в стоимостных отношениях, он будет проявляться и в социалистическом обществе, только иначе, в виде сознательного регулирования, но принцип причинности останется тот же самый. Мы его не оставляем позади себя; человечество в социалистическом обществе будет то же самое материальное человечество, которое имеет потребности, удовлетворяет их в процессе труда, а не будет представлять бесплотных духов, занимающихся созерцанием. Необходимость пропорционального распределения останется. И это указывает определенные рамки, в которых можно эту пропорцию закона стоимости в свою пользу искажать. Но, во-первых, в этом нет ничего принципиально социалистического, или качественно социалистического. (Эту разницу между количественным и качественным ростом социализма хорошо провел т. Преображенский). Искривление закона стоимости в пользу социалистического комплекса может способствовать иногда его количественному возрастанию (но и это надо делать весьма осторожно, с большим умением: „искривляй, но не до бесчувствия“), однако, по качеству в этом ничего социалистического нет, ибо социализм предполагает действительную отмену закона стоимости, т.-е. хозяйствование и мышление в категориях социальной технологии, о которой говорил в самом начале т. Преображенский. Далее, по самому понятию, социалистическое накопление, конечно, противостоит не закону стоимости, который есть нечто более широкое, но противостоит капиталистическому накоплению. Это совершенно понятно. Социализм борется с капитализмом, социалистическое накопление борется с капиталистическим накоплением. Но у т. Преображенского получается так, что все капиталистическое накопление сидит в этом самом законе стоимости, что в нем выражается, как он говорит, „вся сумма давлений, которые мы испытываем со стороны капиталистических отношений“. Но тут же он начинает оговариваться. Вот, скажем, заработная плата рабочих государственных предприятий. Она, несомненно, представляет из себя отношение стоимостное, выраженное в стоимостных категориях, но, говорит тов. Преображенский, тут нет отношения эксплуатации, рабочий класс сам себя не может эксплуатировать, здесь за стоимостными отношениями не скрываются отношения классов. Тов. Преображенский заявляет, что тот экономист, который, увлекшись формой, забывает о классовом содержании, будет бит. Я согласен, он будет бит, но будет бит и другой экономист, который, усмотрев эту разницу классового содержания, будет рассуждать так: пролетариат владеет фабриками и сам на этих фабриках работает; пролетариат сам себе не может продавать свою рабочую силу; стоимостная форма, это одна форма—нечто вроде шелухи, вывод: введем опять трудовые мобилизации, прикрепление рабочих к определенному заводу, пайки, это будет другая форма, как будто более соответствующая. Но что из этого получится? Мы знаем, из этого получится упадок нашей государственной промышленности. Следовательно какой надо сделать вывод? Что форма стоимости имеет здесь не только

формальное, внешнее значение, но имеет значение по существу. Отчасти с этим согласен т. Преображенский. Он говорил, что имеются импульсы, которых мы при нашей системе пайков, мобилизационной и т. д. не могли пустить в дело.—импульсы личной заинтересованности. Так как они имеются, то оказывается, что к ним как раз пригнаны эти формы. Значит, за стоимостной формой скрывается здесь нечто весьма существенное, от чего в данный момент отказаться нельзя. Тот экономист, который сделает обратный вывод, будет не менее жестоко бит. Я думаю, далее, товарищи, что не надо вносить путаницы. Борьба с законом стоимости может означать либо переход от политической экономии к той социальной технологии, о которой говорил т. Преображенский. Это одно. И совсем другое будут отдельные попытки искривления пропорций, это уже отказ не принципиальный, отказ не от стоимостной формы, но применение методов, которыми пользуется всякий монополист для того, чтобы пропорцию стоимостную направить немного в свою пользу. Эти две вещи надо друг от друга отличать. У т. Преображенского в докладе ясности по этой линии не получилось, на что ему указывал и т. Кон. Наконец, что касается самого этого искривления, я уже сказал, что его нужно проводить осторожно, а для этого нам необходимо не увлекаться, а изучать законы рынка, выработать в себе умение, которого до сих пор нет, антиципировать цены. Не надо забывать, что иногда бывает такое положение, что монополист при известной неуклюжести, может сам мобилизовать против самого себя закон спроса и предложения. Мы испытали это осенью 1925 г., когда на протяжении нескольких недель сконцентрировали такой мощный спрос на хлеб, что сами вздули цены.

И, наконец, последнее замечание. Вся эта линия т. Преображенского имеет один, вполне определенный смысл. Этот смысл раскрывается не столько в том докладе, который он сделал, сколько в той статье, которую т. Преображенский рекомендовал прочесть. Действительно, там зарыта собака. Там черным по белому читаем, что социалистический комплекс может развиваться, только высасывая соки из окружающей крестьянской периферии, путем неэквивалентного обмена. Эта линия, конечно, совершенно определенная, но на мой взгляд не доказанная. Такие вещи мало постулировать, надо доказать, что это действительно единственный путь. Этого т. Преображенский не сделал в своей статье; может быть, он делает в своей работе, в чем я, однако, сомневаюсь. Мне представляется совершенно бесспорным то положение, что развиваться наша государственная социалистическая промышленность может только при условии увеличивающегося спроса деревни, а для этого нужно, чтобы деревня имела излишки. Ссылки на то, что капитализм, когда развивался, он, так сказать, уничтожал все отсталые формы, совершенно не при чем, ибо капитализм не только этим занимался; он также развивал производительные силы в том же самом земледелии. Если бы он их не развивал, если бы земледелие осталось на той же ступени развития, на которой оно было при монополистических формах торгового капитализма, тогда вряд ли промышленный капитализм XIX века мог бы развиться. II, если уже брать капита-

листов в учителя, то и тогда нужно будет сказать, что закон социалистического накопления должен выражаться не только в том, чтобы всюду, где возможно, искривлять закон ценности, но в том, чтобы держать смычку с крестьянством, поднимать крестьянство одновременно с промышленностью, давая возможность крестьянскому хозяйству производить все больше товарных излишков и пред'являть все больший спрос. Тов. Преображенский совершенно не коснулся одного вопроса, который очень хорошо осветил товарищ Бухарин, вопроса о скорости обращения. Накопление зависит не только от уровня цен, а от быстроты оборота. Если бы мы захотели непомерно вздуть цены, если бы мы попытались издержки восстановительного процесса промышленности сразу возложить на массового деревенского потребителя, то мы остановили бы этот самый восстановительный процесс. Такую вещь мы уже испытали. Мне кажется поэтому, что теоретически и методологически построение т. Преображенского хромает, а политически приводит к выводам, весьма и весьма вредным.

Тов. Нац. Товарищи, основной обобщающий тезис т. Преображенского состоит в констатировании в нашем хозяйстве двух закономерностей: закона стоимости, с одной стороны, и первоначального социалистического накопления, с другой. Мне представляется, что в этой части эта конструкция вызывает ряд сомнений такого порядка: что понимает под законом первоначального социалистического накопления т. Преображенский? Мы все знаем, что он понимает определенный процесс накопления в кругу государственной промышленности за счет внесударственного круга. Но ведь можно иметь совершенно другое представление о категории первоначального социалистического накопления. Мне представляется, что первоначальное социалистическое накопление есть формирование новых производственных отношений; оно должно охватить не только государственный сектор нашего хозяйства; оно есть принцип, который пронизывает все хозяйство в целом. И сюда входит и внесударственный круг. Если понимать первоначальное социалистическое накопление, как процесс формирования новых производственных отношений, то это процесс, который лежит в основе всего нашего хозяйства в целом. Теперь спрашивается: как же совершается этот процесс в наших условиях? Он совершается в диалектически противоречивых формах. Эти противоречия заключаются в том, что в нашем государственном кругу идет не первоначальное социалистическое накопление, как выражается т. Преображенский, а просто социалистическое накопление. На ряду с этим, вне этого круга, идет накопление частное, но и частное накопление и социалистическое накопление идут, ориентируясь на основной закон, на закон стоимости. Может возникнуть речь о модификации закона стоимости, но не о том, что в условиях нашего хозяйства по отношению к государственному накоплению не действует закон стоимости. Касаясь этого вопроса, т. Кон выразился таким образом, что это форма, где под покровом товарных отношений совершается нечто другое. Тов. Преображенский сказал в своем докладе, что тут идет имитация категорий

товарного хозяйства. Но возникает совершенно законный вопрос: зачем нужна эта имитация?

Является ли она случайным капризом в нашей экономике, или же она характерна для экономики переходного периода? Я полагаю, что она вытекает из необходимости в том смысле, что она связана с законом ценности, который требует соответствующих форм овеществления производственных отношений, т.-е. именно товарной формы, а не иной. Но количественная характеристика закона стоимости, та норма, по которой идет распределение труда, это область, которая является нерешенной,—не только потому, что мы ее не можем разрешить, но потому, что на том этапе советского хозяйства, который мы переживаем, этого и нельзя разрешить. Я полагаю, что трудность глубже. Она вытекает из того, что тот отдел политической экономии, который изучает стоимость, ее отношение к цене, есть самый слабо разработанный отдел политической экономии. Много трудностей связано с этим моментом. Отдел этот не закончен, и многие формулировки не могут быть даны даже сейчас, ибо не разработана предварительная формулировка преломления закона стоимости при монополистическом капитализме. У меня получается такое представление, что нельзя противопоставить, как делает т. Преображенский, закон стоимости, якобы действующий только в одном секторе хозяйства, и закон первоначального социалистического накопления, но можно противопоставлять частное накопление, идущее стихийно, и накопление социалистическое, идущее в плановом порядке. Это не одно и то же. Ведь, по представлению т. Преображенского, частное накопление на основании закона стоимости находится в антагонистических отношениях с социалистическим накоплением. В другом своем докладе т. Преображенский сказал, что эти отношения должны быть охарактеризованы, как эксплуатация. Это верно только по отношению к такому явлению: если часть прибавочной стоимости нашего круга государственной промышленности переходит в середняцкое хозяйство и способствует выделению из такого хозяйства кулаков, то в той мере, в какой середняков растет кулацкое хозяйство, можно говорить об эксплуатации нашего государственного круга крестьянством. Ни о какой другой постановке вопроса в смысле эксплуатации речи не может быть.

Я хотел бы сказать теперь несколько слов относительно метода доказательства. У меня и у других товарищей создалось такое впечатление, что т. Преображенский избрал весьма странный метод доказательства. Если бы он очутился перед другой аудиторией и делал доклад о законе стоимости—о том действует или не действует,—на основании отдельных меновых сделок, то он встретил бы весьма влую квалифицированную характеристику такого метода доказательства закона стоимости. Он ограничился описательной стороной меновых сделок и констатировал в тех или других случаях недействительность закона стоимости. Такой прием не может служить веским доказательством в пользу существования или отрицания закона стоимости. Мне представляется, что нужно подходить к вопросу не на основании от-

дельных меновых сделок, а на основании общей динамики хозяйства распределения производительных сил.

В связи с этим я хотел бы указать на следующее: доказательство закона ценности необходимо строить по двум линиям. Во-первых, необходимо доказать, существует или не существует фетишизм в наших производственных отношениях. Мне представляется такая динамическая картина: у нас идет процесс сокращения воспроизводства фетишизма производственных отношений, и в то же время идет процесс их рационализации. Это две формулировки одного и того же процесса. Если перейти к вопросу с точки зрения распределения труда (это вопрос, который отчасти поставил т. Кон), то спрашивается, соответствует ли распределение производительных сил в настоящий момент закону стоимости или нет? Тов. Кон отделился от этого вопроса весьма популярным примером. Он заявил, что, конечно, на основании закона стоимости развивались бы колбасные предприятия, а у нас развиваются не только колбасные, но и целый ряд других. Я считаю, что он слишком популярно поставил вопрос относительно того, в какой мере распределение производительных сил соответствует закону стоимости. Во-первых, должно быть совершенно ясно, что если бы до сих пор на территории СССР был капитализм, то развивались бы не одни колбасные предприятия, но, при поддержке со стороны государства, и металлургия. Я думаю, что можно подойти к вопросу иначе. Так, если вы возьмете карту районов Европейской России и сравните с тем старым распределением производительных сил, которое было до войны, то вы поразитесь тем, что карта Госплана, которая является продуктом плановой работы, в огромной мере рационализировала то основное распределение производительных сил по географическому масштабу, которое имело место до войны. Это говорит о том, что успехи нашей плановой работы могут сейчас базироваться в огромной мере на предвосхищении, антиципировании закона стоимости, на рационализации, но не на том, что мы будто бы создали новые закономерности, которые мы привносим в хозяйство.

Теперь я коснусь только одного вопроса, вопроса прибавочного продукта. Тов. Преображенский прошлый раз очень иронизировал над теми, кто называет этот прибавочный продукт в наших предприятиях социалистической прибавочной стоимостью и аудитория, как это ни странно, была с ним согласна. Но разберемся в том, как предполагает назвать эту часть продукта т. Преображенский. Он предлагает ее назвать прибавочным продуктом. Что такое представляет из себя название прибавочный продукт? Это есть категория социалистического хозяйства. Если ее применять сейчас, при анализе экономики переходного периода, перескакивая через экономику переходного периода, вы на самом деле не отражаете в этой категории специфического переходного момента этой категории, прямо берете эту категорию, как социалистическую. Поэтому я считаю, что совершенно недопустимо эту категорию называть прибавочным продуктом. В то же время, если ее называть прибавочной стоимостью, то перед вами встанет практическая необходимость произвести разграничение этой прибавочной стои-

мости от той, которую мы знаем в капитализме. Но как бы вы ее не называли—прибавочной стоимостью социалистического накопления, или социалистической прибавочной стоимостью, но во всяком случае прибавочным продуктом ее называть нельзя, иначе вы не отображаете специфического момента экономики переходного периода.

Тов. Ронин. Не приходится много говорить о том, насколько поставленный доклад отвечает назревшим потребностям. Мы тут спорили о термине „социалистическая прибавочная стоимость“. Разрешите по этому поводу напомнить, что в нашей литературе речь идет иногда не только о „социалистической прибавочной стоимости“, но просто о прибавочной стоимости. Подобные формулировки и определения свойственны, в частности, весьма ответственным нашим учреждениям. Так, напр., в одних тезисах ВСНХ мы читаем, что источниками социалистического накопления, на ряду с амортизационными отчислениями и иностранными займами, являются прибавочная стоимость рабочего и прибавочная стоимость крестьянина... Из тех же кругов исходят и такого рода рассуждения. У нас в годы военного коммунизма средства производства не носили характера капитала, но с появлением денежного хозяйства и найма рабочей силы средства производства и орудия труда приняли форму капитала. Заметьте, речь идет не о форме, как о внешнем выражении чего-то своеобразного, специфического, а о самом характере средств производства и их роли в тот или другой период. Все это я привожу в качестве иллюстрации той путаницы, которая существует по данному вопросу, привожу для того, чтобы оттенить всю актуальность поставленной проблемы.

Доклад т. Преображенского при всей ценности грешит основным методологическим недостатком. Тов. Преображенский подходит к анализу отдельных отраслей хозяйства, не давая общей оценки всему нашему хозяйству, системе в целом. До сих пор у нас, правда, не было и подобной попытки проанализировать действие закона ценности на отдельных участках хозяйственного фронта, и в этом, бесспорно, большое достоинство доклада. Нельзя, однако, из-за отдельных участков не видеть целого. Из тезисов докладчика не видно, что же служит регулятором советского хозяйства и, главное, не видно, как именно происходит это регулирование, распределение производительных сил. Такой постановки вопроса в докладе не было, несмотря на то, что т. Преображенский, вообще говоря, не останавливается перед широкими обобщениями. Кстати, заметим, что дедуктивный метод докладчика, сам по себе вполне правильный, неминуемо должен дать осечку, поскольку дедукции в данном случае не предшествовали накопление и анализ достаточного фактического материала. Отсюда впечатление некоторой надуманности и „абстрактности“.

Результаты неправильного подхода неизбежно должны были отразиться на выводах. Отсюда в одних случаях переоценка наших сил: чуть ли не полная отмена закона стоимости в ряде отраслей; в других же случаях—недооценка значения и сферы влияния планового начала. Возьмем, например, утверждение докладчика, что в отраслях, изготовляющих средства производства, закон ценности сходит на-нет, что

даже отраженное влияние закона ценности чувствуется в этих отраслях в минимальной мере. Ни для кого не секрет и тем более для товарища Преображенского, что и в области тяжелой индустрии ваши плановые предположения то и дело ограничиваются и видоизменяются под влиянием тех реальных, весьма ощутительных коррективов, которые вносит этот самый аннулированный закон ценности. Все это очевидно. Но, поскольку т. Преображенский в своем анализе идет по линии рассмотрения как-бы изолированных отдельных отраслей, забывая о цепной связи, об увязке всех этих отраслей, в частности, промышленности и сельского хозяйства, в единое целое, он неминуемо должен был допустить заметные увлечения в сторону отмены закона ценности. Перейдем к недооценке. Говоря о цене хлеба, докладчик указывает, что цена на хлеб, покупаемый деревенской беднотой, совершенно не поддается нашему влиянию, что на цены этого хлеба государство не оказывает никакого воздействия. Верно ли это? По данным тов. Преображенского мы распоряжаемся лишь 36% всего рыночного хлеба. Но оказывают ли эти 36% косвенное воздействие на остальную хлебную массу, с которой мы непосредственно не соприкасаемся? Не чувствуется ли здесь давления, хотя бы косвенного, всей нашей экономической политики? Методологическая ошибка привела т. Преображенского, таким образом к переоценке, с одной стороны, недооценке — с другой. Теперь о корнях этой недооценки. В тевсе 4-м т. Преображенского мы читаем, что при анализе закона ценности в советском хозяйстве необходимо иметь в виду динамику растущего ограничения закона ценности, ограничения, растущего благодаря развитию государственного хозяйства пролетариата и усилению в нем (подчеркиваю) планового начала. Вот тут-то мне кажется собака и варыта. Торжество „закона социалистического накопления“ зависит не только от усиления планового начала внутри сектора государственного хозяйства. Успехи планирования зависят в основном от взаимоотношений данного сектора с сектором „крестплана“, от того, в какой мере в орбиту нашего планового воздействия будет вовлечен сектор крестьянского хозяйства (кооперация). Только таким путем, а не путем механического вытеснения, „пожирания“, мы подходим к ограничению и изживанию закона ценности.

В заключение несколько замечаний по поводу стоимости рабочей силы. В этом вопросе у т. Преображенского несомненное противоречие. Октябрьская революция, говорит докладчик, уничтожила прибавочную ценность. Что же касается рабочей силы, то мы только „отчаливаем“ от ее товарности, от стоимости рабочей силы. Но позвольте, если нет прибавочной стоимости, то нет очевидно и товарности рабочей силы, а если нет товара «рабочая сила» (в строгом марксистском понимании этого термина), то не должно быть речи и о стоимости этого отсутствующего товара. Иначе получается не совсем кругло. Если мы по-вашему только отчаливаем от товарности рабочей силы, то каким же образом мы смогли окончательно уничтожить прибавочную стоимость? Основная беда в том, что мы, зная прекрасно, что нужно отличать вещественные и общественные отношения, невольно сбиваемся на рас-

смотрение этих вещественных отношений, как таковых, без достаточного конкретного анализа того нового общественного содержания, которое кроется за старой вещной формой.

Тов. Солицев. Я считаю совершенно естественным то обстоятельство, что прения по вопросу, поднятому тов. Преображенским, приняли форму спора о том, какие вообще существуют начала в нашем хозяйстве, какова их природа и как они противостоят друг другу. Именно в этом и заключается суть вопроса. Я полагаю, что основная ошибка ряда товарищей, выступавших здесь, заключается как раз в том, что, так или иначе, признавая, что в системе нашего хозяйства противостоят друг другу два начала, они не диалектически, не по-марксистски подходили к вопросу о том, как и в каком образом эти два начала противостоят друг другу. В свою очередь эта ошибка проистекает, с одной стороны, из неправильного понимания природы нашего хозяйства, с другой стороны—из некоторой беззаботности по части теоретических основ марксизма. Начало ошибке положил тов. Кон, который неправильно, не по-марксистски противопоставил целевое начало принципу причинности. Незаметно для себя он перешел в этом вопросе с точки зрения диалектического материализма на точку зрения государственного фетишизма, на точку зрения бюрократа, полагающего, что административное воздействие может отменить принцип причинности. Именно тогда только, тов. Кон, целевое начало может привести к цели, если оно основано на принципе причинности. В этом пункте тов. Пашуканис исправил тов. Кона совершенно правильным указанием на то, что в марксистском понимании свобода есть познанная необходимость. Но, исправив тов. Кона, тов. Пашуканис перегнул палку в другую сторону и впал в другую ошибку.

Если правильно понимать свободу, как познанную необходимость, то все-таки надо еще ответить на вопрос, противостоит ли она необходимости или нет. Противостоит, тов. Пашуканис, нужно только понимать, как к. Энгельс, например, противопоставляет их, когда переход от капитализма к социализму он называет прыжком из царства необходимости в царство свободы. Период, в котором мы живем, и есть, кстати сказать, этот самый прыжок, растянутый во времени. Мы уже вышли из царства слепой необходимости, хотя весьма далеки еще от царства полной свободы. Именно в нашем хозяйстве мы имеем такое положение, когда параллельно, одновременно существуют элементы слепой, стихийно-осуществляющейся необходимости и элементы познанной необходимости—«свободы». И чтобы понимать, как воздействуют друг на друга эти элементы нашего хозяйства, надо понимать, что, раз возникши на основе познанной необходимости, «свобода» уже в свою очередь становится элементом, воздействующим на эту необходимость, в известной мере определяющим ее. Так, что в конечном счете свобода противостоит необходимости, хотя и не так плоско, не так вульгарно, как полагает тов. Кон.

Но тогда—заявляет тов. Мендельсон—получается какой-то дуализм: два начала, два регулятора. Тов. Ронину кажется при этом, что тов. Преображенский не хочет, якобы, рассматривать систему нашего

хозяйства, как единую систему. Система-то единая, тов. Ронин, но единая по-особому: она едина, несмотря на присущий ей дуализм, несмотря на наличие в ней двух начал. Именно это и надо понять и не полагать, что этот дуализм выдуман тов. Преображенским. Это дуализм не тов. Преображенского, а дуализм нашей экономики (с места: «Правильно!»). Разве не об этом свидетельствуют вопросы «Кто кого?», «К социализму или к капитализму?». Откуда эти вопросы? Не являются ли они выражением того основного факта, что наше хозяйство характеризуется именно борьбой двух начал, двух социально-отличных и социально-враждебных систем? Полагать, что этот дуализм, являющийся основной характеристикой нашего хозяйства, выдуман тов. Преображенским, куда не годится. Монистический взгляд на природу и общество вовсе не требует того, чтобы не признавать дуализма там, где он есть.

Вопрос, который подлежит разрешению, заключается в другом: существуют ли в нашем хозяйстве, отличительной особенностью которого является именно этот дуализм, какие-либо новые закономерности, вытекающие из этой основной особенности его. Думаю, что существуют. Но понятны они могут быть лишь при правильном общем взгляде на наше хозяйство.

Капитализм есть царство необходимости, господство слепых стихийных законов, присущих исключительно этой форме общества. Социализм есть отсутствие такого рода законов и соответствующих им категорий. Закономерности нашего хозяйства, принципиально переходного и не представляющего собой законченного комплекса социально-однородных отношений, и являются закономерностями вытеснения капиталистических законов и капиталистических категорий. Что же противостоит на данной ступени законам капиталистического хозяйства и его основному закону—закону ценности? Чем этот закон оттесняется и вытесняется? Обычно на этот вопрос отвечают указанием на плановое начало. Это—ответ правильный, но недостаточный. Именно этого не понял тов. Стецкий, ставивший вопрос: «Почему вы закону ценности противопоставляете закон социалистического накопления, а не плановое начало вообще». В этом-то и все дело. Нужно понять, чем отличается форма проявления основных законов развития общества на различных его ступенях. Закон ценности есть закон, который механически, помимо воли людей, за их спинами воспроизводит товарно-капиталистические отношения. Закон ценности действует и проявляется, как слепой, стихийный закон. Может ли в нашем хозяйстве действовать этот закон и только он один? Если у нас существует хотя бы в минимальной степени элемент того, что мы называем свободой, если у нас существует хотя бы небольшая область, где мы действуем на основе познанной необходимости, то это и означает, что именно в этой области действие закона ценности может быть лишь косвенным, что на эту область закон ценности может воздействовать лишь извне и что этой области закон ценности, как внутренний регулирующий закон, не присущ. Нечего и говорить о том, что такая область в нашем хозяйстве имеется и что этой областью является социалистический сектор нашего хозяйства.

Тогда возникает вопрос: существуют ли какие-нибудь внутренние законы, воспроизводящие эту систему хозяйства, из которой закон ценности принципиально изгоняется? Именно поэтому ссылка на плановое начало еще ничего не говорит; плановое начало есть только голая форма, которую нужно еще наполнить содержанием. Плановое начало может быть направлено куда угодно, в зависимости от того, правильно ли познана необходимость. Именно потому, что та область, в которой действует плановое начало, воспроизводится не на основе стихийно-действующего закона, а при участии сознания людей, именно поэтому голая форма планового начала должна получить известное содержание, само плановое начало должно получить известную норму для действия.

Закон социалистического накопления и есть та норма, то внутреннее содержание, которое должно быть вложено в плановое начало. Есть ли закон социалистического накопления, сформулированный тов. Преображенским, закон, похожий на те законы, с которыми мы имеем дело в капиталистическом хозяйстве? Не совсем. Это уже закон, адекватный той области, в которой он действует. Это—закон, переходящий в норму. С одной стороны, это есть, как и все общественные законы, внутренний принудительный закон расширенного воспроизводства определенной системы хозяйства. С другой стороны, поскольку он действует не стихийно, он превращается в норму поведения для того класса, который является субъектом организованной части нашего хозяйства, который проводит в ней плановое начало. Таким образом, именно закон социалистического накопления, а не плановое начало—голая форма—должен быть противопоставлен закону ценности в нашем хозяйстве.

Тов. Дволайцкий.—Товарищи, прежде чем подойти к оценке доклада тов. Преображенского вплотную, я должен сделать два предварительных замечания. Первое замечание касается закона социалистического накопления и второе—закон ценности. Я бы сказал, что здесь происходит по существу спор о борьбе между плановым и стихийным началом в нашем хозяйстве, ибо первое понятие совпадает с первоначальным социалистическим накоплением, а второе—с законом ценности.

Что касается до закона ценности, то я утверждаю вместе с тов. Преображенским, что этот закон проявляется уже в условиях капитализма последних десятилетий в чрезвычайно искаженном виде,—на столько искаженном, что иногда его нельзя даже ухватить. На самом деле, если бы распределение производительных сил происходило соответственно закону ценности, если бы это распределение не нарушалось факторами плановыми, т. е. организованным воздействием буржуазных государств, то экономическая география мира имела бы совершенно иную картину. Промышленность всех стран расположилась бы в совершенно ином порядке, чем мы это видим в настоящее время. При наличии свободной конкуренции мировая промышленность расположилась бы по некоторой идеальной схеме, которая соответствовала бы теории индустриального стандарта Альфреда Вебера. Это, по моему, так же не подлежит сомнению, как и то, что если бы у нас в настоящее

время были открыты границы и уничтожено организованное воздействие на наше народное хозяйство, то, вероятно, три четверти нашей промышленности были бы сведены на нет, и характер нашей страны получил бы совершенно иной облик

Что касается до планового момента нашего хозяйства или, по терминологии т. Преображенского, закона первоначального социалистического накопления, то я должен сказать следующее. Конечно, было бы недостаточно говорить просто о плановом принципе, потому что плановой принцип, как это совершенно правильно заметил т. Соляев, есть голое начало, некий общий принцип, который нужно заполнить конкретным содержанием. В мою задачу не входит ругать т. Преображенского, но надо признать, что теми формулировками, которые он дал этому закону в своей предшествовавшей статье, он навлек на себя в значительной степени заслуженное обвинение. Тов. Пашуканис, который судил на основании этой первой статьи тов. Преображенского, вышедши на трибуну, сказал: „Дорогой тов. Преображенский, вы хотите строить социализм, занимаясь тем, что вы будете паразитничать на теле крестьянского хозяйства и каких-то досоциалистических форм. Это неправильно“. На самом деле тов. Преображенский подал повод своей статьей для подобного рода суждений. Но у тов. Преображенского, если брать остальные его работы и в частности, его полуфантастическое „от нэпа к социализму“, есть и иные постановки той же проблемы. Он хочет строить социализм не только на основе извлечения прибавочного продукта из досоциалистических слоев: но он хочет организовать материальные производительные силы этих докапиталистических форм на социалистической основе. Когда я читал статью тов. Преображенского о социалистическом накоплении еще в рукописи, я, между прочим, предвидел, что она вызовет возражения. Я тогда сказал тов. Преображенскому, что он напрасно выпускает статью в таком виде, и что за мужика накладывают ему в шею. (Тов. Преображенский с места: „Слабо паклали!“). Тов. Преображенский, подчеркивая в этой статье, что дело идет о том, чтобы черпать из средств докапиталистических слоев—этого из нас никто не отрицает, не отрицает и тов. Пашуканис,—в то же время должен был отчетливо подчеркнуть, что дело заключается не только в этом, но и в организации материальных производительных сил досоциалистического хозяйства на социалистической основе. Это было тем более необходимо, что тов. Преображенский в других своих работах показал, как это можно сделать на основе сельскохозяйственного кредита, производственной кооперации, высокой техники и т. д. Здесь вопрос сводится уже не к перекачке производительных сил в нашу систему, а в перевесов нашей системы на производительные силы системы чужой. По-моему, если бы тов. Преображенский это развил,—а я уверен, что его точка зрения именно такова,—то критика отнеслась бы к нему гораздо мягче.

Переходя к оценке доклада по существу, должен сказать, что работа тов. Преображенского, несомненно, представляет собой огромную научную ценность. Этого никто оспаривать не может. Я вижу поло-

жительные стороны этой работы именно в том, в чем тов. Кац видит ее отрицательные стороны. Тов. Преображенский впервые подошел к вопросу о действии закона ценности в наших условиях не как к чему-то сплошному, а установил, что здесь имеются, так сказать, отдельные фронты, на которых закон этот проявляется и преломляется в совершенно различной форме, стираясь почти до нуля в одних случаях и действуя достаточно широко в других случаях. Тов. Преображенскому указывалось что, как нельзя по отдельным товарам судить о действии закона ценности, точно так же нельзя судить о действии закона ценности по тем участкам, которые приводились в докладе. Но если верно, что по ценам Сухаревки нельзя изучать действия закона ценности, то совершенно неверно, что тов. Преображенский действовал по такому «методу». Он вводит весьма остроумную классификацию, которая с точки зрения методологической представляется несомненную ценность. У него в качестве признака деления взята, с одной стороны, социальная характеристика производителя и, с другой, соответствующая характеристика покупателя. Стык между этими двумя полюсами может происходить и на почве государственного, социалистического сектора, при хозяйственном общении между досоциалистическими группами и т. д. Само собой разумеется, что в зависимости от различия этих условий действие закона ценности и сила его проявления будут глубоко различны. В этом я усматриваю огромную заслугу тов. Преображенского и считаю, что именно в этом направлении следует разрабатывать вопрос дальше.

Но в чем недостатки работы т. Преображенского, недостатки вполне естественные, если принять в соображение, что его работа в сущности является первой работой, подошедшей к анализу нашего хозяйства с точки зрения борьбы стихийного и планового начала или закона ценности и первоначального социалистического накопления, как выразится сам докладчик? Недостатки эти заключаются в том, что тов. Преображенский многократно перегибает палку. Если я с точки зрения методологической совершенно разделяю позицию тов. Преображенского, то я не могу разделить его точки зрения, поскольку речь идет о количественной стороне дела. Перегиб у тов. Преображенского проявляется в целом ряде мест и может быть охарактеризован в общем и целом, как переоценка роли планового начала в нашем хозяйстве. Если вы возьмете первую группу тов. Преображенского, где в качестве производителя и покупателя выступает само государство, то окажется, что здесь для закона ценности, или иначе говоря, для стихийных элементов хозяйства как будто нет места. Это неверно. Рабочим приходится платить заработную плату, а заработную плату приходится платить в зависимости от цен на продовольствие. Здесь как будто бы есть какая-то пуповина, связывающая организованный сектор нашего хозяйства с рыночной стихией. Но дело не только в этом. Каждая из тех отраслей, которые производят средства производства для паровозостроения, связана тысячью нитей со всеми остальными отраслями хозяйства в том числе и с такими, где за законом ценности и за стихией нельзя не признать широкое поле деятельности. И на-

конец, сама цена конечного продукта производства—паровоза—не может не находиться в колоссальной зависимости от ряда рыночных, т.-е. стихийных факторов. На первый взгляд кажется, что мы можем назначить цену паровоза в размере 10.000.000 рублей, но это только на первый взгляд, потому что мы вынуждены считаться с объективным положением вещей. Одним из таких объективных моментов является фрахт. Поскольку цена паровоза отражается на фрахте, а фрахт на цене хлеба, мы не можем устанавливать произвольные железнодорожные тарифы, ибо цена на хлеб устанавливается, в конечном счете, стихией мирового рынка. Мы экспортируем и хотим экспортировать хлеб. Попробуйте при этих условиях установить такие цены на паровозы, чтобы перевозка по государственным железным дорогам существенно увеличила цену на хлеб. Само собой разумеется, что в установлении прейскуранта мы наталкиваемся на предел, который мы никак переступить не можем.

Вообще эта тенденция проходит через всю работу тов. Преображенского, и мне представляется, что когда он впоследствии приступит к конкретному исследованию нашего хозяйства на фоне развитых им общих его положений, он должен будет внести соответствующие коррективы.

Я беру цитату из его доклада (вернее, статьи). Здесь по другому поводу сказано: „Если частный предприниматель может лишь гадать на основании разнх косвенных признаков, каков будет у него баланс, то баланс советских трестов на $\frac{1}{2}$ составляют перед началом хозяйственного года в форме программы, где нормируются и отпускные цены треста и их продукция“. На $\frac{1}{2}$! Это неверно. Что наши планы исходят из определенных цифр, согласно которым мы стараемся работать,—это верно, но установление самих этих цифр производится на основании целого ряда факторов чисто стихийного характера. Когда мы разворачиваем нашу текстильную промышленность и исходим из определения товарной массы крестьянской продукции, то мы ведь наперед предполагаем данными некоторые мировые цены, и этим мировым ценам мы платим дань при выработке наших планов. Таким образом, те планы, которые на $\frac{1}{2}$ предвидят результаты работы госпредприятия, все же исходят и должны исходить из факторов стихийных и считаться с законом ценности.

Еще одно замечание. Если бы мы в области нашего государственного хозяйства могли выделить некоторый комплекс, который представлял бы собой автаркию, тогда закон социалистического накопления проявлялся бы в полном своем действии, и закон ценности здесь был бы не при чем. Исходя из такого абстрактного положения, мы можем сказать, что чем ближе тот или другой комплекс нашего государственного хозяйства к автаркии, к некоторому самодовлеющему целому, тем меньше в нем действие закона ценности и наоборот.

Резюмирую. Двойственный характер нашего хозяйства не подлежит никакому сомнению, и я удивляюсь, что тов. Мендельсон сомневается в этом. Я допускаю, что он просто выразил не то, что хотел сказать (смех). В нашем хозяйстве происходит борьба двух начал, и

тов. Преображенский методологически подходит к вопросу совершенно правильно. Ошибка его в том, что он перегибает палку, и, повторяю, мне кажется, что когда он во второй части своей работы приступит к конкретному анализу, то он это увидит, он в этом убедится и внесет соответствующие коррективы. Тогда его работа — я в этом уверен — даст то, что нам нужно. В целом же работа тов. Преображенского представляет в нашей литературе исключительное явление. (Аплодисменты).

Тов. Рагольский. Трудность анализа переходного периода вытекает из самого характера тех категорий, которые имеют место в переходном периоде. Здесь, конечно, без диалектики, без конкретного анализа обойтись никак не возможно. Поэтому отпадают те возражения (об этом уже говорил предыдущий оратор), которые последовали за докладом, упреки в том, что докладчик перегибает палку в сторону конкретного анализа и не поставил вопроса „вообще“. Именно в этом достоинство доклада. Речь идет об определении наличности действия закона ценности в нашем хозяйстве, категории, вступившей в процесс отмирания, о „становлении“ других отношений (мы можем по этому поводу вспомнить тот пример, который приводил Плеханов о лысеющей голове, когда трудно сказать, что лыс человек или нет) (смех аплодисменты); ответить на поставленный докладчиком вопрос возможно только при конкретном анализе отдельных областей нашего хозяйства. Ясно, что поскольку у нас имеются производственные отношения товаропроизводителей, 22 миллиона крестьян-производителей, постольку закон стоимости должен действовать и действует. Ясно в то же время, что поскольку у нас огромная часть хозяйства находится в руках государства и регулируется в значительной степени нашим планом, постольку этот регулятор вносит в закон ценности соответствующие коррективы, соответствующие ограничения. Нужно определенно сказать, что докладчик в своем анализе намечал совершенно правильно линию развития, по которой пойдет и идет процесс отмирания закона стоимости. Анализ докладчика не опрокидывается возражением г. Мендельсона. Возможно, что в отдельных отраслях хозяйства перевес еще на стороне закона стоимости, но линия движения процесса начавшегося отмирания закона ценности показана верно. Однако, именно в области анализа конкретного проявления в отдельных отраслях народного хозяйства того, как действует закон ценности, допущена переоценка, которая, конечно, в практической области может привести к вредным выводам. Я остановлюсь на одном примере. Докладчик указал, что не только в области взаимоотношений государственных, выступающих на рынке трестов, мы имеем наибольшее отмирание закона ценности, но и там, где мы выступаем монополистами-заготовителями на рынке, например, в отношении заготовки хлопка, льна, закон ценности терпит громадный ущерб. Следует отметить, что в этом положении имеется большое преувеличение. Представьте себе, что если вы крестьянину за его лен не оплатите его трудовой стоимости, тогда крестьянин может бастовать. Он бастует, не только не покупая товара, но он может бастовать, как производитель. Он может перейти к другой культуре и таким образом

пассивно воздействовать такой реакцией на нарушение нами закона ценности; эта реакция даст нам знать, что и в этой области закон ценности продолжает действовать.

Считая ненужным повторять то, что говорили предыдущие ораторы, перейду к вопросу о законе первоначального социалистического накопления. Действительно, можем ли мы говорить о законе в том смысле, как мы привыкли понимать закон, находясь в области политической экономии. Безусловно, с таким законом товарно-капиталистического общества мы дела не имеем; мы имеем дело с законом, который носит другой характер, проявляется не стихийно, а сознательно; конечно, продолжает оставаться необходимость, но этот закон уже не тот, с каким мы имеем дело в политической экономии, как науке о стихийном товарно-капиталистическом хозяйстве. Формулировку этого закона поэтому было бы верно заменить другой, скажем, формулировкой—необходимости сознательного стремления к расширенному воспроизводству социалистических производственных отношений. Мне кажется, что эта формулировка отражала бы вернее то, с чем мы имеем дело в процессе сознательного социалистического строительства. Нужно, однако, сказать, что при том конкретном содержании, которое вкладывал 2 года назад в закон первоначального социалистического накопления докладчик, этот закон мог стать законом крушения социалистического накопления. Об этом говорилось и писалось немало.

Докладчик не ограничился постановкой проблемы ценности в связи с законом первоначального социалистического накопления, он коснулся ряда других проблем. Я останавлиюсь на одном вопросе, где я усматриваю необходимость сделать известное замечание, на вопросе о сдельщине. Докладчик утверждает, что поскольку имеется сдельная система заработной платы, постольку мы находимся в капитализме. И вот тут он изменил своему умению видеть за формой, за данной категорией, перешедшей в наследство от капиталистического хозяйства, видеть за ней ее теперешнее содержание. Нельзя видеть за сдельщиной в нашем современном хозяйстве то содержание, которое она имела в капиталистическом обществе. Достаточно обратиться к тому, что писал Маркс о готской программе и развил Ленин в брошюре „Государство и революция“. Они указывают, что на долгий период социализма неравенство будет существовать между отдельными слоями работников; мало того, нужен будет строжайший учет того, сколько кто производит и дает обществу и соответственно трудовой затрате каждый должен получать. И не представляется ли вам, что наша форма сдельной заработной платы есть, по существу, метод учета того, сколько дает рабочий своему рабочему государству, своему рабочему классу, организованному, как политическая власть? Мне представляется, что дело обстоит так: в этом вопросе мы не находимся в капитализме, а двинулись дальше, чем в других отношениях.

Вопрос о кооперации. Замечу, что докладчик не учел такого крайне интересного производственного отношения, которое назревает в нашей экономике. Это отношение кустаря, работающего на государство, хотя у нас не одна сотня тысяч кустарей, об'единенных в коопе-

рацию, и работают они через эту кооперацию по законам государственных трестов и учреждений. Не представляется ли вам этот кустарь— на первый взгляд мелкий производитель, мелкий буржуа, но работающий в качестве члена промысловой кооперации, при чем продукция идет целиком государству—работником социалистического государственного хозяйства? Мне, товарищи, этот кустарь представляется, как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, своего рода домашним социалистическим рабочим. Капиталистические производственные отношения не возникли таким образом, что вчера был ремесленник, товаропроизводитель, самостоятельный, а завтра он стал наемным фабричным рабочим. Мы имеем и там переходный период. Подобные производственные отношения должны остановить наше внимание.

Что касается потребительской кооперации, здесь было бы непереносить резкую грань между ролью, которую может играть потребительская кооперация в нашей экономике, и ролью производственной кооперации. Не забудем, что если бы мы имели организованные в потребительскую кооперацию многомиллионные массы крестьянства, то мы бы имели великолепный аппарат регулирования, учета, контроля, т.е. те элементы, которые при диктатуре пролетариата дают все предпосылки для развертывания социалистического строительства. В этом отношении роль потребительской кооперации должна быть также сугубо учтена.

Тов. Надеждин. Товарищи, вы помните, в конце своего доклада тов. Преображенский указал, что понять им сказанное можно только на основании его предыдущей статьи, напечатанной в „Вестнике Ком. Академии“. Главная мысль, которая проводится в этой статье, такова: пружиной советского хозяйства является закон первоначального социалистического накопления, например, регулирование происходит не ради его самого, а подчинено этому закону. То же самое и с другими „категориями“ нашего хозяйства. Закон первоначального социалистического накопления коротко может быть формулирован следующим образом: чем более экономически отстала страна, вступившая на путь строительства социализма, тем больше первоначальное социалистическое накопление имеет своим источником эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства. Бухарин указал, что говорить об эксплуатации и отношении пролетариата к крестьянству, значит не понимать своеобразие и исторической сущности их взаимоотношений в эпоху переходного периода. Тов. Преображенский считает, что все это не имеет к нему ровно никакого отношения. Он пишет (приблизительно): „Я говорю в своей статье об эксплуатации досоциалистических форм хозяйства социалистическими, но нигде ни разу не говорил об эксплуатации крестьянства пролетариатом, а это—две вещи разные. Предположим, заработная плата рабочих увеличивается, благодаря росту производительности труда. Одновременно возрастает и доля, отдаваемая рабочими государству, увеличивается также масса прибавочного продукта, отдаваемая государству мелкими производителями. Налицо эксплуатация

досоциалистических форм хозяйства, но отсутствует эксплуатация крестьянства“.

Известно, что наше государство есть государство рабочих, опирающееся на крестьян. У тов. Преображенского, следовательно, выходит, что рабочее государство опирается на крестьян тем, что эксплуатирует их хозяйство. Ясно, что термин эксплуатации здесь не приложим, но не в термине дело. По Преображенскому, социалистические формы хозяйства не могут существовать в окружении товарного хозяйства на основе мирного сожительства; мирное сожительство, т.-е. обмен эквивалентов, возможен лишь, как кратковременный эпизод. „Считать же такое положение нормальным, значит считать, что социалистическая система и система частного товарного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, одна система неизбежно должна пожирать другую“. Слово „пожирание“ означает вытеснение одной экономической формы другой. Так, социалистическая форма хозяйства будет отчасти подчинять, отчасти вытеснять, отчасти поглощать крестьянское хозяйство. Другими словами, в крестьянское хозяйство будут постепенно внедряться социалистические производственные отношения. Каким же образом в деревне разовьются социалистические производственные отношения? По Преображенскому выходит: на основе растущей эксплуатации деревни городом. Но я думаю, товарищи, что никто не будет спорить, что перейти на новые рельсы, сделать прыжок через капитализм деревня собственными силами не сможет. Для этого прежде всего нужны колоссальные средства. Эти средства в виде машин, новой техники, электричества, науки, людей может дать только социалистическая промышленность. Тов. Преображенский считает, что такая ситуация наступит только тогда, когда окончится первоначальное социалистическое накопление и начнется накопление собственно-социалистическое, а до этого времени мелкое производство будет служить для социалистических форм хозяйства исключительно „питательной базой“.

Думаю, нетрудно заметить, что в данном случае тов. Преображенский не учел весьма важного обстоятельства, именно необходимости соблюдения равновесия в развитии земледелия и промышленности. Развитие же сельского хозяйства предполагается по пути к социализму. Принимая все это во внимание, картина взаимоотношений крестьянского сельского хозяйства и социалистической промышленности в эпоху переходного периода будет такая: крепнущая социалистическая промышленность периодически проталкивает в деревню значительные средства, извлекая их со временем отчасти, может быть, полностью, возможно даже с прибытком, чтобы в известный момент опять дать деревне средства для ее коллективизации и так до господства в ней социалистических производственных отношений. Представив равновесие обмена веществ между городом и деревней в виде прямой линии, нарушение этого равновесия в сторону города или деревни отклонением ее вверх или вниз, перераспределение прибавочного продукта между городом

и деревней в эпоху переходного периода может быть представлено в виде волнообразной линии со все уменьшающейся высотой волны.

Резюмирую: к отношениям между социалистическими формами хозяйства и докапиталистическими термин эксплуатация не может быть применен. Если даже в понятие эксплуатации вкладывать совершенно другое понятие, именно, известное перераспределение прибавочного продукта между сферами производства с различным органическим составом капитала, то и тогда характер пути этого распределения указан тов. Преображенским неверно. База его построения, закон первоначального социалистического накопления, терпит банкротство. Я коснусь еще методологического положения, на основе которого только и возможен правильный анализ нашей экономики и пути ее развития. Закона первоначального социалистического накопления нет, но есть другой закон, на который некоторые экономисты указывали, в частности указывали сегодня. Он может быть формулирован, как под'ем производительных сил и притом в такой форме, чтобы был обеспечен рост социалистических производственных отношений. Этот закон противостоит другому противоположному закону, именно росту производительных сил, но в форме капиталистических отношений. В капитализме мы имеем две противоположно направленные борющиеся силы: с одной стороны, тенденции к безграничному росту производительных сил и с другой — невозможность такого роста благодаря малой эластичности рынка предметов личного потребления. В нашей экономике есть тоже две противоположные силы: рост производительных сил в форме социалистических и в форме капиталистических производственных отношений.

Анализируя нашу экономику, базируясь на сказанном, мы, в частности, пойдем своеобразие результата действия закона стоимости. Закон стоимости выступит в некоторых случаях не как сила враждебная социализму, а как сила подчиненная, служащая в конечном счете развитию социалистических производственных отношений. Например, передовая крестьянская коммуна будет давать толчок к кооперации крестьянства нивкой стоимостью своих продуктов. Так же на известной стадии развития промышленности она будет продавать по сравнительно низким ценам свои товары за границу и служить там тем самым вообудителем социалистических производственных отношений. У Преображенского же закон стоимости всегда выступает, как сила, враждебная социализму. Это очень резко выявляется во втором тезисе доклада.

В докладе тов. Преображенского есть много верного. Верно, напр., указание на то, что в нашем хозяйстве закон стоимости или же, более широко, производственное отношение менового общества имеет тенденцию отмирать. Верно в общих чертах и указание на темп процесса их отмирания в различных сферах. Но это, товарищи, не главное, и вряд ли кто этого не знает. Самого главного, именно анализа сущности и своеобразия советской системы, тов. Преображенский не сделал.

Тов. Мотылев. Товарищи, я полагаю, что когда ставят в связь вынешний доклад тов. Преображенского с той статьей об основном законе социалистического накопления, с которой все мы знакомы, то поступают вполне правильно. Я попытаюсь доказать, что как статья

так и доклад имеют совершенно однородную ошибку, что постановка вопроса и методологические ошибки совершенно однородны. Как подошел т. Преображенский к закону социалистического накопления в своей первой статье? Он поставил вопрос таким образом, что наш круг государственного хозяйства может развиваться за счет эксплуатации негосударственных частей нашего хозяйства. Я считаю, что основная ошибка т. Преображенского — это непонимание глубочайшей связи между государственным и негосударственным хозяйством. Я полагаю, что тот, кто представляет себе наше хозяйство, как сочетание механически трущихся друг о друга элементов, тот, несомненно, с самого начала делает ошибку, которая должна исказить все дальнейшее построение. Конечно, в нашем хозяйстве имеются различные уклады, и вместе с тем всякое общественное хозяйство есть система, и в этой системе имеется определенное переплетение и взаимная зависимость между его составными частями. Если тов. Преображенский строил основной закон социалистического накопления, исходя из того, что можно будет присвоить продукт крестьянского хозяйства, то я полагаю, что основная ошибка его экономики лежит в той плоскости, что он недоучел того влияния, которое очень скоро окажет на государственное хозяйство глубочайшая связь между 22.000.000 распыленных крестьянских хозяйств и нашими командными высотами, заключающими в себе элементы социализма. Тот, кто думает, что промышленность и вообще наше государственное хозяйство может развиваться независимо от развития остальных составных частей, тот с самого начала делает глубочайшую ошибку. В своей критике взглядов тов. Преображенского я указал, что наша промышленность срывается с распыленным крестьянским хозяйством чрезвычайно многообразно, и прежде всего как с рынком сбыта и поставщиком сырья. Она связана с ним настолько, что хирение крестьянского хозяйства совершенно неизбежно приведет к хирению нашей промышленности. Я доказывал, что подъем нашей промышленности может происходить только в таких условиях, когда одновременно развивается крестьянское хозяйство. С другой стороны, товарищи, я указывал тов. Преображенскому и я вынужден повторить опять, ибо в его тезисах это повторяется, — я указывал ему, что вращение в социализм отнюдь не должно происходить путем расширения круга государственного хозяйства. Я доказывал ему, что вращение деревни в социализм будет происходить путем кооперирования крестьянского хозяйства (Сместа: „Это говорил Ленин“). Это не моя теория и в этом ее сила, если хотите (смех, аплодисменты). Я говорил, товарищи, что в той мере, в какой накопление в крестьянском хозяйстве будет развиваться в кооперативных формах, это накопление будет превращаться в составную часть социалистического накопления, хотя оно протекает вне круга государственного хозяйства. Так вот, товарищи, если вспомнить это основное положение подхода т. Преображенского к проблеме социалистического накопления и перейти к тому, как он ставит вопрос сегодня, то я попытаюсь доказать, что это совершенно однородный подход. Тов. Преображенский анализирует отдельные составные части нашего хозяйства и говорит:

в одной области закон стоимости действует, в другой нет и т. д. Но нет ни одного тезиса, где бы он поставил вопрос о связи между всеми укладами нашего хозяйства, где он поставил бы вопрос о хозяйстве в целом, как о системе. Но система эта отражается на всей его постановке вопроса. Закон стоимости есть закон стихийного закономерного регулирования и равновесия капиталистической системы хозяйства—в этом вся сущность закона стоимости. Если вы не ставите вопроса о хозяйстве нашем в целом, если вы говорите, что в кругу промышленности нет действия закона стоимости, а в кругу сельского хозяйства есть, вы повторяете ту же ошибку, вы отрываете нашу промышленность от сельского хозяйства, вы разрываете связь между хозяйством во всех его составных частях. Между тем, кризис 1923 года, кризис сбыта, и поправочки крестплана в Госплан в 1925/26 г. говорят о том, что между организованными элементами нашего хозяйства, государственной промышленностью, и неорганизованными имеется такая функциональная связь и зависимость, что то, что происходит в области 22 млн. крестьянских хозяйств, вынуждает пересматривать производственные планы, те планы, которые у тов. Преображенского проводятся на $\frac{1}{6}$ заранее. Я утверждаю, что в докладе нет постановки о хозяйстве в целом, есть дробный подход к различным отраслям, но нет функциональной связи между составными частями нашего хозяйства. Тут органическая ошибка. Мы с т. Преображенским в 1924 г. имели дискуссию о том, как можно писать экономику переходного времени. Я утверждал, что написать экономику переходного времени нельзя. Я ему указывал, что Маркс написал теорию капитализма, после того как капитализм в определенных странах проделал длительный путь развития. Гильфердинг—теорию финансового капитала, после того как финансовый капитал в известной стадии начал сходить со сцены. Я доказывал, что теорию советского хозяйства, как развернутой системы, можно будет писать только через несколько лет. Можно, говорил я, писать об отдельных элементах, можно разрабатывать отдельные вопросы. Но самое важное (даже при попытке писать теорию советского хозяйства)—не надо сосать из пальца, а исходить из реальной структуры нашего хозяйства и не фантазировать. Я тов. Преображенскому говорил, что если он свою книгу напишет, то она будет очень интересной, но, несомненно, будет дискуссионной. И первая же статья— „Закон социалистического накопления“—это подтвердила.

Я утверждаю, что основной грех в подходе т. Преображенского заключается в том, что он переоценивает элементы плановости, элементы регулирования, элементы социализма во всем нашем хозяйстве в целом. Чего он недооценивает? Роль крестьянского хозяйства, роль в нашей структуре элементов товарно-менового общества. Основная ошибка т. Преображенского заключается в том, что его подход слишком абстрактный, он слишком фантазирует, он не исходит из реальных условий, из реальной структуры нашего хозяйства, и это приводит его к неправильному решению проблемы—к тому, что он прикрашивает нашу действительность, к тому, что в условиях, когда у нас сейчас „крестплан“ заставляет пересматривать и

в корне контролировать цифры Госплана, он повторяет нам такую несовременную вещь, как то, что $\frac{4}{5}$ баланса предвидятся заранее.

Я перехожу далее к тому, как можно конструировать теоретически советское хозяйство. Я думаю, что нельзя при этом отказаться заранее, сразу, от всех категорий капиталистического хозяйства и высасывать из пальца новые категории. Я думаю, что надо подходить так: брать категории капиталистического хозяйства и проследивать, в какой мере они продолжают действовать у нас, и придавать им такую формулировку, которая могла бы отображать противоречия переходного характера нашей экономики. Позвольте остановиться на одном примере, как раз на том, который критиковал в своей статье т. Преображенский. Я дал формулировку, что у нас социалистическая прибавочная стоимость. Надо сказать, что когда я читал этот доклад в Зяновьевском университете, я получил записку, что социалистическая прибавочная стоимость, это — горячий лед, это несовместимые совершенно понятия. На это я отвечал, что, если оставаться марксистом, то и прибавочный продукт, который предлагают нам взамен категории социалистической прибавочной стоимости, также не есть категория социалистического хозяйства. Я утверждаю, что в первом томе „Капитала“ Маркс говорит, что в социалистическом хозяйстве нет прибавочного продукта, и все время является необходимым, и стало быть, есть только необходимое рабочее время. В это рабочее время включается (я это утверждаю самым категорическим образом) в социалистическом хозяйстве все рабочее время; прибавочный продукт, необходимый для расширенного воспроизводства, является необходимым. Что делает его необходимым? Ведь прибыль в коммунизме и социализме вообще отсутствует. Я, товарищи, думаю, что, если тут не знают этой цитаты, если т.т. Преображенский и Дволайцкий удивляются, то я могу эту цитату опубликовать в печати. Я утверждаю, что и прибавочный продукт так же, как и прибавочная ценность, является исторической категорией. Все дело заключается в том, что не надо фантазировать, а надо найти такое решение вопроса о категориях, которое отображало бы переходный, противоречивый характер нашей экономики. В чем противоречивость нашей экономики? В том, что мы берем организационные формы капитализма и вливаем в них новое социалистическое содержание. Это очень трудное диалектическое противоречие, в котором запуталась наша ленинградская делегация. Очень часто, когда мы их критиковали, критикуем и доказываем, что организационные формы капитализма переделываются, получают новое социалистическое содержание. Они всегда выпячивают формы заработной платы, прибавочной стоимости, капитала, баланса и т. д., в то время как все дело в том, что у нас используется ряд организационных форм, но в эти организационные формы вливается новое социалистическое содержание. Конечно, идет борьба между формой и содержанием, но когда мы говорим социалистическая промышленность, социалистическая прибавочная стоимость, мы тем самым утверждаем, что социалистическое содержание господствует над организационной формой, подчиняет ее себе. Все дело заключается в том, что не надо

фантазировать. Надо находить такие категории, так анализировать нашу экономику, чтобы она отображала противоречивость самой экономики. Позвольте вам сказать, что те попытки теории построения советского хозяйства, которые нам известны до сих пор, оказались совершенно неудачными. Только после XIV партийного съезда мы имеем некоторые основные положения теории о советском хозяйстве, являющиеся результатом коллективной работы партии в целом. Только после XIV съезда мы имеем ряд положений относящихся глубочайшим образом к теории советского хозяйства, которые можно положить в базу для дальнейшей работы, но которые не совпадают с теоретическими построениями т. Преображенского. Я полагаю, что основной грех т. Преображенского заключается в том, что он фантазирует (шум), что он отвлекается от реальной действительности, высасывает советскую экономику из пальца, в то время как советскую экономику надо строить, учитывая реальное содержание нашей экономики. Я думаю, что напрасно тов. Дволайцкий счел большой заслугой классификацию элементов нашего хозяйства. Теперь, после партийного съезда не нужно быть изобретателем, чтобы видеть наличие различных элементов в нашем хозяйстве. (Тов. Дволайцкий: „Мне для этого не нужно было партийного съезда“ (Аплодисменты)). Так как это замечание т. Дволайцкого носит полемический характер, то я позволю себе сказать, что глава о социалистическом содержании прибавочной стоимости в нашей советской экономике и все то, что имеется в моих брошюрах и книгах, было написано мной до XIV партийного съезда. Так что видите, тов. Дволайцкий, этот упрек был, как будто, немного не по адресу. Я не вижу оснований для пересмотра. Я в 1923-24 г.г. утверждал, что прибавочной стоимости у нас в промышленности нет, что у нас есть совершенно новые общественные отношения, что только условно можно назвать то, что у нас имеется, социалистической прибавочной стоимостью. Можно спорить о соответствии этого термина, но никто меня не сумеет упрекнуть в том, что я не понял нового социалистического содержания новых общественных отношений, которые выразились в этой категории. Так вот, товарищи, я не имею возможности здесь отвечать на те возражения, которые были мне сделаны в прошлый раз, ибо я здесь не был. Я знаю, что тов. Кон доставил себе дешевое удовольствие в моем отсутствии меня критиковать. Я заявляю, что, с тех пор как я печатно изложил свою точку зрения на ряд вопросов советской экономики, не было письменного выступления против меня, хотя книга расходилась в огромном количестве экземпляров (аплодисменты и смех; тов. Дволайцкий: „Между кем расходилась?“). Могу удовлетворить ваше любопытство, тов. Дволайцкий: преимущественно среди вузов и комвузов в виде учебников (Тов. Преображенский: „Очень жаль“). И не было до сих пор ни одного выступления против моих взглядов. Я предлагаю вам выступить печатно, и я тогда дам печатный ответ на конкретную критику, которой до сих пор я не слыхал.

Тов. Черномордин. Здесь вполне выяснилась линия споров. Я не буду возвращаться к критике основного закона социалистического накопления не потому, что он не заслуживает критики, а потому, что,

насколько мне помнится, т. Преображенский в своем докладе сделал несколько заявлений, в которых кое-что существенное в своем „законе социалистического накопления“ аннулировал (эксплуатации промышленностью и пролетариатом крестьянства он теперь не допускает). Я думаю, что придется остановиться только на основных вопросах—действует ли закон ценности и какое другое начало ему противопоставляется. Для меня было неясно в докладе т. Преображенского вот что: он разграничивает наше хозяйство на несколько участков и допускает, что на некоторых участках хозяйства закон ценности совершенно отказывается действовать. С этим мы не можем согласиться. Против этой точки зрения здесь были приведены достаточно веские доказательства. Если же т. Преображенский считает, что закон ценности остается действовать в условиях СССР, но модифицируется, тогда для меня непонятна критика, направленная против тов. Мотылева, который также утверждает, что закон ценности у нас действует, но модифицируется. Мне кажется, что т. Преображенскому надо было больше внимания посвятить установлению диалектической связи между действием закона ценности и другим началом.

Какое же другое начало противопоставляется закону ценности? Если т. Преображенский противопоставляет закону ценности, стихийному капиталистическому регулированию первоначальное социалистическое накопление, я в этом ничего преступного не вижу. По-моему социалистическое накопление—это самая безобидная штука (смех), потому что социалистическое накопление и основной закон социалистического накопления—две совершенно различные вещи. Под социалистическим накоплением я понимаю рост производительных сил на базе обобществленных пролетариатом средств производства, а под основным законом социалистического накопления—своеобразную категорию, которая имеет специфическое содержание, вложенное в нее т. Преображенским. По поводу этой категории можно спорить. Мне непонятно, почему т. Стецкого аудитория встретила несочувственно. Дело в том, что нужно различать между социалистическим накоплением и основным законом социалистического накопления в кавычках.

Я предполагал коснуться ряда вопросов, но они уже освещены. Я остановлюсь, однако, на вопросе о сдельщине. Мы уже выслушали цитату, исчерпывающую этот вопрос. Т. Преображенский сдельщину называл яркой капиталистической формой (с места: „Это Маркс сказал“). И Маркс, конечно. Я не считаю, что т. Преображенский ошибся в этом вопросе, я хочу только сказать, что сдельщина у нас по существу лишена капиталистического содержания, как это и следует из работы Ленина „Государство и революция“. Сдельщина по своей форме вполне совместима с социалистическим производством. Сдельщина есть кооперативный принцип распределения, распределения по количеству выработанного продукта, т.-е. буржуазный способ распределения. Это те остатки буржуазного права, которые не только могут сохраниться, но и должны сохраниться на первой стадии коммунистического общества. Сдельщина не характерна для нэпа, сдельщина была теоретически приемлема и фактически осуществляема при военном коммунизме. Для

наша характерна только неограниченная сдельщина. А неограниченная сдельщина в наших условиях,—это прогрессивная форма, она стимулирует развитие производительных сил народного хозяйства и обеспечивает рост благосостояния рабочих. В области заработной платы, о которой тут говорили, что она далеко ушла от капитализма, закон ценности продолжает действовать. И действует он, поскольку речь идет, например, о различной оплате рабочих, о различной квалификации. Здесь закон ценности заставляет нас вести такую тарифную политику, которая обеспечивает нормальный прилив квалифицированной рабочей силы в квалифицированные отрасли труда.

Теперь я хотел бы коснуться вопроса, как нам расценивать доклад т. Преображенского? Тут говорилось о недооценках и переоценках в докладе. Я тоже должен сказать об одной существенной „недооценке“. Это — недооценка связи нашего советского хозяйства с мировым капиталистическим хозяйством. Мы все согласны в том, что социалистическое строительство растет и будет расти на почве расширения ценностных отношений. К этому ведет связь с мировым хозяйством. Здесь речь идет не об отрицании категории ценности, а о соподчинении ценностного начала плановому, регулирующему. Я считаю, что т. Дволайцкий был не без греха, когда говорил, как проявляется закон ценности в мировом капиталистическом хозяйстве и у нас. Тут следовало провести резкую грань. В основе лежат совершенно различные процессы. В мировом капиталистическом хозяйстве закон ценности искажается не в силу категории причинности, а в угоду принципу рентабельности, принципу экономической выгоды. Это знаменуется задержкой в развитии производительных сил. У нас закон ценности видоизменяется, трансформируется, но у нас он подчиняется совершенно другому принципу, отнюдь не принципу задержки развития производительных сил.

Возвращаясь к вопросу об оценке доклада скажу, что по-моему, т. Дволайцкий переборщил, а т. Мотылев его слишком низко оценивает.

Я хочу теперь указать на конкретную отрасль нашего хозяйства. Здесь упоминали о Наркомфине, Госплане и т. д. Я же коснусь транспорта, той отрасли, о которой, между прочим, говорил т. Преображенский. У нас в настоящее время, есть огромная потребность в такого рода работах, которую представил т. Преображенский. Если в Госплане борются ценностное и плановое начала, то возьмите официальные документы НКПС, где характеризуется тарифная политика, и у вас волосы станут дыбом: там безраздельно господствует капиталистический стихийный регулятор. Наша система имеет в своей основе не коммерческое начало. Тарификация транспорта есть политика образования цен на продукты. А между тем система тарификации, которая официально декларирована нашими НКПС-скими органами выражает собой во всей чистоте принцип стихийного капиталистического регулирования. Это значит, что образование цен на железнодорожные перевозки приспособляется к рыночным условиям. Этого мало. Один из руководителей нашей тарифной политики, крупный экономист и очень ценный работник, пытался в 1923 г. подвести экономическую базу под эту политику. Он написал

статью, которая прошла незамеченной и носила заглавие: „Критерий технической и экономической целесообразности“. Этот автор пытался доказать, что техническая база современного хозяйства не имеет собственного критерия, что технически рационально только то, что экономически выгодно. Технически рационально только то, что рентабельно. Рентабельность—это выражение капиталистического регулятора. В этой статье говорится о сооружениях советского правительства, о различных гидроэлектростанциях. Он не делает прямого вывода, но его следует понимать так, что если в данный момент эти крупные сооружения не рентабельны, то, следовательно, они и технически не рациональны. Я думаю, что здесь не нужно пояснять, что такой теоретический подход к нашей экономике совершенно недопустим и ему надо давать самый решительный теоретический отпор.

Я считаю, что доклад т. Преображенского надо расценивать независимо от тех крупных упущений, которые в нем есть. Что касается закона ценности, то я должен сказать, что он действует, но в сущности страдает неизлечимым пороком, и дело идет на ухудшение. Но есть тенденция противоположного характера, связанная с усилением связи с мировым хозяйством, с развитием тех условий, которые благоприятствуют расширению товарооборота внутреннего и внешнего, а следовательно; создают условия, благоприятные для воздействия закона ценности. Какими категориями можно пользоваться? Мы должны пользоваться категориями марксистской политической экономии, которые объясняют капиталистический строй, потому что других не придумано и попытки придумать их я считаю неудачными. Я считаю, что у т. Мендельсона, когда он касался вопросов экономики, вышло некругло. Он говорит: „Нет чистой экономической формации, в каждом периоде рядом с основной формой существуют и предшествующие. Товарные на ряду с натуральными, капиталистические на ряду с товарными“. Если приложить этот подход к нашему советскому хозяйству, какая форма преобладает у нас? Капиталистическая или социалистическая? Но мы не можем назвать наше хозяйство ни капиталистическим, ни социалистическим, и приходится остановиться на уже предложенном названии переходной эпохи.

Далее то, что закон ценности у нас не просто ограничивается, как это можно говорить по отношению к монополистическому капитализму, напр., к Соед. Штатам, но трансформируется под влиянием планирования, В основном же я думаю, что задача, стоящая перед нами, это детальное изучение динамики указанных двух тенденций—принципов капиталистической рентабельности и социалистической продуктивности.

Тов. Харин. Товарищи, я начну с заявления по личному вопросу (иначе это выступление назвать нельзя), которое сделал тов. Мотылев. Позвольте остановиться на тех основных положениях, которые он здесь выдвигал. Он указывал, что в его многочисленных трудах, которые выпускались сотнями тысяч, во я не думаю, чтобы миллионами (смех), будто бы было сказано, может быть неудачно, что в основе наших хозяйственных процессов лежит закон социалистической прибавочной

стоимости. Он говорит, что ему возражали и указывали, что это горячий лед. Допустим, однако, что ошибка только в этом термине, что в данном случае между т. Мотылевым и т. Преображенским по существу только терминологическое расхождение и нет принципиальной разницы. Но позвольте задать вопрос т. Мотылеву. Как он расценивает роль закона стоимости в нашем хозяйстве? Об этом он нам ничего не сказал. А между тем в своих трудах он совершенно недвусмысленно говорит, что этот закон стоимости остается господствующим, поскольку наше хозяйство является товарно-меновым не только по форме, но и по существу. (Мотылев: „неверно“). Может быть, но, к сожалению, вы этого вопроса не коснулись. (Мотылев: „время не дали“). Я лично считаю, что в 20 минут это можно было сделать. Я хотел только установить, что т. Мотылев, в сущности говоря, произвел сегодня довольно искусно замаскированное отступление, прикрываясь тиражем своих книг, ибо он фактически не ответил на вопрос, который стоит ребром— что происходит в нашей советской экономике? Он видит, что на поверхности происходит то-то и то-то, а проникнуть в глубь такому экономисту, как т. Мотылев, не дано. Господствует ли закон ценности, с некоторыми его ограничениями, как уверял т. Мендельсон, или же господствует какой-то другой закон, или же происходит сожитительство двух, в известной мере питающих друг друга, враждебных законов, в результате которого один из них вытесняет другой и приводит к совершенно новым формам хозяйства. Я считаю, что хотя т. Мотылев прикрывается авторитетом XIV партс'езда, но если бы я хотел доставить себе, по выражению т. Мотылева, дешевое удовольствие, то я сказал бы, что, очевидно, вокруг т. Мотылева витает атмосфера Ленинграда, откуда он только что приехал. Ибо и на московской губконференции и в речах большинства участников XIV с'езда, касавшихся этих проблем, и в той дискуссии, которая сопровождала на страницах „Правды“ вопрос о природе нашей государственной промышленности, как раз подчеркивалось то обстоятельство, что у нас отсутствует прибавочная стоимость, которая предполагает эксплуатацию рабочих капиталистами. Трудно себе представить большее противоречие, чем то, когда т. Мотылев, с одной стороны, заявляет о наличии у нас социалистической прибавочной стоимости или даже о наличии в нашем хозяйстве, в качестве фактического его регулятора, закона стоимости, а с другой стороны, берет на себя претензию представлять в своем лице резолюцию XIV с'езда партии (смех). Теперь по поводу некоторых методов, которые применял т. Мотылев для того, чтобы опровергнуть т. Преображенского. Он рассуждает таким образом: собственно говоря, теорию советского хозяйства можно будет строить только тогда, когда советское хозяйство сойдет с арены и уступит место следующей фазе развития. Какая цена такой теории? Мы знаем, что теория служит не только для познания, но и для изменения практики. Утверждению т. Мотылева, что, когда Маркс писал „Капитал“, капиталистический строй уже сошел с арены, позвольте не поверить. Имеются фактические данные, что было как раз наоборот (смех), что капиталистическое хозяйство тогда только еще начало развиваться. Следовательно, с этой

точки зрения, с точки зрения методологии, которую применял т. Мотылев, я мог бы сказать: именно сейчас, когда еще советское хозяйство не распространилось — а мы надеемся, что оно распространится по всему земному шару, — именно сейчас представляются ценными все исследования тех законов, которые лежат в основе переходного периода и которые действуют и у нас. Затем разрешите остановиться на следующем великолепном изречении, которое позволял себе в обильном количестве употреблять т. Мотылев: насчет того, чтобы не сосать из пальца и не фантазировать. В этом отношении т. Мотылев, к сожалению, копирует некоторую категорию буржуазных теоретиков, которые считают, что Маркс теорию капитала высосал из пальца. Маркс подверг этих жалких эмпириков беспощадной критике в третьем томе „Капитала“. Они видят, что на поверхности происходят какие-то явления, а вглубь проникнуть таким экономистам, как и т. Мотылеву, не дано.

Перехожу к тому оратору, который в сущности ващищает, хотя и более умело, ту теоретическую позицию, которую занял т. Мотылев, к т. Мендельсону. Хотя в своем выступлении он и не говорит открыто, что не надо высасывать из пальца, но смысл его речи к этому сводится. Он сказал следующее: если мы возьмем хозяйственные учреждения, то мы, мол, в Госплане три раза пересматривали цены на уголь. Что из этого следует? Я полагаю, что, вообще, целый ряд ораторов, которые возражали т. Преображенскому, исходили примитивно из того, что они видят на поверхности. Именно из того, что мы не научились планировать, не следует, что теоретически в нашем хозяйстве не существуют все данные к тому, чтобы мы правильно планировали. (Мотылев: „неумение отражает незнание“) Чье? — Я не внаю! (аплодисменты). Я поэтому считаю, что теоретическая ценность работы т. Преображенского заключается именно в том, что он впервые во всю ширь развернул все те противоречия, которые существуют в нашем хозяйстве, и показал, что в нем происходит борьба двух начал. Я полагаю, что не прав т. Дволайцкий, который говорит, что т. Преображенский допустил преувеличение, когда сказал, что наши тресты уже имеют возможность предвидеть на $\frac{4}{5}$ всего расчета. Я думаю, что в данном случае он исходил из практики, но вопрос заключается не в том, сделал ли т. Преображенский ошибку, когда сказал $\frac{4}{5}$, а не $\frac{2}{5}$; вопрос заключается в том, что в переходный период речь идет о смене того регулятора, который господствует над данным хозяйством. И поэтому, когда мы рассматриваем, допустим, наше современное советское хозяйство, мы не должны ставить вопрос так арифметически: действуют ли закон стоимости и закон первоначального социалистического накопления на равных участках хозяйства. Арифметически этот вопрос не стоит, и я полагаю, что т. Преображенский так его не ставил. Вопрос в том, что происходит борьба между двумя элементами. Один из них регрессивный, как бы он ни приспособлялся, ибо мы хорошо знаем, что закон стоимости, который регулирует капиталистическое хозяйство, в известной мере иррационален и разорителен для развития производительных сил, в особенности в период кризисов.

Если рассматривать вопрос динамически, то не может быть речи о равенстве двух законов, потому что закон первоначального социалистического накопления есть тот закон, который должен водрузить победное знамя над нашим советским хозяйством. Я полагаю, что опять-таки ошибка т. Мендельсона, которую подчеркнул т. Черномордик и на которую я считаю необходимым обратить внимание, заключается в том, что он поставил вопрос таким образом: мы имеем известные экономические формации, где скрещиваются различные хозяйственные формы, но нет ни одной хозяйственной формы, которая проявлялась бы в чистом виде. И на основании тех форм, которые господствуют, на основании тех экономических законов, которые преобладают, мы и производим классификацию. Исходя из этой предпосылки, т. Мендельсон делает вывод, что в нашем советском хозяйстве господствует закон стоимости, потому что это — преобладающий закон, и что, как таковой, мы можем его только рационализировать. Я полагаю, что такая постановка вопроса исключительно статическая, но отнюдь не динамическая, и она особенно недопустима и незаконна в данный момент, когда мы имеем дело с переходными формами хозяйства. Это обстоятельство т. Мендельсон упустил из виду, и в этом едва ли величайших ошибок, которую он допустил. Я резюмирую. Нужно покончить со всякими выступлениями таких хозяйственников, которые в своих рассуждениях исходят от хозяйственной стихии, на которой они иной раз беспомощно покачиваются. Нужно с этим покончить и сказать: не путайте повседневного опыта, который вы имеете, с тем изучением народного хозяйства переходного периода, которое требует анализа не только того, что происходит на поверхности явлений, но и в глубине их. (Аплодисменты).

Тов. Розенберг. Товарищи, я все-таки остался при том убеждении, что тезис т. Преображенского, что внутри социалистического сектора нет места для закона стоимости, никем по существу не опровергнут, несмотря на то, что некоторые товарищи пытались его атаковать. Но мне хотелось бы обратить внимание вот на что: если мы принимаем этот тезис, что внутри социалистического сектора нет места для закона стоимости, то возникает вопрос: происходит ли это из-за социалистического характера нашей промышленности. Именно на это соображение я хотел бы обратить внимание, для того чтобы т. Преображенский мог бы на этом остановиться в своем заключительном слове. Представьте себе на одну минуточку, теоретически это возможно, что в капиталистических странах вся промышленность трестируется, при том она объединяется одним трестом или комбинатом, а сельское хозяйство остается необъединенным. Что же тогда произойдет внутри этого чисто капиталистического комбината, который объединяет всю промышленность и по вертикальной и по горизонтальной линии? Будет ли внутри этой промышленности место для закона ценности? Я думаю, что не будет. Ведь нет места для закона стоимости внутри одной фабрики, когда продукт двигается из одного цеха в другой. Почему там нет закона стоимости? По той простой причине, что там нет товарного движения. Так же когда продукт идет из одного предприятия в другое, объединен-

ные одним трестом, нет движения товаров: товар все время остается во владении одного и того же хозяина.

Теперь вернемся к нашей экономике. Вся наша промышленность имеет одного хозяина в лице государства пролетариата. Стало быть, когда, например, Донуголь продает уголь какому-нибудь другому тресту, то нет сомнения, что и здесь никакого движения товара нет. И когда топливо находилось в распоряжении Донугля и когда оно переходит в распоряжение, скажем, текстильного треста, топливо остается в собственности государства, на всем протяжении этого пути. Поэтому, мне думается, внутри этого сектора нет места для стоимости. Мы должны помнить, что стоимость означает производственные отношения между людьми, которые принимают форму отношений вещей. Здесь этого нет, — нет движения товаров. Поэтому, я думаю, что посылку т. Преображенский утверждает, что внутри госпромышленности нет места для закона стоимости, постольку против этого тезиса абсолютно нечего возразить. Единственно, что мы можем сказать, что это не вытекает из социалистического характера нашей промышленности, а из того, что она объединена, представляет своего рода единый комбинат. Но другое дело, когда наша промышленность соприкасается с сельским хозяйством, кустарными промыслами, вообще хозяйствами частновладельческого характера и с мировым хозяйством. Там, конечно, вопрос другой. Там, я думаю, закон стоимости существует. На самом деле, какие отношения складываются между нашей промышленностью и частновладельческими предприятиями? Отношения эти есть товарные отношения, а это значит, что производственные отношения принимают форму отношений вещей. А если это так, то есть закон стоимости, который может значительно модифицироваться. Вот что мне хотелось бы отметить насчет стоимости.

Потом, товарищи, я хотел бы обратить ваше внимание еще на один вопрос, по которому никто не говорил: я имею в виду кредит. Тов. Преображенский в своем докладе подчеркнул, что по существу у нас настоящего кредита нет, а есть только одна форма. Довод у него был довольно веский. Он говорит: процент—это есть определенная категория, за которой скрываются отношения между двумя группами капиталистов, между, как выражаются экономисты, группой пассивных и активных капиталистов, между теми, которые принимают, и теми, которые не принимают непосредственного участия в производстве. А так как у нас этого нет, то т. Преображенский приходит к выводу, что кредит и процент существуют у нас только по форме. Я думаю, что т. Преображенский не учел другого момента. Дело в том, что если бы наши банки занимались только тем, что перераспределяли бы средства между разными промышленными предприятиями, если бы они занимались только тем, что перераспределяли бы средства внутри нашего социалистического сектора, т. Преображенский был бы прав. Но дело совершается не так. Если поставим вопрос о природе нашего банковского капитала, вернее об источниках его, окажется, что источником нашего банковского капитала являются не только кассовые остатки наших промышленных предприятий и не только то накопление,

которое делается в промышленности, вообще, не только вклады. Одним из важнейших источников нашего банковского капитала является эмиссия, червонцы. Что это значит? Каждый великолепно знает, что эмиссия, это — двухсторонний акт. С одной стороны — активная операция, с другой стороны — пассивная операция. Стало быть, каждый выпуск червонцев, по существу это — заем, который банк делает у всего населения и, конечно, не только у одной промышленности. Нет сомнения, что значительная часть тех червонцев, которые находятся теперь в обращении, находится у крестьянства. А это значит, что у нас имеется настоящий кредит. Это не простое перераспределение средств внутри промышленности, но при помощи кредита мобилизуются средства из населения. Затем выпуск червонцев зависит от размеров товарооборота. Словом, мы тут имеем дело с настоящим кредитом. Еще одно соображение. Советская власть принимает меры к развитию сберегательных касс, т. е. речь идет о заключении займа у населения. Итак я считаю, что тов. Преображенский слишком легко „покончил“ с кредитом.

Еще я хотел бы сказать пару слов на счет ренты. Опять-таки основное соображение т. Преображенского безусловно правильно, потому что за категорией ренты скрываются определенные производственные отношения между двумя классами — между классом землевладельцев и капиталистическим классом. У нас этого нет. Но это только верно, если мы берем чистый вид, если мы берем ренту, как Маркс анализирует, в капиталистическом землевладении. Тут капиталистический арендатор противопоставляется землевладельцу, и рента выражает их отношения. Но ведь известно, что если земля даже при капитализме была бы национализирована, то Маркс и Ленин определенно заявляют, что абсолютная рента была бы уничтожена, а дифференциальная рента осталась бы, хотя класс землевладельцев, как класс, перестал бы существовать. Значит и рента модифицируется: ее получает государство, но не как налог, а в силу того, что она создается товарно-капиталистическим способом производства. Спрашивается, почему же у нас не может быть ренты, когда частный предприниматель арендует землю у государства? Более того, даже когда арендатором является госпредприятие. Возьму тот же самый пример с Госкино и Моссоветом, который оперирует т. Преображенский. Представьте себе, что Моссовет сдал Госкино здание без аренды, тогда каждый билет был бы дешевле, теперь — дороже. Значит, не Госкино платит ренту, это не есть перекачивание из одного кармана в другой в пределах государственного хозяйства, здесь именно имеет место перекачивание из кармана частного владельца в карман государства в силу того, что данный участок земли национализирован, стал собственностью государства. Это, может быть, не есть рента в чистом виде, все же т. Преображенский неправ, когда так категорически заявляет, что у нас ренты нет.

Вот те несколько соображений, которые я хотел высказать.

Тов. Персиц. Товарищи, в той концепции, которую развил тов. Преображенский, есть три ценных элемента. Первый элемент заключается в том, что докладчик критически относится к старым катего-

ряям, прежним логическим понятиям, поскольку они у нас еще остаются по инерции в виде толщи напластований на поверхности в то время, как внутри, в порах экономики, уже происходят молекулярные процессы, подтачивающие эти категории. Второе ценное положение доклада тов. Преображенского заключается в том, что нельзя недооценивать наши новые производственные отношения, у нас сложившиеся и слагающиеся. Они являются сами по себе новой, как быневесомой материальной производительной силой. Если не видеть нового социального содержания материально-производственного процесса, то можно впасть в струвизанство. Третий, основной и главный момент заключается в постановке вопроса о законе так называемого социалистического накопления или накопления в интересах социализма. Вообще говоря, никакого методологического греха нет в том положении, что в качестве движущих сил в нашей экономике борются два начала, два противоречивых элемента. Ведь монизм Маркса заключается именно в том, чтобы видеть единство явления в его раздвоении, единство процесса в его многообразном расщеплении. В чем смысл закона первоначального социалистического накопления? Скажем, был до социалистической революции в народном хозяйстве сектор машинной индустрии. В этом секторе существовали производственные отношения капиталистического типа. И тогда рабочий класс был „пассивным“ объектом внутри этого сектора—придатком к машине. После революции распадается прежний тип связи рабочего класса, как придатка к этому промышленному сектору, с другими классами—капиталистами. Он стал уже не придатком, но демиургом, с логикой, присущей ему, как субъекту, сознательно, по-иному ставшему у станка. Поскольку этот процесс движущих сил автоматического механизма воспроизводства стремится захватить и оседлать класс, уже теперь органически сливающийся с процессом воспроизводства, постольку однородная общественная структура и придает новое содержание (хотя и в старой форме) делу накопления. В этом переходе и заключается смысл закона социалистического накопления. Поэтому, когда тов. Преображенский говорит, что этот закон есть определяющая сила развития у нас, то в этой постановке проблемы кроются глубокая ценность и важность. Но в дополнение к этому закону и на фоне его тов. Преображенский развивает теорию ценности в советских условиях. Эта теория вызывает значительные сомнения. Если тов. Преображенский говорит, что у нас загнили категории развитого капитализма,—прибавочная стоимость и другие, не говоря уже о прибыли,—мы с ним согласны. У нас нет класса капиталистов, следовательно, у нас нет прибавочной стоимости, и эта категория у нас в сильнейшей степени загнила и надломлена. Мы производим ведь в конечном счете для потребления, а не для прибыли. Но и тут надо напомнить одно обстоятельство, предохраняющее от недооценки наличия прибавочной стоимости. Не тов. Преображенскому надо напоминать, что если у нас нет класса капиталистов, то у нас есть другой класс, который косвенно ограничивает суверенную волю рабочего класса в смысле доли его в прибавочной стоимости. То, что у нас полностью прибавочная стоимость не загнила, это происходит не

потому, что у нас ресурсов мало, не потому, что наша нищета является анти-социалистической, а потому, что у нас существует мелко-буржуазная многомиллионная крестьянская масса, с которой пролетариату необходимо считаться. Этот своеобразный тип производственных отношений в нашей экономике аннулирует, правда в частичной степени, загнивание категорий прибавочной стоимости. Но хуже обстоит дело с категориями товарного хозяйства. Как происходит процесс по Марксу? Маркс дал схему поступательного развития народного хозяйства: натуральное хозяйство, товарное хозяйство, капитализм. Но возможно обратное движение, деградация по нисходящей линии: капитализм, товарное хозяйство и натуральное хозяйство. Эпоха военного коммунизма (а зачатки этого были уже во время войны) показала, что у нас был процесс обратный, деградация. Это доказано и историей наших денег: с денег мы перешли в результате войны и распятия капитализма на натуральные, часто локальные деньги; обратным путем перешли от капитализма к исходному пункту, с которого Маркс собственно начинает свой анализ теории денег. И то же в отношении форм самого хозяйства. Таким образом капитализма у нас нет, мы его разрушили, а товарное хозяйство есть. Категории капитализма загнивают, а категории товарного хозяйства процветают. В этом утверждении нет противоречия, если мы поймем своеобразие момента, заключающееся в том, что мы разрушили в основном капитализм, но у нас расцветает товарное хозяйство; мы своими руками должны доделать то, что не успел капитализм, а именно—товаризацию. С этой точки зрения аналогия с монополистическим капитализмом для нас не совсем пригодна. Тут важен момент не только качественный, но и количественный. Для того, чтобы утверждать, что степень индустриализации уже сильно искажает категорию стоимости, для этого надо иметь определенный уровень технического обобществления средств производства, фактическую национализацию. А Ленин только хотел поднять наше хозяйство до уровня „государственного капитализма“, на такую ступень механизации, как на Западе. Следовательно, нам еще надо довести экономику до того, чтобы стоимость, как и другие отношения, стала сильно модифицироваться. Ведь мы цены не вычисляем научно, да и в распределении мы в конечном счете ограничены законами ценности. Тов. Преображенский еще привел пример с бавками, ссылаясь на III том „Капитала“, что у нас банки уже непрогрессивные явления. Но Маркс писал это по отношению к банкам, функционирующим при более развитом западно-европейском и американском капитализме. А у нас есть свидетельство, определенное мнение о банках Ленина, который говорил конкретно о том уровне производительных сил, который имеется в СССР.

Это свидетельство Ленина о прогрессивности роли банков для данного момента имеет большую значимость, чем теоретически-абстрактное рассуждение Маркса, верное вообще. Финансирование еще не прогрессивнее кредитования. Весь вопрос состоит в том, как перевести в социализм натуральное и товарное хозяйство, минуя капитализм и используя кооперацию. Дело в том, что нэп будет переживать

два периода. Один период, теперешний, когда мы вынуждены, как Ленин говорил, оживлять элементы товарооборота и лишь в меру их оживления переводить их на новые рельсы. В этом—своеобразие эпохи. Драматизм положения заключается в том, что мы вынуждены в целях развития производительных сил стоимостные отношения форсировать. В этот первый период нэпа, который не закончился, будет существовать такое явление, когда развитие производительных сил будет определяться не исключительно законом социалистического накопления, на фоне которого будут вытесняться законы стоимости, а наоборот—законом стоимости, на фоне которого будет разворачиваться все больше и больше закон социалистического накопления. После этого периода, когда количество перейдет в качество, наступит та стадия индустриализации страны, которая будет сопровождаться усиленным втягиванием в социалистическое русло крестьянской экономики. И вот то, что будет только во втором периоде нэпа, тот результат процесса, мне кажется, тов. Преображенский нам рекомендовал как движение первого периода, как характерное в наших условиях. Конечно, в жизни нельзя строго схематически разграничивать оба периода. Постановка „кто—кого“ дана уже Лениным в брошюре „О продналоге“, и в этом отношении тов. Преображенский действительно продолжает работу тов. Ленина. Однако установка его менее диалектична, более схематична, чем у Владимира Ильича.

Наши предприятия — социалистические. Но во второй период нэпа, главным образом, будет повышение удельного веса национализированного социалистического хозяйства, будет происходить большее торжество, укрепление планового начала. Это именно и приводит к той теории, которую развивал и развивает в своих статьях и докладе тов. Преображенский. Откуда у нас появляется такого рода идеология? У нас происходит процесс перехода от капитализма к социализму и строительства социализма. Этот процесс, эту фазу можно разбить на три вида реорганизации: 1) реконструкция материальных отношений, 2) реконструкция людских производственных отношений, и 3) реконструкция организационных форм. Мы сделали глубокий и успешный прорыв к социализму двумя последними реконструкциями и отстали в первой. Прорыв и ведет к переоценке плана. Дело не совсем в том, что некоторые хозяйственники не понимают планирования. Дело в том, что неуменье планировать происходит от того, что мы не можем еще планировать так, как хотели бы. Нужно усиливать плановость, но стремясь постичь законы ценности, посредством приспособления к ним. Наличие этих трех типов реконструкции, при котором одни далеко отстали, другие развились вперед, и ведет к схематическому переплетению в теории разных фаз развития и, следовательно, к переоценке степени вытеснения закона ценности. Тов. Преображенский делает этот перелет через первый период нэпа, который еще не сказал своего последнего слова, а по правильной формулировке тов. Троцкого, весь смысл нэпа заключается в сочетании момента личной заинтересованности с моментом обще-государственным. Стимул личной заинтересованности проявляется, в основном, в законе стоимости. Разве

мы целиком использовали эту сторону нэпа? Таким образом, несмотря на всю громадную важность постановки тов. Преображенским проблемы социалистического накопления и теоретическую ценность всего его доклада, его точку зрения в отношении закона ценности в советских условиях, мы вынуждены характеризовать, как теорию экономического нетерпения.

Тов. Нон. Товарищи, я позволил себе вторично взять слово потому, что меня, особенно в первой половине сегодняшнего заседания, подвергли обстрелу не меньше, чем т. Преображенского. Основным вопросом, по которому здесь на меня сыпались нападки, является расчленение целевых и причинных принципов, которое я в прошлый раз проводил. Это расчленение совершенно правильно и может быть только благодаря не особенно удачной формулировке т. Соляцев мог так неверно истолковать мои слова. Возьмем капиталистическое общество, которое является, по существу стихийным. Это общество может двигаться только путем борьбы отдельных индивидуальных целей, которые, сталкиваясь друг с другом в постоянной борьбе, сплетаются в некую равнодействующую, которая и движет общество в том или другом направлении. Совершенно ясно, что здесь преобладает не только стихийный принцип, но и принцип причинности, потому что каждая индивидуальная воля не является непосредственным двигателем общества, но превращается лишь в одну из причин, определяющих общественное развитие. Возьмем социалистическое или какое-нибудь другое организованное общество. Можно ли здесь говорить о полном преобладании принципа причинности? Можно говорить о полном преобладании принципа причинности, поскольку речь идет о взаимоотношениях между обществом и природой, о борьбе общества с природой, о равновесии между обществом и природой. В этом смысле движением общества и здесь будет управлять исключительно принцип причинности. Но если мы возьмем общественные отношения организованного общества, мы должны будем прийти к заключению, что в организованном хозяйстве в общественных отношениях преобладают не только плановые принципы, но и целевые, ибо что есть план, как не выражение цели, осуществляемой впоследствии действительностью. Это принцип целевой. Когда вы составляете в начале года план и потом этот план выполняете (я говорю, конечно, про социалистическое общество, а не про наши планы с их постоянными исправлениями), вы имеете в плане выражение целей общества, которые, непосредственно воздействуя на хозяйство, это хозяйство себе подчиняют. Конечно, можно в известном смысле сказать, что цель, поставленная перед собою социалистическим обществом, является причиной общественного развития. Однако нужно видеть принципиальную разницу между меновым обществом, которое направляется по неизвестным путям, и социалистическим обществом, где цель, сознательно поставленная обществом, определяет собою направление и характер развития. Поскольку мы возьмем такую промежуточную стадию как наша советская экономика, мы должны будем прийти к заключению, что здесь так же, как и в меновом обществе нет единой воли, единого всеохватывающего плана. Есть множе-

ство воли, и только сплетение их движет общество вперед. Но надо сказать, что не все эти воли однотипны, не все они одинаковы по своему значению. Если вы возьмете отдельного крестьянина с его хозяйством, то это есть самостоятельная воля, но если возьмете все государство в целом, со всеми принадлежащими ему предприятиями, это тоже одна самостоятельная воля (с места: „Не одна воля“). Совершенно ясно, что государственное хозяйство в целом, это есть одна воля. Не менее ясно, что чем будет больше роль государственного хозяйства в нашей экономике, тем более легко, через преодоление сопротивления отдельных мелких волей, отдельных хозяйственных ячеек, это государственное хозяйство будет продвигаться к полному выполнению своих целей и планов. Тут, пока кругом имеется стихия, конечно, приходится преодолевать сопротивление этих волей, и только в результате преодоления сопротивления, только в результате сочетания причин порождается то или другое явление в нашей хозяйственной жизни. Но чем сильнее будет становиться одна из этих волей, воля государственного хозяйства, тем более целевой и волевой принцип будет побеждать в нашей экономике. Когда я говорил о проявлении целевого принципа в нашей экономике, я вовсе не склонен был, как это понял тов. Солдцев, утверждать, что наше хозяйство движется непосредственно целью. Я только хотел подчеркнуть факт постановки цели перед всем нашим хозяйством, факт, имеющий место впервые в истории. Я утверждаю, что два принципа, стихийный и плановой, конечно, сочетаются в регуляторе нашего хозяйства. Это утверждает и Евгений Алексеевич и сегодня это утверждал и т. Мотылев (но только сегодня). Надо сказать, что все мы трое утверждаем как будто бы одно и то же, но между этим одним и тем же есть существенная разница. Когда т. Преображенский в своих тезисах говорит о двух элементах регулирования нашего хозяйства, у него есть два регулятора, которые борются между собой. Когда я говорю о сочетании этих элементов, я говорю об одном регуляторе, и сегодня то же самое говорил т. Мотылев. Иногда, в виде исключения, и т. Мотылев бывает прав (смех). Я думаю, что вся путаница, которая была развернута целым рядом ораторов, имеет источником полное смешение между формой и содержанием общественных отношений. Я делаю разграничение между формой и содержанием, не то, которое у нас принято, с легкой руки И. Рубина, среди учащейся молодежи. Я делаю разграничение несколько иное. Я формой общественных отношений называю проявление их, овеществление общественных отношений, содержанием — те общественные отношения, которые овеществляются в товарах. Есть ли в нашем хозяйстве овеществление общественных отношений, есть ли форма стоимости? Есть. И когда т. Мендельсон в прошлый раз и т. Мотылев в прежних своих выступлениях утверждали, что в нашей экономике целиком действует закон стоимости, они брали только форму стоимости, овеществление общественных отношений, игнорируя вопрос о содержании стоимости. Наоборот, когда Евгений Алексеевич говорит о двух регуляторах в нашей экономике, он игнорирует наличие формы стоимости, берет только содержание тех общественных отношений, которые есть, а это приво-

дит к натурализации общественных отношений. С одной стороны, игнорирование содержания, с другой стороны, игнорирование формы. Вот что мы имеем на-лицо. Я должен сказать, что т. Мотылев, выступая в чрезвычайно гордом тоне, заявил, что он всегда придерживался точки зрения, которую высказал сегодня. Никто будто бы не осмеливался оспаривать эту точку зрения, и победоносный путь т. Мотылева с 1923 по 1926 г. совершался беспрепятственно. Надо сказать, что это не совсем верно. Та распря, которая развернулась на этих заседаниях, открывается не впервые. Тов. Преображенский помнит два заседания в Свердловском университете, посвященные диспуту между т. Мотылевым и мною. Там шла драка по вопросу о том, что представляет собою наша экономика в целом и существует ли у нас стоимостный регулятор. Каждый, кто возьмет второй том научных записок Свердловского университета, найдет подробную стенограмму этих двух заседаний и может удостовериться, что т. Мотылев два года тому назад утверждал нечто совершенно отличное от того, что говорил сегодня. Он утверждал, что у нас хозяйство по существу меновое, что наше хозяйство представляет в целом систему государственного капитализма¹⁾. Теперь, когда есть постановление XIV партийного съезда, т. Мотылев приходит сюда и указывает Евгению Алексеевичу на необходимость придерживаться строго этих резолюций. (С места. „Признавать ошибки полезно“). Да, конечно, полезно, но надо было признать не потихоньку, не менять карты в кармане и говорить, что я, мол, всегда прав, а притти и сказать: „Я ошибался“ (т. Мотылев: „Демагогия“). Это не демагогия. Это можно подкрепить не только стенограммой, которая доступна каждому, но и вашими знаменитыми произведениями, которые расходятся в миллионах экземпляров. В самом деле, если вы возьмете любой абзац, любой кусок из учебника т. Мотылева, будет ли то теория стоимости, или теория заработной платы,—что вы там найдете? Вы найдете там колоссальное смещение формы с содержанием. Вы там найдете колоссальные противоречия. Я в прошлый раз доставил себе поистине „дешевое удовольствие“ критиковать т. Мотылева. Критиковал я т. Мотылева в его отсутствие. Я не виноват, что т. Мотылев не вернулся из Питера. Я в прошлый раз указывал, что на двух страницах этого знаменитого учебника в одном месте говорится, что у нас действует закон стоимости, а на другой странице говорится, что у нас стихийный перелив капитала из одной отрасли в другую невозможен, т.-е. закон ценности в экономике не действует. Когда мы говорим о стихийном регулировании, то мы должны ясно и определенно поставить вопрос: возможна ли стихийная перебежка труда в той или другой

¹⁾ См. Записки Ком. Университета им. Свердлова, т. II. Москва 1924 г., стр. 347. „Мотылев: Ленин чрезвычайно ясно и полно формулирует ту точку зрения, что экономика переходного времени есть экономика, которую он считает целесообразным назвать экономической государственного капитализма под властью пролетариата. Ленину и Преображенский и Вухарин указывали, что это—термин неподходящий. У нас, говорил т. Преображенский, не государственный капитализм, а товарно-социалистическое хозяйство. Несмотря на это, т. Ленин продолжал утверждать, что наша система хозяйства представляет собою систему, которая наиболее близка к государственному капитализму с той разницей, что по главе стоят иной класс“. См. также стр. 346.

форме (в форме капитала или в другой форме) из одной отрасли производства в другую или нет. Когда вы говорите, что закон стоимости действует, вы тем самым утверждаете, что эта перебежка возможна. Когда вы говорите, что не действует закон цен производства, вы тем самым утверждаете, что перебежка невозможна. Пойдите, распутайтесь. Распутаться нельзя по той простой причине, что вы за формой не увидели содержания и, как вульгарный экономист, остаетесь на поверхности явлений. Вы изучаете форму меновых отношений, а не содержание их. Поскольку это так, постольку мы и не можем по вашей книге разобраться в сущности вопроса. Здесь вы даете вопросу ту же постановку, какую давали два года тому назад. То же игнорирование содержания стоимости есть, конечно, у т. Мендельсона, который является гораздо лучшим теоретиком, чем т. Мотылев (смех), но который допустил непозволительную ошибку, сказавши, что в факте отклонения наших отношений от стоимости мы имеем отражение не социалистического переустройства общества, а реконструкции нашего хозяйства. Он сделал недопустимую ошибку чисто меньшевистского типа. Мне кажется, что эти товарищи перегибают палку в одну сторону. Не следует перегибать и в другую. А Евгений Алексеевич, когда отрешается от формы и говорит только о содержании, когда он говорит о двух регуляторах нашей экономики, о плановом, с одной стороны (или о законе социалистического накопления), и с другой стороны, о стихийном регуляторе, несомненно, перегибает палку в другую сторону. Выходит, что эти два регулятора сталкиваются непосредственно, выходит, что мы можем командовать нашей промышленностью непосредственно, можем командовать рынком непосредственно. Вот в чем дело. Выходит, что наше хозяйство разбивается на два круга, из которых один подчинен плановому регулятору, а другой—стихийному. Создается натурализация наших общественных отношений, несомненная переоценка нашей экономики. Когда мы регулируем рынок, мы регулируем через цену, а цена является проявлением стоимости. Вот в чем дело. И когда здесь приводится целый ряд фактов относительно неудачного регулирования цен (на хлеб, лен и пр.), эти факты вовсе не должны отмечаться. Сказать, что это искажение закона на опыте и поэтому мы эту деталь отбросим—нельзя, а надо вникать в сущность, в причины этих отклонений. Почему мы не смогли удержать цены на хлеб в этом году? Почему лимитные цены на лен в прошлом году сорвались? Когда срывается у нас проведение тех или других цен на практике, то это говорит кое о чем. В том, что под покровом цен есть двойное содержание, соответствующее дуализму в нашей экономике, т. Солнцев совершенно прав. Дуализма нашей экономики отрицать нельзя и нельзя поэтому требовать, чтобы регулятор был обязательно однороден. У нас есть два элемента регулирования, но оба они скрываются под покровом единой цены. Как в одном яйце желток пожирает белок по мере развития цыпленка, так и плановое начало пожирает начало стихийное. И стоит сделать только какую-нибудь ошибку (здесь неустойчивое равновесие), чтобы приобрел опять большую силу стихийный регулятор. Если мы сожжем этот стихийный регулятор, он отойдет в уголок (т. Преобра-

женский: „А где же ваш мистический единый регулятор?“). Он заключается в том, что двойственный характер нашей экономики отражается в единой цене, которая одна регулирует наш рынок, и рынок не может регулироваться иначе как через посредство цены. И плановое регулирование проводится через посредство цены. И кто игнорирует цену, которую регулируется рынок, тот делает ошибку, отрешаясь от того овеществления, которое необходимо происходит в нашей экономике. (Т. Дволайцкий: „Вопрос в том, кто цены устанавливает, стихия или план“). Цены устанавливаются путем борьбы волевого государственного начала со стихией. Если здесь идет речь об основе пропорций, устанавливающихся в обмене, то основой является стоимость, но с некоторой количественной поправкой, проистекающей из вмешательства плановых начал. Регулятор у нас один. Это не значит, что он однороден. Момент цены является выражением одного принципа где? Когда? В капиталистическом обществе? Да. В простом товарном хозяйстве? Да. В переходную эпоху? Нет. В том-то и дело, что в переходную эпоху одна общественная формация пожирает другую, содержание общественных отношений меняется, а форма общественных отношений остается. И совершенно ясно, что под покровом этой старой формы появляется новое содержание. Если вы возьмете простое товарное хозяйство и капитализм—они регулируются через цены, но вы обнаружите глубокое различие в содержании цен в этих двух общественных формациях. Когда эти две системы боролись, содержание цен было двойственное. Можно сказать, что в конкретном капиталистическом обществе за ценою кроется внутреннее сочетание нескольких различных принципов, особенно если говорить о монополистической форме капиталистического общества...

Тов. Берин. В основе теории прибавочной стоимости Маркса лежит тот факт, что стимулом и движущим мотивом производства является прибыль частного предпринимателя. Работы на рабовладельческих плантациях Соед. Шт. Америки производились ради капиталистической прибыли. Именно поэтому Маркс там употребляет термин прибавочной стоимости. Там, где побудительным мотивом к производству является не прибыль, а удовлетворение общественных потребностей, в широком смысле этого слова, как в нашей национализированной промышленности,—там нет и категории прибавочной ценности. Здесь, следовательно, меньше всего можно говорить о каком-либо переходном процессе: с национализацией орудий производства сейчас же исчезает категория прибавочной ценности. Я вполне согласен с тов. Преображенским, когда он отрицает категории прибыли, процента и ренты в национализированной промышленности СССР, ибо прибыль, процент и рента являются только формами проявления прибавочной стоимости. Но тов. Преображенскому следовало бы раз'яснить, почему он, отвергая для СССР категории прибыли, процента и ренты, тем не менее считает вопрос о прибавочной ценности спорным; ведь прибавочная стоимость ни в какой другой форме не может проявиться, кроме как в форме прибыли, процента и ренты.

Иначе обстоит дело с законом ценности. Везде, где экономическая связь между отдельными хозяйствами и обществом осуществляется через обмен, там мы имеем рыночные отношения. В СССР поэтому мы имеем самые настоящие рыночные отношения. Но там, где сохраняются рыночные отношения, там закон трудовой стоимости остается основным регулятором общественных отношений.

Раньше чем рассмотреть вопрос о том, как модифицируется закон ценности деятельностью наших регулирующих органов, я хочу указать, что наша современная хозяйственная система была в свое время предвосхищена и Марксом и Лениным, и на интересующий нас вопрос они дали вполне определенный ответ. В работе Ленина „Государство и революция“ мы читаем: „В „Критике Готской программы“ Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме „неурезанного“ или „полного продукта труда“. Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычтеть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение „снотенных“ машин и т. п., а затем из предметов потребления—фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля („полный продукт труда—рабочему“) Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к конкретному анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом: „Мы имеем здесь дело—речь идет о программе рабочей партии—не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях—в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло“. „Но эти недостатки—продолжает Маркс—неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества“.

„Таким образом,—говорит Владимир Ильич,—в первой фазе коммунистического общества (которую обычно вводят социализмом) „буржуазное право“ отменяется не вполне, а лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства.

„Буржуазное право“ признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку—и лишь постольку—„буржуазное право“ отпадает. Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определятеля) распределения продуктов и распределения труда между членами общества“¹⁾.

¹⁾ Собр. Соч. Том. XIV, стр. 371—2—3—4.

Можно, конечно, возражать, что у Маркса и Ленина вопрос идет о „буржуазном праве“ как „регуляторе распределения продуктов и распределения труда между членами общества“, а не о законе ценности. Но такое возражение будет столь же основательным, как и возражение, что эти строки писались Марксом и Лениным не по докладу тов. Преображенского. Нетрудно понять, что не о юридическом праве идет речь у Маркса и Ленина, а об общем принципе, согласно которому происходит распределение продуктов и труда в буржуазном обществе, а это и есть закон трудовой стоимости.

Я не согласен с тов. Пашуканисом, который говорил, что закон ценности есть закон природы. Но что для своего существования обществу необходимо производить,—это есть закон природы, а пока производительные силы не достигли такого уровня, когда можно было бы осуществить коммунистический дозунг „от каждого по способностям—каждому по потребностям“, распределение продуктов и труда неминуемо должно быть согласно формуле „каждому по заслугам“, т.-е. согласно „буржуазному праву“, и именно в этом смысле Маркс приравнивал действие закона ценности закону природы.

Мне кажется, что многие недоразумения получаются оттого, что смешивают закон ценности с формами его проявления.

В обществе простого товарного хозяйства взаимобмен трудовыми услугами не встречает особых препятствий, и закон ценности проявляется сравнительно безболезненно. С появлением капитала и сопутствующих ему категорий прибыли, процента и ренты, а в особенности с превращением труда в рабочую силу—общественные отношения усложняются, непосредственным регулятором здесь уже является не закон ценности, а закон прибавочной ценности. Регулированию этих общественных отношений согласно закону трудовой ценности ставятся значительные препятствия, и этот закон пробивает себе дорогу через ряд катастроф (постоянные колебания цены вокруг ценности, все так называемые непроизводительные издержки, кризисы, войны).

Монополистический капитализм, с его разделением рынков на „сферы влияния“, с монопольными ценами и т. д.—ставит такие препятствия проявлению закона ценности, что противоречие между этими двумя противоборствующими силами разражается в мировых войнах и ведет к социальной революции. В социалистическом обществе, где нет прибавочной ценности, „распределение продуктов и труда“ может быть регулировано согласно закону ценности.

Из вышесказанного следует, что в нашем советском хозяйстве, где прибавочная стоимость уже не является мотивом производства, но где еще остались рыночные отношения и необходимость распределения продуктов и труда согласно „буржуазному праву“, роль и задача регулирующих органов сводится к тому, чтобы облегчить закону трудовой ценности проявить себя, дабы избежать кризисов, всевозможных непроизводительных издержек, с одной стороны, бороться с частниками, которые норовят получить прибавочную ценность, с другой стороны,—и тем ускорить строительство социализма.

Следовательно, можно говорить о борьбе между законом ценности и законом прибавочной ценности, но нельзя говорить о законе трудовой стоимости и „законе социалистического накопления“, как о противоборствующих силах. Наоборот: регулирующие органы дополняют и облегчают проявление закона трудовой стоимости, а в результате выигрывает социалистическое накопление.

Объясним это на примерах. Возьмем раньше всего нашу монополию внешней торговли. Согласно закону трудовой стоимости каждый предприниматель обязан держать свое предприятие на уровне господствующей техники, „а тот, кто отстаёт, того собаки кусают“.

Имя этой собаки — конкуренция. Известно, что технически мы отстаем от западно-европейского капитализма, от свободной конкуренции с ними нам бы не поздоровилось. И вот до тех пор, пока мы не поднимем свою технику до их уровня, монополия внешней торговли и изолирует нашу промышленность от конкуренции европейского капитализма. Что же, мы этим устраняем закон ценности? Ничего подобного. Наоборот, базируясь на законе трудовой ценности и дополняя его действием наших регулирующих органов, мы избегаем укусов собаки.

Возьмем другой пример. В 1923 году наши регулирующие органы не успели своевременно принять меры против слишком больших отклонений цены от ценности под влиянием законов спроса и предложения. Крестьяне поэтому вынуждены были продавать свои продукты гораздо ниже их ценности. Следствием этого расхождения были известные „ножницы“ и кризис сбыта.

Наконец, третий пример. Предположим, что по ошибке наши регулирующие органы установили цены на хлопок ниже его стоимости. Так как мы являемся монопольным скупщиком хлопка, то мы весь хлопок соберем и по этой цене. Зато в будущем году сбор хлопка у нас сократится, и мы вынуждены будем докупать хлопок в Америке по ценам, которые нам продиктует мировой рынок.

Из всего вышесказанного уже ясно, что рано говорить о новой науке и о непригодности политической экономии к изучению нашего хозяйства. Напротив, — мы должны научиться лучше применять закон трудовой ценности Маркса к новым условиям.

Тов. Богданов. Я должен начать с извинения. Я не был на предыдущих прениях и поэтому могу невольно повторить кого-нибудь из предыдущих ораторов. Это первое. Второе. Тема т. Преображенского — „закон ценности в советском хозяйстве“. В вопросе собственно советского хозяйства я считаю тов. Преображенского гораздо более компетентным и себя некомпетентным его критиковать. Поэтому мои замечания будут касаться одной стороны дела, теоретической стороны этого доклада и именно понимания закона ценности, а также некоторых других положений, с этим связанных. Я поставлю вопрос так: что представляет закон ценности у Карла Маркса и что он представляет в докладе Евгения Преображенского? Это вещи — разные (смех). У Маркса мы знаем закон ценности, закон трудовой ценности. Смысл

его заключается в том, что регулятором меновых отношений являются трудовые затраты, то, что я бы назвал „трудовой стоимостью“ в собственном смысле этого слова. При чем регулятор этот при посредстве рынка действует стихийно, и закон ценности, закон трудовой ценности осуществляется путем колебаний; но не в колебаниях заключается его осуществление, а в том, что в них повсюду проходит тенденция возвращения к этой норме. Т.-е. когда имеется колебание в одну сторону, уклонение от нормы трудовой стоимости в одну сторону, это уклонение стихийно, через известный период времени компенсируется, примерно, столь же сильно отклонением в другую. Поэтому могут быть отклонения различные и очень большие. Первый оратор сегодня говорил, что не может быть при господстве закона ценности очередей и т. д. Это наименее понимание. Всякие могут быть очереди. Единственно, что вытекает из действия закона ценности, это то, что это явление будет компенсировано противоположным: тенденция к трудовой норме проявит себя тем, что в данном случае, если было сильное колебание в одну сторону, будет резкое или длительное в другую. В этом собственно суть дела.

И вот, мне кажется, я внимательно следил за т. Преображенским, и он ни разу не обмолвился так: „закон трудовой ценности“. Он говорил: „закон ценности“. В этом есть некоторая система, потому что, когда он иллюстрировал, то оказалось, что тут, собственно, дело идет о другом законе. Вот, напр., я записал его фразу: „в неурожайный год закон ценности бушует, при урожае—наоборот“. Я был смущен. При неурожая закон ценности подвергается ограничению, происходит сильное отклонение в одну сторону, при урожае может быть подобное же отклонение в другую сторону, но так или иначе урожай и неурожай в капиталистической системе—явления не абсолютно незаконномерные; и эти отклонения экономически компенсируются тем или другим путем. Но невозможно сказать, что закон ценности „бушует“ там, где выступает на деле монополярный принцип: ведь если неурожай, то кулак, который имеет излишки, является в известном смысле монополистом. В этом заключается в известной степени монополистическое ограничение закона ценности. Это—отклонение от него, которое вызывает стихийную реакцию в капиталистическом организме. Но это отклонение, а не господство, тогда как слово „бушует“ означает полное хозяйничанье закона ценности.

Затем другой пример: характерное понимание т. Преображенским профсоюзного движения. Профсоюзы, говорит он, при капитализме „мешают“ проявляться закону ценности, или ограничивают его. В каком же смысле? Очевидно, в том смысле, что профсоюзное движение позволяет пролетариату организованно продавать свою рабочую силу выше ее ценности. Так я вас понял или нет? (Тов. Преображенский: „Допустим, что так“). Если так, то мы видим как будто то же самое понимание, что и наше, как будто нормальное. Но в действительности так ли это? Это вопрос не новый. Лет 20 слишком тому назад, даже больше—лет 25, в эпоху спора с бернштейнцами вопрос этот высту-

пал в такой форме: позволяет ли профсоюзное движение пролетариату нарушать закон ценности в свою пользу или нет? И надо сказать, что бернштейнцы единодушно отвечали: „Да, позволяет“ и делали такой вывод, что при капитализме пролетариат, организуясь, может прибавочную ценность шаг за шагом отбирать у капиталистов до конца, и этим путем происходит так называемое вращение в социализм. На это ортодоксы им отвечали так: Вы не правы. Профсоюзное движение не ограничивает в этом смысле закона трудовой ценности, и он не только господствует, но он проявляется более нормально, более правильно с меньшими колебаниями и ограничениями. Дело в том, что профсоюзное движение еще не делает пролетариат господствующим классом, господствующим слоем при капитализме. Пока не было организации профсоюзного движения, какое было положение на рынке труда? Капиталист имел за собою кристаллизованную силу мертвого труда, рабочие представляли из себя бессильные единицы, разрозненно противостоявшие этой коллективной силе. Это—неравное положение, при котором капиталист мог сделать с рабочим все, что угодно. И тогда, в ранних фазах капитализма, закон трудовой ценности проявлялся не вполне, приближаясь к тому, что называют „железным законом заработной платы“. Тогда капиталисты могли использовать пролетариат так, что изнашивали рабочих беспощадно, брали одних, давали им экзистенц-минимум, истощали их на работе, выбрасывали и брали других. Этому пролетариату были бессильны противостоять. Их рабочая сила тратилась и разрушалась, но всегда имелся значительный ее запас для капитализма в виде резервной армии безработных. Таким образом, если хотите, может быть речь о том, что при неразвитом капитализме закон ценности нарушается в пользу капитала. При развитом, организованном профсоюзном движении против организованной силы кристаллизованного мертвого труда выступает организованная рабочая сила живая, и получается уравнение условий для обеих сторон, вследствие чего стихийные колебания, зависящие от общей неорганизованности, уменьшаются в своей частоте, выравниваются в своем размахе. Получается такое положение, что пролетариат может отстаивать раз достигнутый уровень платы, пролетариат может препятствовать ее понижению, чего там не было. И если там все-таки капиталисты могли и не компенсировать понижения заработной платы ниже трудовой ценности некоторым ее повышением в дальнейшем, то тут они вынуждены это делать. Но значит ли это, что пролетариат в состоянии отнять некоторую долю прибавочной ценности? Нет, не значит, потому что это означало бы ограничение господства капитала. Конечно, в результате особенно благоприятной конъюнктуры может иногда получиться так, что в течение некоторого времени пролетариат, организованный в профсоюзном движении, повышает свою заработную плату выше нормы ее ценности. Но это компенсируется при первом же кризисе, когда соотношение сил меняется. И вообще мы тут имеем только колебания более правильного вида, менее судорожные, менее стихийные: действие закона ценности приобретает более здоровый, более нормальный характер.

Что из всего этого следует? Если мы возьмем в докладе те места, где тов. Преображенский говорил об ограничении закона ценности на основе социалистического хозяйства, мы увидим, что везде, где он говорил о законе ценности, можно было поставить: „закон свободной игры спроса и предложения“. В чем дело? Мы видим, что т. Преображенский вместо „закона свободной игры спроса и предложения“ поставил „закон ценности“. Разве это одно и то же? Закон ценности не есть просто закон свободной игры спроса и предложения. Это только стихийная форма его проявления. Собственно, закон заключается отнюдь не в колебании, а в тенденции этих колебаний к определенной норме,—как, напр., и закон тяжести проявляется не в том, что подброшенный камень летит вверх, а в том, что движение замедляется и что затем камень летит вниз. Так и закон трудовой стоимости есть закон стремления к определенной норме, и при условиях, напр., неурожая мы имеем одно из предельных отклонений от него, но отнюдь не его господство. При условиях профсоюзного движения мы имеем более спокойное, более организованное проявление этого закона, т. е. я бы сказал, более полное и точное.

Возьмем теперь случай, который будет особенно иллюстративным, где, по словам т. Преображенского, закон ценности терпит ограничение в столкновении государственного хозяйства с частным хозяйством, тот случай, когда кустарь является поставщиком сырья. Предположим, что кустарь этот противостоит государству, как монопольному покупателю. И вот, говорит т. Преображенский, тут закон ценности терпит ограничение,—а затем поясняет, что, конечно, государство, учитывая, что это сырье и впредь будет нужно, даст ему возможность продолжать производство и даже выполнить расширение, какого требует государственное хозяйство. Означает ли это ограничение или нарушение закона ценности? Посмотрим. Закон ценности есть закон трудовой ценности. Что означает, что государство, монопольный покупатель, в своих собственных интересах дает кустарю возможность воспроизводства и притом расширения настолько, насколько государству это нужно? Это значит, что кустарь затратил некоторую сумму средств производства, условно назовем ее c , затратил свою рабочую силу, назовем ее v , не в смысле постоянного и переменного капитала, а в том смысле, что это известная сумма трудовых ценностей. Это $c + v$ государство возвращает с прибавкой на расширение производства, положим, в 10%; итого, следовательно, оно дает кустарю в обмен за его продукт сумму ценностей $c + v + \frac{c + v}{10}$. Теперь скажите,

какая, собственно, разница между этой величиной и трудовой ценностью продукта, которая есть $c + v + m$ (прибавочное время этого кустаря)? Разница имеется, но разница такого же типа и масштаба, какая имеется при продаже на капиталистическом рынке. Совершенно так же любое капиталистическое предприятие для того, чтобы находиться в равновесии с рынком, ведя воспроизводство в расширенном масштабе, должно получать в виде вознаграждения за свой продукт,—

конечно, при посредстве денег, но это для нашего вопроса не важно, — должно получать возможность воспроизводить свое $c + v$ плюс еще некоторую величину, которая определяется общим расширением хозяйства. Конечно, там это будет делаться путем колебаний, при чем, может быть, одни капиталисты разорятся, другие еще больше расширят свои предприятия. Но там стихийность, а здесь делает то же самое государство, оно вынуждено делать то же самое. (Дволайцкий с места: „В этом вся разница“). В этом вся разница. И это означает, что закон трудовой ценности здесь не только проводится, но проводится еще больше, чем при капиталистическом хозяйстве, а именно с возможной планомерностью. (Я должен оговориться: в наших планирующих органах стихия, может быть, оказывает тоже не меньшее действие; во тут мы исходим из предположения о планомерности). Во всяком случае здесь получается такая вещь: закон трудовой стоимости при капитализме есть закон, по которому распределение производственных элементов регулируется трудовыми затратами; и вот, в сущности, как раз этот же закон по необходимости проводится государственным хозяйством даже тогда, когда оно является монопольным покупателем, проводится по отношению к противостоящему индивидуальному хозяйству.

Теперь мы видим, в чем существенная разница с Марксом: у т. Преображенского исчез из закона ценности социально-трудовой момент. Он о нем не только не упомянул, но и не случайно. Он ему мешал. Почему? Вот почему. Потому что т. Преображенский выступил с определенным теоретическим предисловием, в котором гэворил: политическая экономия—это наука о капитализме, для социализма нужна другая наука, социальная технология какая-то, а сейчас переходный период, и ему нужна еще иная, переходная наука. Я не стою за политическую экономию, самое название этой науки буржуазно. Но если нужна новая наука, то еще более обобщающая наука. И если говорить о Марксе, то при его монистической тенденции такова была бы его точка зрения. (Тов. Преображенский: „Всеобщая организационная наука, он бы так и высказался“). Да, у Маркса много элементов организационной точки зрения. Впрочем, я Маркса защищать не берусь, ему теперь было бы 108 лет, я не знаю, что бы он теперь скавал, может быть он был бы согласен с т. Преображенским. Во всяком случае его нет и мы не можем спорить.

Дело в том, что если при капитализме стихийным регулятором являются трудовые затраты и если при переходной формации регулятором, в несколько более планомерной форме, являются трудовые затраты и при социализме регулятором должны явиться трудовые затраты, то разве вы не видите, что тут есть некоторая общая закономерность. Правда, при капитализме она имеет форму закона ценности, закона менового. (С места: „В этом вся разница“). Поистине, вы, товарищи, полемизируете, как талмудисты. Действие данного закона в одном случае осуществляется более стихийно, в другом—более планомерно, но это один и тот же закон, закон трудовых затрат, одно и то же соотношение. В таком случае мы должны изучать, как действует

Этот закон в его стихийной форме, как он действует в планомерной форме, можно установить разные моменты, и посвятить этому разные отдельные главы одной науки, но вы не можете из этого создавать отдельные науки. А когда нужно создавать отдельные науки, тогда оказывается, что закон трудовой ценности, как трудовой, забыт. Так он окончательно у т. Преображенского искажается.

Я приведу еще пример. Тов. Преображенский говорил, что мелкий товаропроизводитель не производит прибавочной ценности. Спрашивается: а прибавочный труд в хозяйстве мелкого производителя есть? (Тов. Преображенский: „Есть“). Прибавочный продукт есть? Прибавочный продукт идет на рынок? Идет. Как вы назовете ценность прибавочного продукта? (Тов. Преображенский: „Маркс называет—прибавочный продукт мелкого производства“). Товарищи, еще иллюстрация того, как т. Преображенский вынужден забывать о труде. Он говорит: при капитализме прибавочная ценность, при социализме—прибавочный продукт. Он не упомянул об одном маленьком звене—о прибавочном труде и здесь и там. Это звено у него исчезло, потому что оно общее для обоих случаев, а ему нужно, чтобы было другое. Это—то, что свойственно всякой вообще эпохе научной реакции (смех),—органическая ненависть к тому, чтобы не с разных точек зрения, а с точки зрения одних методов и оценок подходить к разным явлениям. В нашу эпоху происходит научная революция, которую знают естественники, но вы не знаете. Это—революция, которая превратила прежде отдельные науки, физику и химию, вместе с теорией строения материи в одну монистическую науку. И в то самое время, когда там происходит монизация науки в таком масштабе, у вас мы наблюдаем прямо противоположное этой тенденции в области общественознания.

Я должен сказать, что доклад т. Преображенского является важным шагом по пути этой научной реакции (смех), и его приветствую, как таковой. Потому что сначала покончили с историзмом Маркса и создали особую науку для каждой исторической формации, потом начинают кончать с социально-трудовым моментом марксизма, и скоро вам не о чем будет спорить с буржуазными экономистами. Пока я хочу обратить внимание на то, какое характерное название тов. Преображенский предложил для новой науки, которая будет при социализме вместо политической экономии. „Социальная технология“. Заметьте товарищи, что технология—наука прикладная, плюралистическая: нет одной всеобщей технологии, а есть технология волокнистых веществ, есть технология лесных материалов, технология нефтепродуктов и т. д. Много различных технологий. Вот что было особенно ценно тов. Преображенскому в этом названии „технология“. Тут обобщения не требуется и можно забыть об обобщающих моментах, в силу которых всякое хозяйство есть хозяйство, всякое производство есть производство и регулирующим моментом повсюду являются трудовые затраты. Стихийная или нестихийная форма осуществлений закона,—это не может служить основанием для разграничения по существу, потому что нет совершенно плановых форм регулирования, и даже в пределах всякого регулирования стихийный момент существует. Но такое

абсолютное разграничение особенно невозможно в ту эпоху, когда несомненно развертывается тенденция к объединению всего человеческого миропонимания в единую стройную систему, в это время создавать новые лишние границы между науками нельзя. А что касается Маркса, то т. Скворцов, сторонник точки зрения научно-исторического понимания политической экономии, приводил много текстов из Маркса, в которых определенно высказывается исторический взгляд на политическую экономию, и она определенно рассматривается, как наука, относящаяся к различным формациям. Этих текстов противники т. Скворцова даже не пытались объяснить. Но этого и не требовалось, потому что при наличии известного настроения можно действовать совершенно иначе. И так действует т. Преображенский. У него закон трудовой стоимости превратился в закон свободного спроса и предложения. Мы переживаем такую эпоху, когда марксизм, несомненно, испытывает церковное перерождение (смех). Это перерождение переживается всякой теорией, когда она завоевывает жизнь, но благодаря движению жизни становится недостаточной в той или иной степени. В этой фазе бывает вот что. Существуют еретики (я один из них). Еретики характеризуются тем, что говорят: „Вот учение. В этом учении вот с чем я не согласен“. Но существует много людей, которые всегда согласны со своим авторитетом; они его истолковывают, переделывают, и таким способом всегда окажутся с ним в согласии. Так поступают не еретики, а жрецы, так поступал и ваш учитель Плеханов. Когда ему не подошло одно положение Маркса, он в переводе в него вставил „не“ и так пользовался им в научной полемике. Это давно выяснено, это может вам рассказать т. Рязанов, который дал более точный перевод. Так и в данном случае поступают с Марксом; вот что сделали с его историзмом и начинают делать с социально-трудовым моментом его экономической концепции. Я это приветствую и потому, что если идет научная реакция, то всего лучше, чтобы она шла как можно скорее и решительнее.

Тов. Вайсберг. Товарищи, только что с этой трибуны Маркс был предыдущим оратором превращен не только в богдановца, но и в попа. Богданову прекрасно известно, что это неоригинально, это давно было сделано Петром Струве. И Струве усматривал в правильном применении марксистского метода не что иное, как средневековую поповщину. А оттого, что Богданов приписывает „поповщину“ современным не разделяющим его ошибок марксистам, он не становится большим марксистом, чем „сам“ Струве. Вообще полемизировать с Богдановым по части крючкотворства я здесь не собираюсь, потому что я хочу затронуть ряд других более интересных и важных в связи с обсуждаемой темой вопросов. Необходимо остановиться только на одном из затронутых Богдановым вопросов. Я имею в виду вопрос о предмете политической экономии. Спор с Богдановым — давнишний. И как тут ни показывай отдельные мест из Маркса, но все-таки тот труд, в котором Маркс формулировал законы политической экономии, носит название „Капитал“. Это название дано самим автором. И в трех томах „Капитала“ Маркс прослеживает, главным образом, специфические от-

личия капиталистического общества. Для Богданово-Степановского превращения политэкономии в „вечную“ науку Маркс не дает оснований. У них из-за такой своеобразной методологии в конечном счете исчезают специфические отличия капиталистической эпохи. Тут должны исчезнуть и специфические отличия переходного периода. Характерно, что те буржуазные и полубуржуазные профессора, которые орудуют в настоящее время у нас в Советском Союзе и которые стараются всячески свести на-нет социалистические тенденции нашего развития, замалчивают специфические отличия как капиталистического общества, так и специфические отличия нашего переходного периода. В общем и целом Богданов проделал ту же самую работу здесь. И, конечно, там, где есть плодотворная попытка, которая стремится открыть отличия специфического развития нашего хозяйства, нашего переходного периода, там Богданов может обнаружить только „реакционную науку“. Как вы знаете, товарищи, у нас в стране теперь „политическая реакция“, и в эту эпоху рождаются реакционные науки.

Я не скажу, что у т. Преображенского все непогрешимо: у него есть отдельные недостатки, но все-таки следует приветствовать то обстоятельство, что т. Преображенский взялся сформулировать то, что крайне необходимо сформулировать. Как-никак, у нас 8 лет переходного периода, и здесь накопилось чрезвычайно много интересного и поучительного, которое требует обобщения. Вот эту теоретическую попытку т. Преображенского следует всячески приветствовать.

Для того, чтобы говорить о законе стоимости в нашем хозяйстве, нужно раньше всего обратиться к тем условиям, в которых происходит диалектическое движение категорий стоимости. В виду почти полного отсутствия времени я постараюсь только схематически сформулировать некоторые положения. У нас, несомненно, начался процесс отмирания закона стоимости, но здесь нужно проследить целый ряд противоречивых моментов, в которых этот процесс протекает. Следует отметить основные линии противоречий. Одна линия противоречий имеется между тенденцией нашего государственного хозяйства и тенденцией развития мелкобуржуазной стихии внутри страны. Другая линия противоречий наблюдается между тенденцией нашего государственного хозяйства и мировым капитализмом. Третья линия проходит между государственным хозяйством в целом, которое выражает интересы пролетариата, как класса, как общественного целого, с одной стороны, и отдельными рабочими, рабочими индивидуумами,—с другой. Эту третью линию противоречий можно характеризовать, как борьбу внутри социалистического сектора нашего хозяйства, борьбу тенденций социалистического накопления с тенденциями социалистического потребления. По мере улучшения нашего хозяйственного положения, по мере продвижения вперед, мы обязаны, хотя бы в некоторой степени, улучшать материальное положение рабочих. У нас на деле это и проводится. Но поскольку пролетариат в целом заинтересован в том, чтобы определенный продукт был отделен на социалистическое накопление, постольку получается противоречие между государственно-пролетарским накоплением и индивидуально-пролетарским потреблением.

Совершенно особняком стоит внутри того же государственного сектора еще одна система противоречий, которую мы отметим к удовольствию Богданова; это противоречия чисто ведомственные. Да, имеется в некоторой степени ведомственная стихия. На это не следует закрывать глаза, и поскольку речь идет о нашем государственном социалистическом регулировании, следует прямо сказать, что тут имеются противоборствующие факторы. Ведомственные тенденции не играют у нас самостоятельной роли. Они являются отраженными, производными от ряда самостоятельных общественных факторов. На наши ведомства давит, с одной стороны, мелкобуржуазная стихия, а с другой, — организующее плановое начало.

Мы все эти противоречия должны иметь в виду; их следует изучать. В таких тисках у нас продвигается процесс отмирания капиталистических законов, но, учитывая эти противоречия, мы все-таки должны иметь в виду основное. В основном у нас переходный период, с преобладающими тенденциями социалистического развития. Эти последние тенденции и являются результатом преодоления противоречивых социальных тенденций. Главное и основное: в борьбе тенденций удельный вес и перевес (пока еще незначительный) — на стороне социалистических тенденций.

Маркс ничего не написал по этому поводу, или чрезвычайно мало написал, и приходится самим изучать тщательнейшим образом, на основе марксо-ленинского метода, весь наш 8-летний опыт. Но здесь надо оградить себя от некоторых ошибок, которые уже имели место. Так, когда т. Бухарин написал свою „Экономику переходного периода“, он, собственно говоря, что сделал? Он опыт одного отрезка нашего переходного периода — „военного коммунизма“ — попытался обобщить на весь переходный период. Мне думается, что и т. Преображенский в его статье „Основной закон социалистического накопления“ сделал такого же рода ошибку: он скопировал один отрезок — период наибольшего расхождения ножиц — и возвел это в принцип всей переходной эпохи.

Отсюда вывод: изучая движение логических категорий и противоречивые условия этого движения, необходимо обращать сугубое внимание на историческую ограниченность форм внутри самого переходного периода, который неоднороден и имеет свои специфические особенности на отдельных исторических этапах.

Историческая ограниченность отдельных этапов тесно связана с развитием нашей материальной базы производительных сил. Здесь нужно отметить три этапа: период разрушения производительных сил, период их восстановления и, наконец, период технической реконструкции.

По одному пути шло развитие в период разрушения производительных сил, от 1917 до 1921 г. Здесь были свои особые общественные отношения и условия развития категорий стоимости. Эти условия резко меняются в период восстановления производительных сил, с 1921 г. по 1926 г. Тут и иные производственные отношения, и иные пути развития и модификации стоимостных категорий.

Наконец, период реконструкции, у дверей которого мы находимся, должен выявить и новые условия для логических противоречий, в которых движется закон стоимости. Примерно, теперь мы говорим, главным образом, о торговой кооперации, а на основе реконструкции производительных сил города и деревни должна особо выступить роль производственной кооперации, должны особенно усилиться процессы обобществления. Тут должны наметиться существенно новые условия для закона стоимости и путей его преодоления.

Итак, те законы или гипотезы, которые мы можем выводить теперь, носят на себе печать исторической ограниченности. Они должны в будущем сильно модифицироваться под углом зрения новых „переходных“ же моментов. Можно и должно изучать закон стоимости в советском хозяйстве, но с точки зрения этапов внутри переходного периода. Необходимо логические категории вставлять в рамки исторической ограниченности эпохи и самого научного исследования.

Тов. Ноган. Товарищи, я считаю необходимым остановиться на самом центральном вопросе, который тов. Преображенский затронул в своем докладе, это на вопросе о регуляторах нашего хозяйства. Я считаю, что основная ошибка ряда товарищей, которые критиковали тов. Преображенского, заключается в том, что они недостаточно ясно себе представляют, что такое закон стоимости при капитализме и не понимают природы нашего хозяйства в СССР (с места: „Ничего не понимают“). Давайте вспомним этот закон стоимости. Закон стоимости по Марксу является не только законом меновых пропорций, но имеет еще качественную характеристику. Вам известно то место у Маркса, где он говорит о клеточке, что „форма стоимости есть форма экономической клеточки буржуазного общества“. Что выражает эта клеточка? Она выражает раздробленность т.е. частную собственность, отдельных товаропроизводителей. И вот эта самая клеточка как же она развивается в буржуазном обществе? Как закон стоимости развивается в этом обществе и как он видоизменяется? Тут товарищи выступали и говорили, что при монополизме закон стоимости искажается. Я скажу больше. Закон стоимости все время искажается и с развитием капитализма принимает различные формы. Я вам это докажу. Возьмите возникновение капитализма. Как он возник? Раньше закон стоимости был основан на связи средств производства с производителем. Происходит процесс первоначального капиталистического накопления. Это означает, что частная собственность превращается в капиталистическую собственность, т.е. средства производства принадлежат уже не тем, кто работает. Это—одно искажение, обмен между трудом и капиталом только по форме эквивалентен, а по существу нет, стало быть, мы видим, что в самом начале развития капитализма имеется некоторое искажение закона стоимости. Второй момент, когда капитализм становится на свои собственные ноги, когда он развивается и происходит процесс концентрации и централизации капитала. Что имеется там? Имеется обмен товаров по ценам производства, а не по стоимости—опять искажение закона стоимости. Движущей силой в развитии капитализма является прибыль, получающаяся в результате разницы между

индивидуальной и рыночной стоимостью, иначе говоря, капитализм движется опять-таки через стоимость. Наконец, возьмем период монополистического капитализма, там цена регулируется предприятиями, которые производят при наименее благоприятных условиях, а не средними издержками производства, так что закон стоимости еще сильнее искажается. Какой вывод из всего этого? Каков путь закона стоимости? Путь таков, что он сопровождает капитализм, все время видоизменяя свое содержание. Вот в чем заключается закон стоимости по Марксу. Закон стоимости нельзя рассматривать в статике. Он есть закон возникновения, развития и гибели капитализма. Теперь поставим вопрос, а как действует закон стоимости в нашем хозяйстве? Но предварительно нужно спросить, а какое наше хозяйство? Если товарищи, критикующие тов. Преображенского, говорили, что он не имел права разбить нашу систему на две части, так я скажу, что марксистски это правильно. Что является признаком, отличающим одну экономическую эпоху от другой? Признак связанности товаропроизводителя со средствами производства. Есть ли у нас единая система производственных отношений, которая проникает во все народное хозяйство, или такой единой системы нет? Конечно, нет. В городе, в городской промышленности,—одни производственные отношения, в деревне, в крестьянском хозяйстве,—другие. Поэтому методологически вполне правильно подойти к нашему хозяйству не как к единому целому. Маркс в введении к политической экономии говорит, что „рассматривая общество, как единую совокупность, значит рассматривать его умозрительно“. Нельзя рассматривать общество в целом, не разлагая на отдельные части. Теперь, как же у нас закон стоимости действует? Я думаю, что тов. Преображенский в своих тезисах не совсем ясно на это ответил. Нельзя говорить, что закон социалистического накопления только в промышленности, а закон стихийности только в деревне. Основной закон социалистического накопления проникает во все народное хозяйство, он есть ведущее начало, которое движет хозяйство к социализму. Это идет от промышленности, от города. Наоборот, закон стихийности не есть только в деревне. Основа его в деревне, но он проникает и в промышленность. Тут товарищи говорили о том, что мы, устанавливая цены, считаемся с рынком. Равне тов. Преображенский это отрицает? Не в этом дело. Борьба закона стоимости с законом социалистического накопления—это борьба двух систем, отмирающей и нарождающейся.

Закону социалистического накопления в тенденции принадлежит будущее. Он является прогрессивным законом, ведущим хозяйство к социализму. Вот почему не мешало бы сказать, что у нас, в нашем хозяйстве, есть один основной закон, который ведет хозяйство, но который имеет противодействующую тенденцию в виде стихийности, так же как Маркс говорит о противодействующих тенденциях при падении нормы прибыли и т. д.

И считаю неправильными все те аналогии монополистического капитализма с нашим советским хозяйством, которые были сделаны некоторыми товарищами. Тут в особенности тов. Розенберг выяснил этот вопрос.

Он говорит, что закон стоимости не действует не потому, что у нас социализм, а потому, что у нас вообще крупный трест. Тут еще тов. Литвинов выступал с крупным трестом. Я считаю, что таких аналогий не нужно делать, потому что при монополистическом капитализме основным двигателем является прибыль, там производство имеет совершенно иную цель (даже если представить себе теоретически,—хотя это и теоретически неверно, потому, что это значит игнорировать классовую борьбу,—что может быть трест трестов). Закон стоимости при монополистическом капитализме в основном, как выражение факта частной собственности, разве он отрицается? Нет. Там отрицается количественная сторона закона, но не качественная сторона. Там наоборот закон стоимости доходит до высшей точки, т.-е. когда собственность отделяется от функции производителя, именно собственность выступает в самой оголенной форме. Разве можно сказать, что у нас действует закон стоимости именно по аналогии с этим монополистическим капитализмом? Я считаю, что это неправильно. Тов. Мотылев в прошлый раз, критикуя тов. Преображенского, говорил: Я ему тогда сказал, предупреждал и т. д. Может быть, это хороший метод полемики по форме. Но я захватил с собой пару цитат, где изложено, как он понимает наше хозяйство. И сразу видно, где корень, почему он сердится на тов. Преображенского. В дискуссии с тов. Преображенским о программе по политэкономии тов. Мотылев, приводя выдержку из брошюры Ленина „О продналоге“, делает следующий вывод.

„В этой брошюре Ленин чрезвычайно ясно и определенно формулирует ту точку зрения, что экономика переходного времени есть экономика, которую он считает целесообразным назвать экономикой государственного капитализма под властью пролетариата... Тов. Ленин продолжал утверждать, что наша система хозяйства представляет собой систему, которая наиболее близка к государственному капитализму с той разницей, что во главе стоит иной класс“.

Вряд ли он так сказал бы теперь после постановления XIV партийного съезда.

И далее... „Не только связь между промышленностью и крестьянским хозяйством, но и связь между отраслями промышленности налаживается при посредстве обмена... Если считать, что товарно-меновая форма является формой, а не существом, тогда нечего изучать и экономику переходного времени“, и т. д.

Видите, он считает, что даже внутри нашей промышленности, даже там, где обмен не выражает факта частной собственности, даже там он считает, что обмен есть не только форма, а и существо. С этой точки зрения можно быть недовольным точкой зрения тов. Преображенского, который считает, что в социалистическом секторе нашего хозяйства обмен является только формой, а не существом. Основной вывод таков, что то понимание, которое развивает тов. Преображенский в смысле борьбы двух законов, т.-е. борьба двух систем хозяйства,—это вполне правильно. Но если спросить, какой закон в настоящий момент имеет больший вес, то тут возможны два подхода. Если чисто арифметически подходить к вопросу, с точки зрения продукции кре-

стьянского хозяйства, то мелкобуржуазная стихия преобладает. Но если подойти к вопросу с точки зрения тенденции развития, качества, тогда мы скажем, что основным законом является закон социалистического накопления, который видоизменяется, пользуется законом стоимости, как формой. И видоизменяется вследствие этого тенденция другого закона, который идет из крестьянского хозяйства. Закон социалистического накопления до поры до времени в известной мере содействует развитию закона стоимости. В этом и заключаются диалектические противоречия переходного периода, что социализм развивается, используя в известной мере законы товарного хозяйства.

Тов. Крицман. Товарищи, можно было бы сказать, что мы уже 8 лет живем в переходном периоде. Однако тот переходный период, в котором мы живем теперь, не насчитывает еще 8 лет, ибо несомненно, что до него несколько лет существовал другой переходный период (чем тот, который мы сейчас переживаем, другой по господствовавшим в нем законам). Первод гражданской войны 1918, 1919 в 1920 г.г. характеризуется, конечно, другими специфическими формами, в которых протекала наша хозяйственная жизнь, подчинявшаяся иным специфическим законам.

Но как бы то ни было, прошло уже несколько лет, как мы вступили в тот переходный период, который мы называем периодом новой экономической политики. Естественно поэтому желание формулировать закономерности этого периода, формулировать именно теоретическую сторону дела.

Плодотворная теоретическая формулировка и в этом случае, как и во всех других, требует проработки большого конкретного материала. Я не уверен, насколько уже сейчас налицо давные для окончательных выводов в этой области. Но во всяком случае большой заслугой докладчика является уже то, что он такую попытку делает и делает несомненно на основании привлеченного (хотя, быть может, еще не в достаточной мере—для отдельного человека это слишком трудная задача) конкретного материала. Должен подчеркнуть то обстоятельство, что эта сторона дела (привлечение конкретного материала) в известном смысле преобладает в докладе т. Преображенского над чисто теоретической стороной дела. Я не считаю это недостатком, так как перед нами первый шаг, который, несомненно, представляет из себя этап коллективной работы и толчок к ней. Если попытаться формулировать содержание доклада, то мы найдем, что в нем после некоторых предварительных замечаний общего характера сделана попытка пересмотреть формы проявления различных категорий капиталистического общества в нашей действительности. В частности, по отношению к самой общей категории, категории ценности, дана даже довольно подробная классификация тех различных сфер, в которых проявляется или в которых нужно искать проявления действия закона ценности. В основу этой классификации т. Преображенский положил, с одной стороны, факт существования двух хозяйственных форм, государственного пролетарского хозяйства и хозяйства частного, и, с другой стороны, различение того, в каком качестве выступает то и другое хозяйство, как покупатель или как

продавец, и при этом монопольно ли или как конкурент (т.-е. на ряду с другими) или вовсе не выступает. Абстрактно говоря, здесь можно получить 9 различных форм, большинство из которых докладчик подверг исследованию ¹⁾.

Но это, по-моему, только начало подхода к разрешению вопроса, ибо дальше встает другой вопрос, вопрос, на котором останавливались некоторые из выступавших ораторов, вопрос о характеристике нашей хозяйственной системы в целом. Я думаю, что это—основной вопрос, ответ на которой нам в этом докладе еще не дан. Основным он, по моему мнению, является вот почему. Мы все знаем, что основной лозунг, который был выдвинут нашей партией с момента перехода к новой экономической политике, лозунг, выдвинутый Владимиром Ильичем, это—лозунг смычки. Лозунг этот не только лозунг политический, но и экономический, пожалуй, в первую голову экономический. И лозунг этот выдвинут не случайно. Не случайно потому, что предшествующая эпоха, эпоха гражданской войны, характеризовалась как раз хозяйственной размычкой. Т.-е. у нас в эпоху гражданской войны существовали две обособленные (конечно, не до конца, но весьма значительно обособленные) хозяйственные системы. Одна система государственного хозяйства, легальная, другая система частного хозяйства, подпольная, вольный рынок, который в значительной части захватывал именно крестьянское хозяйство. Связь между этими системами, конечно, существовала, но именно недостаточность этой связи, различие структур обеих этих хозяйственных систем и составляет содержание той хозяйственной размычки, которая существовала в эпоху гражданской войны и которая получила свое диалектическое выражение в лозунге „смычка“. И лозунг этот не остался простым лозунгом, а перешел в реальный процесс, который идет вперед. Смычка растет чем дальше, тем больше, а это означает, что на месте двух более или менее обособленных систем теперь складывается и уже существует какая-то одна система, хотя и состоящая из разных частей, но характеризующаяся значительной связью этих частей друг с другом. Поэтому-то и встает теоретический вопрос о характеристике этой системы, как таковой. Вопрос—необычайно трудный, и я его, разумеется, разрешить здесь не берусь. Я хотел бы только сделать несколько беглых замечаний на эту тему.

¹⁾ А именно: папр., государственное пролетарское хозяйство выступает в разных случаях:

	как продавец	как покупатель
1.	монопольно	монопольно
2.	монопольно	как конкурент
3.	монопольно	не выступает
4.	как конкурент	монопольно
5.	как конкурент	как конкурент
6.	как конкурент	не выступает
7.	не выступает	монопольно
8.	не выступает	как конкурент
9.	не выступает	не выступает

Вопросы, встающие перед многими и являющиеся большими вопросами потому, что они имеют ближайшее отношение к тому соотношению классов, которое у нас складывается, это в первую голову—вопросы характеристики нашего государственного хозяйства. Я полагаю, что в этом вопросе докладчик стоит на той точке зрения, которую и я разделяю, а именно—что наше государственное хозяйство не есть хозяйство капиталистическое, что оно характеризуется в основном уничтожением той противоположности между средствами производства и рабочей силой, которое характерно для капиталистического хозяйства. Разаумеется, у нас еще имеются известные остатки этого противопоставления, и на них т. Преображенский указывал: скажем, тот факт, что известная часть создаваемой в государственном хозяйстве ценности перепадает в процессе ее реализации в руки частного капитала. Она попадает в эти же руки и иными не столь легальными путями: путем подкупа наших государственных и общественных служащих, их хищений и т. п. В этом пункте мы подходим к вопросам о наличии еще непреодолимых монополий, напр., монополии знания (специалисты), о бюрократизме нашего государственного и общественного аппарата, о котором Владимир Ильич отозвался не слишком лестно, и который заставил его характеризовать наш строй, как диктатуру пролетариата с бюрократическим извращением. Словом, здесь есть известные ограничения. Но основной характер нашей промышленности, находящейся в руках пролетарского государства, состоит именно в уничтожении той противоположности между средствами производства и рабочей силой, которая является основной характеристикой капиталистического строя. И тут я должен подчеркнуть, что именно уничтожение этой противоположности, синтез рабочей силы и средств производства в общественном масштабе влекут за собой дальнейшее следствие, которое мне кажется необычайно важным для понимания природы нашего государственного хозяйства и всего нашего хозяйства в целом. Вместе с этим уничтожением отпадает (как тенденция, разумеется, а не как имеющийся сегодня налицо факт) то пролетарское состояние масс, которое по Марксу является глубокой причиной хозяйственных кризисов. У нас жизненный уровень рабочих еще даже в среднем несколько ниже довоенного, но он непрерывно подымается. И это, несомненно, есть тенденция всего нашего строя, тенденция, которая сказывается во всем его развитии, которая радикальным образом меняет характер всей хозяйственной системы. Я не могу сейчас на этом вопросе останавливаться, но я хотел бы на него указать и подчеркнуть его фундаментальное значение.

Но если по вопросу о капиталистическом или некапиталистическом характере основной господствующей у нас хозяйственной формации, мне кажется, особых споров нет, то вопрос об общем характере нашей системы, о том, в какой мере и в каком отношении в ней господствуют или не господствуют товарные отношения, этот вопрос, мне кажется, больше всего подлежит выяснению.

У тов. Преображенского была, по моему мнению, в разных местах его доклада (на что указывал т. Дволайцкий) переоценка планового характера нашего государственного хозяйства и значения плановости в общей системе нашего хозяйства. Так, напр., по отношению к тем отраслям крестьянского хозяйства, которые производят сырье для государственной промышленности (беру, как пример), докладчик представляет себе дело таким образом, что в известных пределах установление цен зависит здесь односторонне от нашей воли, и следовательно, в известных пределах, односторонне устанавливаются и взаимоотношения между крестьянским хозяйством и государственным хозяйством. Он формулировал дело так, что здесь есть максимум и минимум, в пределах которых господствует наша воля. Максимум, это—цены мирового рынка; если цены внутри будут выше, мы будем покупать за границей. Минимум—выгодность данной отрасли сельского хозяйства по сравнению с другими.

Однако такая постановка вопроса недостаточна. В самом деле, если мы возьмем для примера хлопок, здесь минимумом является, по т. Преображенскому, такая цена хлопка, при которой он становится менее выгодным, чем, напр., хлеб. Возьмем далее лен, вообще другие технические культуры. И теперь поставим перед собой вопрос, а как будет обстоять дело, если мы возьмем все культуры вместе. Тогда станет ясно, что минимум определяется не только отношением к другим культурам. Если бы мы стали понижать цены попеременно на хлопок, лен и т. д., словом на все культуры, могли ли бы мы понижать их каждый раз до нового минимума? Нет, мы бы натолкнулись на вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством, который в докладе не был достаточно выдвинут. Это вовсе не чисто политический вопрос. И здесь, мне кажется, возможно экономическое объяснение, ибо тот факт, что основная масса крестьянства постоянно ставит вопрос о жизненном уровне пролетариата, скрывает в себе основную экономическую характеристику отношений пролетариата и основной массы крестьянства. Жизненный уровень основной массы крестьянства и жизненный уровень неквалифицированной части пролетариата, это и есть тот общий минимум, о котором шла выше речь, и, мне кажется, именно в этом направлении нужно искать этот общий минимум, который, с одной стороны, экономически определяет взаимоотношения пролетариата и основной массы крестьянства и определяет их по-иному, чем представлял докладчик, а с другой стороны, политически получает свое выражение в союзе пролетариата и основной массы крестьянства.

В связи с вопросом о характере всей системы наших хозяйственных отношений, я хотел бы сказать несколько слов по поводу выступления Ал. Ал. Богданова. У Маркса в 3 томе имеется такое заявление: „По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости по-прежнему продолжает господствовать в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, бухгалтерия становятся важней,

чем когда бы то ни было". В приведенной цитате Маркс говорит о том, что закон стоимости в капиталистическом обществе имеет некоторую подоснову более общего характера. Но характерным, специфическим является то, что он проявляется не непосредственно, а в отклонениях, т.-е. лежащая под ним подоснова его проявляется стихийно и непоследовательно, чего при организованном хозяйстве не будет. И вот это-то основное фундаментальное различие товарного и планового хозяйства при той трактовке, с которой выступил Ал. Ал. Богданов, отпадает. Ведь чем характеризуется различие двух громадных эпох в жизни человечества, эпохи социалистической и предшествующей ей эпохи товарного хозяйства, включая капиталистическую? Оно как раз характеризуется тем, что известное естественное соотношение, известная необходимость для общественного человека один раз, в один период проявляется непосредственно, а в другой раз, в другой период только через отклонения от этой необходимости, отклонения, друг друга взаимно погашающие, но за счет громадной растраты производственных сил.

Возвращаясь к вопросу о характеристике всей нашей хозяйственной системы в целом, я хочу напомнить, что Маркс различал в коммунистическом обществе, как известно, две фазы, две эпохи, при чем для первой фазы он предусматривает господство буржуазного права в области распределения, т.-е. наличие определенных установленных соотношений между затратай рабочей силы и тем, что работник получает. Мы здесь имеем, следовательно, в сфере рабочей силы и в сфере средств потребления, некий остаток товарных отношений, потому что буржуазное право есть только выражение известных экономических отношений. Итак, и в первой фазе коммунистического общества еще сохраняется известный остаток товарных отношений. Но социалистическое хозяйство характеризуется тем, что заранее составляется определенный план, определенное расписание, что производство идет в течение определенного отрезка по этому расписанию и что, если это расписание в каких-либо отношениях не выполнено, то, если образуются избытки, эти избытки накаплиются в качестве запаса (а если образуются недостатки, их восполняют из резервных фондов). На следующий хозяйственный период производится изменение хозяйственного плана с учетом образовавшихся (или уменьшившихся) запасов. Так, например, можно представить себе схематически хозяйство социалистического общества. При господстве товарных отношений образующиеся избытки стихийно нарушают весь ход производства, ведут к таким колебаниям и расстройствам его, которые мы навываем анархией производства. Для того, чтобы такая анархия производства имелась налицо, необходимы следующие предпосылки: во-первых, наличие не единой, а множества определенных хозяйственных единиц, множества хозяйственных ячеек. Если существует одна только хозяйственная ячейка, которая живет по определенному плану, тогда, разумеется, анархия в этом смысле невозможна. Необходимо, следовательно, чтобы налицо была множественность этих хозяйственных ячеек. Это раз. И далее, для того, чтобы мы

имели перед собой товарное общество, для этого необходима не только множественность этих ячеек, но необходимо и то, чтобы они существовали, как говорят у нас, „на основах хозяйственного расчета“, т.-е. чтобы каждое получение извне от других ячеек соответствовало определенной отдаче, чтобы налицо было отношение эквивалентности или аналогичное ему. Я должен подчеркнуть то обстоятельство, что эти две предпосылки отнюдь не совпадают. Если существует товарное общество, безусловно должна существовать множественность хозяйственных единиц, но не наоборот. Вполне возможно, чтобы существовала множественность хозяйственных единиц, а товарного общества не было. Этот случай был у нас осуществлен в эпоху гражданской войны, когда мы не имели единой организации с единым планом. Не было тогда и органов общего хозяйственного плана: Госплан, СТО в его нынешнем виде возникли позже. В 1921 г. у нас не было единого плана, была налицо множественность хозяйствующих органов, но, с другой стороны, мы не имели в государственном хозяйстве товарных отношений, наше государственное хозяйство не было товарным хозяйством, оно было, по предложенной мной терминологии, натурально-анархическим хозяйством. Итак, в этом случае мы имеем натуральное хозяйство и анархию, но анархию не товарного типа.

Если же у нас налицо множественность хозяйственных органов и отношения „хозяйственного расчета“, отношения обязательного соответственного получения за каждую отдачу (происходит ли это в форме непосредственного товарообмена или через деньги, это — вопрос второстепенный), тогда мы имеем в основном перед собой хозяйство товарное. Оно перестанет быть товарным с того момента, когда реально будет осуществлен общий хозяйственный план, который наперед предписывает, что должно делаться, и который, невзирая на возможные известные несоответствия общественного производства и общественного потребления, ведущие лишь к возрастанию или сокращению запасов, т.-е. невзирая на возможные известные несовершенства плана, осуществляется в течение известного периода, после которого сознательно изменяется. Ибо вне этого условия становится невозможным расчет хозяйства (т.-е. производства и потребления) в общественном масштабе.

Вопрос о том, что же за хозяйственная система существует у нас, нужно, мне кажется, разделить на два вопроса. Вопрос может быть поставлен статически — о том, что есть в настоящий момент, и динамически, — к чему мы идем.

Статически дело обстоит так, что у нас, насколько я знаю, еще не было случая, чтобы мы смогли в течение определенного периода провести общехозяйственный план, напр., план, который базировался бы на контрольных цифрах Госплана. Особенно ярко этот факт выступает сейчас в области строительства. Плана строительства, как заявили на недавнем съезде союза строительных рабочих, не существует. Программа строительства не согласована с программой отраслей, выработывающих строительные материалы. Сходные факты можно наблюдать повсюду.

Что же касается динамики, то положение можно формулировать таким образом, что мы идем к созданию планомерного хозяйства. Насколько мы далеко в этом отношении продвинулись, я сейчас судить не берусь. Деятельность нашего Госплана есть деятельность по созданию известных материальных, организационных и иных предпосылок для осуществления планомерного хозяйства, потому что пока не существовало органа, который хотя бы материалы для этого плана собирал, проекты бы составлял, методы построения плана вырабатывал, до того времени не могло быть и планомерного хозяйства. Теперь этот орган существует, работает, совершенствуется. Мы—в процессе подготовки к тем формам хозяйства, которые характеризуют социалистическую хозяйственную систему. Тем не менее пока основными, по моему мнению, являются товарные формы, в пользу этого говорят и факт существования наших предприятий „на основах хозяйственного расчета“, т. е. эквивалентного расчета или ему аналогичного, и факт существования денег, которые, конечно, не являются, как один из ораторов здесь выразился, просто талонами, и целый ряд других фактов. И мне кажется, что здесь у докладчика, когда он формулировал дело так, что у нас в такой-то и такой-то отрасли на 80% социалистическое плановое хозяйство, а в такой-то и такой-то отрасли, наоборот, лишь на 20%, то здесь он недостаточно оценивает характер всей нашей системы в целом, в ее нынешнем виде, хотя, если рассматривать вопрос со стороны динамики, мы идем к тому, чтобы создать социалистическое плановое хозяйство. Все элементы планового хозяйства у нас складываются.

Та смычка, экономически — между мелким частным хозяйством и крупным государственным хозяйством, а политически — между пролетариатом и основной массой крестьянства, которая является основным мотивом переживаемой нами эпохи новой экономической политики, смычка эта, вообще говоря, была бы абстрактно возможна не только на основе товарных методов. При наличии высокого развития производительных сил можно себе представить и иное положение вещей, тот строй, который Владимир Ильич, повидимому, мыслил, когда говорил об итогах нашей кооперативной работы, когда мы объединим всю массу населения в кооперации. Тогда эти взаимоотношения могут сложиться по иному типу, скажем, по тому типу, который Владимир Ильич выдвигал, когда говорил о продуктообмене в противоположность товарообмену, или по тому, когда говорил о свободе торговли в пределах местного оборота, и т. д. Но при слабости нашего государственного хозяйства в момент перехода к новой экономической политике эти отношения сложились у нас на той основе, что общими формами, объединяющими и крупное государственное хозяйство и мелкое частное хозяйство, являются отношения товарные. Мне кажется, что это обстоятельство не учтено в достаточной мере в докладе тов. Преображенского. А между тем эти отношения налицо и сказываются в очень многих фактах.

Возьмем следующий пример. Тов. Преображенский говорит: „Сознание тарифников является полем битвы между законом ценности

и законом первоначального социалистического накопления". А я спросил бы: а сознание наших плановиков, что оно из себя представляет в настоящий момент? Проявляется ли там только так наз. закон первоначального социалистического накопления, или оно есть также поле битвы? Я думаю, что и оно тоже представляет собой поле битвы. (Тов. Преображенский: „Очень много стихии в мыслях“; аплодисменты). Прекрасно. Но так как вы не стоите на точке зрения идеализма, то значит эта стихия в мыслях у наших плановиков имеет свой материальный эквивалент и, как нетрудно догадаться, в той же стихии товарных отношений.

Но пойдём дальше. Другой пример — зарплата. О ней тов. Преображенский говорил, что зарплата, это — как раз тот момент, где мы вырвались в значительной мере из-под действия закона ценности. Я думаю, что в этом утверждении есть правильное зерно истины, поскольку, как я уже отметил, мы впервые вырвались из-под власти капиталистического закона потребления масс и идем по пути подвятия их жизненного уровня. И однако товарные отношения, несомненно, с необычайной силой действуют и в этой области. Как иначе объяснить громадную разницу в заработной плате рабочих легкой и тяжелой индустрии? Что это, как не проявление того же самого закона ценности, потому что с иной точки зрения эту разницу понять невозможно. Здесь, несомненно, проявляется закон ценности. То, что наши горняки или металлисты получают мало, а табачники и кондитеры получают много, нельзя объяснить ни с точки зрения планового хозяйства, ни с точки зрения так наз. закона первоначального социалистического накопления, ни с иных точек зрения, кроме точки зрения товарных отношений. И мне кажется, что такое отождествление государственного хозяйства с плановым хозяйством, которое слышалось в докладе тов. Преображенского, еще преждевременно. Наше государственное хозяйство еще ни в какой мере с плановым хозяйством отождествлять не приходится.

Тов. Боролин. Товарищи, мне думается, что для теоретической постановки проблем обмена, стоимости, цены в нашем хозяйстве и вообще в экономике переходного периода необходимо исходить из ряда моментов. Прежде всего из того опыта, который нам дает эпоха монополистического и государственно-монополистического капитализма. Несомненно, что эта эпоха создает экономические предпосылки регулирования, той борьбы с рыночной стихией, которую мы сейчас проводим. Несомненно, что аналогия с этой эпохой и с закономерностями, которые господствуют там, вполне целесообразна, правомерна. Конечно, в том случае, если эта аналогия делается таким образом, что делающий ее понимает и видит глубоко все различия, которые есть между одной и другой эпохой. Мы должны исходить еще и из того теоретического наследия, которое оставил в этом отношении т. Ленин по вопросу понимания экономики эпохи, предшествующей экономике переходного периода.

Наконец, мы имеем наш опыт, опыт строительства социалистического хозяйства, получивший соответствующее теоретическое выражение у т. Ленина, который дает, несомненно, ряд отправных пунктов при

теоретической постановке проблемы. Для того, чтобы такая постановка действительно была правильной,—для меня лично совершенно ясно,—охват всего этого материала, глубокая теоретическая проработка опыта, который накопился в этом отношении в эпоху монополистического капитализма и у нас, необходимы.

Если подойти с такой точки зрения, доклад т. Преображенского представляет собой лишь первую попытку, и он, именно, как первая попытка,—особенно ценен. Но уже из одного беглого просмотра тезисов доклада т. Преображенского, который каждый может сделать, совершенно ясно видно, что мы имеем только самую общую, далеко не конкретную постановку этой теоретической проблемы.

По существу дела, мы имеем один основной тезис у т. Преображенского. Тов. Крицман был совершенно прав, когда говорил, что т. Преображенский в настоящей работе разбирает экономические категории в нашей переходной эпохе, как они видоизменяются, и основной тезис доклада заключается в том, что мы имеем отмирание категорий стихийного товарнокапиталистического хозяйства. Но среди большевиков-марксистов знакомых с вопросами теоретической экономики, не может, конечно, оказаться ни одного такого, который не понимал бы того самоочевидного факта, что категория стоимости, закон стоимости отмирает в нашу эпоху. Это настолько самоочевидно, что доказательства не требует. Не в этом суть проблемы, которую нужно поставить для экономики переходного периода. Суть проблемы гораздо сложнее: она заключается в том, как это отмирание категории стоимости, как отмирание категории цены в наших условиях происходят.

Я говорю, отправным пунктом можно взять монополистический капитализм, государство монополистического капитализма. Здесь необходимо сравнение законов монопольных цен, которые действуют в условиях монополистического капитализма, с законами нашей „социалистической цены“, которая устанавливается в нашем хозяйстве. В чем сходство? Несомненно в том, что и здесь и там имеется монопольная трестобразная организация. Но мы имеем здесь не только простое сходство, мы имеем и глубокое различие. Мне кажется, что у т. Преображенского не проведено такого глубокого различия между господством монопольных цены в условиях капиталистического хозяйства и господством нашей „социалистической цены“. Прежде всего принципиальное различие заключается в том, что, в то время как в условиях монополистического капитализма все же господствует закон стоимости, все же монополистический капитализм существует на базе частной собственности, на базе анархии, ибо ни одному государству не удалось и не может удасться в условиях капитализма уничтожить анархию и частную собственность,—в то же самое время экономика переходного периода в своей тенденции развития предполагает ликвидацию этой базы. И в этом смысле мы имеем качественный переход. При монопольных ценах не достигнуто господство над законом ценности. В тенденции та цена, которая устанавливается нашими планирующими органами, это—господство над законом ценности.

Далее, если возьмем монополистическое регулирование цен в условиях монополистического капитализма, мы видим, что противоречия между отдельными отраслями капиталистического производства сохраняются, даже более, обостряются. Эти диспропорции постоянно выражаются в кризисах, которые приходится переживать монополистическому капитализму. В этом выражается господство закона ценности. Даже больше того. Самое господство монополярной цены, в условиях монополистического капитализма, означает глубокое нарушение пропорций между отдельными отраслями производства. Как у нас в этом отношении обстоит дело? Само собой разумеется, что при господстве плановой „социалистической цены“ мы не можем представить себе такую диспропорцию, кризис, которые вытекают из этого (хотя на практике кризисы неизбежны, пока еще нет господства социалистической цены). Мы ставим вопрос теоретически для всей экономики переходного периода. В этом отношении имеется принципиальное большое различие.

Анализ монополярной цены при капитализме показывает и неизбежность установления определенных отношений между монополизированной частью капиталистического хозяйства и немонополизированной, между передовой частью капиталистического хозяйства и отсталыми формами хозяйства. Диспропорция между этими областями капиталистического хозяйства означает эксплуатацию монополистической частью хозяйства немонополистической. Как обстоит дело у нас в этом отношении? Трудно представить себе, чтобы в хозяйстве, где господствует пролетариат, где самой важной задачей является организация социалистического хозяйства, цена была основана именно на началах монополярной цены, эксплуатации передовыми формами отсталых форм хозяйства. Ведь прибыль не является регулятором нашей „социалистической цены“. Если монополия в условиях капиталистического хозяйства создается ради прибыли, накопления, то у нас этого нет и быть не может, ибо основным принципом регулирования для нашего социалистического планового хозяйства не может быть получение прибыли, накопление ради накопления. Не закон такого накопления является для нас самоцелью, для нас, наоборот, самоцелью является организация социалистического хозяйства. В этом отношении имеется глубокое принципиальное различие между одной и другой формами хозяйства.

Товарищи, доклад тов. Преображенского имеет те недостатки, что вопросы ценообразования, господства цены в наших условиях, упразднения закона стоимости не разобраны в конкретной постановке, которая нужна. Общая постановка недостаточна. Слишком ясно, что закон ценности отмирает в наших условиях. Но, поскольку эта общая постановка характерна для доклада тов. Преображенского, нужно сказать, что основной тезис доклада — малоудовлетворителен. Ибо что значит „борьба“ социалистического накопления с законом ценности? Трудно конкретно представить, в чем заключается „борьба“. Можно представить борьбу социалистического накопления с накоплением капиталистическим. Здесь действительно фронт открытой борьбы. Но как может социалистическое накопление „бороться“ с законом ценности? Почему

оно не может совершаться на основании закона ценности при постепенном овладении им? Как мыслится „борьба“ с законом ценности докладчиком? Если это борьба со стихийностью, то это совершенно бесспорно, но если это борьба против эквивалентного обмена,—это другое. Я утверждаю, что если это второе разумеет тов. Преображенский, то это неверно, не соответствует принципиальной сути тех законов, которые мы устанавливаем, которые характерны для нашей экономики советского хозяйства, которые глубоко отличают эту экономику от экономики капиталистического периода.

Заключительное слово тов. Преображенского

Товарищи, по моему докладу высказалось 24 оратора. Вы хорошо понимаете, что я ни в коем случае не могу ответить всем высказавшимся ораторам и даже и не смогу ответить всем тем, которые говорили что-либо, заслуживающее ответа, заслуживающее обсуждения в дальнейшей дискуссии. Мне придется, следовательно, очень сжать мой ответ и держаться того времени, которое мы на это дело ассигновали в президиуме.

Я, товарищи, выслушал здесь несколько замечаний, имеющих политический характер. Мой доклад не является докладом политическим, а научно-теоретическим. Поэтому я с теми товарищами, которые сделали политические вылазки, боя в этой аудитории принимать не намерен. Я только хочу сделать два замечания по поводу выступлений т. т. Стецкого и Пашуканиса. Т. Пашуканис здесь припомнил 1923 год и установил связь на протяжении нескольких фраз между теперешней моей позицией и позицией 1923 г. Он сказал, что моя позиция не сделалась правильнее потому, что я выступаю не против т. Сокольникова, стоящего во главе Наркомфина, а против т. Сокольников—оппозиционера. Я должен заметить т. Пашуканису, что я не принадлежу к числу тех людей, которые систематически и всегда выступают только против меньшинства. (Аплодисменты). Я вообще не понимаю, зачем эта вылазка была сделана. Т. Пашуканис прекрасно знает, что я не могу ему отвечать на данном собрании потому, что пришлось бы развертывать дискуссию во-всю и подробно касаться всех вопросов, которые он задел мельком. Но, если мы этого не можем сделать, тогда зачем же это выступление? Кому оно было адресовано? Если не этой аудитории и не мне, то, очевидно, было адресовано в какое-то другое место. А поскольку оно было адресовано в другое место, пусть туда и идет, я не буду на нем останавливаться. Теперь по поводу выступления т. Стецкого. После того, как я сказал, что мой настоящий доклад имеет связь с напечатанной статьей „О социалистическом накоплении“, т. Стецкий усиленно рекомендовал прочесть ответ т. Бухарина на эту статью. Я также рекомендую тем, кто не читал, прочесть и мою статью, и ответ т. Бухарина, и мой ответ т. Бухарину, и вообще всю литературу, которая связана с этим вопросом. (Смех). Т. Стецкий хотел, очевидно, сказать, что если раз когда-то полтора года назад т. Бухарин ответил мне, то этим

все дело кончилось. Нет, история судит иначе. Можно, конечно, сделать ссылку на написанную статью, но история решает вопросы независимо от ссылок на те статьи, которые были написаны, а по существу. По существу вопрос был поставлен (помимо теоретической стороны, к которой я ниже вернусь), если говорить о политической постановке, так: своевременно или несвоевременно была тогда мной выдвинута проблема социалистического накопления. На этот вопрос отвечает нам сегодня товарный голод. Тот, кто не понимает, что товарный голод— это есть ответ на тогдашний спор, тот ничего не понимает. А тот, кто понимает, но из политических соображений не говорит, в чью пользу этот спор кончился, с тем в теоретической области дискуссия невозможна.

Теперь, товарищи, разрешите перейти к существу вопроса, т.е. к чисто теоретической его постановке.

Я должен сказать, что прения наши были весьма содержательны, хотя, конечно, разнообразны, и затронули много проблем, которые несколько отклоняют нас от темы. Я здесь остановлюсь на самых основных проблемах, а после этого перейду к отдельным ораторам, чтобы сделать отдельные замечания по наиболее важным вопросам.

Начну с метода исследования советского хозяйства. Тов. Кон, выступавший по этому вопросу, был совершенно прав, когда говорил, что, поскольку в нашем хозяйстве начинает играть роль плановое начало, постольку и самый метод исследования нашего хозяйства, или вернее, не метод, а методологические приемы исследования должны естественно измениться. Это заявление, которое он здесь сделал, которое напечатано в его программе политической экономии, я считаю совершенно правильным. Т. Кон понимает необходимость изменения приемов научного исследования, поскольку изменяется в значительной степени самый материал исследования. Но, мотивируя это совершенно правильное положение, он сделал ошибку в мотивировке, утверждая, что на оси причинности исследовать явления советской экономики невозможно, невозможно исследовать по крайней мере определенную группу этих явлений. Таким образом, получается, что закон причинности остается действовать в нашем хозяйстве вообще, но на основе закона причинности методологическое изучение явлений нашего хозяйства, прежде всего, нашего планового хозяйства невозможно. Это совершенно ошибочная постановка вопроса. Здесь т. Кон смешивает две вещи: он смешивает закономерность с ее принудительной силой для каждой организации, будет ли она коллективной организацией или нет, с формой проявления этой закономерности. Когда в неорганизованном обществе при действии закона цевности эта закономерность (в данном случае—определенное распределение производительных сил и т. д.) проявляется, как внешне-принудительная сила, и действует *post factum*, бьет в затылки и спины людей, то здесь мы имеем перед собой, с одной стороны, закономерность вообще и, с другой,—определенную форму проявления этой закономерности. Когда мы имеем плановое хозяйство, скажем, вполне организованное социалистическое хозяйство, то разве там необходимость прекращает

свое существование? Разве экономическая необходимость есть только стихийный элемент в действии экономических законов и ничто больше? Разве экономическая необходимость ликвидируется, как только она введена в определенное русло, тем, что действие ее предвидится и регулируется? Разумеется, нет. Разница между неорганизованным и организованным обществом заключается в том, что в последнем закономерность пробивает себе дорогу не как закон средних чисел, о чем говорили Маркс и Энгельс, здесь закономерность пробивает себе дорогу не *post factum*, а *ante factum*, она пробивает себе дорогу предварительно, в форме предвидения, к мозгам коллективной организации, и через сознание коллектива, через заранее продуманные мероприятия происходит проявление действия этой закономерности. Вот в чем разница. Следовательно, нельзя говорить, что на оси причинности исследование советского хозяйства невозможно. Поскольку форма проявления закономерности в плановом обществе изменяется, изменяются приемы исследования закономерности, но исследуется именно закономерность: иначе для науки вообще здесь было бы нечего делать. Поэтому постановка вопроса об изменении приемов исследования советской экономики у т. Кона совершенно правильна, но мотивировка его неправильна.

Здесь поправить т. Кона взялся т. Пашуканис, но поправлял таким образом, что говорил о законе ценности почти как о законе природы, да еще приписал свою интерпретацию Марксу. Он пытался ошибку выщипать ошибкой. Но когда ошибку выщипают ошибкой, обыкновенно истине бывает больно. И в данном случае истине стало больно от подобного рода опровержения неправильного положения другим неправильным же положением.

Теперь о выступлениях т. т. Каца, Ронина и других, которые находили неудовлетворительным мой метод анализа, поскольку, по их мнению, я не дал законченного целого при анализе советской экономики. Я не буду цитировать, что они говорили, но мысль была такова: я, главным образом, занялся, по их мнению, анализом отдельных участков нашего хозяйственного фронта и даже, кто-то выразился, анализом отдельных товарных сделок и не дал картины целого. Я уверен, что, если бы я не сделал иллюстративных примеров, меня бы обвинили как раз в обратном, в том, что все мои выводы вообще надуманы и под ними не чувствуется реального социального бытия, не чувствуется той базы, на которой все это построено. Предвидя такое возражение, я предпочел иллюстрировать мои положения некоторым количеством конкретного материала. Это является необходимой вещью там, где делаются только первые шаги к более или менее обстоятельному теоретическому исследованию. Т. Дволайцкий ответил уже на все возражения этого типа, и мне не приходится здесь ничего прибавить к его словам. Я должен только сказать, что результаты теоретического исследования, к которому мы приступаем, могут получиться не сразу. Только в результате большой коллективной работы мы в состоянии будем, как выразился Маркс, так критически овладеть материалом, чтобы можно было его изложить в диалектической форме, соответствующей движе-

нию, которое совершается в действительности. Нужна большая коллективная работа. Я думаю, что наши настоящие три собрания многих толкнут к тому, чтобы принять участие в такой работе на равных участках теоретического исследования.

Перехожу к следующему вопросу, о котором говорили многие ораторы, наиболее видные ораторы наших прений. Это вопрос о том, один или два регулятора действуют в нашем хозяйстве. Прежде всего я отмечу выступление т. Кона. Он также присоединился к тем, кто настаивает, что не может быть двух регуляторов, а есть один. И в то же время, когда ему пришлось здесь формулировать, как же он сам смотрит на этот вопрос, если исходить из борьбы двух начал в нашем хозяйстве, он говорил о какой-то мистической субстанции стоимости в противоположность форме стоимости и ничего ясного сформулировать не мог, так что я даже не был в состоянии его понять. Но в то же время я должен сказать, что т. Кон находится на правильном пути в своих поисках, и, быть может, тот ответ, который я ему дальше дам, удовлетворит его, и между нами будет заключен мир, если к тому же он откажется от своей ошибки в вопросе о причинности. Следующие ораторы, которые здесь выступали—т. Мендельсон, т. Кяц, т. Мотылев и другие—относительно единого регулятора ставили вопрос таким образом: в хозяйстве СССР регулятор один, т.-е. закон ценности; есть лишь отклонения и искривления; эти искривления, искажения и изменения идут со стороны государственного хозяйства, его планового регулирования. Думать иначе значит допускать дуализм в сфере хозяйственного регулирования. По вопросу о дуализме т. Солнцев отчасти уже ответил и вполне правильно ответил моим оппонентам. На то же самое обвинение в дуализме я хотел бы ответить еще с другой точки зрения. Прежде всего, может ли быть вообще два регулятора в какой-либо системе хозяйства? Обратимся к истории самого капитализма. Разве закон ценности, как регулятор, свалился с неба сразу? Он складывался, по мере того как развивались отношения товарного и товарно-капиталистического хозяйства. Разве мы не знаем в истории периода, когда при разложении цехового метода регулирования происходила борьба между цеховым методом регулирования труда и законом ценности, а, следовательно, существовали два регулятора? Почему же то, что было возможно в прошлом, невозможно в настоящем и будущем? Почему закон ценности, который в свое время дуалистически совмещался с цеховым началом, на известном историческом этапе не может совмещаться с дуализмом в области регулирования, вытекающим из систематического оттеснения этого закона плановым регулированием? Почему это невозможно? Как раз диалектический процесс и характеризуется часто именно такой формой антагонистического движения. Следовательно, формально неправильна такая постановка вопроса, что вообще не может быть двух регуляторов в хозяйстве; не может быть даже в такой системе, где ведется борьба двух начал. Итак, при борьбе двух начал, двух систем, включенных в единую систему хозяйства, может быть два регулятора, не может не быть двух регуляторов. Все дело в том, какая складывается равнодействующая в результате

борьбы. В этом все дело. К этому я еще вернусь, а сейчас покажу вам, как скаянное увязывается с законом первоначального социалистического накопления. Нам говорят: в нашем хозяйстве должен существовать единый регулятор. Но тогда я спрашиваю: ведь закон ценности есть закон стихийного воспроизводства капиталистических производственных отношений, определенных пропорций в хозяйстве, соответствующих объективной задаче воспроизводства именно капиталистических отношений. Что же воспроизводит у нас закон ценности, позвольте вас спросить? Мы имеем у нас, с одной стороны, расширенное воспроизводство социалистических отношений, с другой стороны, имеем развитие товарного хозяйства и там расширенное воспроизводство. И расширенное воспроизводство в обоих секторах происходит на основе борьбы. Я спрашиваю: при такой ситуации, что же может воспроизводить закон ценности? Он может суммировать тенденции лишь к такому распределению труда в обществе, которое идет по линии переопрокидывания всей нашей системы, по линии превращения капиталистических отношений в господствующую форму производства, по линии превращения самого закона в единственный регулятор производственных отношений. Вот как стоит вопрос. И поэтому, когда мне говорят о том, что наши плановые органы должны лишь улавливать действие закона ценности, что же тогда выходит? Наше плановое начало есть тогда только одна из функций действия закона ценности. Вот ваша постановка вопроса т. т. Мендельсон, Мотылев, Кац и др. Я вас спрашиваю: продумали ли вы все выводы, вытекающие из вашей точки зрения, особенно т. Мотылев, который неизвестно зачем, но во всяком случае на свою голову вспомнил о политической революции XIV съезда партии, которая не имеет прямого отношения к вопросу о теории советского хозяйства, но в которой говорится о государственных предприятиях „последовательно социалистического типа“. Я его спрашиваю, как он увязывает в своей голове, в своих построениях две вещи: последовательно социалистический тип государственного хозяйства, с одной стороны, а с другой стороны, концепцию единого регулятора—закона ценности—в вашем хозяйстве? Что это такое? Это, товарищи, не серьезное отношение к научным проблемам, особенно со стороны товарища, который претендует писать довольно объемистые книжки по теоретической экономике. (Смех).

Вопрос этот имеет еще другую сторону. Тов. Дволайцкий здесь совершенно правильно сказал, что если бы мы предоставили возможность свободно развертываться действию закона ценности в нашем хозяйстве, первым следствием этого должен явиться отказ от монополии внешней торговли и социалистического протекционизма, вторым следствием этого должно быть такое распределение труда, которое соответствует воспроизводству капиталистических отношений не только в наших национальных пределах, а на базе мирового распределения труда в мировом капиталистическом хозяйстве, в которое наша экономика должна включиться как отдельное звено. А это значит уничтожение на $\frac{3}{4}$ нашей крупной промышленности. Вот что значит свободное действие закона ценности. Нам говорят: в Госплане лишь улавливают дей-

ствие закона ценности. Смею думать, что т. Мендельсон, будучи работником Госплана, в этом вопросе выступал не от имени Госплана. Он развил точку зрения, которую т. Дволайцкий назвал недоразумением. Бывают, знаете ли, всякие недоразумения. Бывают просто ляпсусы, с языка сорвется, но недоразумение, которое длится 15—20 минут, это уже не недоразумение, а неправильная постановка вопроса в основе. Я очень рекомендую т. т., особенно прикосновенным к рычагу планового регулирования, продумать вопрос до конца. Как вы знаете, может быть, покойный Парвус нашу систему хозяйства расценивал так: „это типичное буржуазное хозяйство, оно имеет огромную будущность, оно может идти с американской быстротой по пути развертывания капиталистических форм, но диктатура пролетариата и диктатура коммунистической партии являются главнейшим препятствием для развития производительных сил этого хозяйства, которое является по своему типу буржуазным с головы до ног“. Так смотрел Парвус на наше хозяйство. Это последовательная точка зрения. При такой точке зрения мысль об едином регуляторе является вполне правильной и последовательной, как последовательной является и точка зрения меньшевиков из „Социалистического Вестника“. Меньшевики рассматривают наше хозяйство, как разновидность буржуазной системы с теми искажениями и искривлениями законов буржуазного хозяйства, — а, следовательно, прежде всего закона ценности, — которые связаны с существованием диктатуры пролетариата.

Теперь, товарищи, я перехожу к следующему вопросу. Здесь по вопросу о законе ценности наши товарищи все время сбивались вот в каком направлении. Они смешивают закон ценности, как регулятор при капиталистической системе, действие которого простирается на определенный исторический период, с общественно необходимым установлением пропорциональности в распределении производительных сил, обязательным для каждой системы общественного производства. Здесь выступление тов. А. А. Богданова так ярко оттенило эту их ошибку, что его речь принесла мне величайшую пользу. Она показала, с какого конца не увязаны их построения, как неисторически ставят они вопрос о законе ценности. Они все время говорят о регуляторе трудовых затрат в том смысле, в каком этот регулятор будет существовать и при социализме, т.-е. и без меновых отношений; говорили о такой пропорциональности, которая в нашем хозяйстве является абсолютно необходимой, если бы даже у нас победило полностью плановое начало. Между тем весь вопрос заключается в том, какими методами, на какой основе и при каком распределении труда будет устанавливаться пропорциональность в распределении труда. К этому важному и коренному вопросу я перейду, когда изложу мое понимание закона первоначального социалистического накопления, как регулятора нашего хозяйства. Этого я недостаточно коснулся в моем докладе, потому что доклад был посвящен закону ценности, а не его антагонисту.

Тов. Пашуканис выступал таким образом, что его выступление полностью совпадало в вопросе о законе ценности с тем, что говорил

Александр Александрович Богданов. И разрешите мне в дальнейшем, когда я буду выступать против тов. А. А. Богданова, выступать и против его верного ученика, т. Пашуканиса.

Теперь, товарищи, второй вопрос, вопрос относительно методов нахождения пропорциональности. Я считаю абсолютно установленным фактом, что распределение производительных сил так, как оно складывается в настоящий момент, не соответствует тому распределению производительных сил, как оно сложилось бы при капиталистических отношениях у нас, даже при данном уровне индустриализации страны. Я считаю это совершенно бесспорным. Но если бы даже мы считали правильным, что каким-то чудом и те и другие пропорции совпадают, то спрашивается, разве этим было бы доказано, что метод нахождения нужной нам пропорциональности через стихийный регулятор является для нас основным. Почему мы, обладающие методами, которые исторически являются гораздо более совершенными, чем методы стихийного нахождения этой пропорциональности, почему мы, имея в своих руках командные высоты, не можем методами планирования улавливать эту пропорциональность, которая установилась бы на основе закона ценности? Почему невозможно такое положение, что мы в основном улавливаем линию пропорциональности на год, на два, на три вперед, а в то же время закон ценности вносит лишь коррективы в наше построение, а не наоборот? Почему это невозможно? Как это можно доказать, за исключением ссылок на неудачную плановую работу Госплана в том или ином случае? Ведь вопрос о наших ошибках и прочетах, которые не вытекают объективно из объективных предпосылок советской системы хозяйства,—это вопрос другой, его нужно обсудить отдельно.

Теперь следующий пункт. В настоящий момент, благодаря тому, что у нас производительность труда и техника несравненно ниже, чем в Америке, и мы существуем, отгородившись от океана мирового рынка социалистическим протекционизмом, монополией внешней торговли, у нас создаются такие отношения в хозяйстве, которые были бы сметены при действии закона ценности и включении нашем в мировой рынок на основе свободы торговли. Но когда мы перейдем к положению, когда техника будет на уровне, допустим, американской или германской техники и когда мы подведем под наше хозяйство техническую базу, которая соответствует его структуре, я спрашиваю, в каком смысле положение тогда изменится? Изменится прежде всего в том смысле, что мы, приблизившись к производительности труда на одного рабочего, существующей в мировом хозяйстве, будем иметь у нас другой процесс, процесс, который вытекает из того, что я назвал в своей первой статье фактором кооперирования огромных экономических масс. Здесь мы будем иметь совершенно новое явление в нашем хозяйстве, вытекающее из плановой и научной организации труда по всей линии нашей экономики, будем иметь уменьшение трудовых затрат на определенное количество продукта, которое будет вытекать из совершенно иной структуры нашего хозяйства. Только при равенстве нашей техники с аме-

риканской эти факторы скажутся с наибольшей силой. Но это будет означать, что закону ценности, как мы его понимаем, а не так, как его понимает Ал. Ал. Богданов, в нашем хозяйстве свободного жitzя не будет ни с какой стороны и ни в какой период развития нашей экономики.

Теперь перехожу к следующему вопросу, к закону социалистического накопления. Против этого моего положения было сделано максимальное количество возражений, и некоторые из них связаны с тем (в этом я совершенно согласен с т. Дволайцким), что я недостаточно ясно изложил этот закон, как антагонистический закону ценности закон распределения производительных сил в нашем хозяйстве. Этот недостаток я пополю, поскольку это возможно в кратком заключительном слове. Вы, товарищи, все хорошо знаете, что закон ценности, это—закон, который в условиях развития буржуазного производства стихийно воспроизводит в расширенном масштабе капиталистические отношения. Мы имеем у нас расширенное социалистическое воспроизводство. Я вас спрашиваю: если в основе одного процесса, процесса воспроизводства капиталистических отношений лежит закон ценности, то какая закономерность лежит в основе расширенного социалистического воспроизводства? Есть ли здесь какая-либо закономерность, которая выражается в том, что мы можем констатировать при повторяемости (относительной, конечно) ряда причин повторяемость относительно тех же следствий. Существует ли специфический закон расширенного социалистического воспроизводства или нет? Или мы имеем антагонистическое действительное элементов капиталистического развития и в основе их закон ценности, а в основе развития социалистического типа хозяйства ничего не лежит? Говорят: здесь сознательное начало, но разве это наука? Разве это ответ? Нам нужно установить закономерность в развертывании нашего социалистического производства. В чем она может заключаться? Она заключается в том, что на каждой данной ступени нашего развития с принудительной необходимостью нам навязываются определенные пропорции накопления материальных ресурсов в государственном хозяйстве, с одной стороны, и определенные пропорции распределения рабочих сил и средств производства внутри нашего государственного хозяйства, с другой. Это может быть установлено и конкретным анализом нашей экономики и может быть доказано чисто теоретически. В чем отличие простого воспроизводства от расширенного? Представьте себе, товарищи, на минуту, что в нашем хозяйстве не имеется ни процесса расширенного социалистического воспроизводства, ни процесса расширенного воспроизводства в товарной части. Допустим, что мы на минуту, на год, находимся в состоянии простого воспроизводства с той и другой стороны. Я спрашиваю: пропорции, которые будут при простом воспроизводстве, будут ли они отличаться от тех пропорций, которые при данном соотношении и удельном весе той и другой стороны были бы при расширенном воспроизводстве? Каждый из вас, кто знаком с теоретической экономией, скажет, что да. Вы помните, что во втором томе „Капитала“ Маркс, при одном и том же размере капитала в стои-

мостном выражении, делает переход от схемы простого воспроизводства к схеме расширенного воспроизводства, и у него получается совершенно другая пропорция в распределении производительных сил, получается совершенно другая пропорция, потому что здесь, если можно так выразиться, все величины выстроены в походном боевом порядке. Это есть фотография динамики процесса расширенного воспроизводства. В таком же положении находимся мы в нашем собственном хозяйстве с той коренной разницей, что пропорции распределения производительных сил складываются на основе борьбы двух экономических форм и расстановка производительных сил в государственном хозяйстве подчинена не просто задаче расширенного воспроизводства, а задаче расширенного социалистического воспроизводства. Каждый данный год в области развертывания социалистического производства отличается от предыдущего. Каждый данный год принудительно нам диктует определенные пропорции перекачки ценностей из частного хозяйства. Тот, кто этого не понимает, тот получает по затылку товарный голод. Не понимать такой вещи до сих пор, не видеть, что мы имеем дело с законом, который принудительно нам навязывает определенные уравнения в хозяйстве, можно лишь в том случае, если теоретическая мысль очень слабо движется вперед. Когда я неоднократно подчеркивал закономерности в борьбе нашей системы за существование, то в этом видели только одно: бери больше с деревни. И не видели основного, не видели, что проблема „бери или дай“ принудительно перед нами поставлена пропорциями нашего развития, она поставлена тем, что наша система, существующая в капиталистическом окружении, может бороться за существование лишь путем достаточно быстрого развертывания социалистических форм производства. При таком положении для расширенного социалистического воспроизводства каждый данный год нам нужно все большее количество прибавочного продукта в смысле материальных средств производства. Эти ценности должны быть взяты из нашей собственной системы, т. е. из прибавочного продукта рабочего и из прибавочного продукта крестьянского хозяйства. Как марксист может не видеть этой зависимости всего нашего существования от определенных размеров накопления, как экономист может не видеть, анализируя предпосылки существования нашего хозяйства, что на каждой данной ступени мы находимся под Дамокловым мечом независящих от нашей воли пропорций накопления. Определенные пропорции развертывания нашей промышленности диктуются нам всем хозяйством в целом. Крестьянское хозяйство, в свою очередь, для своего развития нуждается в материальных предпосылках, которые определяются уровнем индустриализации страны. Новые ресурсы должны быть взяты в стране, которая не получает внешних займов, но которая должна жить и развиваться. Так стоит вопрос. И поэтому я говорю, что пропорции распределения производительных сил и национального дохода, обеспечивающие определенное количество прибавочного продукта для каждого данного года, эти пропорции об'ективно диктуются нашими соотношениями государственного хозяйства с частным хозяйством. Есть ли это закон или это есть что-нибудь

другое? Это есть закон с его внешней принудительной силой для нас. Если наша система не будет удовлетворять общественно-необходимых потребностей, двигаясь вперед, то она будет опрокинута с этой стороны. Как этого не видеть? Разве мы не знаем, что каждая система должна выполнить, прежде всего, независимо от свойственных ей методов регулирования труда, определенные общественные функции удовлетворения определенных общественных потребностей? Если этого не будет сделано, она будет опрокинута. С точки зрения самосохранения системы получение определенного количества материальных средств диктуется нам с принудительной силой. В этом закон первоначального социалистического накопления. И в то же время, одновременно с этим мы должны кооперировать вокруг новых средств производства все новые и новые массы людей, подчиняя систему распределения их между отраслями производства задачам социалистического накопления. Что это означает? Это означает иную, чем при действии закона ценности, расстановку рабочей силы, иное распределение труда. Все это точно так же диктуется нам с принудительной силой каждый год на основе меняющихся пропорций, в которых находится наше государственное хозяйство, как с частным, так и с мировым хозяйством. Когда в моей постановке вопроса не видят ничего, кроме лозунга „бери больше с крестьянина“, то это такой уклон мысли в сторону народничества, который должен быть решительно отброшен нашей партией.

Теперь дальше. Выступавшие здесь товарищи говорили о том, что в своем докладе я сильно преувеличил плановые возможности нашего государственного хозяйства. Я должен оговориться, что я этих плановых возможностей в моей работе не измерял никак—ни алгебраически, ни тем более арифметически. Я только приблизительно говорил о том, что закон ценности действует меньше в таких-то секторах нашего хозяйства, больше на стыке нашего хозяйства с крестьянским, еще больше внутри частного хозяйства. Эту часть моей работы некоторые, как, например, т. Дволайцкий, находят весьма ценной, другие видели в этом недостаток моей работы. Если по общему впечатлению выступавших ораторов я переоценил плановое начало, об этом надлежит поспорить отдельно, ва исключением одного пункта, где перед нами очевидное недоразумение. Тов. Мендельсон и др. указывали на то, как, в сущности говоря, часто наши планы перекраиваются действительными стихиями. Госплан поправляется крестпланом и т. д. Когда я говорю, что мы на определенном участке имеем возможность осуществить плановое регулирование в том или другом масштабе, то я говорю об объективной возможности, которая вытекает из структуры нашего хозяйства и из отношений сил между нашим государственным хозяйством на данной стадии и частным хозяйством. Но если мы не в состоянии провести планирование потому, что вырабатываем плохие планы, это не вытекает из объективной необходимости, хотя бы по другой линии мы могли поставить перед собой не экономический, а социологический вопрос: почему у нас столько-то ошибок, просчетов и т. д. Это вопрос другой и к теории советского хозяйства не отно-

сится. Если у нас имеется очень много ошибок, просчетов и часть из них проистекает оттого, что планирующие товарищи сами не верят, что плановое начало можно провести достаточно далеко, или еще имеют мало опыта в этом деле, то тогда, товарищи, наша система хозяйства, созданная Октябрьской революцией и базирующаяся на социализации промышленности и транспорта, в этом не виновата. В ней возможностей планового регулирования заложено больше, чем они предполагают или могли реализовать. Теоретическое исследование должно вскрыть только то, что объективно заложено в этой системе.

Теперь, товарищи, разрешите перейти к некоторым из выступавших ораторов. Прежде всего я должен ответить Александру Александровичу. Я его поставил вне очереди в виду особого интереса его выступления. Он, с одной стороны, облегчил выяснение некоторых проблем, а, с другой стороны, он бросил клич: „В науке—реакция“. В вопросе о ценности А. А. повторил то, что писал в своем учебнике. Он претендует на то, что его натуралистическое и не историческое понимание закона ценности есть Марксово понимание закона ценности. Мы с ним в этом коренном вопросе не согласны, это старое разногласие. А. А. отказывается понимать закон ценности, как регулятор исторически переходящей системы производства, т.-е. системы товарного и товарно-капиталистического производства. Он упорно не желает понять эту сторону дела. Он с самого начала неверно понял Маркса в этом пункте и продолжает стоять на этой точке зрения. Поэтому мы не имеем права упрекнуть его ни в реакции мысли, ни поздравить его с прогрессом. Мы и наша молодежь продвинулись дальше в понимании Маркса в сравнении с тем, как усвоил Маркса А. А. в 90-х годах. Ошибка Александра Александровича заключается еще в том, что он неправильно понимает предмет и метод политической экономии. В конце своего выступления он указал на то, что мы уже на одном из заседаний Академии похоронили такое понимание Маркса, согласно которому политическая экономия есть наука вообще о производственных отношениях людей, а не наука только о производственных отношениях в товарной и товарно-капиталистической системе производства. Он считает, что мы отступили здесь от Маркса, а мы считаем, что А. А. всегда расходился с Марксом. Когда Маркс высказывался о предмете политической экономии, он всегда полагал, высказывался, что это есть наука о товарном и товарно-капиталистическом способе производства, и труд свой назвал „Критика политической экономии“, „Капитал“, а не теория всех способов производства. У него есть несколько прямых формулировок на эту тему. Все это настолько ясно, настолько азбучно, что против этого странно спорить. Мы много потратили времени на выяснение этой проблемы, когда спорили с тов. Скворцовым. А. А. говорит, что у Маркса есть иные формулировки. А я утверждаю, что по этому вопросу в энгельсовском „Антидюринге“, в той главе, которая написана самим Марксом, он дает ту формулировку, которую мы защищаем. Вторая формулировка Энгельса неточная, а правильная— у Маркса. Каким образом эта ошибка увязана у А. А. с другой ошибкой насчет закона ценности? Она увязана следующим образом:

А. А. рассуждает так: каждая система общества не может существовать, если не удовлетворяет элементарных потребностей людей. Для удовлетворения этих потребностей люди должны трудиться. Поэтому вопрос о том, сколько каждый продукт требует трудовых затрат, является вопросом, крупнейшим и основным для каждой системы. Все это верно, и в этом вопросе мы с вами не расходимся. Но дальше, когда вы хотите всем системам производства навязать как регулятор закон стоимости и, таким образом, стираете грань между регулятором в капиталистической системе на основе трудовых затрат с регулятором в системах докапиталистических и при плановом хозяйстве, вы здесь делаете коренную ошибку. Вы идете по той линии, по которой вели борьбу против марксизма все буржуазные экономисты. Они увековечивали определенный способ производства, а вы увековечиваете тот метод регулирования, который свойственен только неорганизованному общественному производству, только товарной форме производства, хотя бы в основе этого регулятора и лежали, как и при других системах, трудовые затраты. Универсализируя предмет и метод политической экономии, вы, таким образом, универсализируете и закон ценности, смешивая форму с содержанием, давая не марксистское понимание этого закона. У Маркса, правда, есть две-три формулировки, где он говорит, что и при других способах производства закон стоимости действует, но уже в смысле учета рабочего времени, которое тратится на производство тех или других продуктов. Это совсем другая постановка вопроса. Я процитирую вам одно место из Энгельса, совершенно ясно и определенно ставящее этот вопрос. У Энгельса есть много мест, где говорится о законе стоимости, но совсем в другом смысле, как в 3-м томе „Капитала“. Маркс в другом смысле говорил об общественно-необходимом труде, соблазнив кой-кого из марксистов отойти от производственно-технического понимания общественно-необходимого труда.

Энгельс говорит в „Антидюринге“ с совершенной ясностью о ликвидации закона стоимости после ликвидации товарного производства.

„Общество может прямо рассчитать, какое количество рабочих часов заключается в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в сотне квадратных метров материи определенного качества. Ему не может прийти в голову количество труда, которое отложилось (niedergelegt) в продуктах и которое он знает полностью и прямым путем, выражать через весьма относительное, колеблющееся, недостаточное, хотя раньше и необходимое вспомогательное мерило, через исключительный продукт, вместо того, чтобы измерять его естественной, адекватной, абсолютной мерой—времяем“ (Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Stuttgart, 1921, S. 335). Эта формулировка с полной ясностью отвечает на вопрос нашего спора.

Александр Александрович высказал по рассматриваемому вопросу еще несколько мыслей. Он критиковал мое построение постольку, поскольку он в нем ничего не заметил, кроме закона спроса и предложения. Но ведь закон ценности, если его понимать в целом, т.-е. как регулятор, мы должны рассматривать и со стороны базы, т.-е. трудовых затрат, и со стороны всех форм его проявления, т.-е. должны ана-

лизировать и механизм спроса и предложения. Как же вы тогда поймете роль динамики цен и весь механизм отклонения цены от ценности, через который происходит распределение производительных сил в неорганизованном обществе? Каким образом вы увяжете одно с другим? Если мы подчеркиваем одну сторону закона ценности, т.-е. отклонение цены от ценности в деле регулирования распределения общественного труда, мы выпячиваем естественно эту сторону закона; когда обращаемся к другой стороне, мы занимаемся больше уравнениями трудовых затрат в отдельных отраслях. И неправильно было бы, если бы мы о законе ценности говорили иначе, упуская из виду весь механизм регулирования в целом. Ведь в целом закон ценности проявляется и в отклонениях цены от ценности и в совпадении цены и ценности. Теперь о теории спроса и предложения. Мировоззрение Александра Александровича в этом вопросе складывалось в борьбе со струвизмом и другими видами критики и извращения марксизма. Естественно, он должен был перегибать в сторону натуралистического понимания закона ценности. На этой позиции он остался, и в этом смысле я не могу сказать, чтобы у моего оппонента был замечен прогресс мысли. Что касается социологических выпадов А. А., а именно, что игнорирование его, А. А., понимания закона ценности есть доказательство нашего отрыва от труда, от рабочего класса, то я на это скажу: у нас с вами, А. А., есть расхождение, но чтобы было расхождение с рабочим классом в смысле движения к социализму, уничтожения неравенства, классовой системы и т. д.—относительно этого история уже сказала свое слово в Октябрьские дни и в период гражданской войны, когда именно наша партия против всех шатающихся, сомневающихся, изменяющих пролетариату сделала свое великое дело.

Теперь, товарищи, разрешите перейти к т. Мотылеву. Тов. Мотылеву было уделено больше внимания, чем он того заслуживает по размерам своих научных заслуг. Тов. Мотылев выступал с апломбом, который обратно пропорционален его научным заслугам (Аплодисменты). Я, товарищи, не могу много времени посвящать этому оратору, потому что он, главным образом, выступал, как кто-то выразился, по личному вопросу, а не по существу той темы, которая здесь обсуждается. Но для того, чтобы показать, насколько т. Мотылев глубоко проник в систему советского хозяйства, я должен сказать следующее. Что касается метода исследования, т. Мотылев смотрит на вопрос так: методом политической экономии советское хозяйство изучать можно и должно, в нем нет таких специфических закономерностей и особенностей, которые делали бы необходимым модификацию методов, логических приемов анализа. Поэтому прекрасно можно устроиться таким образом. Мы изучаем ренту при капитализме в Марксовом понимании этой категории. Затем переезжаем в советскую систему и изучаем ренту в хозяйстве СССР. Так же происходит автоматическое везание в советскую систему и при анализе всех других категорий капиталистической экономики. Если бы наша экономика представляла известное извращение товарной системы хозяйства в деталях, известную модификацию ее, то подобное изучение было бы вполне естественно. Между

тем в другом месте сам же т. Мотылев заявляет, что у нас некоторые категории политической экономии совсем отпадают. Т. Мотылев пишет на 4-й странице своего курса политической экономии: „Все законы и категории капиталистического хозяйства претерпевают в хозяйстве СССР существенные модификации; многие вовсе к нему не приложимы“. А в то же время в конце „Курса“ и в работе о цене и ценности в хозяйстве СССР он говорит, что единственным регулятором нашего хозяйства является закон ценности. Если у нас закон ценности действует, то каким же образом может отпасть целый ряд категорий, которые на основе закона ценности возникают, и каким образом провалы, получающиеся здесь, можно изучать с точки зрения политической экономии и ее категорий? Таким образом, метод исследования т. Мотылева показывает, что данный исследователь системы советского хозяйства не понимает, не понимает ее внутренних закономерностей и только сбивает с толку учащуюся молодежь. На странице 340 находим еще одну замечательную формулировку. Вы знаете, что т. Мотылев попытался сделать изобретение в области терминологии насчет социалистической прибавочной стоимости. С одной стороны, он пишет, что „социальный смысл прибавочной стоимости в государственных предприятиях СССР в корне изменился. И если мы употребляем термин „прибавочная стоимость“, то это не должно затемнять нового социального содержания, роли и назначения прибавочной стоимости в СССР“. Но, к нашему удивлению, в коммунистическом обществе оказывается совершенно иначе, и поворот в худшую сторону. „Но в развитии коммунистическом обществе производительные силы достигнут такой мощной ступени развития, что, несмотря на существование прибавочной стоимости, потребности трудящихся смогут удовлетворяться в небывалом объеме“. На этой же самой странице, где имеется подобное место, автор дает такую формулировку понятия дифференциальной ренты, против которого выступал Маркс. Рента вырастает у него из земли, при отсутствии капиталистического способа производства (С места: „Агитпроп не заботится“). Агитпропу надо послать протокол наших прений.

Тов. Мотылев много раз говорил, что он меня предупреждал о том, что нельзя ничего создать в смысле даже попытки теоретического анализа советского хозяйства (с места: „А вы очень непослушны“). Я готов у каждого поучиться, даже у т. Мотылева, но в данном случае взять с него нечего. Во время прений в Свердловском университете я сказал т. Мотылеву: если вы приметесь изучать советское хозяйство попутно с теоретической экономией, эта попытка кончится крахом. Провал, как видите, налицо, совершенный провал.

Теперь разрешите перейти к другим ораторам. Я остановлюсь, во-первых, на некоторых соображениях, которые высказал т. Пашуканис. Отсутствие времени не дает мне возможности снова коснуться закона стоимости, о котором т. Пашуканис говорил в духе приблизительно Александра Александровича Богданова. Я перейду к другим вопросам. Т. Пашуканис говорил: влох был бы тот экономист, который бы считал возможным возвращение в установлении системы зарплаты к политике

военного коммунизма. Я должен заметить, что т. Пашуканис напрасно думает, что коммунизм и военный коммунизм—это одно и то же. У нас обыватель обыкновенно так думает, что коммунизм есть все то, что мы ввели в 1918 г.: Наркомпрод, разверстка, голодные пайки, селедки, хвосты и т. д. Но ведь эту систему распределения, которую мы тогда применяли в силу голода, нищеты, военной обстановки и т. д. и т. д., мы не считаем коммунистической системой распределения. Неужели же и вы так понимаете коммунизм? Если можно говорить о том, что форма зарплаты будет изменяться и в том числе сделщина безусловно уступит место какому-нибудь другому виду зарплаты, если будут складываться свойственные социализму стимулы к труду, то это отнюдь не значит, что мы будем возвращаться к методам военного коммунизма. Разве можно предвидеть все те многочисленные формы, которые могут создаться в сфере распределения?

Вопроса зарплаты касались и многие другие товарищи. Я продолжаю настаивать на утверждении, что в области зарплаты мы продвинулись вперед в одних пунктах, в других сильно отстаем. Это кажется некоторым товарищам противоречием. Они говорят: либо эта категория отмирает, либо остается. Но не может быть такого двойственного положения. А вот бывает такое положение, когда одна сторона производственных отношений известного типа отмирает, другая еще остается, в чем каждый может убедиться при конкретном анализе нашей системы зарплаты. Это реальный и действительный факт. Если мы возьмем наших рабочих и служащих, то увидим, что в отношении формы заработной платы мы находимся в капиталистической фазе, в то время как содержание изменилось в том смысле, что рабочий работает для своего государственного хозяйства, для социализма, а не для капитализма.

Теперь относительно отрыва от стоимости рабочей силы. В этом отношении мы очень немного продвинулись вперед. Но то, что мы все-таки оторвались, показывает факт повышения зарплаты в зависимости от развития производительности труда, в зависимости от тех ресурсов, которые мы в данной стадии накопления могли уделить на зарплату. Следовательно, мы начали ликвидировать закон ценности, который регулирует уровень зарплаты при капитализме. Когда наша система путем количественного развертывания производительных сил, улучшения техники и т. д. даст нам возможность поднять зарплату значительно выше довоенной, все это будет гораздо более очевидно, чем теперь, когда мы только подошли к довоенному уровню. В нашей системе нет преград к непрерывному повышению зарплаты, именно потому, что развитие производительности труда происходит в социалистических формах, при социалистических отношениях производства. Здесь количество переходит на известной стадии в качество. Однако проблема накопления сталкивается с проблемой повышения зарплаты. А так как рост заработной платы есть рост повышения качества социалистических производственных отношений в нашей системе, то здесь

есть внутреннее противоречие в самом законе социалистического накопления, вскрывающее переходный характер самого закона.

Некоторые товарищи говорили о том, что нельзя противопоставлять закон ценности закону социалистического накопления, а можно противопоставлять только накопление капиталистическое накоплению социалистическому. Это, товарищи, неверно. Это значило бы закон социалистического накопления понимать только, как закон накопления материальных ресурсов. Я его так никогда не понимал. Закон социалистического накопления не есть только закономерность накопления материальных ресурсов производства. Закон социалистического накопления я понимал всегда в том смысле, как Маркс понимал накопление, в смысле расширенного воспроизводства, для которого нужно и накопление материальных ресурсов и—на предварительной стадии—создание кадра наемных рабочих сил и определенная система организации труда в обществе. С этой точки зрения противопоставлять социалистическое накопление накоплению капиталистическому в нашем хозяйстве, понимаемому именно в смысле собирания ресурсов в руках частного капитала, было бы совершенно неправильно. Капиталистическое накопление, как концентрация ресурсов в руках новой буржуазии, есть только один из элементов того процесса, который приходится противопоставлять закону социалистического накопления. Понятие закона ценности при противопоставлении его закону социалистического накопления имеет то преимущество, что до известной степени формулирует все тенденции капиталистического развития. С этой точки зрения можно противопоставлять первоначальное социалистическое накопление закону ценности, потому что этот первый закон также концентрирует в себе все тенденции борьбы за иную форму организации труда в обществе, за иные пропорции распределения производительных сил в нашем хозяйстве, за иные формы распределения и иное направление прибавочного продукта в стране. Он в этом отношении конкурирует полностью и целиком с законом ценности, понимаемым в широком смысле. С этой точки зрения я считаю правильным это противопоставление. Возьмем наиболее актуальный пример. В нашем хозяйстве сейчас имеется диспропорция, которая получила свое выражение в товарном голоде, который является продуктом недостаточного накопления в государственном хозяйстве. Недостаточное накопление материальных ресурсов не позволяет нам провести достаточное развертывание промышленности в уровень с платежеспособным спросом, хотя в рабочей силе мы не имели недостатка, а как раз наоборот. Недостаточность предложения товаров со стороны госпромышленности вызывает пароксизм действия закона ценности. Он проявляется в наиболее уродливой форме повышения цен, за которым не следует такого перераспределения общественного труда, которое бы устранило диспропорцию в нашем хозяйстве. Приводя к росту частного накопления, к срыву твердых цен в кооперации, к колебанию валюты, к ухудшению расчетного баланса между государственным и частным хозяйством и к падению реальной заработной платы, действуя по линии рассасывания всей системы и наиболее

сильно ударяя там, где закон первоначального социалистического накопления не замещает полностью регулируемую роль закона ценности, последний закон по всей линии выступает антиподом закона социалистического накопления.

Выступавший здесь т. Кац ставил вопрос так: является ли случайным то обстоятельство, что отношения даже внутри нашего государственного хозяйства, отношения между предприятиями и трестами принимают товарно-денежные формы, и случайно ли существует то переодевание в капиталистические формы, о котором я говорил. Я отвечаю: нет, не случайно. Форма товарно-меновых отношений в нашем государственном хозяйстве навязана нам частным хозяйством. Частное хозяйство не могло бы у нас прогрессировать (это показала продрозверстка), если бы ему были навязаны несвойственные ему формы обмена, а наше государственное хозяйство может до известного предела разворачиваться при форме меновых отношений, меняя содержание их. Это—очень существенный факт для понимания всей этой механики, всей нашей системы вообще. Поэтому-то у нас внутри государственного хозяйства во многих отношениях форма является уже настолько пустой и вышелушенной, что мы ее без малейшего потрясения, а, может быть, даже с пользой, можем заменить другой. И в то же время говорить об этих вещах по отношению к товарному и меновому хозяйству совершенно не приходится. Здесь, между прочим, товарищи, которые говорили о едином регуляторе, в качестве главного аргумента указывали на единство формы этих меновых отношений, в частности на то, что распределение труда идет через обмен. Я должен заметить на это следующее: если мы посмотрим на историю всех экономических форм и на историю классовой борьбы, мы всегда увидим, что, поскольку движение вперед имеется налицо, это движение происходит путем прогрессивного изменения содержания при старой форме, содержание меняется раньше, чем форма. Это общее явление. И с этой же точки зрения надо подойти к соответствующему процессу и у нас. У нас происходит выхолащивание старой формы. На одних участках этот процесс продвинулся дальше, на других меньше, но за неподвижностью формы не видеть изменения содержания—это значит не понимать основного нерва движущего начала нашей экономики. И совершенно неправильно так формально подходить к вопросу о едином регуляторе, обращая внимание только на эту сторону дела. У нас форма товарно-меновых отношений в государственном хозяйстве, конечно, не случайна, но весьма преходяща. Здесь она вышелушена в гораздо большей степени, чем где бы то ни было. Это можно доказать на целом ряде фактов из нашей хозяйственной практики.

Тов. Кац опять повторяет ту мысль, что успехи нашей плановой работы могут базироваться в огромной мере в настоящее время на предвосхищении, антиципировании действия закона ценности, но не на том, что мы будем придумывать новые закономерности, привнося их в наше хозяйство.

И, кажется, достаточно показал, что закономерности, которые вытекают из пропорций развития нашего хозяйства, из самой динамики нашего

движения вперед, суть такие закономерности, которые существуют на деле, и непонимание их карается очень тяжело. Они не выдуманы, как не придумано и мое настоящее построение. Я понимаю только одно возражение, которое сводится к тому, что у нас единый регулятор, закон ценности, но только метод улавливания этой закономерности несколько изменился. А это есть как раз меньшевистская теория нашего хозяйства.

Тов. Ронин указывает на то, что я в одних случаях недооценил, в других—переоценил действие планового начала: я недооценил - де роль регулирования в хлебной торговле, поскольку утверждал, что бедняцкие покупки хлеба нами почти не регулируются. Я говорил в моем докладе о таком обмене, который происходит при одновременной продаже рабочей силы. Мы не можем регулировать такие формы меновых отношений, где бедняк продает свою рабочую силу, получая хлеб в качестве ссуды, где есть рост, процент,—только тем, что в Москве и Ленинграде, благодаря кооперативному хлебопечению, держим цены на определенном уровне, или выдерживаем лимитные цены при заготовках. Дело идет о двусторонней продаже, где продается и рабочая сила, да еще в замаскированной форме. Область этих отношений чрезвычайно широка в нашей деревне. Тов. Ронин ничего здесь неопроверг.

Теперь, т. Берин сказал приблизительно следующее: „Я согласен с т. Преображенским, когда он категорически отрицает категорию ренты, прибыли и процента внутри государственного хозяйства, но вместе с тем я хотел бы знать, каким образом эти три категории, которые являются проявлением формы прибавочной стоимости, исчезают, а вопрос о самой прибавочной ценности он находит возможным считать спорным“. Ясно, почему я считаю, что категория ренты, в том смысле, в каком о ней говорил Маркс, в нашем хозяйстве существует, да и то условно лишь, на небольших участках хозяйственного поля. Вообще ведь эта категория возникает на базе капиталистических отношений не только в промышленности, но и капиталистических отношений, охвативших все земледелие. У нас нет такой базы. То, что у нас часто называют рентой, есть только отчуждение прибавочного продукта на основе использования государством его права на национализированную землю. Это смешение капиталистической ренты с отчуждением прибавочного продукта происходит систематически и безусловно ошибочно с точки зрения теоретической экономики. Вы знаете, что Маркс говорил, и Ленин потом не раз говорил, что частная собственность на землю при капиталистической системе не является необходимой для самой капиталистической системы и в то же время является частобольшим препятствием к более быстрому развитию производительных сил. С этой точки зрения, если бы мы могли представить национализацию земли в товарном обществе и в то же время передачу всей земли в эксплуатацию на таких условиях, что абсолютная рента не платилась бы, вследствие соответствующей политики государства, или же она исчезла бы, вследствие уравнивания органического состава земледельческого капитала с промышленным, то мы имели бы случай, когда в капиталистическом обществе, при наличии прибавочной ценности, исчез бы один вид ренты.

Тов. Дволайцкий здесь не раз говорил о том, что у меня, с его точки зрения перегиб в смысле переоценки планового начала (т. Дволайцкий: „Уклон“). Да, уклон, если вам нравится это милое слово. По этому вопросу я должен сказать следующее. При теоретическом анализе, для того, чтобы этот анализ не устарел через год—два, не нужно давать фотографии того, что есть, а того, что развивается: закономерности динамики. Ведь абстрактно диалектический метод исследования, это — метод улавливания тех закономерностей, которые разворачиваются в направлении к их чистой форме. С этой точки зрения теоретическое исследование, которое является только фотографией действительности, не есть теоретическое исследование в собственном смысле этого слова. Приходится, исходя из конкретного материала, вскрыть динамику процесса, на протяжении движения по возможности в чистом виде. Анализ динамики разворачивания планового начала не только может, а всегда должен поэтому казаться преувеличением реального удельного веса этого начала в нашем хозяйстве. Поскольку замечания т. Дволайцкого не учитывают эту сторону дела, я считаю их неправильными. Поскольку же т. Дволайцкий говорил о том, что мое преувеличение роли планового начала основано на незнании ряда конкретных фактов и что мне после написания второго, конкретного, тома настоящей работы придется пересмотреть первый, я не имею ничего возразить. Я сделаю это охотно, всякое критическое замечание, которое будет связано с аргументами, на основании которых можно произвести пересмотр, будет мной принято во внимание не только после написания второй книжки настоящей работы, но уже при корректуре первой.

Я совершенно согласен с указанием т. Дволайцкого относительно того, что когда я говорил о цене паровоза, я не привлек во внимание связь транспорта со всем хозяйством в смысле амортизации инвентаря, и со стороны размеров фрахтов, которые также определяются общехозяйственной ситуацией. Должен, однако, сказать, что у меня была такая формулировка: на этом участке государственного хозяйства, где государство является монопольным производителем и покупателем, минимально действует закон ценности; я не сказал, что он не действует абсолютно. Минимальное закона ценности может включать как раз действие по тому каналу, о котором говорил т. Дволайцкий, о котором я конкретно не упомянул.

Я согласен с тем, что и в ряде других случаев эта связь окажется более сильной, чем я изобразил в моей работе. Смотрите на нее, как на первоначальный набросок. Здесь нет и быть не может настолько точных формулировок, чтобы их не пришлось кой в чем менять. Таких формулировок один я дать не мог, это должно быть продуктом коллективной и довольно длительной работы.

Теперь относительно предвидения балансов наших предприятий. Каждый производитель, который сидит в тресте, должен согласиться, что если тресту утвердили производственную программу, если ему даны твердые цены, через которые он не может переступить под страхом серьезнейшей ответственности, если он имеет определенного размера кредитование в банке, его собственный основной и оборотным

капитал, который он получает, более или менее фиксирован, тогда при наличности всех этих условий—и когда к тому же известно, какой коллективный договор с этим трестом заключит профсоюз, и когда, при наличии товарного голода, нет основания ожидать заминки в реализации—при всех этих данных баланс этого предприятия совершенно обеспечен на $\frac{1}{6}$ заранее. Если отвлечься от валютных колебаний, о которых я здесь не говорю, то выполнение производственной программы при всех этих условиях дано или не дано? Я считаю, что дано. А тем дан заранее в основном и баланс треста, если не ломается вся хозяйственная конъюнктура. В этом существенная разница между государственными предприятиями теперь и теми же предприятиями до революции.

Тов. Рагольский совершенно напрасно упрекнул меня в том, что я не учел возможности производственной забастовки со стороны крестьянина, если мы дадим цену ниже той, которая соответствует трудовым затратам в области данной культуры. Как раз наоборот. Об этом у меня было много сказано в докладе, и я подозреваю, что т. Рагольский эту часть моего доклада, а, может быть, и весь доклад не слышал. Он говорил, что социалистическое накопление может угрожать разрывом с крестьянством, ликвидацией смычки и т. д. Между тем мы в настоящее время имеем размычку с крестьянством благодаря товарному голоду, а товарный голод происходит вследствие недостаточного накопления. Как же мы можем благодаря успешному накоплению разрывать с крестьянством, когда от перепроизводства выигрывает как раз покупатель, а не производитель? Здесь он неясно представляет себе всю суть дела. Он находится под впечатлением того панического выстрела в меня, который сделал т. Бухарин в прошлом году против моей формулировки закона первоначального социалистического накопления.

Теперь о замечании того же товарища относительно того, что я не учел такого интересного факта в наших производственных отношениях, как „домашний социалистический рабочий“—кустарь, работающий на государственное хозяйство. Согласен, что об этом у меня не сказано. Я использую это замечание при характеристике той системы своеобразных производственных отношений, которые складываются в нашем хозяйстве. Но термин „домашний социалистический рабочий“ не годится. Социалистичность здесь весьма скромного размера и лучше говорить о домашнем рабочем государственного хозяйства.

Выступление тов. Черномордика было очень содержательным. Но и он в основном вопросе, в вопросе о социалистическом накоплении, стоит на точке зрения тех оппонентов, которые не поняли, почему я говорю здесь о законе. Не поняли отчасти, может быть, по моей вине, потому что я недостаточно развил это место. Он говорит: „По моему, социалистическое накопление—это самая безобидная штука, социалистическое накопление и основной закон социалистического накопления—две совершенно различные вещи“. Я не могу сказать, что простые разговоры о социалистическом накоплении это безобидная штука: по-моему, опасная штука—простые разговоры о социалистиче-

ском накоплении без достаточного социалистического накопления на деле (Смех). Изучение закона социалистического накопления, как необходимой формы движения вперед нашей системы, помогает тому реальному процессу развертывания социалистических отношений, который является основной целью всей нашей сознательной, а частью полусознательной деятельности. Я считаю, что раз мы говорим о социалистическом накоплении, мы должны сейчас же поставить вопрос, какая закономерность за этим скрывается. Т. Солпцев был абсолютно прав, когда упрекнул оппонентов в том, что у них только голая фраза о плановом начале, а нет понимания закономерностей, которые складываются как раз в борьбе планового начала с рыночной стихией, в борьбе за ликвидацию закона ценности.

Тов. Стецкий заметил, что можно говорить о борьбе планового начала со стихией, с рынком, с частным хозяйством, но нет оснований говорить при этом о законе социалистического накопления. Я ему должен сказать, как и всем другим товарищам, стоящим на его точке зрения, что борьба планового начала со стихийным была у нас и в период военного коммунизма, борьба со стихией будет вестись и через 25 лет. Чем же отличается, чем характеризуется именно теперешний период этой борьбы, в чем своеобразие нашей теперешней ситуации? Маркс и Ленин учили нас брать и уметь понимать каждый данный период в его своеобразии. Чем характеризуется именно в данный период борьба со стихийным началом? В чем его особенность? На этот вопрос оппоненты не знают, что ответить, кроме фразы: „Идет борьба планового начала с рынком“. Для науки этого мало. А поскольку мы хотим продвинуться дальше, мы наталкиваемся на проблему борьбы двух основных законов, лежащих в основе смешанной товарно-социалистической системы хозяйства, хотя бы закон первоначального социалистического накопления, в отличие от закона ценности, прокладывая себе путь через коллективное сознание правящего пролетариата и его органов.

Тов. Черномордик сделал очень ценное замечание по поводу того, насколько стихийное начало господствует у нас в планирующих органах транспорта, в плановой политике тарификации. Но что это доказывает? Это доказывает, что плановое начало даже на таких командных высотах, как транспорт, мы, в сущности, как следует еще не проводим. Необходима плановая политика социалистического накопления и со стороны транспорта. В этом отношении мы еще очень и очень далеки от использования всех объективных возможностей, заложенных в нашей системе. На все это я уже указал в статье о социалистическом накоплении. Вопрос относительно роли транспорта в плановом хозяйстве играет колоссальное значение. Наибольшая организованность нашего государственного хозяйства означает в то же время и максимальную возможность маневрировать всей массой командных высот, которые находятся в нашем распоряжении, что сейчас не достигается, что достигается с трудом, но что объективно может быть достигнуто.

Теперь о замечаниях т. Розенберга. Он возражал мне по поводу ренты. Он говорил: представьте себе, что мы имеем, допустим, кино,

это кино арендует участок земли и благодаря тому, что арендует участок земли, вынуждено дороже продавать свои билеты. Откуда же, однако, здесь получается дифференциальная рента в Марксовом смысле этого термина, я совсем не понял. Если потребитель, т.-е. посетитель кино, платит ренту, то возникает вопрос: кто же производит ту прибавочную ценность, которая дает ренту? На этот вопрос ответа нет. С этой точки зрения я считаю возражение неправильным, хотя в данном случае вопрос сложнее, чем тогда, когда дело идет о двух государственных органах. Еще сложнее бывает положение, когда дело идет о взаимоотношениях с частным хозяйством. Здесь бывают иногда отношения, напоминающие отношения ренты. Вообще же если мы правильно теоретически будем их классифицировать, это не значит, что меньше будем брать с частного торговца, который у нас будет арендовать тот или другой участок земли.

Тов. Коган сказал, что хотел бы идти дальше меня и доказать, что у нас один регулятор хозяйства, это закон социалистического накопления. Я должен сказать, что не разделяю этого взгляда, это недопустимое преувеличение. Однако во всем другом постановка вопроса у т. Когана была совершенно верной. Нашим экономистам, которые подходят к организации производства скорее как юристы, он правильно заметил, что закон ценности начинает действовать тогда, когда отдельные производители связаны с мировым хозяйством и когда есть налицо частная собственность на орудия производства. Из того же факта, что у нас произведена коллективизация средств производства на важнейших участках, что в смысле соотношения основного капитала мы имеем преимущество над крестьянством, должны простекать очень важные последствия в деле ограничения закона ценности. Иначе выходит, что закон ценности отрывается от естественной базы производственных отношений, регулятором которых он является и на базе которых исторически возникает.

Это указание т. Когана является абсолютно верным. У нас недостаточно учитывают факт социализации орудий производства, что серьезнейшим образом должно влиять на всю систему регулирования, и слишком переоценивают значение формы меновых отношений в хозяйстве.

В заключение несколько слов относительно замечаний т. Крицмана.

Он сделал несколько замечаний, из которых главным и основным считаю указание на то, что я не сказал, до какого же предела мы можем изменять ценностные отношения с товарным хозяйством, поскольку дело идет не о поощрении одних культур за счет других, а когда дело идет о взаимоотношении со всем крестьянским хозяйством в целом. Я не рассмотрел в настоящем докладе этого вопроса, но продолжаю считать правильным мое утверждение, сделанное раньше, против товарищей, которые говорили в защиту эквивалентного обмена с деревней. Повторяю, что вопрос об эквивалентном обмене с крестьянским хозяйством является для нас утопией практически и ошибочен теоретически, потому что не может быть эквивалентного обмена тогда, когда одна система раз-

нивается за счет вытеснения другой. Мы ведь здесь с вами привнали факт борьбы двух систем; как же вы хотите, чтобы развитие могло идти при наличии эквивалентного обмена между той и другой формой? Это не наука, не марксизм. Это можно доказать совершенно научно арифметическим расчетом пропорций обмена веществ между городом и деревней. Эквивалентный обмен был бы налогом на социализм в пользу мелкого производства. В то же время я считаю, что постановка вопроса, которую сделал т. Крицман, не связана с требованием эквивалентности. Тов. Крицман ставил только вопрос о том, как будут определяться взаимоотношения, когда мы берем в целом одну систему хозяйства в ее отношении к другой. Я считаю этот вопрос чрезвычайно важным и вот почему. Мы с крестьянским хозяйством, как конкуренты в одной и той же области производства, не сталкиваемся: роль наших совхозов ничтожна. Наша промышленность, социалистическая по ее организации и в то же время промышленность крупная по ее технике, есть другая отрасль производства, чем земледелие. Во-вторых, крестьянская экономика есть хозяйство, которое находится на другой ступени исторического развития, чем государственное хозяйство. В этом вся трудность проблемы, поставленной т. Крицманом, трудность вопроса, как же мы будем регулировать отношения и обмен веществ между различными системами хозяйства, которые одновременно представляют и различные сферы приложения общественного труда. Однако при разработке закона первоначального социалистического накопления мы, мне думается, можем найти ответ на этот вопрос. Здесь не может быть никаких постоянных пропорций при обмене веществ, пропорции будут меняться.

Затем т. Крицман говорит, что я не учел важности товарного характера связи между государственным и частным хозяйством. Я должен сознаться, что я мало на этом остановился: этот вопрос подлежит особому изучению. Он сводится, главным образом, к оценке соотношения между формой и содержанием в нашем хозяйстве, к изучению динамики всего процесса. В той моей работе, о которой упоминал т. Дволайцкий, я затронул немного этот вопрос, хотя и в неудачной форме, непохожей на научное исследование. Я думаю, что теперь у нас эта работа будет продолжаться, потому что материала для исследования с 1922 г., когда я писал „От напa к социализму“, накопилось чрезвычайно много, но теоретическое изучение его подвигается очень слабо. Если у меня этот вопрос теоретически слабо разработан, это не только моя вина, но наша общая вина.

Моя работа по теории советского хозяйства представляет из себя, как говорили некоторые товарищи, только почин в этом направлении. Я лично считаю, что почин был сделан т. Лениным в его работах, в которых он дал основы теории советской системы общества и первые наброски теории советского хозяйства. Нам надо продолжать его работу. Мы не можем достигнуть в этой области серьезных научных успехов, если эта работа не будет продолжаться всеми нами коллективно. И надо пожелать, чтобы наши прения послужили стимулом к такой коллективной разработке теории советского хозяйства.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ¹⁾

(М. Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России. «Прибой» 1925 г.— *Его же* — Японская война, сб. «1905», т. I)

I

«Века протекали, лицо изменилось земли», только самодержавие, как «политически организованный капитал», оставалось неизменным в течение веков. Внутренняя и внешняя политика царизма вплоть до 1917 года определялась только интересами торгового капитала. Русское самодержавие оставалось недостижимым для диалектики. Вот вывод тов. Покровского по вопросу о социальной природе русского самодержавия.

Свое изложение т. Покровский доказывает анализом колониальной политики царизма и детальным исследованием причины русско-японской войны. Война в самом деле заслуживает особого внимания. Она великолепно иллюстрирует приемы царизма и особенности развития России. Но нелегко докопаться до корней войны даже т. Покровскому. В «Самом сжатом очерке» война оказывается продуктом не то авантюристской политики царизма, не то продуктом интересов металлургии, в «Курсе лекций» война вызывается в первую очередь интересами торгового капитала. В статье, помещенной в сборнике «1905», «война только одной стороной входит в систему империализма» (стр. 607), а в брошюре «Значение революции 1905 г.» «империализмом в ней только чуть-чуть припахивало» (стр. 10). Еще больше приводит в недоумение характеристика Витте и Безобразова, творивших внешнюю политику на Дальнем Востоке. «Руководителем авантюры был торговый капитал (курсив М. П.),—пишет т. П.,— в двух ипостасях: «Старой редакции» военно-грабительской, воплощавшейся в Николае, и безобразовской шайке, «Новой», с промышленной, отчасти с финансовой складкой,—эта новая редакция и нашла свое воплощение в Витте, на поводу которого шла русская дипломатия на Дальнем Востоке» ²⁾. В той же статье, несколькими строками выше: «Витте представлял собой торговый капитал, как он сложился во 2-й половине XIX века, а отчасти промышленный, хотя и во вторую очередь» (стр. 571). А в «Очерках по истории революци-

¹⁾ От редакции: Вопрос о социальной природе русского самодержавия был подвергнут обсуждению в нашем журнале в статьях т. М. Покровского. Редакция дает в настоящей книге место критике взглядов т. Покровского со стороны т. Томсинова и ответу т. Покровского.

²⁾ Японская война. Сборник „1905“. том I, стр. 606.

онного движения в России XIX и XX вв.» (стр. 125) «в 90-х годах, в лице Витте временно утвердилась гегемония промышленного капитала» (курсив мой).

Чьи же интересы в конце концов выражал Витте: промышленного и даже отчасти финансового, торгового или исключительно промышленного? Противоречивые определения показывают, что не дан ответ на вопрос о характере русско-японской войны, а, следовательно, и на вопрос о природе русского самодержавия.

Каким же образом доказывается, что Кавказ, Средняя Азия и Манчжурия завоевывались исключительно в интересах торгового капитала? Во-первых, заинтересованность торгового капитала выводится только из тех задач, которые себе ставила военщина (Куропаткин, Безобразов, колонизаторы Средней Азии и Кавказа, минфин Витте и пр.), занимавшаяся грабежом. Во-вторых, приемы этой группы приводят т. Покровского к следующему выводу: «На протяжении трех четвертей столетия,—пишет он,—методы действия эволюционировали так мало, что было бы смешным педантством здесь искать какого-нибудь «социального перерождения». При Николае II, как и при Александре I, непосредственной целью русской колониальной политики было то же, что являлось такой же целью для португальцев и голландцев XVII века—прямой грабеж, и было бы в высшей степени странно—заканчивает т. П.,—если бы эти типические приемы первоначального накопления руководились властью более совершенного типа, чем европейский абсолютизм XVI—XVII веков»¹⁾.

Разберем выводы т. Покровского. Действительно ли колониальная политика определялась только или в первую очередь интересами торгового капитала? Верно ли, что только грабеж был целью колониальной политики Александра I и Николая II?

Талантливый историк допускает две методологические ошибки. Во-первых, он неверно изображает роль торгового капитала. Форма торговых связей, как и социальная природа русской государственной власти, не терпит у него никаких изменений от XVI до XX века. Хотя он упоминает о связи русской торговли с банковским капиталом XX века, но это не мешает ему совершенно оторвать торговлю от производственных отношений. Торговый капитал для него является самодовлеющим фактором, и он не видит разницы между ролью и характером торговли и колониальных войн в эпоху торгового и промышленного капитала.

Цитируя ли слова Александра I о том, что «торговые выгоды выше территориальных приобретений»²⁾, говоря ли о «развитии торговых сношений с оседлыми соседями киргизов» в середине XVIII в., приводя ли данные из документа о хивинском походе в 1839 г., который «должен был оградить русские торговые интересы в Центральной Азии», выписывая ли обширные извлечения из доклада Витте о торговых интересах России на Дальнем Востоке, о на-

1) „Марксизм и особенности исторического развития России“, стр. 118., Прибой“.

2) „1905“, т. I, стр. 517.

значении капиталов Русско-Китайского банка «служить развитию торговли на Востоке», ¹⁾ — тов. Покровский приходит к одному выводу: история творилась в интересах торгового капитала разбойничье-колониальными методами XVII в. Не совсем удобно строить выводы на основе официальной терминологии, которая, как известно, очень туго поддается... «диалектике». Кому принадлежит, например, следующая речь? Может быть представителю именитого купечества? ...»Все главные государственные учреждения заняты к о м м е р ч е с к и м и вопросами. Военное и морское министерства заняты подготовкой защиты рынков и покровительством торговым сношениям с границей. Торговля является важнейшим вопросом современности. Только правительство, способствующее наибольшему развитию торгового оборота, заслуживает поддержки населения». Это говорил не агент московского торгового капитала, а... небезызвестный империалист Чемберлен. Свою речь он произнес не на нижегородской ярмарке, а в Бирмингеме, центре железодельной и стальной промышленности ²⁾. На таком устаревшем языке объяснялся вождь английского империализма. Посему купеческая терминология русских генералов и даже минфина не дает еще оснований для того, чтобы подчинить интересам торгового капитала и борьбу с киргизами (середина XVIII в.), и борьбу за хлопок и нефть (середина XIX в.) и борьбу за железнодорожное строительство в Китае (начало XX в.).

«При капиталистическом способе производства—не мешает напомнить место из «Капитала»—т.-е. когда капитал овладевает самим производством и придает ему совершенно измененную и специфическую форму—купеческий капитал является лишь капиталом с особой функцией. При всех прежних способах производства и тем в большей мере, чем более производство есть непосредственно производство средств существования для самого производителя,—купеческий капитал представляется функцией капитала «*par excellence*» («Капитал, книга III, глава двадцатая, стр. 310—311, Гиз, под ред. Богданова и Степанова). «На подготовительных ступенях капиталистического общества торговля господствует над производством, а в современном обществе наоборот» (там же, стр. 314).

Нельзя ставить знака равенства между колониально-торговыми войнами в эпоху первоначального накопления и финансовым капиталом. В XVII в. грабеж происходил не только в форме непосредственного ограбления, но и в форме торговли. В эпоху промышленного и финансового капитала грабеж происходит в форме расширения районов хозяйственной эксплуатации, создания промышленных предприятий и т. д.

Во-вторых, вместо материалистического метода у него господствует психологический: официальные донесения ему заменяют объективный экономический анализ, который совершенно отсутствует в статье о «русско-японской войне». Обратимся к фактам.

¹⁾ „1905“, т. I, стр. 532.

²⁾ „Современный империализм“, стр. 19. „Московский Рабочий“, 1925 г.

В чьих интересах завоевывалась Средняя Азия? Она, как известно, в первую очередь была источником сырья для промышленного капитала: хлопковые плантации разрабатывались лодзинскими и московскими текстильщиками. Торговый баланс между метрополией и колонией был исключительно в интересах промышленной буржуазии: за 15 лет (1892—1907) вывоз мануфактуры из России в Туркестан возрос на 425%, изделий из стали и железа — на 374%¹⁾.

А в чем же были выгоды помещиков? Ни в чем, если не считать грабежа военной верхушки. Может быть, Туркестан облегчил аграрный кризис России? Нисколько. До 1908 г. были устроены всего 30 казачьих станиц и 41 крестьянских селений и слобод²⁾.

То же самое относится и к Бухаре и Хиве. Метрополия исключительно вывозила фабрикаты и очень мало жизненных припасов³⁾.

Не только крепостник, но и аграрий от завоеваний Бухары ничего не получили. Персия и Кавказ были также рынками для мануфактуры. Кавказ, кроме того, снабжал нашу промышленность нефтью.

Таким образом, очевидно, что никакой речи быть не может о колониальных войнах России только в интересах торгового капитала и прямого грабежа. Правда, торговля хлопком в среднеазиатском районе находилась в руках нескольких крупных торговых ростовщических фирм, которые поддерживали полукрепостническую байскую кабалу в деревне; но эти ростовщики были приказчиками бумагопрядильной промышленности Лодзи и Москвы и служили, таким образом, в первую очередь промышленному капиталу. «В эпоху капиталистического производства купеческий капитал функционирует уже только, как агент промышленного капитала» (Капитал, III т., 1 ч., стр. 311).

Можно, конечно, возразить, что таков был объективный ход вещей. Может быть, сознательно же царский аппарат работал в первую очередь только в интересах торгового капитала?! Послушаем по этому поводу компетентного исследователя, который забыл в 1925 г. то, что писал в 1923 г.

«Медленное расширение внутреннего рынка и ставило перед русским промышленным капитализмом, чуть не с момента его зарождения, вопрос о рынках внешних. Экономический смысл русско-турецких войн и заключался в попытках русской мануфактуры прорваться на юг от Черного моря, Кавказского хребта и Каспийского моря в страны передней Азии, где, как еще в 1836 году находил государственный совет Николая I, «при настоящем усовершенствовании фабрик и мануфактур, изделия наши могут начинать соперничество с иностранными, приготовляемыми собственно для азиатского торга, как в доброте, так и в цене»... А так как «законными хозяевами» мануфактурного рынка этих стран были уже в те времена

¹⁾ См. „Мелкий кредит в Туркестане“, стр. 62—63, цитирую во „Колониальной революции“ Сафарова, 37 стр.

²⁾ Массальский — „Туркестанский край“, 43 стр.

³⁾ „Средне-азиатский экономический район“, Ташкент. 1922 г.

англичане, то стремление русского самодержавия «пролагать оружием новые пути для торговли нашей на Востоке» тотчас же встречало отпор со стороны «заграничной расчетливости», в свою очередь стремившейся «заградить пути нам в Азию с той стороны, где иностранцы открыли новый сбыт своих произведений—сбыт, который, как известно, значительно озабочивает ныне Англию и Францию». «Таким образом, заканчивает исследователь — вы видите, что эти войны были необходимы, как отдушину для русского промышленного капитала».

Как видит читатель, здесь духом торгового капитала и не пахло. Хотя эти строки писались в 1923 г., но думаем, что за два года они не потеряли своего значения ¹⁾.

Даже колонизация Сибири не является исключением. Правда, здесь торговый капитал получил больше, чем где бы то ни было.

Сибирская ж. д., протянувшаяся на расстоянии свыше 8.000 верст, захватила не менее 100 верст по сторонам, открыла пространство, превышающее всю Среднюю Европу. Дорога установила прямое сообщение Европы с Китаем и Кореей—полумиллиардным населением.

Подобно тому, как Индия стала крупным потребителем английских товаров, так и для русской промышленности главная задача заключалась в развитии денежного хозяйства в своей безбрежной Индии—Сибири.

Раньше, когда торговые пути Сибири не допускали возможности развить грузы большой скорости, сибирское сырье оседало в пределах Европейской России. С проведением железной дороги сибирское сырье, напр., сливочное масло, получило весьма широкий сбыт. Масло инородческих предгорий Алтая, вывозившееся через Балтийские порты, стало продаваться в Копенгагене, Лондоне и Гамбурге. В 1903 г., например, из 8.206.981 п. сибирского масла, вывезенного из пределов Сибири в западном направлении—2.148.600 п. было вывезено в балтийские порты: Ригу, Виндаву, Ревель, Либаву и Петербург. Даже золотопромышленность, которая была первою отраслью эксплуатации Сибири, уступила свое место новым ветвям сибирского хозяйства. Ценность вывозимого из Сибири сливочного масла превышала ежегодную добычу золотых приисков. Сибирские недра и сибирские леса, долго служившие главными источниками обогащения, уступали свои позиции сибирским полям и лугам ²⁾. Такой быстрый рост Сибири заставляет притти к совершенно противоположным выводам — торговому капиталу не надо было драться немедленно.

«Казалось бы, раз имеется Сибирская железная дорога—пишет г. Покровский—проще гораздо сырье возить прямым путем по ж. д. на Запад, нежели кругом всей Азии и всей Европы кружить его на пароходе. Но тут надо иметь в виду, что пароходные фрахты в то

¹⁾ М. Н. Покровский—„Борьба классов в русской исторической литературе“. „Првбой“ 1923 г., стр. 69, 70.

²⁾ В. А. Сахавский—„Очерки Амурской области в связи с грузо-оборотом проектируемой средне-амурской ж. д.“. Сиб. 1909, стр. 269.

время, да отчасти и теперь хотя в меньшей пропорции, были в 25 раз ниже железнодорожных» 1).

Данные тов. Покровского не совсем точны. Фрахт за пуд товаров от Москвы до Владивостока морем стоил в среднем 82 коп., а по ж. д. по самому дешевому тарифу 76 коп. и более дорогому один рубль. Но зато морская перевозка продолжается 60 дней, а жел.-дор.—30—40 дней 2).

При этом очень мало сырья вывозилось в Европу через дальневосточные порты. Также неверно, что безобразовская компания на р. Ялу вывозила лес в Западную Европу через дальневосточные порты 3). Авантюристы нагрузили лесом только одно судно. На второе судно леса не хватило, и лес купили американский 4).

И до и после войны с Японией сибирское сырье по маршруту, укзывается тов. Покровским, вывозилось в крайне незначительном количестве или совсем не вывозилось 5).

Из Восточной Сибири нечего было вывозить в Китай. Наконец торговому капиталу предстояло не мало работ в самой Сибири, которая на 60% наводнялась иностранными товарами 6)

Никакие тарифные ухищрения не могли бы заставить Манчжурию покупать русский хлеб. Так было и на деле. Восточно-Китайская железная дорога искала и придумывала грузов, но ничего не выходило. Ухищрения железной дороги разбивались об упрямство китайцев, которые устанавливали более дешевую гужевую доставку.

Внешняя торговля в Южной Манчжурии быстро возрастала. Ввоз и вывоз в Инкоу (порт на юге Манчжурии) составлял: в 1896 г. 30 милл. р., в 1898 г.—44 милл. р., в 1899 году—67 милл. р., в 1900 г.—72 милл. р.

Водоизмещение всех судов, приходивших в 1897 году в Инкоу, выражалось в 827.000 тонн; на долю англичан приходилось 309.000 тонн (37%), на долю японцев 220.000 тонн (24%), Америки—4.800 тонн (1/2%), России—3.452 тонн, т.-е. менее 1/2%. Ввозились хлопчатобумажные европейские и японские товары, железо, керосин и грубый хлопок-сырец из Южного Китая. Вопреки желанию тов. Покровского, в Манчжурию ни жизненные припасы, ни сырье из России не вывозились. Манчжурия — большой рынок для готовых фабрикатов, а не для сырья. Следовательно, война не могла вестись в первую голову в интересах торгового капитала.

1) Очерки по истории революционного движения, стр. 130.

2) Н. А. Саханский, стр. 271.

3) Покровский, Очерки... стр. 131.

4) „Владивосток“ 1905 г. № 16 цитир. по „Дневнику“ Куронаткина.

5) Если мы возьмем данные 1900 г., то окажется, что сибирский хлеб на граничные рынки вывозился через западную сухопутную границу в количестве 30.766 пуд., через порты Балт. моря—3.352 260 п., через порты Велого моря—1.751.768, через порты Азовского моря—562.271 п., через порты Черного моря—337.959. Данные и за остальные годы не подтверждают положения тов. Покровского (Л. Шиша—Роль иностр. капиталов в Сибири—„Сибирские огни“ 1923 г.).

6) Н. В. Солонин—„Современное положение нашего Дальнего Востока“—Спб. 1908, стр. 116.

Промышленный капитал в конечном итоге получил в Сибири больше торгового: за четыре года (1897—1900) вывоз каменного угля в Сибирь возрос в 90, землед. орудий в—19, железных орудий— в 5, мануфактуры и машинных частей—2,5 раза ¹⁾. Если интересы торгового капитала были связаны с хлебным экспортом на Запад через порты Балтийского и Черного морей, то судьба промышленного капитала решалась только на восточных рынках.

В статье «Значение революции 1905 года» ²⁾ т. Покровский приводит новый аргумент. «Манчжурия завоевывалась с той целью, чтобы выбросить русского крестьянина, эксплуатируемого торговым капиталом, за пределы Сибири, создать вне последней новый район торгово-капиталистической эксплуатации».

Переселенческая политика правительства приводит к совершенно противоположным выводам. Вот что говорит специалист по переселенческому делу ³⁾: «Закон 1904 года, правда, не требует разрешения на переселение, но требует «разрешения на переселение с содействием правительства» (ст. 3), которое выдается переселенцам, идущим в местности, «заселение коих вызывается видами правительства», или из местностей и обществ, добровольное выселение из которых признается, вследствие особо неблагоприятных местных хозяйственных условий, желательным, и ставит выдачу такого разрешения в зависимость от усмотрения уездных с'ездов. Разрешения на переселение, значит, как будто не требуется, а требуется только что-то вроде свидетельства на право пользоваться при переселении содействием правительства. Но в то время, как законы 7 декабря и 15 апреля 1896 г. предоставили каждому, желающему послать в Сибирь ходока, а каждому ходоку, зачислившему за собою землю, обменять ходоцкое свидетельство на проходное переселенческое, значит делали переселение свободным, под одним лишь условием посылки ходока, новый закон предоставляет право посылки ходока лишь тем, кто уже получил «разрешение на переселение с содействием правительства»; не получившие такого разрешения, хотя и не именуется самовольными, но подчиняются действию всех тех ограничений, которые установлены были законом 15 апреля 1896 г. для самовольных; да и с соблюдением таких ограничений они могут быть устроены только в сибирских губерниях и в степном генерал-губернаторстве. Раз переселенец, не хлопотавший о праве на «содействие правительства» или лишенный этого права по усмотрению уездного с'езда, попал, положим, в Тургайскую область или в Приамурский край,—он ни в каком случае не может быть устроен и таким образом оказывается в гораздо худшем положении, нежели прежние «самовольные» переселенцы.

¹⁾ Р. А. Саханский—«Очерки амурской области в связи с грузооборотом проектируемой средне-амурской ж. д.»—Сиб. 1909 г., стр. 267).

²⁾ Ленинград, Гиз, 1925 г., стр. 8.

³⁾ «Аграрный вопрос в России», изд. «Беседа» 1906 г. статья А. А. Кауфмана—«Переселение», стр. 152.

Таким образом новый закон 1904 г., исходя из принципа свободы переселения, значительно сузил даже и ту свободу, которая, по крайней мере, на бумаге существовала по закону 7 декабря 1896 г., и, задавшись целью устранить деление переселенцев на законных и самовольных, он создал категорию переселенцев, которых положение хуже, нежели положение прежних самовольных.

Каковы же были результаты переселения? Задолго до войны выяснилось, что нечего надеяться на переселенчество. Вот что об этом сказано в официальном документе: ¹⁾ «...правительство не находило однако возможным активно содействовать переселениям крестьян или побуждать их к этому. С одной стороны, по словам департамента окладных сборов, оно опасалось, что и «свободный запас удобных для сельскохозяйственной обработки земель, имеющийся на окраинах, не настолько велик, чтобы служить для устройства всего или даже значительной части избытка крестьянского населения в целях улучшения крестьянского землепользования в местностях Европ. России, испытывающих малоземелье»; с другой стороны, правительство полагало, что «крестьяне, которые вели у себя на родине хозяйство в слишком малом размере, являются вообще ненадежным элементом для заселения свободных земель, так как, предоставленные собственным силам, они теряются, не умеют бороться с затруднениями и часто даже, после некоторых неудачных попыток устроиться, бросают отведенные им земли и уходят обратно на родину». В виду этих соображений правительственная точка зрения на переселения сводилась к тому, что «правительство признает это движение и допускает его при известных условиях, но не вызывает крестьян на переселение и, оказывая переселенцам лишь некоторое содействие, в то же время предоставляет им действовать за собственный их счет и риск».

Итак, во время самой энергичной подготовки к войне правительство ограничивает права переселенцев. Как же это связать с теорией тов. Покровского? Само правительство в начале XX века извѣрилось в результатах колонизационно-переселенческой политики и нисколько не придавало серьезного значения переселению, как средству, которое помогло бы, хотя бы кое-как избавиться от земельного голода. Удачная хлебная конъюнктура на мировом рынке обострила вопрос о Дарданеллах, а не о Манчжурии. Русский генштаб тогда был на верном пути. Тогдашний военный министр Куропаткин готовился к войне на западной границе.

Неверно и то положение Покровского, что «каждый раз падение торгового баланса вызывало пароксизм империалистической лихорадки у Романовых» ²⁾, т.-е. неверно, что война с Японией вызвана исключительно интересами торгового капитала. Т. Покровский почему-то считает 1900 год началом русско-японской войны. (Сальдо торгового баланса в 1899 г. было—23, а в 1900 г. только+90).

¹⁾ Записка департ. окл. сборов, стр. 29, цитирую по сб. „Аграрный вопрос“, укова и Петрункевича, стр. 53.

²⁾ Покровский — „Марксизм и особенности развития России“, стр. 102.

С большим успехом началом войны с Японией можно считать 1895 год, когда Россия лишила Японию в Симонсеки плодов побед над Китаем. А в том же 1895 году был активный торговый баланс (+153). После 1900 г. вплоть до 1905 г. идет непрерывный ряд лет с очень выгодным активным балансом (+168, +261, +319, +355, +442). Никогда еще Россия не имела такого счастливого торгового баланса. Между тем, никогда еще не было такого пароксизма империалистической политики как в те годы, которые совпадают с промышленным кризисом и с очень высоким активным торговым балансом. Если даже принять 1899 и 1900 г. за начало войны с Японией, то бацилла лихорадки была в мировом финансовом кризисе, начавшемся в конце 1899 г.

Итак, ничего не придумаешь для того, чтобы доказать, что с восьмидесятых годов XIX века внешняя политика царизма определяется только или в первую очередь интересами торгового капитала.

Наконец, надо поговорить об «особых» приемах царизма в области колониальной политики.

Англия к концу XIX в. свою колониальную политику не сводила исключительно к грабежу. Свои колонии она орошала, сушила, устраивала в них артезианские колодцы, создавала промышленные предприятия и т. д. Россия шла по тому же пути. Войны Петра I были не только войнами за торговые пути, как думает тов. Покровский ¹⁾. Они глубоко отличались от голландских торговых войн XVI в. „Завоевание Индии португальцами, голландцами, англичанами с 1500 по 1800 имело целью ввоз из Индии. О вывозе туда ни один человек не думал“ (Энгельс Конраду Шмидту). Колониальные войны царизма преследовали другую цель. Царизм каленым железом выжигал Приуралье и Башкирию. Десятки тысяч десятин земли раздавались фаворитам. Сотни тысяч инородцев ссылались на каторжные работы. К концу XVIII в. были налицо результаты колониального грабежа Башкирии, Киргизии и Татарии. До восьмидесятых годов XVIII в. Россия добывала вдвое больше чугуна, чем Англия, и вывозила за границу половину своего производства. Еще в 20-х годах XIX в. Россия получала чугуна в 1½ раза больше Франции, в 4½ раза больше Пруссии и в три раза больше Бельгии. Восточные окраины России ограблялись не только из-за торговых путей, но для создания важнейшего района хозяйственной эксплуатации в интересах горных заводчиков. К концу восьмидесятых годов (XIX в.) хозяйственная эксплуатация (а не только грабеж) Кавказа и Средней Азии достигла значительных размеров. Кавказская нефть не побил бы мировой рекорд, а средне-азиатское сырье не достигло бы 6,2 мил. пуд. к 1905 г., если история творилась бы исключительно по тов. Покровскому.

Внедрение России в Персию даже в 20-х годах прошлого века во многом уже не было чисто хищническим использованием рынка

¹⁾ „Значение революции 1905 г.“, стр. 9.

в целях торгово-капиталистического накопления. Русский промышленный капитал издавна использовывал Персию самостоятельно, сами капиталисты-фабриканты организовывали вывоз своих изделий в Персию, тут они действовали, как представители страны индустриализованной, использующей рынок более отсталой страны ¹⁾.

До чего нелеп взгляд, что русская колониальная политика была только хищнической и сводилась только к грабежу, видно из заявления тов. Покровского в другом месте ²⁾. что «английским товарам в Персии приходилось вести с русскими фабрикатами ожесточенную и вначале далеко не всегда успешную борьбу».

Посмотрим, как русское правительство орудовало в самой отсталой стране — в Монголии. «Последнее обстоятельство (т.е. появление конкурентов)—пишет М. Цвибак,—заставило обратить внимание хлопчатобумажных фабрикантов на Монголию, поставив вопрос о необходимости планомерного овладения монгольским рынком. Монголия делается модным вопросом для русской политики. Посылается экспедиция Соболева и Боголепова на средства М-ва Торговли и Промышленности, другая под руководством полковника Попова командирована московскими промышленными кругами. Торгово-капиталистические способы грубого хищнического использования монгольского рынка оказывались недостаточными. Переход от «героического» периода капитализма к более высоким формам организации рынка заставляет буржуазию менять свою систему. Длиннейшие повествования тов. Покровского о хищнических приемах «ташкентцев» никакого научного значения не имеют для понимания особенностей исторического развития России. Может быть консервативные разбойничьи методы говорят о том, что не эволюционировала социальная природа царизма?— Ничуть! Китайцы в 1900 г. чувствовали себя не лучше от того, что русские их топили в Амуре, а англичане—в Янг-Цзяне. Французы в современном Марокко нисколько не гуманнее голландских разбойников XVII в. Не приходится выдавать царизму свидетельства об особой жестокости в колониях и забронированности от диалектики.

Русско-польская политика ярко иллюстрирует эволюцию социальной природы царизма. Если в 60-х годах XIX в. искали союзника в лице польского мужаика, то к революции 1905 года совершенно меняется картина. Автономистские программы польской шляхты и буржуазии принципиально оставались на почве российской государственности и совершенно отвергали проекты сепаратистов. Дети повстанцев превратились в угодников и примиренцев. «Восточные рынки сбыта» заставили выработать своеобразную «коммерческую конституцию». Но было бы ошибочно думать, что уступала только одна сторона. Уничтожая таможенную границу между Россией и Польшей, царизм жертвовал интересами своей буржуазии и помещиков. Сама метрополия становилась как бы колонией промышленной Польши. Зато царизм получил от польского коло (крупной буржуазии и шляхты)

¹⁾ М. Цвибак. — «Из истории капитализма в России». Лгр. 1925, стр. 74.

²⁾ Внешняя политика. Сборник статей, 151 стр., изд. 1918 года.

знаменитый законопроект об «автономии Польши», законопроект союза, основанного на разделении труда в борьбе с «врагами порядка». Московская буржуазия на основе этой платформы нашла в лице польского фабриканта верного союзника в борьбе за дальневосточные рынки. В эпоху империализма буржуазия метрополии находит общий язык с буржуазией угнетенного национального меньшинства. То, что проделал царизм по отношению к Польше накануне 1905 г., сейчас проделывает Чехо-Словакия по отношению к немецкой буржуазии, Румыния — к венгерским крепостникам, Югославия — к хорватским кулакам, Англия — к буржуазии Индии и Египта и т. д.

Торговля России с Польшей в 1911 г. 1).

Вывоз из России в Польшу.	Ввоз из Польши в Россию.	Разница в пользу Польши
Продовольствия 94,9 млн. р.	21,5 млн. р.	млн. р.
Сырья и полуфабрикатов . 98,1 " "	67,6 " "	" "
Готов. продуктов 126,8 " "	525,2 " "	" "
<u>319,8 " "</u>	<u>614,3 " "</u>	+ 294,5

Следовательно, даже колониальная политика царизма была подвержена диалектике, и войны России XVIII в., вопреки представлению тов. Покровского, значительно отличались от грабительских войн Голландии XVIII в.

Если подсчитаем число войн, то окажется, что царизм воевал в течение XIX в. в интересах

торгового капитала (ради хлебного экспорта)	промышленного капитала (ради экспорта готовых продуктов)
С Турцией 10 л. 11 м.	С Персией 11 л. м.
" Швейцарией 1 г. 3 "	В Средней Азии 30 " 9 м.
" Францией 3 " 3 "	На Кавказе 62 г. 6 "
<u>15 л. 5 "</u>	<u>104 " 3 "</u>

Российский промышленный капитал никогда и не мечтал об экспорте на Запад. Попытка экспортировать в Европу продукты Донбасса в годы кризиса не дала никаких положительных результатов. Эта табличка показывает, что из за интересов промышленной буржуазии пришлось царизму драться почти в семь раз дольше, чем из за интересов хлебного экспорта.

II.

Промышленный капитал, по мнению тов. Покровского, никакой политической роли не играл. «Торговый капитал еще и в это время (после революции 1905 г. С. Т.), — пишет тов. Покровский, — мог

1) „Die Bedeutung Polens für Russland“. Краков. 1917 г. А по истории польско-русских отношений см. статью К. Залевского в „Современном Мире“ № 12, 1907 г., Ю. Мархлевского — „Из истории Польши“. 1925 г.

играть роль хозяина, а промышленный являлся как бы гостем, притом нельзя даже сказать, чтобы гостем почетным, а таким, которого пускают в комнаты по необходимости, но по уходе его зовут прислугу, чтобы она открыла форточку и изгнала запах неприятного посетителя». 1)

Вот чем тов. Покровский аргументирует, что с промышленным капитализмом царизм не считался.

1) «Обзор «всеподданнейших» докладных записок русских министров финансов 1880 годов,—пишет он,—привел недавно одного молодого исследователя к выводу, что эти министры смотрели на таможенные пошлины только с фискальной точки зрения, видели в них только источник государственных доходов: т.-е, что до Витте протекционизма, «покровительственной системы» в России никто сознательно не применял». «В такой форме,—заявляет тов. П.,—это утверждение, конечно, неверно—доказательством служат не только цитированные слова Бунге, где прямо говорится о «покровительстве», но и кое-какие письма и слова (курсив мой. С. Т.) еще Александра I и Николая I. Но в такую ошибку легко впасть: так мало звучали интересы промышленного капитала в русской финансовой политике последней четверти XIX века». (Марксизм и особен. историч. развития России, стр. 99 и 100).

2) «Из слов Бунге (мин. фин. 1880 г. С. Т.) видно, что суть дела для него была не в покровительстве, а в перевесе отпуска над привозом, т.-е. в активном торговом балансе (курсив М. П.). Русский абсолютизм не только объективно был политически организованным торговым капиталом, он и мыслил себя, как таковой» (стр. 100 и 101. Марксизм и особ. историческ. разв. России).

Во-первых, у Александра I и Николая I находим не «кое-какие письма и слова», а войны из-за интересов промышленного капитала. Тов. Покровский, как мы уже цитировали выше, великолепно доказал задолго до этой дискуссии, как Николай I дрался из-за интересов текстильщиков. А что такое была континентальная блокада Александра I 2), как не война из-за интересов московских фабрикантов? Если покровительственная система проводилась бы только ради активного баланса, то никак не поймешь, почему наивысший, почти запретительный тариф устанавливается только в 1891 г. и почему тарифная скала повышается пропорционально нажиму буржуазии?

Пошлина на каменный уголь была прямым ответом на ходатайство съезда южных горнопромышленников. «Пошлина на чугун

1) Марксизм и особенности историч. развит. России, стр. 104.

2) «Наше земледелие падает,—писал в 1818 г. мнн. видел русскому представителю в Берлине.—потому что находим закрытыми для своих произведений все свои прежние рынки Европы; наша варожающаяся промышленность умрет в колыбели, потому что с установлением в 1818 г. вольностей, все иностранные промышленности ее соперницы, стали создавать ей такую конкуренцию, какой она не в силах выдержать». Вот что думал о «вольном» тарифе министр Александра I. (Исторический журнал „Борьба классов“, стр. 46, 1925. Статья Преснякова).

в 15 коп. золотом с пуда аккуратно отвечала заявлению с'езда металлопромышленников, при чем последние заявили свое прошение в 1883 г., а уже в 1884 г. оно было полностью удовлетворено. Следующий с'езд пожелал получить четвертак за пуд, а в 1887 г. четвертак был дан. На с'езде в Н.-Новгороде по поводу выставки в 1896 г., когда газета «Волгарь» писала, что в России «купечество все может» — чрезвычайно характерно заявление нижегородской газеты, газеты ярмарочного города. Представитель министерства финансов говорил: «министерство финансов признало нужным познакомиться со взглядами представителей торгово-промышленного класса на вопросы, наиболее их интересующие. Так поступало оно и прежде. Свыше 40 лет моей деятельности при министерстве финансов дают мне право утверждать, что мин. финансов всегда чутко прислушивалось к интересам промышленности и капитала».

«...На совещании по поводу установления нормального рабочего дня, 11¹/₂-часового рабочего дня, представитель министерства финансов буквально плакался на крайнюю требовательность предпринимателей. «Прошлый год,—говорит,—созвали 30 человек, говорят—мало; в нынешнем году созвали 200 человек, говорят—тоже мало. Сколько же вас надо приглашать, чтобы вы удовлетворились?».

Эти данные опять взяты у т. Покровского из «Очерков по истории революционного движения в России», стр. 123. Эти строки были т. Покровским забыты, когда надо было «опровергнуть» своего оппонента.

Даже Николай I строил свою таможенную политику в ущерб торговому капиталу. Он уничтожил так называемый «закавказский транзит», т.-е. включил в русскую таможенную черту Закавказье. На этом вопросе интересы русской торговли—заграничным и товарами, купленными на лейпцигской ярмарке,—сталкивались с интересами отечественной промышленности, желавшей, чтобы Закавказье одевалось исключительно в русские сукна и ситцы. Этот спор разрешился победой промышленной буржуазии.

Если стать на точку зрения уважаемого историка, то никак не поймешь, каким образом была введена золотая валюта. Ведь сам тов. Покровский в тех же «Очерках» (стр. 125) не отрицает, что «введение золотой валюты было совершенно определенной победой промышленного капитала над торговым». Торговый капитал тщательно оберегал неразменные бумажные деньги, ибо у этих неразменных бумажных денег была драгоценная особенность: их покупательная сила внутри страны была выше их цены на международном рынке. В самом деле, несмотря на энергичный поход всего дворянства против «золотого удава», как они окрестили золотую валюту, последняя была все же введена.

Будучи применяем к предметам ввоза, т.-е. к иностранным фабрикатам, протекционизм даже вызывал репрессивные меры против вывозимых продуктов сельского хозяйства. Пример таможенной войны с Германией в начале 90-х годов служит ясным тому доказательством.

Если покровительственная система применялась бы только в интересах торгового капитала, то помещики не боролись бы с ней. Местные комитеты о нуждах с.-х. промышленности (в 1902 г.) в оди-голос ревели против покровительственной системы и единогласно требовали ее отмены.

Так же аграрии Италии, которая своей классовой структурой близка к России, жаловались накануне мировой войны, что они являются жертвой высокой протекционистской политики в интересах буржуазии¹⁾.

Типичные аграрные страны действительно ведут умеренную таможенную политику или даже отстаивают принцип свободной торговли. Это ярко иллюстрируется экономической политикой современной Испании. Национальное движение и оппозиционность каталонской буржуазии объясняется тем, что испанское правительство крупных аграриев не защищает промышленность покровительственными тарифами²⁾.

Часто государственный аппарат даже больше заботится об интересах промышленного капитала. Об этом говорят между прочим два факта: выкуп железных дорог в казну под давлением горных южно-промышленных групп и внутренний ж.-д. тариф в пользу буржуазии.

Провозная плата в рублях с вагона³⁾.

На протяжении верст.	Хлеба.		Каменя. угля.		Нефтян. остатков.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
	Курск— Москва . . . 499	88	95	57	45	62
„ Петербург . . . 1111	155	50	72	75	119	03
„ Либава . . . 1253	161	03	76	35	134	25
„ Одесса . . . 1076	148	43	71	93	115	28

Провоз хлеба обходился почти в два — полтора раза дороже провоза нефти и каменного угля, т.-е. ж.-д. тарифная политика прежде всего считалась с интересами промышленной буржуазии.

Наконец, как же с точки зрения т. П. объяснить субсидии и займы промышленникам до и после Витте?

Итак, русский абсолютизм с конца XIX в. мыслил себя не только как представитель интересов торгового капитала.

¹⁾ L. Rudolf. Die Landwirtschaftl. Zustände in Italien, 1916

²⁾ Каталонская проблема в Испании. — Сб. „Нац. вопрос после войны“. Изд. народов СССР. Ред. С. Диманштейна и С. Томсинского.

³⁾ К. П. Гупевич. Железные дороги и тарифы, стр. 209.

Попытаемся доказать, что русский абсолютизм мыслил себя во внешней политике, как представитель промышленной буржуазии... «Что же касается участка от Испании до Персидского залива, — писал предшественник Витте, минфин Вышнеградский, — то к осуществлению его может быть приступлено не прежде, как после того, как русское влияние в Персии, в промышленном и торговом отношении, укрепится благодаря проектируемой железной дороге, в такой мере, что для него не будет уже опасности в конкуренции со стороны влияния других государств. Признавая при этих условиях осуществление постройки названной дороги возможным и находя ее полезной в интересах русской промышленности и торговли, я считаю долгом объяснить, что для успеха предприятия, конечно, необходимо содействие русского правительства». — Характернее всего, что этот документ был направлен на заключение знаменитому столпу реакции, истинному защитнику «исконных устоев» обер-прокурору святейшего синода К. Победоносцеву, который не прочь был воевать в Персии ради московских текстильщиков. «Осуществление постройки железной дороги от Решта на Каспийское море через Тегеран и Испагань до Бендер — Бушира на Персидском заливе, — продолжает предшественник Витте, — представлялось бы весьма важным и желательным как в интересах развития торговли русской с Персией и облегчения сбыта туда наших произведений, так и в видах предоставления русским заводам работ и заказов по изготовлению железнодорожных принадлежностей для названной дороги»¹⁾.

Наступление на Персию, как известно, и позднее продолжалось в интересах промышленного капитала. Царизм даже домогался получить концессию на сооружение и эксплуатацию нефтепровода от Баку до Персидского залива через персидскую территорию, т.-е. через район Англии. Персидский заем был выпущен в размере 22 млн. фр. русским банком под французской фирмой. Россия сделалась кредитором персидского правительства. В дальнейшем займы следовали за займами. Персия обязалась вплоть до 1912 г. ни у кого, кроме России, не искать финансовой помощи. «За последние 50 лет, — писал Куропаткин царю, — наша торговля с Персией возросла с 4 до 30 млн. руб. (торговля м а н у ф а к т у р о й). Нашей настоятельной задачей является занятие первенствующего положения на северных рынках Персии. Утвердившись здесь, мы должны распространить свое экономическое влияние на центральные и на южные провинции Персии. Поэтому мы должны приготовить достаточно средств для поддержания этого решения»²⁾.

В 1900 году отправился в Персидский залив первый русский пароход для установления морских сношений с югом Персии, где

1) К. П. Победоносцев. „Письма и записки“, т. I, полутом 2, стр. 844.

2) Ген. Куропаткин. „Записки“, Берлин, 1909 г.

предполагалось сбыть русскую мануфактуру и металлические изделия.

Царизм угрожал и Индии из-за интересов промышленного капитала, т. к. включение Бухары в 1897 году в таможенную черту России почти закрыло средне-азиатский рынок для английской мануфактуры.

Если стоило драться из-за Персии, то гораздо больший смысл имело воевать из-за более обширного китайского рынка. Узость внутреннего рынка, кризис 1900—1904 г. г., потеря нами китайского рынка поставили вопрос о немедленной борьбе за Китай.

Вывезено хлопчатобумажных тканей. ¹⁾

Г о д ы.	Процент вывоза в азиатск. государства кобщ. вывозу.	И з в е с т.							
		В Персию.		В Китай.		В Афганистан.		В Турцию.	
		Пуд.	%%	Пуд.	%%	Пуд.	%%	Пуд.	%%
1899	85,0	122.744	45,1	99.897	36,7	8.248	3,0	476	0,2
1900	79,3	141.205	43,6	98.078	30,2	15.384	4,7	1.717	0,6
1901	81,0	240.779	49,9	113.345	23,5	26.578	5,5	10.059	2,1
1902	85,8	216.234	43,9	157.630	32,0	43.060	8,7	5.377	1,1
1903	88,1	330.607	53,3	163.573	27,2	40.935	6,6	5.629	0,9
1904	87,0	353.746	54,9	129.762	20,1	60.905	9,5	96.178	2,5

Вытесняясь из Китая, русская мануфактура потеряла за шесть лет (1899—1904) 16,6% своего сбыта. Если даже принять во внимание, что выигрш на персидском рынке за то же время достиг 9,8%, то все же окажется далеко не благоприятное положение. Выиграв в Персии 9,8%, Россия потеряла в Китае 16,6% своего сбыта.

«В прежние годы, когда чай обменивались на мануфактуры, — жаловался официоз в первый год кризиса, — русские ткани, главным образом, шерстяные, проникали вглубь Китая и обращались на весьма многих, преимущественно северных рынках страны, но иностранные мануфактуры, наводнившие за последнее время Китай фабрикатами хлопчатобумажных изделий, более доступных по цене, создали препятствия сбыту русских изделий: вследствие дешевизны местных мануфактур и высокого фрахта наши купцы не имели возможности конкурировать с иностранными фабрикантами и должны были отказаться от дальнейшей закупки русских мануфактур»²⁾.

¹⁾ „Известия о-ва для сод. мануф. пром.“ № 13, 1913 г.

²⁾ „Вестник Финансов“. 1899 г. № 41.

Почти за то же время (1893—97 г.г.) вывоз хлопчатобумажной пряжи из Японии в Китай увеличился в 177 раз. Нужно было немедленно вырвать почву из-под ног Японии.

Царизм, наступая на Дальний Восток, сознательно действовал в интересах промышленной буржуазии. Мы не будем спорить с тов. Покровским, следует ли марксисту писать историю только на основании донесений генералов, которые подходили к истории исключительно с точки зрения военно-стратегических задач. Даже следуя по стопам т. Покровского за генералом Куропаткиным и минфином Витте, мы приходим к совершенно противоположным выводам. «Наш вывоз в Китай ничтожен, — писал Куропаткин, — но надо надеяться, что проведение железной дороги через Манчжурию с ветвью к П.-Артуру изменит этот невыгодный ныне для нас торговый баланс в пользу России». И дальше генерал перечисляет товары, вывозившиеся Россией в 1897 году в Китай: бумажные ткани (3.441.000 р.), нефть и ее продукты (1.008.000) и шерсть (404.000 р.). Куропаткин таким образом видит, что придется бороться за интересы промышленного капитала ¹⁾.

Для того же, чтобы защитить русскую промышленность, он одобряет запретительные тарифы, так как из Китая вывозятся в Россию на огромную сумму хлопчатобумажные и волокнистые изделия. В заключение знаменитый генерал очень четко защищает интересы промышленной буржуазии. «В стремлении овладеть корейским рынком, — говорит он, — мы неизбежно встретим энергичный отпор со стороны Японии. Но самое главное, что должно устранивать наиболее культурные народы Европы и Америки, снабжающие весь свет произведениями своих фабрик и заводов, это вступление России с ними в борьбу на рынках всего света. Держа в своих руках железнодорожные линии, связывающие Великий океан с Балтийским морем, и имея щупальцы в Босфоре, Индийском и Великом океане, Россия с ее неисчерпаемыми естественными богатствами может создать грозную промышленную конкуренцию державам всего мира».

Вспомним, что всероссийский промышленный съезд в 1896 году постановил двинуть фабрики вглубь Западного Китая, Монголии и Манчжурии. Когда уже началась война с Японией, орган торгового капитала, «Русское Дело», редактором которого был знаменитый крепостник Шарапов, писал: «Сибирь нужна нам, как воздух, и одна мысль, что ее можем лишиться, бросает вас в жар и холод, ибо ясно, что без Сибири, спустя 40 лет, нам прямо-таки нечем будет дышать. Огромный рост наших фабрик вынудит нас искать рынков повсюду. Куда же пойдем мы? На Запад? Там страны — с несравненно высшей культурой, которые сами не будут знать, куда сбыть продукты их фабрик. Единственный выход — Восток: в Персии 9 млн. населения, а в одном Китае более 400» ²⁾.

1) Записки генерала Куропаткина. Берлин, 1909, стр. 67, 70,

2) «Русское Дело», 1905 г., № 4, стр. 5.

Орган торгового капитала правильно поставил диагноз.

За текстильной шла нефтяная промышленность. Русский посол в Сиаме, пользовавшийся в правительственных кругах большим авторитетом, писал в 1898 г., рекордном по добыче нефти: «Преобладание Франции на юге Китая для нас выгоднее преобладания Англии. Это даст нам возможность открыть новые рынки для сбыта нашего керосина и нефти, избавив нас от конкуренции американской нефти»¹⁾. Действительно, в вывозе нефтяных продуктов на Дальний Восток Россия добилась успехов: процент ее участия на дальневосточном рынке поднялся за один 1895 г. с 46,2 до 54,6%, а процент участия Америки упал с 53,8 до 45,4%. Английская фирма (Самуэль и К^о) для перевозки русского керосина на Дальний Восток имела собственных 14 больших наливных пароходов, которые вывозили в среднем один млн. пуд. керосина в месяц. Сокращение вывоза керосина в годы кризиса произошло за счет потери дальневосточных рынков — Индии, Китая и Японии, куда до 1900 года вывозилось до 60% общего экспорта нефтяных продуктов. Перед нефтяными монополистами стала жизненная задача: завоевать рынок Китая. После потери дальневосточных рынков наша нефть уже не вышла из состояния застоя, в котором она очутилась в годы кризиса.

С тех пор, как помнит себя человечество, еще не существовало столь задолжавшегося должника, как царская Россия. Поэтому денежный кризис нигде не разразился с такой силой, как в России. Долги, заключенные в течение XIX в., и потребность накопления больших запасов золота для денежной реформы в 90-е годы вызвали необходимость в ежегодных больших платежах за границу. В итоге вопрос о внешних займах, которые становились все более важным фактором хозяйственной жизни России, замкнулся в порочный круг. Чтобы покрывать текущие нужды, надо было занимать; чтобы облегчить условия кредита, требовались реальные ценности: железные дороги, крупные сооружения и т. д. Для их создания, в свою очередь, нужны были деньги.

Отлив золота за границу в годы кризиса заставил перейти к решительной борьбе за новые займы. В противном случае кризис металлургии обострился бы и нанес бы удар золотой валюте. Надо было, во что бы то ни стало, спасти костяк государства — металлургию — и остаться гегемоном на парижской бирже.

Сибирская ж. д. поставила на ноги нашу металлургию. Окончание постройки этой дороги совпало с кризисом. Поэтому в интересах металлургии, которая с 90-х годов усиленно пестовалась казной, надо было бороться за дальнейшее железнодорожное строительство. План железнодорожного строительства в Китае разрабатывался вместе с французскими банками. Шанхайское «Дальне-Восточное обозрение» по поводу бельгийской ж.-д. концессии от Пекина до Хань-Коу писало: «Наиболее любопытным в деятельности концессио-

¹⁾ Н. Попов. Русско-сиамские отношения. „Новый Восток“ № 6, 1924 г.

неров является то обстоятельство, что они осуществляют план, который был давно тщательно разработан Россией,—план, ведущий к установлению ж.-д. господства России в некоторых районах Китая». Журнал сообщает о проектировавшейся ж. д. через Китайский Туркестан и выходящей к южной части Желтого моря. Эта же ж. д. должна была дать ветвь в г. Чэн-Ду, в провинции Сы-Чуань. Железнодорожное строительство в первую очередь охватило Корею. Французские банки выдали корейцам (через барона Гинцбурга) ссуду в 12 млн. франков, под гарантию будущей железной дороги Сеул-Ичжоу, которую хотели строить японцы.

«Россия должна, — писал Витте царю, — расширить свои финансовые и железнодорожные дела в сфере влияния Англии на юге Китая, где имеются крупные интересы русско-французского кредитного учреждения на Дальнем Востоке, а именно Русско-Китайского банка. Ослабление деятельности банка, — подчеркивает Витте, — может произвести чрезвычайно неблагоприятное впечатление на финансовые сферы Франции»¹⁾.

Франция основала в Индо-Китае обширную Империю, добиралась к границам Бирмании и охватывала английский район Китая. Она не только лишала Китай территорий, населенных китайцами, но также лишала его выхода в южные моря. Захватив Тонкин, богатейшую колонию Индо-Китая, и район реки Меконг, впадающей в Южно-Китайское море, Франция строила железные дороги по направлению к Бирме, т.-е. к британской провинции Индо-Китая, и продвигалась в английскую часть Сиама, королевство в центральной части Индо-Китая. К 90-м годам ввоз французских товаров вырос за счет английских: ввоз Англии пал с 294.112 ф. стерл. до 100.695 в течение 3 лет (1888—91). А помощь Франции в этом деле могла и должна была только Россия.

Когда стало известно об англо японском союзе, тогдашний царский министр Ламсдорф с тревогой сообщил в Париж, что «французские колонии на Крайнем Востоке висят в воздухе. В случае каких-либо недоразумений с Англией в южном Китае, — предупредительно заканчивает министр. — Франция всегда могла бы рассчитывать на поддержку России»²⁾.

Борьба империалистов в Китае после боксерского восстания (1900 г.) свелась исключительно к захвату железнодорожных концессий. В годы кризиса министерство финансов лихорадочно искало выхода из тупика. Горнопромышленные съезды требовали расширения рынка казенных заказов. Железнодорожное строительство даже в годы кризиса (1899—1904) было выгоднее учредительства других отраслей производства тяжелой индустрии. Прибыль в процентах акционерному капиталу равнялась³⁾:

¹⁾ Неопубликованные материалы Витте о причинах русско-японской войны, т. II.

²⁾ Нота от 7 февраля 1902 г. Дальневосточные дела архива мнр.-швед.

³⁾ Л. Кафенгауз—Железнодорожная промышленность, 1910.

	Для всех металлургических предприятий без вагоно и паровозостроительных заводов.	Для всех вагоно и паровозостроительных заводов.
1901 г.	2,26	1,49
1902 „	0,40	4,00
1903 „	1,61	5,53
1904 „	1,75	6,43
1905 „	1,24	6,37

В то время как прибыль металлургии уменьшалась, железнодорожное производство усиленно зарабатывало.

Строить железные дороги в колониальной стране очень выгодно. Из 13.000 рабочих, например, занятых на участках Уссурийской дороги, вольнонаемных было лишь 400. Остальную массу составляли: китайские и корейские кули (8.000), солдаты (3.300), ссыльные (1.000) и каторжане (650) ¹⁾.

Не последнее место в этом конфликте принадлежало и военной промышленности. Вспомним хотя бы роль Круппа в мировой войне. Недаром среди безобразовских авантюристов находился и директор крупнейшего Невского Судостроительного Завода. С того момента, как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности, последняя стала политической необходимостью. Новая судостроительная программа 90-х годов реорганизовала военную индустрию России. Из 279 военных судов было построено за границей только 47. А до 90-х годов почти весь флот строился за границей.

¹⁾ „Ведь вся линия „Манчжурки“ выстроена руками китайских рабочих. Тысячи их, десятки тысяч укладывали полотно дороги, тяская землю, песок и камни маленькими корзинками на коромысле. И нигде тяжелые земляные работы не обошлись так дешево, как на китайской дороге. Но, несмотря на ничтожное вознаграждение за труд, каким мог довольствоваться только китаец, как часто его сверх того обманывали при расчете, пользуясь его изумительной доверчивостью при исчислении работы и его незнанием денежного курса! Китайцы были совершенно неспособны разбираться в колебаниях курса мексиканских долларов, русских бумажных и серебряных рублей, русского золота, китайских лан и чехов,—а на этом дельцы наживали миллионы (Головачев—„Россия на Дальнем Востоке“, 1904 г.).

Место постройки русского флота ¹⁾

Род судна.	Россия.	Дания.	Англия.	Франция.	Америка.	Германия.	Швейцария.	Финляндия.
1. Царские яхты	3	1	2	1	—	—	—	—
2. Эскадренные броненосцы Балт. флота	26	—	—	1	1	—	—	—
3. Броненосцы обороны берегов	9	—	—	1	—	—	—	—
4. Броненосцы палубы	6	—	—	1	1	2	—	—
5. Канонерки	9	1	—	—	—	—	2	1
6. Крейсера втор. ранга	3	1	—	1	—	—	—	—
7. Мияные крейсера	5	—	—	1	—	—	—	—
8. Учебные суда	4	—	3	—	1	1	1	—
9. Эскадренные миноносцы	28	—	4	—	—	—	—	—
10. Миноносцы Черного моря	12	—	—	—	—	—	—	—
11. Миноносцы Сибирск. флота	12	—	6	—	—	—	—	—
12. Миноносцы Балтийского флота	103	—	3	4	—	—	—	—
13. Суда Сибирск. флота	12	—	—	—	—	—	6	—
Итого	232	3	18	10	3	3	9	1

Итак, металлургия, созданная исключительно ж.-д. строительством и иностранными займами, не могла не продолжать свое «творчество» в такой выгодной стране, как Китай. Для нее в годы кризиса это просто было вопросом жизни.

Война отчасти оправдала надежды металлургов. Отсылая читателя к соответствующим данным ²⁾, мы должны отметить, что в 1904 г.

¹⁾ Справочная морская книжка 1902, 1904, СПб.

²⁾ М. Балабанов. Промышленность в 1904 - 1907 г.г., см. сб. „Общ. движение в России в начале XX в.“. т. IV, ч. I, стр. 35.

наблюдается в металлургической промышленности необычайное усиление производства. 1904 г. оказался рекордным по добыче чугуна, производству полупродукта и готового продукта, рекордным по отношению не только к предыдущим годам, но и к последующим, вплоть до 1907 г.

Наконец, следует выбить гегемонию торгового капитала из последнего убежища, отведенного ему т. Покровским, — из Русско-Китайского банка. «Читая проект образования банка, — пишет тов. Покровский, — вы видите, что банк являлся исключительно торговым центром, должен был служить для того, чтобы, во-первых, помогать вывозу чая из Китая и, во-вторых, ввозить туда русские сестные припасы и керосин. Постройка железнодорожной сети в Китае рисовалась, как дело отдаленного будущего»¹⁾.

Это неверно. Отсылая читателя к уставу банка²⁾, мы должны указать, что он ничем не отличался от уставов других российских торгово-промышленных банков до 1905 г., т. е. до того времени, когда у нас начинает усиливаться сращение банковского капитала с промышленным. Я, конечно, не говорю о специальной части устава, которая давала особые привилегии банку, как колониальному учреждению. Из устава банка также видно, что постройка железнодорожной сети в Китае не рисовалась, как дело отдаленного будущего, а вытекала непосредственно из прямых его задач.

III.

Теперь выясним роль безобразщины.

В свое время, благодаря «агитационной aberrации», создалось впечатление, что исключительным виновником войны является безобразовская шайка. Меньшевики эту точку зрения поддерживали: раз безобразовщина действует против буржуазии, то, следовательно, пролетариат воедино с буржуазией. Насколько долго держалось это заблуждение, видно из того, что даже сам тов. Покровский в «Сжатом курсе», изданном недавно, не изжил этого взгляда. Такой взгляд уцелел в примечаниях к одному из томов сочинений тов. Троцкого. Но представьте себе, что одним из таких агитаторов был сам

1) Значение революции 1905 г., стр. 8.

2) Устав Русско-Китайского банка (9 января 1896 г.). Операции банка, учет и переучет векселей и других торговых обязательств, покупка и продажа за свой счет и по поручению товаров, ценных бумаг, драгоценных металлов, тратт, переводных векселей и аккредитивов, подписка на публичные займы, акции и облигации, морское, речное и сухопутное транспортирование товаров с выдачей ссуд, акцент векселей, вклады бессрочные, срочные и на текущий счет, хранение ценных бумаг и других ценностей, выпуск собственных билетов, получение в пределах Китайской империи платежей по податям, операции, имеющие отношение к местному государственному казначейству, чеканка местной монеты с разрешения китайского правительства, оплата % по заключенным займам, приобретение концессий на постройку в Китае жел. дорог и проведение телеграфных линий, ссуды и кредит под залог ценных бумаг, драгоценных металлов, товаров и товарных документов и т. д. (Указатель действующих акционерных предприятий под ред. А. Дмитриева-Мамонова, 1903 г., стр. 37).

Витте, которому выгодно было сбросить с себя вину на жулье, которое пользовалось сильным влиянием на царя. Фактически эта шайка в причинах, приведших к войне, никакой роли не играла. Она только готовилась к эксплуатации корейских лесов, но сделала немного. Не творчество этой шайки в Корее вызывало беспокойство Японии, так как спор шел из-за Манчжурии. А в Манчжурии уже давно подготовил почву к войне не кто иной, как Витте: постройка Восточно-Китайской ж. д., военные действия русской армии под Пекином, русско-французско-бельгийское железнодорожное строительство в самом Китае и Корее, напор Франции на Россию, а Америки—на Японию, — вот что подготовило войну.

«Последний перегон к русско японской войне, действительно, начинается с безобразовского полустанка, — пишет по этому поводу компетентный исследователь. — Но следствие должно быть направлено на у з л о в у ю станцию отправления, где всем движением управляет всецело сам Витте: решение вести жел. дорогу через Манчжурию и заключение сепаратного договора с Китаем (1896) стали возможны в день зловещего для Японии изменения симоносекского договора под давлением России при настойчивой инициативе Витте. Николай своим личным выступлением много сделал для обострения уже о п р е д е л и в ш и х с я таким образом отношений двух держав». Документы устанавливают, что и второе выступление царя прошло не без участия Витте: лесопромышленное предприятие Безобразова развернулось в 1903 г. не на средства кабинета, а на кредит, отпущенный из средств Министерства Финансов «по личному приказанию министра»¹⁾.

Если грабительская вотчинная верхушка самодержавия была фактически хозяином и творцом истории с XVII до XX века, то почему «в истории осложнений, приведших к войне, предприятие на Ялу (т.-е работа шайки авантюристов. *С. Т.*) занимает скромное место»²⁾? Раз в данной войне была ничтожна роль той скандальной шайки, которой удалось ввести в заблуждение широкие общественные круги и даже самого историка т. Покровского³⁾, то для какой цели тов. Покровский так много распространяется о колониально-разбойничьих приемах XVII в. ? В истории, приведшей к войне, как видит читатель из слов тов. Покровского, безобразовщина уже не играла большой роли, — а безобразовщина ведь прямой агент торгового капитала! Если к тому же мы вспомним, что «русская дипломатия на Дальнем Востоке шла на поводу Витте» («1905 г.», том I., стр. 606), то каким же образом тогда «непосредственной целью русской колониальной политики было то же, что являлось такой же целью для

¹⁾ Сборник статей, посвящен С. Платову. — В. А. Романов. Витте и концессия на Ялу, стр. 458.

²⁾ М. Покровский. 1905 г. т. I. Японская война, стр. 385.

³⁾ „Мне не удалось, — пишет т. Покровский, — отрешиться (в 1921 г. *С. Т.*) от старой формулы, по которой Николай своей глупостью и жадностью вызвал войну. сам, быть может, вовсе того не желая настоящим образом“ (Очерки по истории реформ движения в России, курс лекций, стр. 114, 115).

португальцев или голландцев XVII в.»¹⁾ Каким же образом война была торгово-капиталистической, если ее возглавлял Витте? Итак, о «двух ипостасях» руководителей «авантюры» говорить не приходится. Дело было в том, что безобразщина шла по пути, заранее подготовленному никем иным, как промышленной буржуазией и тяжелой индустрией.

Была ли война империалистической? Посмотрим, подходит ли война к тем пяти признакам, которые установлены Лениным. 1) Была ли в России в конце XIX века концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни? — Степень высокой концентрации производства и капитала установлена Лениным в «Развитии капитализма» и последующими исследователями в новейших работах. Монополистические союзы начинают создаваться в России в годы кризиса и депрессий (1900 — 1910). Но и до возникновения трестов и синдикатов определенные группы промышленников у нас монопольно господствовали на рынке. 2) Банковский капитал у нас не был сращен с промышленным накануне войны. 3) Русский или русско-французский капитал вывозился в Персию и Китай. 4) Международные монополистические союзы капиталистов делили мир (в 1900 г. делили Китай). 5) Территориальный раздел мира был уже закончен.

Итак, японская война, происшедшая на рубеже XIX и XX веков, на рубеже превращения промышленного капитала в финансовый, была в значительной степени империалистической войной. Она не может быть отнесена к типичным империалистическим войнам, так как в России еще не было финансового капитала, хотя войну фактически вел Русско-Китайский банк²⁾.

Отсюда, конечно, еще нельзя делать того вывода, что война была против интересов торгового капитала. Будучи в первую очередь вызвана интересами промышленного капитала, она, конечно, привлекала и торговый капитал. Стоит хотя бы вспомнить крик души с.-х. комитетов. «Надо выбрать, — заявили они, — между исконными русскими областями и искусственно вызванными к жизни, или вновь приобретенными пустынями. Пусть для них будут созданы другие рынки. Пусть Сибирь снабжает Персию, Манчжурию, Афганистан, пусть через П.-Артур везут свой хлеб в Японию, но едва ли правильно разбивать окраины, чтобы их произведения вытесняли из западно-

1) Марксизм и особен. историч. развития России, стр. 118.

2) Неверно сообщение тов. Покровского, что Русско-Китайский банк не имел русских капиталов («Значение революции 1905 г.», стр. 9). Неопубликованный архив Витте устанавливает, что в этом банке было 40% русских и 48,5% французских акций. «Указатель» действ. акц. предприятий за 1903 г. значительно повышает цифру русских капиталов. Также и исследование Романова («Классовая борьба» № 1—2, 1924 г., стр. 97) устанавливает, что в аванюре принимали участие русские банки. Вместе с тем надо опровергнуть другую крайнюю точку зрения, что Русско-Китайский банк совершенно не имел французских капиталов.

европейских рынков производимые коренными областями продукты»¹⁾.

Японская война была редким примером истинно-национальной войны в том смысле, что она выражала интересы всей господствующей нации (всех групп буржуазии и торгового капитала) и промышленной буржуазии в первую очередь. Надо ликвидировать существующий меньшевистский взгляд, что буржуазия была пораженчески настроена.

Разразилась война, и освобожденцы, правые земцы и городские думы стали вместе лебезить перед троном.

«Мы не думаем, — заявило левое «Освобождение», — чтобы петербургское правительство вполне сознательно ввергло страну в войну»²⁾. Ища примирения не только с престолом, но и с бюрократией, оно заявило: «Во время войны нужно и нельзя не драться с внешним врагом». Начались патриотические манифестации. По признанию «Освобождения», они были организованы полицией и охранкой. От них веяло мертвящим холодом казенной лжи. Тем не менее «освобожденцы» не могли в них не видеть и не чувствовать пробуждения национального воодушевления: многочисленные толпы, с гулом проходившие по Москве, представляли для них внушительное зрелище³⁾. Как же они рекомендовали действовать во время войны?

«Связанная с войной тактика неизбежно требует гораздо более пассивного отношения к событиям общественной жизни, чем думалось несколько месяцев тому назад»⁴⁾. Они требовали защиты отечества и сохранения гражданского мира. В основном не было принципиальной разницы между левым флангом — «Освобождением» и ультраправым — «Новым Временем». Во второстепенных вопросах аграрии были оппозиционнее промышленной буржуазии накануне 1905 г. Эту особенность еще подметил Щедрин, писавший: «Дворянин повинуется благородию и вскользь пред'являет резоны, купец (а в нашем случае — буржуазия) повинуется с готовностью и просит принять «хлеб—соль».

IV.

Что же их объединяло?

Стоявшее у власти дворянство после 1905 г. видело выход в том, чтобы национализировать российский милитаризм и подчинить его интересам всех имущих классов. Неизбежность прогресса реакционеры познают прежде всего в этой области. Чтобы успешнее реформировать военные силы страны, необходимо уничтожить пре-

¹⁾ Труды местных комитетов о нуждах с.-х. промышленности Тамбовской г. — 299, Калужской — 75, Рязанской — 348 стр.

²⁾ «Освобождение» за 1904 год, № 17/41 стр. 300.

³⁾ Там же, № 19/43, 1904 г., стр. 331.

⁴⁾ «Освобождение» 1904 г., № 52, стр. 36.

пятствия на пути развития производительных сил, так как современный милитаризм теснейшим образом переплетен с капитализмом.

Политика национализма стала формой контрреволюции, поскольку национализм воплощал эксплуатацию капиталистического развития в интересах отживавших крепостников.

В 1906 году из недр торгово-промышленных организаций, перемешавшихся в котле событий бурного 1905 г., вышел венец всего организационного творчества буржуазии — ее генеральный штаб, «совет съездов представителей промышленности и торговли». Центр тяжести деятельности промышленных организаций лежал именно в непосредственном давлении на механизм государственной власти. Шла ли речь о железнодорожных тарифах, экспорте, урегулировании торговли, рабочем вопросе, таможенной политике, промысловом обложении, казенных подрядах, поставках и т. д., — во всех этих вопросах буржуазия проводила свои планы через правительство. Даже когда возникали вопросы о расширении рынка своих изделий на Ближнем Востоке, чтобы использовать для русского сбыта конъюнктуру, — промышленники налаживали, обсуждали и осуществляли свои планы при центральных правительственных органах. Не было ни одного законопроекта, хотя бы и косвенно затрагивающего интересы торгово-промышленного класса, который бы не был передан на предварительное обсуждение особому правительственному совещанию при министерстве внутренних дел; при выработке закона об обществах и союзах, закона огромной политической важности для всех классов населения, не было никого, кроме уполномоченных организации об'единенного капитала.

Буржуазия заявила, что парламент ей не нужен, так как ее об'единению представлялся полный простор без губительных формальностей, ей давали возможность действовать и работать без уставов. Они этой возможностью энергично пользовались для самостоятельной организации своих сил, для создания своих классовых организаций.

Организации капитала выработались в настоящее преддумье, фактически, пожалуй, больше влиявшее на законодательство, чем сама Государственная Дума, тем более, что к капиталистическому парламенту не применялась статья 87, т. е. организации капитала ни разу не были нарочно распущены. Поэтому вопросу о представительстве в Г. Д. и Государственном Совете буржуазия придавала менее серьезное значение: во-первых, в их руках целиком было преддумье, во-вторых, в Г. Д. и Государственном Совете не было антикапиталистического настроения полукрепостнических элементов.

Когда же ни революция 1905 года, ни столыпинское аграрное законодательство надежд на внутренний рынок не оправдали, тогда буржуазия всецело обращает свой взор на внешний рынок. В империалистическом третьейюньском блоке накануне войны окончательно стираются границы между октябристами и кадетами.

Поэтому к.-д. вместе с октябристами строили свою «великую Россию». Они доказывали, что «национальное чувство покрывает не

только социальную рознь, но и разлад между протестующей личностью и объективно-существующими государственными учреждениями».

Но . . . увы! Эта идиллия разрушалась вновь воскресшим призраком революции, который посредством стачек воплощался в угрожающее телесное существо.

Цифры о росте политических забастовок напоминали о приближении революции. «Полевение городов, общее полевение продолжается систематически,—взывал Пуришкевич,—от этого общего полевления один шаг до катастрофы. Подготавливается момент второй, может быть, более ужасной революции. Мы предвидим картину французской революции в гораздо большей степени. Мы познаем весь ужас, весь гнет, весь кошмар народовластия».

Надо было во что бы то ни стало предупредить революцию. «Наступил момент, когда всякая консервативная власть России,—говорил лидер прогрессистов,—должна пойти на уступки, помня золотые слова Бисмарка, что революция делается не умами революционеров, а не во-время данными реформами, в которых страна нуждается».

Родзянко рассказывает, что велась упорная борьба с ведомством внутренних дел, но это была борьба не на почве свержения или разрушения общего строя, не на почве колебания государственных основ, а за необходимость реформ, нужных для успокоения умов.

Прогрессивный блок явился следствием необходимости самообороны и борьбы с нарождающимся революционным движением.

Исходя из изложенных соображений, прогрессисты блокировались с к.-д., к.-д. с левыми октябристами, последние—с правыми, а правые с националистами. «Техника объединения очень проста,—говорил октябрист Шидловский (владелец 3.400 дес.),—у его инициаторов возникла мысль, как все гениальные мысли, чрезвычайно простая: мы на время отстранили все то, что нас разъединяет, и объединились вокруг тех вопросов, в которых нас ничто не разъединяет, в которых мы едины».

В чем состояла их платформа? Она свелась к борьбе дворянских черносотенных националистов и конституционно-демократических империалистов с революционным движением.

Каковы бы ни были разногласия между группами третьеиюньского блока, но от их сердца к сердцу всегда вел мост из десятков тысяч десятин земли и рублей доходов. Недаром на одном «частном» заседании в 1916 г. «прогрессивный блок» принял предложение «принять меры к тому, чтобы надвигающаяся революция была только политической, без всякого уклона в сторону социального переустройства».

Все это, несомненно, решительно опровергает последнее утверждение т. Покровского, что «промышленный капитализм представлялся не самодержавием, а силами ему враждебными, напр. в 1910—1914 г.—оппозиционными партиями Гос. Думы»(т.-е. к.-д. и про-

грессистами. С. Т.). («Марксизм и особ. историч. развит. России», стр. 131. примечание).

«Зачем же понадобилось промышленному капиталу сбрасывать Николая—спрашивает тов. Покровский¹⁾,—коли он и без того представлял этот самый промышленный капитал? Ведь это предварительная (?) организация «капиталистических помещиков и буржуазии» проходила, как организация оппозиции против самодержавия (курсив М. И.). Что же, значит, тут — «своя своих не познаша, что ли?»²⁾.

Во-первых, впервые приходится услышать от большевика о том, что русская буржуазия сбрасывала Николая. И т. Покровскому, кажется, известно, что существует «некоторая» разница между дворцовым переворотом и революцией. Насколько память не изменяет, известно, что буржуазия вместе с дворянством очень старалась посадить Михаила на место Николая. Если, в конце-концов, буржуазии пришлось делить власть с Советами, то меньше всего в этом повинны миллионеры. Во-вторых, спросим у т. Покровского, если абсолютизм выражал интересы торгового капитала, то зачем же Пуришкевичу понадобилось убить Распутина и готовить дворцовый переворот? Промышленная буржуазия и после февраля готова была взять власть и разделить ее с торговым капиталом (первое «революционное министерство» во главе с Милюковым и Гучковым). Методы царизма тогда перестали удовлетворять буржуазию, когда уже фактически царизм не существовал.

Колониальная политика и войны показывают, что царизм был диктатурой не только торгового капитала. Монархия у нас становилась буржуазной уже в царствование Николая Первого.

Особенность исторического развития России в конце XIX века состояла в том, что интересы буржуазии осуществляли крепостники, стоявшие у власти: типичный помещик и солдафон Александр III вместе с оголтелым мракобесом Победоносцевым строили капиталистическую Россию, а «идеальнейший» ташкентец Безобразов искал для буржуазии рынков в Китае. Под их крылышками буржуазии жилось недурно: в эпоху Победоносцева суживаются права фабричной инспектуры, а в годы Витте буржуазия превращает свои фабрики в осажденные крепости. Своеобразие состояло в том, что Россия была страной, которая не только имела собственные колонии, но которая сама была полуколонией европейского империализма.

1) Марксизм и особенности истор. развития России, стр. 95.

2) А в № 289 (3220) „Правды“ за 1925 г. т. Покровский пишет в статье „Предпосылки и результаты революции 1905 г.“ совсем другое: „Буржуазия не могла у нас взять функции борьбы за крупную промышленность, так как она всецело зависела от этого всеобнимающего самодержавия и должна была так или иначе с ним примиряться“... „Глубоко prostituiровавшаяся русская буржуазия не могла быть не только нождем, но и спутником какой-нибудь революции“... Как перенарит это противоречие молодежь, которая учится по учебникам т. Покровского?

Между торговым и промышленным капиталом не было глубоких противоречий или их вовсе не было. Их объединяла эквивалентность услуг. Буржуазия обеспечивалась постоянными низкими ценами на хлеб, дешевым туземным сырьем, избыточными, почти даровыми рабочими руками из закабаленной деревни, высокими пошлинами, войнами за новые рынки и полицейско-казацкой охраной собственности. Помещик, переплачивавший на высокие тарифы, переносил налоговые тяжести на крестьян и вознаграждался сторицей дотациями Дворянского банка.

С. Томсинский.

ОТВЕТ ТОВА. ТОМСИНКОМУ

«Века протекали, лицо изменилось земли», только самодержавие, как политически организованный капитал (?), оставалось неизблемым в течение веков. Внутренняя и внешняя политика царизма вплоть до 1917 года определялась только интересами торгового капитала. Русское самодержавие оставалось недостижимым для диалектики. Вот вывод тов. Покровского по вопросу о социальной природе русского самодержавия».

Так начинает тов. Томсинский свою «критику». В подзаголовке его статьи отмечено, что предметом критики является, между прочим, сборник статей: «Марксизм и особенности исторического развития России». Если читатель возьмет этот сборник и развернет его на стр. 130, он там прочтет: «Диалектике торгового капитализма соответствовала диалектика политически обслуживавшего его самодержавия». Совершенно ясно, что ни написать, ни даже подумать, что «русское самодержавие оставалось недостижимым для диалектики» (подчеркнутая мною фраза в начальном пассаже статьи т. Томсинского), Покровский не мог. Он настаивал лишь—и настаивает—на «закоченелости политической формы» царизма (Сборник, стр. 96), что есть не что иное, как повторение иными словами мысли т. Ленина о «невероятной застарелости и устарелости царизма», этой «монархии, державшейся веками» (первое «письмо издалика», соч., XIV, стр. 5, разр. моя. М. П.).

Вековую давность русского самодержавия не отрицал таким образом и величайший диалектик нашего времени, при чем «суть царской монархии» «обнажила», по Ленину, «первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914 г.)» (то же письмо далее, стр. 6). То-есть до XX века «суть» эта оставалась, приблизительно, та же. Сам Ленин определял эту «суть», как крупное землевладение: Романовы для него—это «первые среди равных помещики, владеющие миллионами десятин» (там же, курс. Ленина). Непосредственно это, конечно, так и было: непосредственно самодержавие возглавляло собою помещичий класс. Но когда я в своей маленькой книжке постарался показать, что и крупное землевладение в России было лишь частью общей системы русского меркантилизма, Ленин нашел эту концепцию вполне приемлемой и нимало не еретической.

Итак, диалектика, настоящая диалектика, ничего не имеет против того, чтобы учреждения существовали «веками» и имели «суть»

весьма архаическую. Сейчас мы увидим пример этого еще более разительный. Но прежде мне хотелось бы, чтобы читатель не забыл «начального пассажа» работы т. Томсинского. Как читатель теперь видит, это—«пассаж» в двойном смысле слова. Во-первых, в обыкновенном литературном, а, во-вторых, в том смысле, когда говорят: «ах, какой пассаж!» В самом деле, подумайте только: человеку приписана мысль, которой он никогда не имел, не мог иметь, которая противоречит всему его мирозерцанию. Кем приписана? Автором, который взялся его критиковать, т.-е., который, прежде всего, должен знать мирозерцание критикуемого им писателя. И т. Томсинский, конечно, прекрасно знает, что я не мог ни написать, ни даже случайно подумать, что какой-либо общественный институт «недосягаем для диалектики». И, тем не менее, он мне эту мысль приписал. Как это называется, когда человеку сознательно приписывают то, чего он ни сказать, ни подумать не мог? Это, я полагаю, знает и читатель, знает и т. Томсинский. И так как читатель и т. Томсинский без труда найдут соответствующее слово, то в моих терминологических указаниях они и не нуждаются. А теперь, констатировав этот, по существу мало интересный, но, несомненно, подлежащий констатированию факт, пойдем дальше.

Пока, все же, не дальше этого начального «пассажа». Что самодержавие—вне диалектики, этого автору, разбираемому т. Томсинским, нельзя было бы приписать не только субъективно—как мысль этого автора,—но даже и объективно, как вывод, сделанный кем угодно из его трудов. Ибо никто другой, как этот автор, дал одну из первых в исторической литературе картин возникновения самодержавия, как объективного исторического факта. Предшествовавшие писатели, буржуазные, обыкновенно под видом возникновения самодержавия говорили о возникновении теорий, политических и юридических, связанных с самодержавием. А так как затем сама история показала нашему поколению уничтожение самодержавия, то диалектическая формула этого явления стоит так прочно, как никакого другого: есть и возникновение и уничтожение. Понимать самодержавие метафизически, как нечто незыблемое и вечное, теперь не смог бы даже архиепископ Антоний Храповицкий. Но, смущаются некоторые молодые товарищи, в промежутке между возникновением и уничтожением оно у вас почти не двигалось. Правда, что медленно оно двигалось, как мы сейчас видели, и для Ленина; правда, что и для меня оно двигалось, а не стояло на месте. Но все же: правда ли, что для диалектики исторического процесса обязательна быстрота движения, что диалектическое понимание истории уподобляет оную огромной кино-фильме?

Я прошу читателя развернуть одну старую, но весьма почтенную книжку и прочесть такие, например, строки: «Буржуазия не может существовать, не революционизируя постоянно орудий производства, а следовательно, производственных отношений, а следовательно, и всех общественных отношений. Напротив, неизменное сохранение старого способа производства было

первым условием существования всех прежних промышленных классов».

Кто этот заскорузлый метафизик, который осмеливался утверждать, что могут быть «неизменные» способы производства? Что это за метафизическая книжка, откуда взяты эти строки? Их было двое. Одного звали Маркс, другого Энгельс. Книжка же, где они излагали свои еретические мысли, называется «Коммунистическим манифестом». И еще один из них, Маркс, не постыдился повторить эту мысль в другой, полной, впрочем, всяких ересей, книжке, называемой «Капиталом» (по русскому переводу 1923 г., т. I, стр. 468, прим. 306).

В этой последней книжке Маркс с особенной ясностью показывает, что быстрый темп исторического развития характерен именно для эпохи развитого промышленного капитализма. «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис—революционный, между тем, у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен».

Мелкому производству вообще свойственен не быстрый, а медленный ход исторического процесса. Вот откуда ужасающая монотонность истории всех старых монархий эпохи торгового капитала, до Китая XIX в. включительно. Китай в этом отношении побил все рекорды; там старая монархия жила не «века», но тысячелетия. И когда у нас начнут писать марксистскую историю Китая,—а это надо сделать, и чем скорее, тем лучше,—я уж не знаю, как на это будут реагировать наши молодые «диалектики».

А теперь, на какой базе развивался у нас торговый капитализм и возглавившее его политически самодержавие? На базе мелкого производства. Имело ли у нас крупное экономическое значение мелкое производство даже в XX веке? Смешной вопрос: всякий читатель газет знает, что и сейчас еще имеет. Значению этого факта, в связи с застойностью самодержавия, в моем сборнике посвящен ряд страниц (104 и сл.). Эти страницы особенно рекомендуются тому, кто прочтет у Томсинского, будто у меня торговля «совершенно оторвана от производственных отношений». Не марксистским—не говоря уже, что объективно, исторически неверным—было бы утверждение, что самодержавие, возглавляя всю систему эксплуатации мелкого производителя, должно было развиваться быстро, меняться быстро. Особенности политического строя дореволюционной России теснейшим образом связаны с существовавшими в ней производственными условиями. Если т. Томсинский этого не понимает, то это потому, что ему дореволюционная Россия представляется на манер того, как изображали ее наиболее вульгарные вульгаризаторы эпохи «легального марксизма», среди которых в ходу было словечко о «предрассудке—считать Россию земледельческой страной». Тогда, как реакция против народного вульгаризаторства, не желавшего видеть в России промышленного капитализма, это было еще понятно,—

хотя и неверно. Теперь, когда и народничество, и легальный марксизм давно на том свете, после всего, написанного за эти 20 лет Лениным, читать рассуждение Томсинского на ту тему, что вся внешняя политика России определялась исключительно интересами промышленного капитала, что допромышленные формы капитализма, тем паче докапиталистические формы хозяйства, не играли в России никакой роли, а торговый капитал играл ту подсобную роль, какую он должен играть в системе развитого промышленного капитализма,—теперь читать все это донельзя странно. Точно видишь какого-то динозавра, вылезаящего из допотопной пещеры...

Между тем, с этой допотопной точки зрения, что в России промышленный капитализм был все, что им все двигалось и существовало, Томсинский пытается понять, повторяю, всю внешнюю политику самодержавия, притом начиная даже далеко раньше XIX столетия. «Войны Петра I были не только войнами за торговые пути, как думает Покровский»,—поучает нас Томсинский.—«Они глубоко отличались от голландских торговых войн XVII в. Царизм каленым железом выжигал Приуралье и Башкирию» и т. д. Дальше сообщаются всем известные факты роста уральских горных заводов в XVIII в. Ради этого, видите ли, Петр вел войны... в Башкирии. Это открытие совершенно новой операционной линии походов Петра составляет личную заслугу т. Томсинского: до сих пор все думали, что Петр воевал в других местах. Было бы, конечно, удобнее, если бы автор сообщил и внешние подробности «войн»: когда были объявлены, кто руководил операциями с той и с другой стороны, где были сражения, когда заключен мир и т. д. А к стати, было бы объяснено, почему Петр поставил столицу не на Уфе, а на Неве, ежели борьба за торговые пути для него не имела особого значения ¹⁾. Это по части истории. А по части экономики желательнее получить разъяснение, всегда ли промышленный капитал «выжигает каленым железом» рынок рабочих рук — ибо башкиры, очевидно, нужны были, как промышленные рабочие,—и если да, то почему он это делает. Уж взялся человек открывать Америки, от него можно потребовать точных географических указаний.

Читатель начинает понимать, почему т. Томсинский к концу своей статьи доходит до совершенного отчаяния и начинает утверждать, будто «между торговым и промышленным капиталом не было глубоких противоречий и ли их вообще не было» (разр. моя М. П.). В самом деле, когда человек не понимает, что торговый капитализм,

¹⁾ Башкирии была аннексирована московским государством еще при Грозном, после захвата Казани. Вскоре же начался бесстыднейший грабеж башкирских земель, нашедший себе отражение уже в законодательстве Алексея Романова и являющийся, наравне с завоеванием Сибири, одним из самых ярких образчиков древнейшего русского колонизаторства. На грабеж башкиры ответили рядом восстаний—в середине XVIII в. восстание было почти нормальным их состоянием. Подавлялись восстания с самой варварской жестокостью. Само собою разумеется, что промышленный капитализм здесь не при чем,—до второй половины XVIII в. на территории Башкирии был только один завод, да и тот прогорел. Промышленность—основанная на крепостном труде русских, а не башкир—развивается в Башкирии лет через 40 после Петра.

промышленный капитализм—это две громадные эпохи капиталистического развития, что говорить о политике промышленного капитализма при Петре это все равно, что говорить об артиллерии Аннибала или вычислять количество паровых сил на каравеллах Колумба,—положение становится совершенно безнадежным. Дойдя до такого, поистине антидиалектического, состояния ума, вообще нельзя заниматься историей, ибо нельзя понять ни одного исторического вопроса. Маленький вопрос о башкирских походах Петра объясняет нам отношение т. Томсинского к большому вопросу о социальной природе русского самодержавия. Этот большой вопрос и поставлен то был сосуществованием рядом, в пределах одной государственной территории, и крупной промышленности вполне современного типа, и полусредневекового мелкого производства, эксплуатировавшегося купеческим капиталом наиболее примитивного образца. Без второго немыслимо было самодержавие; без первого немыслима была революция. Смазать противоположность этих двух систем, объявить самодержавие продуктом промышленного капитализма значило сделать неразрешимой загадкой существование нашей политической архаики и ненужной буржуазную революцию в России.

Это непонимание Томсинским того, что история не есть простое нагромождение фактов, что в истории факты следуют одни за другими в определенном порядке, эта «исходная путаница», так сказать, всей его статьи (боюсь, что всего его мирозерцания) лишает всякого теоретического интереса ее разбор. Нельзя же пересказывать целыми страницами Маркса и Ленина,—да и кому это нужно? Не читателям «Вестника Коммунистической Академии», во всяком случае. Лишь для иллюстрации основного принципа «томсинщины» я разберу поэтому только два эпизода, в начале и в конце.

Вначале Томсинский пытается обосновать ту мысль, что завоевание Средней Азии было вызвано интересами промышленного капитала, искавшего как промышленного сырья, так и новых рынков для сбыта своих фабрикатов. Он приводит цифру роста ввоза русской мануфактуры в Ср. Азию с 1892 по 1907 г. Для хлопка, к сожалению, он ни цифр, ни дат не приводит. Массовое хлопководство (посевы американских семян хлопка—местные сорта для фабричного производства не годились) начинается в Средней Азии во второй половине 1880-х г.г., т.-е. укладывается в те же приблизительно хронологические рамки, что и приведенные Томсинским данные о ввозе в Ср. Азию русской мануфактуры. И то и другое связано с промышленным подъемом конца XIX века.

Теперь, когда же была завоевана Средняя Азия? В 1880-х годах? Нет, в 1860—70-х (первая половина). Искала ли русская промышленность в 1860-х годах новых зарубежных рынков? Достаточно напомнить, что это было на другой день после ликвидации крепостного права, т.-е. самого грандиозного расширения внутреннего рынка, какое только имела Россия за все XIX столетие. Недаром в эти годы у нас позволили себе роскошь наиболее фритредерского таможенного тарифа, какой, опять-таки, только существовал в России

с 1822 года. Тут определенно сквозила мысль, что без иностранного подвоза русская промышленность с новым внутренним рынком не справится—и отчасти это было верно ¹⁾).

В это именно время царские войска двигаются в междуречье Аму и Сыра. Зачем? Ни в каких заграничных рынках надобности не ощущалось; по части сырья, был, правда, хлопковый кризис, созданный американской гражданской войной, но что Средняя Азия может заменить Америку, этого тогда просто не знали, это узнали после, познакомившись, как следует, с климатом уже завоеванной страны. Во всяком случае в 1860 г.г., когда брали Ташкент и Самарканд, американского хлопка в Средней Азии никто не сеял.

Итак, никакого экономического объяснения движению русских в Среднюю Азию дать нельзя? Непосредственное экономическое объяснение может, конечно, цити только от интересов русского купеческого капитала, который и был представлен в Самарканде хлудовскими приказчиками. Но, конечно, этого для объяснения настойчивой борьбы за Среднюю Азию, для объяснения ряда дорого стоивших экспедиций, мало. И вообще объяснять все непосредственно экономическими причинами вовсе не марксистский прием. «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальные являются лишь пассивными факторами»,—писал Энгельс еще в 1894 году. «Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце-концов проявится... Нет какого-то автоматического действия экономического положения, как это иногда весьма удобно воображают, но люди делают свою историю сами, только в определенной, обуславливающей их среде, на основе оставшихся от прошлого действительных отношений, среди которых экономические являются в последнем счете все же решающими...» ²⁾).

Эти «решающие в последнем счете» условия мы и найдем, если от метода, который Томсинский считает «материалистическим», мы перейдем к методу, им окрещенному «психологическим». Если мы будем с карандашиком в руках подсчитывать, сколько пудов ввезли, сколько вывезли, мы можем, в ином случае, ровно ничего не найти. А вот если мы возьмем дипломатические документы эпохи (пользование ими Томсинский и объясняет «психологическим методом»), действительная связь вещей и действительный материальный базис русской среднеазиатской политики станут для нас ясны. Русско-английский конфликт XIX века, стержнем которого была борьба за Константинополь и проливы, был только на время прерван Парижским миром 1856 года, а вовсе не закрыт. Аннулирование парижского мира, восстановление черноморского флота и возобновление борьбы за проливы становятся очередной задачей политики Александра II. Для этого нужно было найти союзников в Европе—и Россия поддерживает

¹⁾ См. мой «Очерки по истории революционного движения в России», ст. 48—49.

²⁾ Письмо к Штарквенбургу. 25/I—1894. Сборник Адоратского, 814—815 Курсив оригинала.

Пруссию, помогает ей стать Германской империей. России нужно было обойти Англию с тыла, занести кулак над Индией; для этого нужно было завоевать «Туркестан». В основе лежала, таким образом, главная линия политики русского торгового капитала, борьба за проливы — вот почему и экспедиция в Среднюю Азию была его, торгового капитала, делом. И приемы, какими экспедиции велись, были приемами его же, торгового капитала: для характеристики приемов я и привожу все эти иллюстрации насчет подвигов ташкентцев. Для т. Томсинского, понимающего историю, как грудку фактов, преимущественно статистического характера, все это, конечно, «не имеет никакого научного значения». А для помнящих слова Энгельса, что «люди делают свою историю сами», видеть живое лицо этих делателей истории чрезвычайно важно¹⁾.

Естественно, что там, где статистика совершенно бессильна и где нужно не знать (факты общеизвестны), а понимать, Томсинский оказывается в положении рыбы, вытасненной на песок. Т. Слепков попробовал использовать против меня, как доказательство «перерождения» самодержавия, характеристику временного правительства 1917 года у Ленина. Я, конечно, указал в ответ, что временное правительство и его родитель, «прогрессивный блок», это одно, а самодержавие—это совсем другое. Томсинскому ужасно хочется «помочь» т. Слепкову, и принимается он за это со всем усердием крыловского медведя. Для начала он, в маленьком примечании, спутывает «прогрессивный блок» 1916—17 г.г. с буржуазией перед 1905 г. и, взяв одну мою характеристику, относящуюся к этой последней, с пафосом спрашивает: «Как переваривает это противоречие молодежь, которая учится по учебникам т. Покровского?» Поскольку эта молодежь обладает элементарной марксистской грамотностью, она, вероятно, понимает, что диалектика действительна не только по отношению к самодержавию, а и к буржуазии также, и что отношение сей последней к самодержавию за промежуток времени с 1904 по 1917 год могло измениться, тем паче, что этим изменением я занимался в своих работах, довольно известных (см., напр., «Очерк истории русской культуры», ч. 1, стр. 124—125 по 4 изд.). Опасаться, что молодежь запутается между этими двумя соснами (их даже не три, а только две!), как наш «диалектик», нет ни малейшего основания.

Чувствуя, очевидно, что у него тут что-то не вышло, Томсинский спешит «нажать педаль». Я задаю тов. Слепкову недоуменный вопрос: зачем же прогрессивному блоку, т.-е. промышленной буржуазии, понадобилось сбрасывать Николая; если Николай со своим самодержавием представлял именно промышленный капитализм? Тов. Томсинский находит момент чрезвычайно удобным, чтобы разыграть благородное негодование. «Впервые приходится слышать от большевика о том, что русская буржуазия сбрасывала Николая»,—

¹⁾ Желаящих знать подробности русоко-английского конфликта 1860—1870 годов отсылаю к IV тому моей „Русской истории с древнейших времен“.

с пафосом начинает он декламировать. Всей декламации выписывать нет надобности, и основана она на самой простенькой и вульгарной передержке: я никогда нигде не говорил, что русская буржуазия, даже этого времени, была настроена революционно, но утверждал и утверждаю, что в 1917 г. она была более смело и откровенно оппозиционной, чем в 1905 году. Буржуазия не была за низвержение монархии, поэтому она и хотела заменить Николая Михаилом: но она была за низвержение самодержавия и замену его парламентской монархией с министерством «общественного доверия». Прекрасно понимая, что выступление народных масс поведет к низвержению именно монархии, буржуазия хотела это предупредить и подменить революцию дворцовым переворотом. История этой попытки (заговор ген. Крымова, с участием официальных представителей кадетской партии—Некрасова и Терещенки), оборванной мартовской революцией, всем хорошо известна. Почему же большевику нельзя говорить о всем хорошо известных вещах? Потому что т. Томсинский не понимает разницы между абсолютной и конституционной монархией, между оппозицией и революцией?

Но пора, наконец, перейти к исторической статистике т. Томсинского. Если его статью стоило напечатать, то, конечно, только ради кое-какого цифрового материала, им собранного. Если бы в статье не было ничего, кроме рассуждений, в стиле вышеприведенных, едва ли какой-нибудь журнал согласился бы это опубликовать. Ибо историческое, юридическое и всякое иное невежество автора (я позволяю себе усвоить «свободу языка» т. Томсинского) есть его личное дело, и зачем же затруднять других демонстрацией этих его свойств *ad oculos*? Но у него, кроме безграмотных исторических сближений и невежественных экскурсов в область политики, есть определенный историко-статистический материал. За сообщение, его должны быть признательны т. Томсинскому прежде всего сторонники опровергаемых им взглядов, ибо он дает несколько лишних подтверждений именно этим взглядам.

Но прежде всего два слова об особенностях этого материала. Он крайне капризен. В некоторых случаях цифры просто сочинены т. Томсинским, представляют собою плод его комбинаторской фантазии. Затем, цифры появляются и скрываются, когда это нужно т. Томсинскому: иногда, где цифра дозрелу нужна читателю, ее нет—хотя добыть ее весьма легко. Так было (читатель припомнит) с хронологией средне-азиатского хлопка, но этот случай не единственный. В результате, собирание историко-статистического материала т. Томсинским оказывается делом чистого альтруизма: его цифрами, проверив их, могут воспользоваться другие; но ему самому от его цифр не всегда бывает польза, несмотря на все принимаемые им меры предосторожности.

На стр. 266 т. Томсинский высчитывает, сколько лет царская Россия воевала за интересы торгового капитала и сколько за интересы промышленного. Выходит, что на защиту интересов торгового капитала пошло всего 15 лет и 5 месяцев войны, а на защиту инте-

ресов промышленности—104 года 3 месяца. От этой точности можно было бы прийти в восторг и признать немедленно, что моя точка зрения—о преобладании в царской внешней политике интересов торгового капитала — вполне «нелепа», если бы не поражали некоторые слагаемые этих сумм. С Францией в течение XIX столетия Россия будто бы воевала 3 года и 3 месяца. Сложим:

1805—	7,	примерно,	2	года.
1812—	15,	»	3	»
1854—	5т,	»	2	»

Итого » 7 лет.

Не будучи столь осведомленным в истории, как Томсинский, не решаюсь подсчитывать месяцев и дней (можно бы—да уж очень скучно и глупо...). Так что готов согласиться, что, может быть, не 7 лет, а $7\frac{1}{4}$ —или $6\frac{1}{2}$. Но, все-таки, не 3 года. Далее, в течение XIX в. Россия воевала и с Англией с февраля 1854 г. по март 1856 г., круглым счетом 2 года. Куда это девал Томсинский? Словом, в колонне «войн торгового капитала» явно неблагополучно. Но еще более неожиданные цифры колонны «промышленной». Тут, оказывается, Россия воевала в Средней Азии 30 лет и 9 месяцев. Подсчитаем: завоевание «Туркестана» началось в 1864 году, закончено было в 1876: 12 лет. Закаспийская экспедиция началась в 1879 г., окончилась в январе 1881. Как будто, 2 года: итого 14. Чем же наполнены остальные 16 лет 9 месяцев, о великий историк? Если даже взять в расчет все предшествующие «экспедиции» (весьма кратковременные) и случайные стычки позднейшего времени (Кушка, Памир), которых, конечно, ни один разумный человек к «войнам» не сопричислит, от силы можно будет накинуть еще года 3. А остальные почти 15?

Вот уж можно сказать: «И статистика такая—где они ее берут»!?

Если непонятно, откуда Томсинский взял нелепые цифры, то еще менее понятно, почему он ту или другую войну относит к «промышленным» или «торговым». Насчет войн в Средней Азии мы с читателем знаем уже, что они были вызваны именно интересами торгового капитала, если понимать под последними не интересы какого-нибудь московского купца, торговавшего с бухарцами, а интересы торгово-капиталистической системы, как целого. Наоборот, войны Николая I с Турцией были, по крайней мере, на 50%, войнами промышленного капитала, поскольку Николай «пролагал вооруженной рукой пути» русской мануфактуре на юг не только от Каспийского, но и на юг от Черного моря. Сомнительна в этом смысле и русско-шведская война 1808—1809 г.г. Она была интегральной частью континентальной блокады; с Швецией воевали, как с союзницей Англии, и если сам по себе захват восточных берегов Балтики заканчивал борьбу Петра за торговые пути, то ничто не способствовало так возникновению в России промышленного капитализма, как континентальная блокада.

Но перлом классификации Томсинского является, конечно, завоевание Кавказа: на него отведено 62 г. 6 м., сплошь «промышленных». Против цифры тут не возразишь, можно бы и больше поставить, поскольку война на Кавказе шла непрерывно с последней трети XVIII в. до второй половины XIX. Но если вспомнить, что на Западном Кавказе война кончилась выселением сотен тысяч горцев в Турцию, а на восточном «завоевание» сплошь и рядом равнялось истреблению (см. мою книжку—«Дипломатия и войны царской России»), то остроумие т. Томсинского проявится во всем блеске. По случаю победоносного похода Петра на башкир он нам показал «промышленный капитал», каленым железом выжигающий рынок труда: теперь мы видим тот же промышленный капитал, превращающий в пустыню рынок сбыта. Это всегда, конечно, промышленный капитал так и поступает: возьмет потребителя, да к чортовой матери его... А на пустом месте начнет торговать «готовыми продуктами»—с самим собой.

Разумеется, если отправляться не от проданных пудов и фунтов, а от торгово-капиталистической системы в целом, то без малейшего труда можно понять, почему нужно было, чтобы стоять твердой ногой на берегах Черного моря, не только завоевать Западный Кавказ, но и выселить оттуда все «неблагонадежные элементы». Недаром турки, со своей стороны, так цеплялись за Анапу до 1829 года. Но для этого придется «материалистический» метод—операции с фантастическими цифрами—заменить «психологическим»: изучением документов.

В итоге, статистико-хронологические изыскания т. Томсинского приводят читателя к совершенно не ожидавшемуся автором выводу: читатель начинает догадываться, какая полезная книжка Иловайский. Ведь если бы т. Томсинский мог прочесть «большого Иловайского» («для старших классов среднеучебных заведений»), он бы отлично знал, когда, с кем, за что и сколько времени Россия воевала; Иловайский на этом стоит. Что бы ГИЗ'у переиздать это полезнейшее произведение? Что оно монархическое—не беда. Можно предисловие написать—тот же т. Томсинский это-то отлично сделает.

Читатель заметил—и с удивлением заметил, если тов. Томсинский в чем-нибудь убедил его (на какой счет я, будучи лестного мнения о читателе, позволяю себе сомневаться), что меня несколько, повидимому, не беспокоит «ужасное» обвинение в непоследовательности, в противоречии с самим собою и т. д., которое выдвигает тов. Томсинский, с торжеством приводя цитаты—и какие свежие: 1923 года всего!—из моих же писаний, где я признаю влияние промышленного капитала на политику Николая I. Покровский против Покровского! Подумайте, какое лакомство. На самом деле спор Покровского с Томсинским в этом пункте правильное было бы назвать «диалектика против метафизики»—не метафизики Покровского против его диалектики, а метафизического истолкования некоторых отдельных положений Покровского против диалектического понимания этих положений самим их автором.

Прежде всего, упрек в формальной непоследовательности, страшный для буржуазного автора-метафизика, не имеет никакого значения для автора-марксиста. Если бы нашелся человек, который стал бы попрекать Ленина за разгон учредительного собрания в 1918 г., приводя то, что Ленин говорил об учредительном собрании в 1905 г., Ленин, вероятно, просто констатировал бы появление на политической сцене еще одного чудака—и не стал бы даже спорить. Ибо именно для диалектика вовсе необязательно повторять в 1918 году то, что он сказал, в совершенно иной обстановке, на совершенно ином уровне развития общественных противоречий, в 1905 г. Так в политике. Но история есть политика прошлого—и для историка-диалектика совершенно ясно, что в истории одни и те же исторические силы, в разные моменты исторического процесса, могут играть различную роль. Русское дворянство в 1825 году выдвинуло декабристов, а в 1905 оно же выдвинуло Столыпина и Пуришкевича. Основным стержнем внешней, как и внутренней, политики русского самодержавия были интересы торгового капитала, но в отдельные моменты своей истории это самодержавие могло дать перевес и капиталу промышленному: это бывало и во внешней, и во внутренней политике. Тут методологически важно одно: что во всех случаях интересы торгового капитала все же доминировали, интересы промышленного играли подчиненную роль; они покровительствовались настолько, насколько это было нужно торговому капиталу. Классическим примером является «падение крепостного права» в 1861 г.: реформа 19 февраля, конечно, шла навстречу интересам промышленного капитала, но торговому капиталу она дала возможность увеличить эксплуатацию в таких размерах, как никогда ранее. Лишь под этим условием торговый капитал пошел на реформу.

То же самое и в области политики внешней. Основной задачей этой политики при Николае I был захват Константинополя и проливов—на этом деле Николай «лег костями». Это—задача торгово-капиталистическая. Но попутно он, действительно, не брезговал и захватом новых рынков для русской мануфактуры. Почему? Да по той простой причине, что промышленный капитал, будучи по своим конечным целям и задачам антагонистом торгового, был последнему практически необходим. Иначе ему просто не дали бы образоваться,—т.е. старались бы не дать образоваться: а ему на самом деле «покровительствовали». Промышленность нужна была торговому капиталу, во-первых, как база активного баланса и самостоятельной валюты. Баланс был тем прочнее, чем меньше товаров покупалось за границей и чем больше производилось внутри страны. А затем, непосредственно-технически торговому капиталу, в его активной внешней политике, нужны были пушки, ружья, сукно, полотно, под конец—рельсы и паровозы. Производство всех этих «готовых продуктов» торговый капитал должен был «поощрять», если у него была хоть капля смысла в голове: как же при этом не поделиться награбленным в той или другой форме?

И вот, разгромив персов, Николай I открывает персидский рынок для русской мануфактуры—хотя непосредственно персидская война 1826/28 г.г. была вызвана дикими грабежами русской военщины в Закавказье (как известно, формально начали ее персы, в расчете, отчасти и оправдавшемся, на всеобщее восстание новых русских «подданных»). В 1877 году, возобновив наступление к Константинополю и проливам, самодержавие, хотя ни Константинополя, ни проливов не получило, но удержало в своих руках «независимую» Болгарию—иначе «Задунайскую губернию». И когда в этой «независимой» Болгарии начали строить железнодорожную сеть, отец и благодетель, русский царь, потребовал, чтобы рельсы, вагоны и паровозы заказывались в России. Для метафизика, знающего только свое «или-или», или интересы торгового капитала, или интересы промышленного капитала, тут, конечно, вопиющие противоречия: а для диалектика, знающего «и-и», тут никакого противоречия нет. Он только находит, что по случаю «покровительства» самодержавия промышленности нелепо говорить о «социальном перерождении» самодержавия, как по случаю нэпа нелепо говорить о перерождении социальной природы большевизма.

Теперь, в той конкретной войне, о которой больше всего идет речь у Томсинского, в русско-японской 1904—1905 г.г., можно ли усмотреть, в виде такого «привеска», влияние промышленно-капиталистических интересов? Сначала, когда для меня «дальневосточная авантюра» укладывалась в хронологические рамки второй половины 1890—первой 1900 годов, мне казалось, что да—и это написал и напечатал. Более близкое изучение дипломатических документов («психологический метод») показало мне, что начало «авантюры» нужно отнести на 10 лет раньше. И та международная комбинация, в связи с которой «авантюра» перед нами впервые является, настолько близко подводит нас к основному стержню внешней политики самодержавия, что искать каких-либо посторонних, случайных и местных причин просто ненужно. Сибирскую дорогу начали строить в непосредственной связи с англо-русским конфликтом середины 1880 г., а этот конфликт был последним эпизодом русско-английской борьбы за Среднюю Азию, что само по себе являлось, мы уже знаем, одним из аспектов борьбы за проливы. На берегах Тихого океана продолжалась та же борьба за Константинополь, которую раньше вели на берегах Аму и Сыра. И недаром заканчивается «дальневосточная» авантюра соглашением России и Англии по делам Среднего и Ближнего Востока, Среднего (Персия) формально, Ближнего неформально (обещание английского посла Извольскому помочь России в «проливном деле») ¹⁾.

Вмешательства интересов русского промышленного капитала этой четкой картиной совсем не требовалось. В качестве аксессуара оно могло быть, и это нисколько не противоречило бы моей

¹⁾ Подробности см. в „Японской войне“ и других моих статьях по внешней политике.

схеме, но, после изысканий тов. Томсинского, мне кажется, можно сказать с полной определенностью, что и в качестве аксессуара русский промышленный капитал в дальневосточном деле никакой роли не играл, и Витте, в качестве вершителя дел Дальнего Востока, служил торговому капиталу, что нисколько ни для одного диалектика не противоречит тому, что внутри страны он представлял в первую голову интересы капитала промышленного. Смутить это может только людей закоренело-метафизического образа мыслей.

Оспаривая мою, якобы, мысль, что в Манчжурию должен был вывозиться русский хлеб (я никогда этого не говорил—Витте говорит об этом в одном месте, но он говорит о вывозе в Китай, а не в Манчжурию), Томсинский устанавливает, что в Манчжурию «ввозились хлопчатобумажные европейские и японские товары, железо, керосин и грубый хлопок-сырец из Южного Китая». «Вопреки желанию т. Покровского»,—торжественно заключает Томсинский,—«в Манчжурию ни жизненные припасы, ни сырье из России не вывозились».

Напротив, дорогой тов. Томсинский, все идет совершенно по моему желанию—ибо ввоза русской мануфактуры в сколько-нибудь значительных размерах в Манчжурию вы не устанавливаете. Мануфактура шла английская и японская. И это касается не только Манчжурии, но Китая вообще. На стр. 271. Томсинский приводит крайне любопытную табличку ввоза русских хлопчатобумажных тканей в Китай с 1899 по 1904 год. Из этой таблички видно, во-первых, что доля Китая в экспорте русских тканей все уменьшалась: с 36,7% всего вывоза по азиатской границе в 1899 году до 20,1% в 1904. Абсолютная же цифра увеличилась очень незначительно—со 100 до 130 тысяч пудов, тогда как вывоз в Персию, например, увеличился почти втрое (123 и 354 тыс. пудов). Для русской мануфактуры персидский рынок был во много раз интереснее китайского.

Заметьте, что в эти цифры вошел, конечно, еще ввоз в Китайский Туркестан, т. е. ввоз не через Манчжурию, к русско-японской войне никакого отношения не имеющий. Учтите вообще ничтожность русского ввоза в Китай сравнительно с вывозом в Россию оттуда. В 1905 году в Китай было ввезено всего русских товаров на 31,6 млн. руб., а вывезено из Китая на 60,5 млн. руб. В 1905 г., несомненно, еще действовала война—в 31,6 млн. руб. ввоза вошло, конечно, и то, что было ввезено, не интендантством, а частными предпринимателями—для потребления русской армии (харбинские магазины, рестораны и т. д.). В 1910 г. русский ввоз в Китай упал до $\frac{1}{3}$ китайского ввоза в Россию (15,9 млн. лан против 45,9 млн. лан). Тем не менее, русский промышленный капитал никаких войн, вопреки ожиданиям тов. Томсинского, в 1910 г. на Д. Востоке не затевал, и Россия была связана с Японией целым рядом секретных соглашений. Ликвидация русско-английского конфликта в 1907 г. автоматически ликвидировала все остальное.

Цифры, упрямые цифры не хотят говорить того, что выплывает из них тов. Томсинский, а в сочетании с другими цифрами, которых он не показывает, дают даже противоположный эффект. Винаваты тут не цифры, а полное отсутствие у тов. Томсинского всякой перспективы—и всякой самокритики—и в этой области. Маленький пример: оспаривает тов. Томсинский мое утверждение, что морские фрахты были в 25 раз ниже сухопутных. Цифра не моя. Я ее нашел в официальной записке Базили—«О задачах России на проливах», составленной в 1914 г. Не думаю, чтобы Базили очень переврал: но ошибка, конечно, возможна. Только исправить ее тем способом, каким принимается за это тов. Томсинский, никак нельзя. Он берет «фрахт за пуд товара от Москвы до Владивостока морем (!)», находит 82 копейки, а по железной дороге 76 коп. Но, во-первых, в Москве моря нет: явное дело, что в первую цифру входит железнодорожная перевозка от Москвы до Одессы; сколько—мы с тов. Томсинским не знаем; а во вторых,—это русские фрахты, которые, конечно, составлялись так, чтобы Добровольный флот не оказался счастливым конкурентом Сибирской дороги. Словом, в таком виде эти цифры ничего не говорят.

Но тов. Томсинского, раз он увидел цифру, не удержишь ¹⁾. Нашел он цифры ввоза и вывоза из России в Польшу (т.-е. «привислинские губернии») и обратно,—цифры, относящиеся к 1911 году. Казалось бы, к русско-японской войне 1904/5 г.г. это никакого отношения не имеет. Но у тов. Томсинского сейчас «выводы», целая цепь выводов. Во-первых, оказывается, что, «уничтожая таможенную границу между Россией и Польшей, царизм жертвовал интересами своей буржуазии и помещиков». Прежде всего, почему помещиков, ежели «Польша» ввозила в остальную часть империи, главным образом, фабrikаты? 525,2 млн. руб. против 126,8 млн. руб. готовых продуктов из России. Не было ли это, наоборот, для помещиков компенсацией за убытки, причиняемые благородному дворянству промышленным протекционизмом вообще? А, во-вторых, ведь граница-то уничтожена в середине XIX века, еще при Николае I. Как же можно

¹⁾ Справедливость требует сказать, однако, что тов. Томсинский бросается не на всякую цифру, а лишь на такую, которая, по его представлению (обыкновенно ошибочному), льет воду на его мельницу. Если же он увидит цифру, говорящую противоположное, он ее избегает. Так, ему нужно доказать, что сибирская железная дорога не имела непосредственно-колонизационного значения и что ее постройка, значит, не стоит в прямой связи с торговым капитализмом. Цифры на этот счет хорошо известны. Прогрессивная переселения за Урал шла в таком порядке:

1885—1894	445 тыс. чел.
1895—1905	1.440 " "
1906—1913	3.274 " "

Не может быть, чтобы эти общеизвестные цифры не были знакомы нашему любителю статистики. Но он предпочитает вдруг бросить «материалистический» метод и увязаться до «психологического», цитируя закон о переселениях 1904 г. Тут это уже чистая психология, поскольку закон отражает лишь намерения правительства, ходом жизни опрокинутые. Но тов. Томсинского здесь это не смущает.

это отнести насчет желанья «московской буржуазии» найти «в лице польского фабриканта верного союзника в борьбе за дальневосточные рынки»? В 1850 году еще не было никакой борьбы за эти рынки— в 1911 уже не было этой борьбы, она уже кончилась разгромом России. И в чем могла состоять помощь польского фабриканта? Корпус польских войск, что ли, он должен был послать в Манчжурию? Но ведь, никакой польской армией ни в 1904, ни в 1911 году и не пахло. Есть отчего в отчаянье притти! Цифры, приводимые тов. Томсинским, не лишены интереса—они показывают, как мало близки сердцу самодержавия были выгоды «отечественной мануфактуры». т.-е. истинно-русского купечества подмосковного района, еще и в 1911 году ¹⁾,—во-первых, а во-вторых, как нуждалось самодержавие в Польше и активном сочувствии поляков накануне «последнего и решительного боя» за пролив с Германией (в 1911 г. война уже была решена—см. допрос Колчака и записки Поливанова). Но при чем тут Дальний Восток и русско-японская война? Почему все это, вместе взятое, «ярко иллюстрирует эволюцию социальной природы царизма»? И почему изо всей этой мешанины цифр следует, что «японская война была редким примером истинно национальной войны», как значится на стр. 280?

Умри Денис—или больше не пиши. С человеком, договорившимся до того, что самая грабительская из всех колониальных войн царской России, война, которая была чужда интересам не только народных масс, но даже русского капитализма в целом—почему она и встретила сопротивление даже в среде высшей бюрократии,—что эта война есть «истинно-национальная» (как, значит, франко-прусская для Германии, например,—или революционные войны для Франции?). с таким человеком никто, конечно, спорить не станет. И если выше я утомил читателя разбором ряда цифровых примеров (я их подобрал гораздо больше,—но чувствую, что читательское терпение уже истощается), то лишь для того, чтобы не дать т. Томсинскому отделяться ссылками на «голословность» утверждений его противника. По сути дела самый метод Томсинского: из цифр, взятых с борку да с сосенки и часто не понятых самим автором (пример—Польша), делать сейчас же широчайшие и аляповатейшие политические и исторические выводы.—самый этот метод никуда не годится. И даже выводы гораздо менее нелепые, чем получились у Томсинского, были бы таким методом дискредитированы.

Каленым железом нужно выжечь представление, будто материалистическое объяснение истории есть ее цифровое объяснение. Материалистически объяснить историю значит объяснить действия людей, без которых нет истории,—из той объективной обстановки, в которой они действовали. Для характеристики этой объективной обстановки могут иногда служить и цифры: но только не нужно

¹⁾ Хотя нужно иметь в виду, что Лодзь и Москпа производили разного рода хлопчатобумажные ткани: Лодзь—трико, а Москпа—ситцы, так что конкуренция была не так велика и остра, как показывают цифры.

забывать, что цифрами можно охарактеризовать лишь наиболее элементарные экономические процессы; что обобщения более высокого порядка даже непосредственно в истории хозяйства требуют уже анализа цифр. Что же касается политической истории, то тут между элементарной экономической подкладкой и теми или иными политическими последствиями может стоять длинный ряд посредствующих звеньев—и борьба русского торгового капитала за Константинополь и проливы может иметь неожиданным эхо захват Порт-Артура на берегах Тихого Океана.

М. Покровский

„ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО“

„Wirtschaft und Gesellschaft“—сборник статей, посвященных Францу Оппенгеймеру, изданный Робертом Вильбрандтом, Адольфом Леве и Готфридом Саломоном во Франкфурте на Майне.

Германский либеральный профессор Франц Оппенгеймер в свое время вздумал «исправить» учение Маркса, построив свою пресловутую «систему» «чистой экономики», в которой господствует «ограниченная» частная собственность, свободная конкуренция (в противоположность монополистическому капитализму эпохи империализма), «настоящая» свобода договоров между капиталистами и рабочими, словом, общественный строй «свободных и равных людей» («либеральный социализм!»), приносящий освобождение «сразу» всем людям, а не пролетариату «сперва», как этого хочет «упрямый и пролетарски суженный» марксизм. Центральным пунктом этой «системы» является, как известно, земельная реформа, сводящаяся к отмене земельной монополии, являющейся якобы главной причиной общественного неурядства.

Духом этого «учения» проникнут сборник статей, посвященных группой либеральных профессоров Францу Оппенгеймеру к 60-ой годовщине его рождения. Только немногие статьи можно признать более или менее удовлетворительными. Из них следует прежде всего отметить статью Феодора Шнейдера («Социальный генезис Ренессанса»), где автор правильно указывает на развитие денежного хозяйства в итальянских городах, как на экономическую базу Ренессанса, и статью Зигфрида Бидге «Имеют ли деньги внутреннюю стоимость», где автор, полемизируя против Кнаппа («Государственная теория денег») и Эльстера («Душа денег»), совершенно правильно доказывает, что деньги имеют объективную меновую стоимость. Эрих Прейзер дает на основании многочисленных цитат из «Капитала» и «Теории прибавочной стоимости» изложение Марксовой теории кризисов, в которой он пытается доказать, что основной причиной кризисов является падение нормы прибыли при растущем воспроизводстве, совершающемся на основе уже возросших цен на сырье и материалы, а также и на рабочие руки.

Все остальные статьи (всего в сборнике 21 статья) отражают с большей или меньшей выпуклостью учение «реформатора» марксизма как с методологической, так и с теоретической стороны.

Через все эти статьи проходит красной нитью метафизическое мышление авторов. Везде мы их застаем в поисках за абсолютной общезначимой истиной. Везде жалоба на то, что опыт не может

служить источником познания, потому, что он полон противоречий. В каждой статье полное непонимание и игнорирование диалектического процесса в истории, наивная надежда на возможность сказать «последнее слово» в науке, открыть окончательную истину, провозглашая таким образом суверенность человеческой (читай буржуазной) мысли и спокойно осуждая таким образом последующие поколения на духовное прозябание, потому что им нечего будет больше сказать. Человеческий мозг через несколько лет будет рудиментом, лишним органом, не выполняющим больше никаких функций, потому что буржуазные профессора завершили человеческое мышление, построили окончательную «философскую систему», которая все объясняет, не оставляя места ни для загадок, ни для сомнений. Материалистическая диалектика не представляет для них интереса, потому что она в наши времена неотрадна для буржуазии, она ей предвещает неминуемую гибель. Материалистическое мышление, всегда характеризующее класс, которому принадлежит будущее (Гельвеций, Гольбах, Дидро), сменяется идеалистическим мышлением, как только этот класс начинает сознавать, что он сыграл свою историческую роль и что его с распростертыми руками ожидает исторический музей. Такой класс всегда спасается из области практики в область «философии», разыскивая там необходимые ему научные системы, вечные истины...

В этом отношении особенно отличаются статьи Роберта Вильбрандта («Центральная проблема политической экономии, как практической науки»).

Центральной проблемой политической экономии в настоящее время является, по мнению Вильбрандта, познание того, есть ли все то, что говорится от ее имени (все практические советы в области хозяйства, политики, государств. управления, юстиции и т. д.), «объективно, обосновано, общезначимо (!)» «или же субъективно, лично, не поддающееся доказательству, как какойнибудь партийный идеал (!), мировоззрение (!), вера» и т. д. Итак, по мнению Вильбрандта, проблема эта чисто теоретически-познавательская, в отличие от старых проблем практического характера, которые эта наука раньше себе ставила. Любопытно, как наш профессор мотивирует бегство из области практики в область «философии». Видите ли, практическая политическая экономия обанкротилась. Еще бы! Да разве могло быть иначе? Раскрепощение промышленности и торговли, этот краеугольный камень учения физиократов и классической школы политической экономии, это основное требование и собственный смысл великой французской революции, далеко не оказалось раскрепощением трудящихся масс, и не успела восторжествовать эта доктрина, как против новой «победительницы» выступили с беспощадной критикой великие утописты (Сен-Симон, Фурье, Овен) и творцы научного социализма, Маркс и Энгельс, а художественная литература, закутавшись в тогу романтизма, спасалась из царства раскрепощенной промышленности и торговли, ставшего настоящим адом для высту-

павшего тогда в первый раз на историческую арену западно-европейского пролетариата, в небесные сферы.

Удивительно ли после этого, что тюрингенский профессор с глубоким вздохом вынужден констатировать банкротство практической политической экономии? Но этот банкрот угрожает ей утратить значение практической (!) (как будто существует независимая от практики наука) науки, и находятся даже политико-экономы, проявляющие тенденцию подходить к человеческому обществу не как лечащие врачи (он, повидимому, сознает, что современное общество хворает), а как естествоиспытатели, пренебрегая требованиями практической жизни, что может повести к весьма нежелательному обострению классово-борьбы. Поэтому г-н Вильбрандт думает, что нужно «наконец» проблему политической экономии разрешить «чисто научно», по линии человеческого познания да так, чтобы это разрешение отличалось «научной» общезначимостью (вне времени и пространства), и только после того, как будет найдено это теоретическое решение, к нему можно будет приспособить запросы «практической» жизни.

Уже самая постановка вопроса об «общезначимой» проблеме политической экономии показывает, что диалектическое мышление автору статьи совершенно чуждо. Если бы он не был метафизиком, он бы не лепетал о банкротстве практической политической экономии, вообще, а только о банкротстве буржуазной политической экономии; он понял бы, что ни физиократы, ни Адам Смит, ни великая французская революция в свое время совсем не обанкротились и что только в глазах человека, не замечающего, что он хочет мыслить вне времени и пространства, раскрепощение буржуазной личности равно раскрепощению трудящихся масс. Его «чисто теоретическое» разрешение центральной проблемы политической экономии сводится к следующему. У каждого человека есть желания, правда различные. Но как бы различны они ни были, для их удовлетворения необходимы средства (тоже, конечно, различные). Ясно, что с увеличением средств общества (оно, видите ли, для него социально однородно) увеличивается возможность удовлетворения желаний общества. Но увеличение общего количества средств достигается путем наибольшей хозяйственности, наибольшей экономии. Поэтому да здравствует экономия! Тут проглядывает немецкий мещанин со шкатулкой, наполненной сбереженными пфеннигами.

Что германским капиталистам во время инфляции никто не помешал самым немилосердным образом экспроприровать этих тупоумных рыцарей шкатулки, это наш профессор, повидимому, забыл. А что общее накопление, общая хозяйственность немецкого народа (а она всегда была образцовой) не спасли миллионов немецких рабочих от участи быть рабами Стиннеса, а последнему не мешало быть величайшим инфляционным разбойником, до этого нашему профессору тоже нет никакого дела. Итак, от хозяйственности всего народа, без различия классов и того, какой класс управляет всей системой хозяйства, он ждет исцеления капитализма.

Но сторонники «либерального социализма», как видно, не особенно тверды в своей вере, и в часы досуга к ним прокрадываются сомнения в возможности таким образом осчастливить человечество. Этот прилив скептицизма нашел свое выражение в статье итальянского профессора Роберта Микельса («К критике эвдемонистической экономики»).

Констатируя совершенно правильно, что «человеческие потребности пробуждаются в обществе и только в последнем находят свой масштаб... что они (потребности)—социальный продукт и, как таковой, относительны... что сверх элементарные потребности являются ничем иным, как обратным влиянием экономической и культурной среды на психику в ней живущих людей», он, сам того не замечая, во многих местах своей статьи уклоняется от этой безусловно правильной точки зрения. Так он, например, говорит, что по достижении определенного размера доходов человек не в состоянии увеличить свои физические наслаждения.

Крупнейший американский миллиардер не может сравняться по части расточительности с древним римским патрицием. А потому понятие счастья у современного капиталиста (возможно большее накопление с целью вытеснения конкурентов с рынка и достижения возможно большего общественного значения и силы) резко отличается от понятия счастья у римского патриция, угощавшего своих гостей соловьиными языками и вином, разбавленным драгоценными камнями.

Или, если г-н Микельс говорит, что никто не может сказать, кто более счастлив: английский ли печатник, получающий за 10-часовой рабочий день 10 шиллингов, или арабский портовый рабочий, зарабатывающий только 15 пиастров в день, работающий зато только 3 часа (!), то это опять-таки неправильно. Английский печатник сравнивает свое положение с положением владельцев, ныне, правда, не существующего больше, газетного предприятия Нортклифа, а не с положением арабского портового рабочего, сравнивающего, в свою очередь, свое положение с положением арабского эффенди. И в зависимости от того, в какой стране контраст между образом жизни господствующего и угнетенного класса будет больше, будет также больше недовольство угнетенных своим «счастьем», хотя бы английский печатник абсолютно жил лучше арабского портового рабочего,—ведь это и есть «образное влияние экономической и культурной среды на психику живущего в ней человека».

Заканчивает г-н Микельс свою статью следующим вздохом: «Есть люди, которые не в состоянии покрывать расходы счастливой жизни, а такие люди всегда (!) будут». Еще бы! Кто верит в вечность капитализма, тот неминуемо придет к этому заключению.

Идеалистическое мышление буржуазных профессоров мешает им разобраться в самых элементарных вопросах. Нельзя воздержаться от сожаления, когда видишь, как г-н Бруно Шульц в своей статье («Понятие хозяйства») на протяжении 50 страниц бьется над вопросом, что такое хозяйство.

Отвергая определение хозяйства, даваемое Рошером, что «всякая продолжительная деятельность, направленная на приобретение и пользование имуществом, есть хозяйство», а «имущество—это совокупность благ, являющихся собственностью физического или юридического лица» (итак, значит, нет хозяйства без собственности и имущества,—такова воля буржуазии и ее профессоров), г-н Бруно Шульц не восстает против этого безумия, а только против того, что это определение не разграничивает строго хозяйственной деятельности людей от их деятельности вообще, хозяйственных потребностей от потребностей вообще, «истинных» потребностей от «неистинных» (об «истинных» и «неистинных» потребностях почти в той же плоскости рассуждает также Фриц Эдингер в статье «Понятие потребности и расхода в экономической теории и в экономической политике»). Его мучает «вопрос», есть ли гимнастика и посещение музеев хозяйственная деятельность, ограничивается ли последняя приобретением только материальных благ или духовных тоже.

Идеалистический «философ», для которого мышление оторвано от бытия, для которого все духовное приходит откуда-то извне, а не есть продукт нашего материального существования, действительно не в состоянии определить, где кончается хозяйственная деятельность человека и где начинается его деятельность «вообще». Вся деятельность людей в конечном счете преследует организационно-социальные цели. Вся даже самая якобы отвлеченная от собственного «хозяйничания» деятельность людей служит в конечном счете организации производства. Совершенно правильно замечает Богданов (Курс полит. экономии, II том. Теория капитализма), что даже такая «отвлеченная» наука, как астрономия, служит тоже производственным целям: такой астрономический инструмент, как часы, необходим для организации производства. Точно так же «философия» г-на Бруно Шульц никогда не сможет определить, какие потребности являются «истинными». То, что является, например, истинной потребностью для пролетарского государства (в эпоху диктатуры пролетариата), может оказаться «неистинной» потребностью для буржуазного общества и наоборот. Для производства нужен человеческий и вещественный производственный аппарат, и его исправное состояние необходимо для успешной организации производства. Но исправное состояние человеческого производственного аппарата мыслимо только при соответствующем физическом и духовном развитии человека.

Вот почему в буржуазном обществе физические упражнения признаются хозяйственной деятельностью лишь постольку, поскольку они предназначены для воспитания здоровых наемных рабов, производящих прибавочную стоимость.

Эта «ученость» г-на Шульца характерна для подавляющего большинства авторов настоящего сборника. То же идеалистическое мышление мы видим в статье Карла Бринкмана о «Производительности и идейной стоимости», где речь идет о «нематериальных благах», входящих в состав капитала (полное непонимание капитала,

как исторической категории, непонимание разницы между вещественным богатством и отвлеченной стоимостью), ту же ограниченность мы встречаем в статье Леонарда Нельсона («Философские рассуждения о социальной политике» — какое мудреное заглавие!), где автор с энтузиазмом повторяет избитые, истрепанные, но одинаково лживые «мудрости» о (формально юридическом) равенстве всех людей (экономическое равенство нам обещается в царстве чистой экономики, об этом трактует статья г-на Масека «Равенство»), о том, что «государство есть орудие для ограничения частного владения» и так без конца.

Нет абсолютно никакой надобности критиковать каждую статью сборника отдельно — работа, для которой потребовалось бы написать целую брошюру. Главные статьи, отражающие теорию «чистой экономики» и «либерального социализма» с их методологическим и теоретическим фундаментом охарактеризованы. Чтобы оштукатурить это «здание», не мешает остановиться еще на 2 статьях: «К социологии современных революций» Курта Блоха и «К экономической теории империализма» Адольфа Лева.

Курт Блох проводит параллель между буржуазной и пролетарской революцией в вопросе о роли крестьянства и о двоевластии в этих революциях. Он совершенно правильно указывает на колоссальную роль крестьянства в великой французской революции, но забывает, что руководящую роль не оно играло, а парижская мелкая буржуазия, инициатива и организованность которой спасли дело революции. Точно так же он из-за деревьев леса не видит, когда он говорит о роли крестьянства в русских революциях 1905 и 1917 г. г., забывая самое главное: гегемонию русского пролетариата, ведущего за собою крестьянство. Его рассуждения на всю эту тему не лишены определенной тенденции. Он пытается изобразить крестьянство, как основную движущую силу будущих революций, сомневаясь в пролетарском, социалистическом характере последних, что, конечно, в корне неправильно. Он с явным удовлетворением констатирует факт свержения якобинцев крестьянством, поражение венгерской и баварской революций, совершенных не без участия крестьянства, он описывает трудности, с которыми Октябрьской революции и поныне приходится бороться, вследствие противоречий интересов пролетариата и крестьянства. Он не понимает, что русский пролетариат (а пролетариат промышленной страны по-прежнему) может дать крестьянству гораздо больше, чем могла дать французскому крестьянству в свое время парижская мелкая буржуазия, потому что материальные условия в XX веке совершенно другие, чем в конце XVIII века.

Если г-н Блох говорит, что обыкновенно принято приписывать крестьянству пассивную роль в революции, то это верно по отношению к социал-демократии, которая вообще игнорирует крестьянство, ограничиваясь своими узко-цеховыми интересами, но неверно по отношению к большевикам и к коммунистическим партиям Запада. Теория Ленина о судьбе русской революции и тезисы 2-го Конгресса

Коминтерна по аграрному вопросу служат лучшим тому доказательством.

Особенно ярко обнаруживается буржуазная точка зрения автора, когда он говорит, что занятия предприятий рабочими и экспроприация предпринимателей являются такими же примитивными мероприятиями, как разрушение машин рабочими на заре их революционной борьбы. Настоящим «культурным» средством борьбы является, по его мнению, мирная «марксистская» идеологическая пропаганда. Сравнивая якобинский клуб с советами рабочих депутатов 1905 г. и 1917 г. (до октября), он совершенно правильно указывает, что в обоих случаях мы имеем дело с соправительствами. Однако автор очень неосторожно смешивает партию с советами, равно как не указывает различия между якобинским клубом и советами.

В статье «К экономической теории империализма» автор в своих рассуждениях исходит из статьи Шумпетера «К социологии империализмов», в которой последний объявляет империализм наносным, совершенно несвойственным капитализму явлением, базирующимся лишь на «традициях» абсолютной монархии эпохи меркантилизма, по своим тенденциям прямо противоречащим капитализму, словом, «атавизмом» социальной структуры. Г-н Адольф Леве, после предпринятого им анализа, отвергает эту точку зрения и приходит к заключению, что «экспансивная тенденция есть положительный полюс капиталистической динамики вообще, следовательно, империализм, как одна из исторических форм проявления этой тенденции, свойственен самой структуре капитализма». Но от этого его анализ еще не перестает быть ложным. Прежде всего Леве игнорирует вывоз капитала, как типичный признак новейшего империализма, и сводит все дело к вывозу товаров. Последний является необходимостью вследствие перепроизводства, которое в свою очередь «объясняется фактом существования резервной армии, не обладающей покупательной способностью». Существование же резервной армии он в согласии с «социально-либеральной» школой объясняет земельной монополией (а не изменением органического состава капитала и капитализацией деревни, согласно Марксу). Отчего же не свалить всю вину на аграриев? Как будто какие-нибудь аграрные «реформы» могут исцелить капиталистическое общество. Для того, чтобы сельское население обладало большей покупательной силой, необходимо поднятие его культурного уровня, а это в капиталистическом обществе так же невозможно, как поднятие культурного уровня пролетариата. Уничтожение земельной монополии и развитие капитализма в аграрных странах приведут, по его мнению, к тому, что избыток свободных рук из сельского населения данной страны и из соседних аграрных стран сократится, и таким образом возможность вовлечения больших рабочих масс в процесс производства, обусловленная наличием резервной армии, исчезнет, а вместе с этим исчезнет перепроизводство и империалистическая

экспансия. Как раз наоборот: это обстоятельство усилило борьбу между империалистами, которые набросились даже на высокопромышленные страны (план Дауэса). Но сторонники «чистой экономики» знают это лучше. Действительно, это чистая, очищенная от серьезной мысли экономика, но с достаточно ясно выраженным классовым содержанием. Содержание статей показывает, что мы здесь имеем дело с немецкими интеллигентами, колеблющимися между мелкой буржуазией и крупным капиталом.

И. Чернявский

„ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ“ ЭНГЕЛЬСА И ФИЛОСОФСКИЕ БЛУЖДЕНИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

„Архив К. Маркса и Ф. Энгельса“, под ред. Д. Рязанова. Книга вторая. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. М.—Л. Гиз. 1926, стр. 504. Ц. 5 р.

Весь второй том издаваемого т. Д. Б. Рязановым „Архива К. Маркса и Ф. Энгельса“ посвящен „Диалектике природы“ Фр. Энгельса. Это—заметки и наброски, относящиеся к 1873—1886 г. г., когда Фр. Энгельс имел возможность заняться систематическим изучением естественных наук.

Опубликование этих заметок является поистине величайшей заслугой т. Рязанова, отыскавшего их в архивах немецкой социал-демократии и разработавшего их для русского и международного пролетариата. Сорок лет лежали эти замечательные рукописи у немецких с.-д., не понимавших ни исторического значения Энгельса, ни значения теоретической борьбы пролетариата и не признававших никакого радикализма даже в теории. „Только с большим трудом можно найти объяснение такого преступления по отношению к памяти обоих основоположников революционного коммунизма,—говорит в предисловии Д. Рязанов. Самым вероятным и наиболее извиняющим является предположение, что Бернштейн, который один только знал о существовании этих рукописей, совершенно не понимал их значения или к тому времени, когда они попали к нему в руки, потерял всякую способность понять их. И, действительно, как мог оценить значение рукописей Энгельса человек, который с 1896 г. начал доказывать, что больше всего вреда причинил марксизму именно диалектический метод?“

Заметки о диалектике и естествознании остались не переработанными в одно целое. Это так и не удалось сделать Фр. Энгельсу. Историю его выступлений по вопросам естествознания читатель найдет в обширном предисловии Д. Б. Рязанова, которое, как и все написанное им о Марксе и Энгельсе, имеет значение первоисточника.

Книга заканчивается очень ценным приложением: „Иностранная литература о Марксе, Энгельсе и марксизме“ (1914—1925), составленным т.т. Э. Цобель и П. Гайду. Очень удачна мысль проверить, сгруппировать и приложить все ссылки Энгельса на различных авторов отдельным *Zitatenanhang*.

Значение энгельсовских фрагментов в нынешних условиях поистине огромно. Естественно-научные воззрения Энгельса устарели, но его стремление сделать стихийно-материалистическое естествознание

сознательно-диалектическим, вся его теория диалектики, систематизирующая все области естествознания по объективной, внутренней связи явлений, его учение о необходимом и неизбежном философском обосновании всякого метода, все это имеет актуальное значение не только в нынешней борьбе с извращениями марксизма и ленинизма, но и для углубления диалектического материализма¹⁾. Это должно стать в ближайшее время предметом специального или ряда специальных исследований.

В настоящей заметке мы ограничимся более узкой задачей: выяснить, какие ответы дает „Диалектика природы“ на вопросы о значении философии диалектического материализма в философских блужданиях естествознания и о той связи, в какой эти блуждания находятся с современными направлениями в западной философии.

1

„Революция 1848 года оставила в Германии почти все на месте за исключением философии, где произошел полный переворот. Нация, охваченная духом практицизма, который, с одной стороны, дал толчок крупной промышленности и спекуляции, а с другой—вызвал мощный под'ем естествознания в Германии, отдавшись под руководство странствующих проповедников материализма, Фохта, Бюхнера и т. д., решительно отвернулась от затерявшейся в веках берлинского старогегельянства классической немецкой философии. Берлинское старогегельянство вполне этого заслужило. Но нация, желающая стоять на высоте науки, не может обойтись без теоретического мышления. Вместе с гегельянством выбросили за борт и диалектику как раз в тот самый момент, когда диалектический характер процессов природы стал непреодолимо навязываться мысли, т.-е. тогда, когда только диалектика могла помочь естествознанию выбраться из затруднений; благодаря этому естествоиспытатели снова оказались беспомощными жертвами старой метафизики. Среди публики стали с тех пор иметь успех, с одной стороны, приносившие к духовному уровню филлистера плоские размышления Шопенгауэра, впоследствии даже Гартмана, а с другой—вульгарный, в стиле странствующих проповедников, материализм разных Фохтов и Бюхнеров. В университетах конкурировали между собой различнейшие сорта эклектизма, имевшие общим лишь то, что они состояли из одних лишь отбросов старых философских систем и были все одинаково метафизичны. Остатки классической философии сохранились только в виде неокантианства, последним словом которого была вечно непознаваемая вещь в себе, т.-е. та часть кантовского учения, которая меньше всего заслуживала сохранения. Конечным результатом были господствующая теперь путаница и бессвязность теоретического мышления“.

¹⁾ Интересно, что никто иной, как т. Деборин, писал о „Диалектике природы“, что она „дает огромный материал для теоретического углубления марксизма“, „Воинств. материалист“, кн. 5, стр. 13.

Так писал Фридрих Энгельс в 1878 году в старом предисловии к „Анти-Дюрингу“.

В его словах замечательно прежде всего указание на связь теоретической путаницы и идеализма с теми затруднениями, в которые попало естествознание благодаря своему пренебрежению к теории и диалектике. Современные направления в философии теснейшим образом связаны с теоретическими судьбами естествознания за последнее полувековье.

Чем пренебрежительнее относились естествоиспытатели к сознательной проработке общетеоретических проблем метода и предмета своей области, тем больше кичились философы „научностью“ своих „систем“. И, наоборот, стоило философам опереться на авторитет „строгой науки“, „естественно-научного опыта“, как естествоиспытатели начинали философствовать, пятаясь,—сознательно или бессознательно—это все равно,—крохами дешевеньких вульгарных курсов по философии. Философия, принимающая вид науки, выступающая как „научная“ система, вытекала из слабости естествознания. Позитивистическая „философия“ естествоиспытателей должна была, наоборот, удовлетворить потребность в том теоретическом мышлении, без которого невозможно никакое связывание двух эмпирических наблюдений.

„Сколько бы ни выказывать пренебрежения ко всякому теоретическому мышлению,—говорит Энгельс,—все же без последнего невозможно связать между собою любых двух естественных фактов или же уразуметь существующую между ними связь. При этом важно только одно: мыслят ли правильно или нет,—и пренебрежение к теории является, само собою разумеется, самым надежным способом мыслить натуралистически и, значит, неверно“¹⁾. Натуралистический способ мышления не шел дальше „правильного мышления“, дальше „логики фактов“ и „эксперимента“. Философия отождествлялась с худшим сортом метафизики. Пресловутое „непосредственно данное“ вместе с „индукцией“ призваны были служить опорой научного исследования. Наука—сама себе философия, наивно заявляли естествоиспытатели, не замечая, что отдают себя во власть худшего сорта философии. А что натуралистическое презрение к теории ведет неизбежно к худшему виду философии, это Энгельс доказал бесподобно. После спектрально-аналитических исследований, приведших к открытию металла таллия, Крукс, свихнувшись в спиритизм, продолжал производить „экспериментально-точные наблюдения“ в мире духов, не смущаясь тем, что сотни мнимых фактов оказываются надувательством и шарлатанством „Эмпирическое презрение к диалектике наказывается тем, что некоторые из самых трезвых эмпириков становятся жертвой самого дикого из всех суеверий—современного спиритизма“²⁾.

Но еще интереснее наблюдать, как эта полная беспомощность плоского эмпиризма (позитивизма то же), словно в кривом зеркале, отражается в сознании современного буржуазного философа. Естево-

1) „Архив К. Маркса и Ф. Энгельса“, кн. 11, стр. 121.

2) Ibid.

испытатели могли бы с пользой для себя прислушаться к тому, что говорят наши враги. Мудрый на Западе Эдмунд Гуссерль, с философией которого и поныне держат союз официальные прислужники католической церкви, говорит, примерно, следующее: то самое естествознание, которое гордится своей „проверенной и доказанной научностью“, которое свое убеждение в существовании внешнего мира основывает на хваленых точных фактах и индуктивных умозаключениях, попадает в смешное положение, так как фактически оно трактует о „ложно-реальном“ и „ложносуществующем“¹⁾. Эмпиризм, говорит Гуссерль, торжественно провозглашает борьбу с „гипотезами“ и „теориями“²⁾. а сам путается в гипотезах и теориях, потому что естествоиспытатели „одержимы суеверием фактичности“ и стремятся всю жизнь, всю действительность превратить в „безыдейную связь фактов“. Но этот схоластик и реакционер идет дальше. Обвинив современное естествознание в „ложном позитивизме“, Гуссерль уверяет, что его „строго научная“ метафизика несет миру „истинный позитивизм“³⁾.

Таким образом, последняя мудрость нынешней буржуазной философии пользуется теоретической беспомощностью естествоиспытателей для того, чтобы поставить свою метафизику на то место, которое естествоиспытатели оставляли пустым. Для этого и наряжается сия метафизика в форму „строго научной дисциплины“.

Диалектика истории такова, что, спекулируя на теоретической беспомощности естествознания, буржуазная философия принуждена сама усваивать язык науки и, фальсифицируя естествознание, объявлять принцип эмпиризма, с его индукцией и экспериментом, также и своим принципом. И вот мы являемся свидетелями той распространенной ныне моды, которую можно назвать индуктивной или практической метафизикой. Уже одно это обстоятельство красноречиво показывает, сколько правды в том старом положении марксизма, что идея „чистой науки“, как и идея „свободы“, „государства“, „права“ или „нравственности“, находится на службе господствующего при данном социальном строе класса. Гуссерлеизм есть метафизика, построенная по естественно-научному принципу эксперимента и наблюдения. Это система мистицизма, основанная на „фактах“, доказанных „научно“ и проверенных „экспериментально“.

Принцип строгой научности—принцип, за который готовы драться все гуссерлеянцы. „Быть может,—говорит Гуссерль,—во всей жизни нового времени нет идеи, которая была бы могущественнее, неудержимее, победоноснее идеи науки. Ее победоносного шествия ничто не остановит“⁴⁾. Философия Гуссерля ее буржуазными поклонниками объявлена „строгой наукой“, „подлинной наукой“. Но если вы спросите: что же, если это есть наука о сознании, то есть ли она психология, Гуссерль отвечает: это — „наука о сознании и все таки не психо-

1) Husserl. Ideen... S. 16.

2) Ib. S. 35.

3) Статья в „Логосе“, 1911, 1, стр. 55

4) Философия, как строгая наука, Логос, 1911, 1, стр. 8.

логия" ¹⁾). И если, дальше, вы заподозрите ²⁾ „интуицию“ Гуссерля в том, что она никогда не может быть „психическим реальным актом“, то Гуссерль такое предположение назовет „бевумным заявлением“ ³⁾. И вот эту „подлинную науку“, науку о „подлинно-реальном“ Гуссерль, раскрывая свои карты, называет „преддверием к подлинной метафизике природы, духа и идеи“ ⁴⁾.

Из всего этого остается сделать вывод, что, если естествознание не хочет оказаться жертвой новой метафизики, оно должно сознательно усвоить истинную философию—диалектический материализм. Естествознание не может обойтись без теоретического мышления, а не имея ясной диалектически-материалистической теории, она попадает во власть новейших разновидностей метафизики. Эта мысль проходит через все заметки Энгельса о „диалектике природы“.

Вопрос о необходимости философского обоснования естественно-научных теорий приобретает совершенно исключительный характер в наши дни, когда крутая ломка господствовавших до сих пор теорий и, в частности, необычайные успехи исследований по строению материи заставляют философов облачаться в мантию научности, а естествоиспытателей—вступать в область философии. „Надо помнить,—писал Ленин в 1922 году,—что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, рождаются сплошь да рядом реакционные философские школы и школы, направления и направления“. И далее Ленин подчеркивает, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествознанию,—продолжает Ленин,—должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.-е. должен быть диалектическим материалистом“.

Необходимость философской подготовки естествознающих, необходимость теоретического мышления во всех областях естествознания—вот чему уделено огромное внимание в заметках Энгельса. В силу каких соображений „Диалектика природы“ приходит к этому выводу?

Во-первых, и больше всего, Энгельс обращает внимание на неподобность самих естествознающих. В сущности говоря, речь идет о той необходимости, с какою естествоиспытатели,—сознательно или бессознательно, желают того или нет—это безразлично, делают общетеоретические или философские выводы. Если философия, пользуясь теоретической беспомощностью естествоиспытателей,—беспомощностью которая на языке самих естествоиспытателей наивно называется „эмпиризмом,—создавала над естествознанием „надстройки“ из „подлинно-научных“ метафизических систем, то и естествознание в свою очередь не оставалось в долгу и спешило удовлетворять свои философские

¹⁾ Там же, стр. 14.

²⁾ Как M. Schlick. Allgem. Erkenntnistheorie, S. 121.

³⁾ Husserl, Log. Unters., II. S. VI (1921).

⁴⁾ Ст. в „Логосе“, стр. 32.

„потребности“ „из крох дешевых обязательных университетских курсов по философии“.

Учение о непознаваемости „вещи в себе“—одно из наиболее распространенных философских представлений естествоиспытателей. „Количество и смена вытесняющих друг друга гипотез, при отсутствии у естествоиспытателей логической и диалектической подготовки, вызывает у них легко представление о том, будто мы неспособны познать сущность вещей“. Абстрактно говоря, это ввучит вразумительно,—замечает Энгельс,—но пусть попробуют применить его. Что думать о зоологе, который сказал бы: собака имеет, кажется, четыре ноги, но мы не знаем, не имеет ли она в действительности четырех миллионов ног или вовсе не имеет ног“?

Несмотря на тождество сил природы и их взаимное превращение друг в друга, уничтожающее всякую мысль о неизменности категорий, „естествоиспытатели в своей массе все еще не могут отказаться от старых метафизических категорий и беспомощны, когда приходится рационально объяснить и систематизировать эти современные факты, которые показывают, так сказать, наглядно наличие диалектики в природе“. Вот вторая философская предпосылка, молчаливо принимаемая естествоиспытателями.

Естествоиспытатели в каждом отдельном случае, шаг за шагом, в каждой отдельной области доказали, что всякое конкретное тождество содержит в себе различие, что неизменных резких пограничных линий в природе не встречается, и все же теоретически старометафизическая идея закова тождества властвует над умами, и большинство естествоиспытателей не может теоретически отрешиться от дурной философии, последнее слово которой сводится к положению „каждая вещь равна самой себе“¹⁾. Метафизика неизменных и вечных категорий—вот какую „философией“ стремились естествоиспытатели восполнить свою теоретическую беспомощность.

Еще ярче это пленение дурной философией обнаруживается в тех случаях, когда естествоиспытатели сталкиваются с проблемами логики, с необходимостью дать логический анализ употребляемого ими метода. Философские построения естествоиспытателей-позитивистов выражались, между прочим, в фанатической защите индукции, и это происходило в тот момент, когда единственные результаты индукции—классификации, ставились под вопрос и когда, по выражению Энгельса, „благодаря успехам теории развития даже вся классификация организмов отнята у индукции и сведена к „дедукции“, к учению о происхождении: какой-нибудь вид буквально дедуцируется, выводится из другого путем происхождения, а доказать теорию развития при помощи простой индукции невозможно, так как она целиком анти-индуктивна. Благодаря индукции понятия сортируются: вид, род, класс, благодаря же теории развития они стали текучими, а значит и относительными; а относительные понятия не поддаются индукции“²⁾. Здесь

¹⁾ *Ib.*, стр. 37.

²⁾ *Ib.*, стр. 185.

невозможно останавливаться на том положительном учении Гегеля о понятии, которое развертывает развитие логического понятия от единичного через частное ко всеобщему и которое Энгельс противопоставляет геккелевскому разделению умозаключений на индукцию и дедукцию. В этой связи достаточно указать на метафизический характер всякого противопоставления индукции дедукции, не замечаящего, что и дедукция есть умозаключение, а процесс индукции не может быть понят никакой индукцией. Наконец, „эти люди так уперлись в противоположность между индукцией и дедукцией, что сводят все логические формы умозаключений к этим двум, не замечая при этом вовсе, что они: 1) применяют под этим названием бессознательно совершенно другие формы умозаключения, 2) не пользуются всем богатством форм умозаключения, поскольку их нельзя втиснуть в рамки этих двух форм, и 3) превращают благодаря этому сами эти формы—индукцию и дедукцию—в чистейшую бессмыслицу“¹⁾. На примере эмпиристического толкования метода, на попытках естествоиспытателей дать логический анализ основных понятий употребляемого ими метода можно еще раз видеть, как много выиграло бы естествознание, если естествоиспытатели усвоили бы сознательно теорию материалистической диалектики! Высокомерно презирать философию, как мистику и фантазерство, чтобы довольствоваться отбросами старой метафизики! Применять метод, не имея о нем теоретического представления, чтобы довольствоваться дешевой вакханалией индукции!

Во-вторых, Энгельс обращает внимание на естественно-научные успехи своей философии. Доказав со всей ясностью необходимость теоретического мышления в любом „эмпирическом“ исследовании, Энгельс говорит: „Теоретическое мышление каждой эпохи, а вначит и нашей эпохи, это—исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. И это имеет значение и для практического применения мышления к эмпирическим областям, ибо... теория законов мышления не есть вовсе какая-то раз навсегда установленная „вечная истина“, как это связывает со словом „логика“ филистерская мысль. Энгельс отсюда делает вывод о необходимости изучения истории и теоретического мышления, т.-е. философии. После того, как материалистическое понимание мира было впервые сформулировано древними греками, прошло более двух тысяч лет, которые заполнены идеалистическим по существу мировоззрением. В таком случае,—говорит Энгельс,—возврат даже к само себе разумеющемуся труднее, чем это кажется на первый взгляд, ибо „дело идет не о простом отвержении всего теоретического содержания этих двух тысяч лет, а о критике его, о вылущении из преходящей идеалистической формы ценных результатов, добытых в рамках этой ложной, неизбежной для

¹⁾ Иб., стр. 183.

своей эпохи по историческим условиям, формы¹⁾). И в самом деле, из истории философии нам известны примеры ценных результатов, добытых в рамках идеалистической философии. Энгельс неоднократно указывает естествоиспытателям на естественно-научные успехи философии и говорит, что в этом отношении в философии имеется нечто такое, что превосходит их даже в их собственной области.

В греческой философии намечены в зародыше почти все позднейшие типы мировоззрений, и она должна была неизбежно выступить на первый план с тех пор, как физика и химия стали оперировать молекулами и атомами. „Когда механическая теория теплоты привела в подтверждение учения о сохранении энергии новые доказательства и выдвинула его на первый план, то это было для нее, несомненно, огромным успехом; но могло ли бы это положение казаться чем-то абсолютно новым, если бы господа физики могли вспомнить, что оно было уже установлено Декартом“²⁾? Первая брешь в окаменелом мировоззрении средневековья была пробита не естествоиспытателем, а философом — Кантом, который до Лапласа дал теорию происхождения мира. Энгельс называет еще Лейбница — основателя математики бесконечного, „по сравнению с которым индуктивный осел Вьютон является плагиатором и вредителем“; Окена — первого выдвинувшего в Германии теорию развития, Гегеля — который своим „снятием и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые“.

Все предыдущее показывает, с какой внутренней необходимостью навязывает естествоиспытателю ясную философскую подготовку, сознательное применение диалектического метода историческое развитие как философии, так и естествознания. Брань по адресу философии не проходит даром. Философия, по выражению Энгельса, „мстит задним числом за себя естествознанию за то, что последнее покинуло ее“.

2.

Диалектика есть наука об общих законах движения. „Движение, рассматриваемое в самом общем смысле, т.-е. понимаемое, как способ существования материи, как внутренне присущее материи свойство, обнимает собою все происходящие во вселенной изменения и процессы“³⁾. Но так как простейшей формой движения является простое перемещение, — что в историческом развитии естествознания ясно отразилось в раннем возникновении теории простого перемещения, механики небесных тел и земных масс, — то правильное понимание диалектики должно с самого начала предотвратить превращение простого перемещения в универсальную форму движения. Диалектика есть наиболее общая наука о движении и, как таковая, она схватывает и ту форму движения, которая звучится механикой. Когда же метод или понятия механики выводят за пределы механики и выкидывают знамя „механистического естествознания“, то это вытекает из стремления выбросить

1) *ib.* стр. 381.

2) *ib.* стр. 231.

3) *ib.*

за борт философию, теорию диалектического мышления и замкнувшись в плоский позитивизм, в своего рода „деревенский идиотизм“ своей науки, рассматривать более сложные явления, там, где нехватает знания,—с точки зрения готовых понятий своей науки. Это и значит оказаться „в плену у философии“, и „вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризованных остатков самых скверных философских систем“¹⁾. А суть этой философии в том, что из науки, научающей одну из форм движения, делают философию, которая видит в этой форме сущность движения вообще, а само движение рассматривает как неизменное и тождественное.

Основная ошибка такого „философского“ толкования механики состоит в том, что рассуждают не диалектически, забывают, что основное понятие диалектики—движение—надо брать диалектически.

Механика, вся та область явлений, которые мы объединяем под названием механических, есть такой же объект диалектического изучения, как и все остальное в природе и обществе. Механика вовсе не выпадает из объективной диалектики мира, она подчиняется тем же законам, которые господствуют над хаосом бесчисленных явлений природы и мышлением человека. Прежде чем говорить о механистическом естествознании и противопоставлять его сознательно—диалектическому, надо недвусмысленно решить вопрос, как понимать эту самую механику. Мы видели, что в вопросах методологии, общей теории само естествознание бессильно дать своими средствами себе самой отчет в том, почему и понятия механики должны быть поняты не плоско позитивистически, а диалектически.

Понять механическое движение диалектически, значит во-первых, понять его в его относительности, ограниченности, условности. Движение не есть нечто неизменное, безусловно и навсегда застывшее в той форме, в какой оно изучается механикой. Движение, как простое перемещение, есть лишь одна из форм движения, есть один из переходов этих форм. Все процессы и изменения, все качественные изменения в органическом мире, наше сознание, мышление,—все это есть движение. Эти высшие формы движения не могут быть сведены к механическому движению. Только отсутствием диалектической естествознания можно объяснить то упорство, с которым некоторые естествоиспытатели защищают мысль о механической сущности всякого движения.

Главная мысль, которая красной нитью проходит через всю „Диалектику природы“ Фр. Энгельса, в том именно состоит, что механическое движение есть только одна из форм движения, что оно само подвержено изменению, что движение вообще есть нечто сложное, в котором главная форма выступает на почве множества побочных форм, как их „продолжение“, и что движение в смысле перемещения главной формой движения может быть только в механике. „Движение

¹⁾ *Ib.*, стр. 37.

материи не сводится к одному только грубому механическому движению, к простому перемещению; движение материи, это также теплота свет, электрическое и магнитное напряжение, химическое соединение и разложение, жизнь и, наконец, сознание“¹⁾.

„Каждая из высших форм движения связана всегда необходимым образом с реальным механическим (внешним или молекулярным) движением, подобно тому, как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движения, химическое движение невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений“²⁾.

В этом бесконечном разнообразии изменений мы замечаем известную непрерывность, продолжительность всех процессов, что и выражаем в следующем положении: механическая форма движения присутствует во всякой более сложной форме движения. Но видеть только одно механическое перемещение значит бесконечно суживать, обеднять, искажать действительность, которая никак не укладывается в рамки неизменных, закостенелых, мертвых понятий. Движение материи бесконечно богаче, равностороннее, полнее, чем это выходит у механистов. „У естествоиспытателей,—напоминает Энгельс,—движение всегда понимается, как механическое движение, перемещение. Это перешло по наследству из дохимического XVIII столетия и сильно затрудняет ясное понимание вещей. Движение, в применении к материи, это—изменение вообще. Из этого же недоразумения вытекает яростное стремление свести все к механическому движению... чем смазывается специфический характер прочих форм движения“³⁾.

Диалектика далее требует, чтобы брать движение в его конкретности, жизненной полноте, во всем богатстве, в его специфичности, и заранее отбрасывает какую-бы то ни было готовую „теорию“ или „формулу“, в том числе и „формулу“ о „механичности“ всякого движения. „Всякое движение включает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи; познать эти механические движения является, в первой задаче науки, однако лишь первой. Само же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также и изменением качества. Мышление есть то же движение. Открытие, что теплота представляет собою молекулярное движение, составило эпоху в науке. Но если я не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет собою известное перемещение молекул, то лучше мне амолчать. Химия находится на пороге того, чтобы из отношения атомных объемов к атомным весам объяснить целый ряд химических и физических свойств элементов. Но ни один химик не решится утверждать, будто все свойства какого-нибудь элемента выра-

1) *Ib.* стр. 173.

2) *Ib.* стр. 27.

3) *Ib.*

жаются исчерпывающим образом его положением на кривой Лотара Мейера, что одним этим определяются, например, специфические свойства углерода, делающие его главным носителем органической жизни, или же необходимость фосфора в мозгу¹⁾.

Диалектика природы такова, что непрерывность развития и движения осуществляется в „перерывах“, которые не были бы возможны, если бы не обуславливались сами непрерывностью. „В природе нет никаких скачков и именно потому, — говорит Энгельс, — что она состоит только из скачков“²⁾. Правильно применить это положение диалектики к понятию движения и значит понять, почему механическое движение присутствует во всякой более сложной форме движения, а всякая более сложная форма движения есть „перерастание“ механической формы.

Благодаря своему презрению к сознательно применяемой диалектике, которую он называет „философией“ и „метафизикой“, механический материализм не в состоянии понять этого живого единства непрерывности развития и перерывов постепенности, эволюции и „скачков“. Позитивистическое извращение марксизма и состоит между прочим в абсолютизировании постепенности, отрицании „скачков“, в стремлении „окончательно“ развязать „узлы“.

Прямым следствием этого и является абсолютизирование простого перемещения и отрицание „скачков“, ведущих от него к иным более высшим формам движения, или, другими словами, стремление рассматривать все многообразие изменений как то или иное количественное повторение, увеличение и уменьшение, а материю, как нечто тождественное, нечто такое, что уже успело „развернуть“ все богатство этого движения и что до этого и после этого навеки обречено довольствоваться простым перемещением“. Раз нет „скачков“ в изменении вообще, то, ясно, всякое движение есть то или иное изменение простого перемещения. Но такое понимание развития в области изучения законов движения несостоятельно по той же причине, по какой оно несостоятельно и в других областях. Взгляд на развитие как на простое увеличение и уменьшение дает мертвое, бедное, сухое представление о мире. Диалектическое понимание развития — как борьбы противоречий — Ленин называл живенным, богатым, полным. Только оно „дает ключ к самодвижению“ всего сущего, только оно дает ключ „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к „уничтожению старого и возникновению нового“³⁾. Правильное применение этого положения диалектики к движению, как внутренне присущему материи свойству, и позволяет понять, почему нельзя сводить все известные нам изменения и процессы к „механическому движению“. „Называя физику — механикой молекул, химию — физикой атомов и далее, биологию — химией белков, я желаю этим выразить, — говорит Энгельс, — переход одной из этих наук в другую

1) И., стр. 143—145.

2) И., стр. 141.

3) „Большевик“, № 5 0, 1925, стр. 102.

и, значит, связь, непрерывность, а также различие, разрыв между обеими областями. Итти же дальше этого, называть химию своего рода механикой, по моему, нерационально¹⁾. Обособление наук и, в частности, механики основывается на связях самих явлений. „Так, механическое движение небольших масс на какой-нибудь планете кончается контактом двух тел проявляющимся в двух отличающихся друг от друга лишь по степени формах—трения и удара. Поэтому мы изучаем сперва механическое действие трения и удара. Но мы находим, что оно этим не исчерпывается: трение производит теплоту, свет и электричество, удар — теплоту и свет, а, может быть, и электричество. Таким образом, мы имеем превращение молярного движения в молекулярное. Мы вступаем в область молекулярного движения, в физику, и продолжаем свои исследования. Но и здесь мы находим, что молекулярное движение не является завершением исследования. Электричество переходит в химические явления и происходит от химических явлений, теплота и свет тоже, молекулярное движение превращается в атомное движение—область химии. Изучение химических процессов наталкивается на органический мир, как область исследования, как на мир, в котором химические процессы происходят, согласно тем же законам, но при иных условиях, чем в неорганическом мире, для объяснения которого достаточно химии“²⁾; „организм есть высшее единство, связывающее в одно целое механику, физику и химию“³⁾.

Еще ярче отражается полное забвение механистами Марксовой диалектики в том, как они понимают отношения качества и количества. В основе „философского“ толкования механики лежит в корне ложное представление о количестве и качестве, как о безусловных и абсолютно раздельных категориях. Это находится по линии метафизики неизменных и вечных понятий. „Механисты“ сперва отрывают качество от количества, а затем рассматривают количество, как нечто безусловное и ни к чему несводимое. Для диалектического материалиста как качество, так и количество относительны; если для него количество переходит в качество, то это значит, что и качество переходит в количество. Механисты ищут в количестве самую суть материи, превращая количество в некий абсолют метафизики; они „объясняют,—по выражению Энгельса,—всякие изменения из измененный места, все качественные различия из количественных и не замечают, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество также переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется взаимодействие“⁴⁾. Для механической точки зрения „качество и количество являются абсолютно различными категориями. Метафизика“, коротко заключает Энгельс.

Диалектическое понимание противоположности количества и качества нас с новой стороны приводит к той же необходимости обособле-

1) *Ib.*, стр. 143.

2) *Ib.*, стр. 197.

3) *Ib.*, стр. 213.

4) *Ib.*, стр. 145.

ния механики от прочих наук. Если мы возьмем любое неорганическое тело и мысленно будем делить на все меньшие частицы, то после некоторого предела мы сможем наблюдать изменение качества. „Молекула,— говорит Энгельс,— распадается на свои отдельные атомы, у которых совершенно иные свойства, чем у нее... Но и молекула уже отлична качественно от той массы, к которой она принадлежит. Она может совершать независимо от последней движения, в то время как эта масса кажется находящейся в покое... Мы видим, что чисто количественная операция деления имеет границу, у которой она переходит в качественное различие: масса состоит из одних молекул, но она по существу отлична от молекул, как и последняя, в свою очередь, отлична от атома. На этом-то отличии и основывается обособление механики, как науки о небесных и земных массах, от физики, как механики молекул, и от химии, как физики атомов“ ¹⁾.

Наконец, механическое понимание природы противоречит еще одному требованию диалектического мышления. Диалектика требует, чтобы брать предмет со всех сторон, во взаимодействии всех его сторон, всех его связей с остальными явлениями или в его „опосредствования“, как говорил Ленин вслед за Гегелем. Механистическое понимание мира вырывает механическое движение из всеобщей связи и рассматривает изолированно, односторонне, однобоко выпячивая лишь простое перемещение, которое неотделимо от движения вообще, но которое в то же время есть только одна из форм движения. Диалектически мыслящий естествоиспытатель наблюдает механическое движение во всеобщей связи ряда форм движения: свет, теплота, электричество, химическое сложение и разложение, изменение агрегатных состояний, органическая жизнь. Все они, говорит Энгельс,— „если пока исключить органическую жизнь — переходят друг от друга, обуславливают друг друга, являются здесь причиной, там действием“... ²⁾. Вот почему механическое понимание не в состоянии понять, что „механическое движение превращается в теплоту, электричество, магнетизм, свет и т. д. и обратно“ (ib.).

Резюмируя, можно сказать, что основная ошибка современного механического материализма состоит в забвении ясных философских предположек, и именно, в забвении материалистической диалектики. Презрение к философии не проходит даром. Благодаря отсутствию диалектически-материалистической подготовки понятие механического движения иные естествоиспытатели рассматривают, как последнюю сущность движения вообще — физического, химического, физиологического.

То же самое по существу проделывает с физикой т. Боссе ³⁾. „Охватывая в настоящем своем состоянии все формы энергии,— говорит он,— физика является наукой, охватывающей своими закономерностями весь мир, все явления, в какой бы среде они не происходили.. Следовательно, материалистическое миропо-

¹⁾ Ib. стр. 223.

²⁾ В сборнике: „Механистическое естествознание и диалектический материализм“, Москва, 1925.

нимание неизбежно должно быть физическим, признающим, что в основе всех явлений мира лежат физические процессы. А так как механика является наиболее ярко выраженным элементом физики, то такое физическое миропонимание часто называют механистическим, но отнюдь не механическим". Не следует удивляться, если автор подобного положения тут же отвергает обвинение в превращении химии в физику. Почему химия не становится просто физикой, почему механика не превращается в физику, если „физика охватывает своими закономерностями весь мир, все явления, в какой бы среде они ни происходили“, — на эти вопросы т. Г. Боссе не дает ответа и ясно, почему, не имея ясной философско-материалистического понимания естествознания, не может его дать.

Как бы предвидя нынешних механистов, универсализирующих понятия физики, Энгельс замечает в „Диалектике природы“: „Мы, несомненно, сведем (Г. Б.) когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?“¹⁾ Такого вопроса для т. Г. Боссе не существует. Напротив, он не сомневается в том, что социальные явления „теоретически и в конечном счете“ доступны „физико-химико-биологическому анализу“. „У нас не сделано ни одного шага в этом направлении“, говорит он, „но ведь прошлые неудачные подходы не доказывают принципиальную невозможность подведения количественного диалектико-материалистического механического фундамента“²⁾. „Надо ли утверждать, что никогда цепь явлений биологических не будет присоединена к физико-химической цепи? Не только не надо, но не должно, материалистически непристойно говорить это. Разве такое заключение не отдает елеем виталистов? — говорит тов. Боссе. Мы не имеем еще общего аршина для измерения явлений в жизни и явлений вне жизни, но мы уже знаем, что этот аршин в природе существует, так как нет ни одного явления в жизни, которое бы шло вне закономерностей неживой природы. Задача наша — найти этот аршин, и тогда перед нами будет единая цепь физико-химико-биологическая“³⁾.

Исчерпывается ли сущность мышления молекулярными и химическими процессами в мозгу? Возможно ли экономические явления выразить в физических и физиологических мерах, и какая от этого польза?

Механизм в естествознании и, в частности, в физике ведет к неправильному пониманию самой физики, как „науки, охватывающей своими закономерностями весь мир, все явления, в какой бы среде они ни происходили“. Физицизм или физико-химизм в вопросах социологии или экономики ведет к неправильному пониманию социологии, как переложения дарвинизма на язык общественной науки.

Но остановимся сперва на физицизме или физиологизме в экономических вопросах. Отзыв Энгельса о работах украинского социалиста

1) *ib.* стр. 29.

2) Цит. сборник, стр. 63, 64.

Подоллинского заслуживает самого серьезного внимания, так как он проливает свет на принципиальную философскую суть спора „естественников“ и „философов“ вокруг „Диалектики природы“.

Не цитируя полностью, за неимением места, этих писем Энгельса, отметим, что Энгельс видит главную ошибку в смешении физических и экономических понятий. Подоллинский дал новое физическое понимание человеческого труда, но из него он сделал экономические выводы.

В „Диалектике природы“ Энгельс еще ревче подчеркивает ту же мысль о невозможности физического обоснования политической экономии. „Только совершенно ничтожную, второстепенную часть экономической работы (поднимание тяжестей и т. д.) можно выразить в килограммометрах. Несмотря на это, имеется склонность перенести назад термодинамическое понятие работы в науки, из которых эта категория заимствована, например, в политическую экономию — как это сделано с дарвиновской борьбой за существование, — при чем в итоге получилась бы только чепуха. Пусть попробуют выразить какую-нибудь skilled labour в килограммометрах и попытаются определить на основании этого заработную плату“¹⁾.

Физиологическая точка зрения в экономических вопросах или физико-химическая в биологии неизбежно создадут превратное представление как о политической экономии, так и о биологии. Известные стремления изложить социологию в понятиях дарвинизма вытекают отсюда. Отсутствие ясной философской теории и метода не проходит даром и здесь. Борьба за существование — несомненный факт не только в истории природы, но и в истории общества. Но стоит потерять из виду диалектически-материалистическую точку зрения, как этот „несомненный факт“ неизбежно превратится в метафизику или пустую фразу. Движение, как простое перемещение, — несомненный факт во всяком изменении, но забвение диалектики при этом метафизически искажает действительность, если полагают, что простым перемещением исчерпывается всякое изменение. Так и тут биологическая концепция борьбы за существование должна быть обоснована сознательным применением диалектики. А это значит — брать борьбу за существование в ее условности, относительности. Видеть повсюду только борьбу так же неправильно, как замечать одно лишь гармоническое сотрудничество.

До Дарвина подчеркивали только гармоническое сотрудничество в органической природе, но лишь только было признано учение Дарвина, как стали повсюду видеть только борьбу. „Обе эти концепции правомерны в известных узких границах, но обе одинаково односторонни и ограничены. Взаимодействие мертвых тел природы включает гармонию и столкновение, взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Нельзя даже в растительном и животном мире видеть только одностороннюю „борьбу“. Но совершенное ребячество подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую

¹⁾ *Ib.*, стр. 67.

формулу „борьбы за существование“. „Эго значит ничего не сказать, или и того меньше. Уже понимание истории, как ряда классовых битв, гораздо содержательнее и глубже,—говорит Энгельс,—чем простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование“ 1).

Далее, диалектика требует, чтобы брать „борьбу за существование“ в ее развитии, в движении, во всех своеобразиях ее исторического развития. И что же мы видим? Животное, в лучшем случае, доходит до собирания средств существования,—говорит Энгельс,—человек же производит их, он добывает такие средства существования, которых природа без него не произвела бы. Эго делает сразу недопустимым всякое перенесение без соответственных оговорок законов жизни животных обществ на человеческое общество. Благодаря факту производства, так наз. *struggle for life* вскоре перестает ограничиваться одним лишь средствами существования, захватывая также средства наслаждения и развития. Здесь—при общественном производстве средств развития—совершенно неприменимы уже категории из животного царства. Наконец, при капиталистическом способе производства, производство поднимается на такую высоту, что общество не в состоянии уже потребить произведенных средств существования, наслаждения и развития, потому что подавляющему большинству производителей искусственно и насильственно закрыт доступ к этим средствам; что каждые десять лет промышленный кризис снова восстанавливает равновесие, путем уничтожения не только произведенных средств существования, наслаждения и развития, но также и значительной части самих производительных сил, что, следов., т. наз. борьба за существование принимает такую форму, при которой возникает необходимость защитить произведенные буржуазным капиталистическим обществом продукты и производительные силы от разрушительного действия этого капиталистического общественного порядка, для чего надо отнять руководство общественным производством и распределением у ставшего неспособным к этому господствующего класса“.

Диалектика, как принципиальная методологическая теория, и тут позволяет разоблачить тех наивных протестующих против всякой философской подготовки социологов, которые под именем натурализма или позитивизма протаскивают в науку всамделишную и при том сквернейшую философию.

Было бы не марксистским взглядом видеть в тех спорах вокруг „Диалектики природы“, которые не сходили еще недавно со страниц наших теоретических журналов, спор о механизме или диалектике, спор о правомерности биологической точки зрения в социальных науках, или спор о достаточности физико-химической теории в общественности и биологии, или спор о возможности физического обоснования экономических явлений. По существу борьба имела более глубокое основание. Цитированный в начале нашей заметки сборник

1) *Ib.*, стр. 65.

естественников ¹⁾ боролся за позитивизм, за принципиальный хвостизм в науке, за пресловутую „научность“ вообще, за эмпиризм. Это была и есть линия, это уже была и есть теория, которая в основном вопросе ревизует линию диалектического материализма.

Чтобы ответить на вопрос о правомерности и смысле „механистического“ естествознания, надо сперва уяснить себе эту самую механику с точки зрения материалистической диалектики. А это невозможно до тех пор, пока в умы естествовников не проникнет твердое сознание необходимости философской подготовки, необходимости знания философии марксизма. „Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы,—говорит Энгельс.—Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы ими управлял какой-нибудь скверный модный философ, или же они желают руководствоваться разновидностью теоретического мышления, основывающейся на знакомстве с историей мышления и его завоеваний. Физика, берегись метафизики! Это совершенно верно, но в другом смысле. Лишь когда естествознание и история впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский хлам, за исключением чистого учения о мышлении, станет излишним, растворится в положительной науке“.

Так решает Энгельс вопрос о философских блужданиях естествознания.

Гр. Баммель.

¹⁾ „Механистич. естествознание и диалектический материализм“.

IV.—ХРОНИКА

Краткий отчет о деятельности Коммунистической Академии за 1925 г.

К 1 января 1925 года Коммунистическая Академия имела в своем составе 4 Секции (права и государства, советского строительства, литературы и искусства и научной методологии), Библиотеку, Курсы марксизма и Издательство.

К 1 января 1926 года в Ком. Академии насчитывалось 7 Секций — (права и государства, научной методологии, естественных и точных наук, литературы и искусства, экономики, аграрная и кабинет по истории революционного движения на правах секции); две Комиссии (кооперативная при экономической Секции и по изучению последствий аграрной революции при аграрной Секции); два Общества (историков-марксистов и статистиков-марксистов); три Института (по изучению высшей нервной деятельности, мирового хозяйства и мировой политики и советского строительства); Библиотека, Курсы марксизма, Издательство, две экспертных комиссии — имени В. И. Ленина и Владимировича по премированию за научные труды. Наконец, при Академии в тесной связи с ней находится Большая Советская Энциклопедия. Соответственно этому расширилась и сфера влияния Ком. Академии. Некоторые из ее учреждений установили в своей работе связь с различными местностями Союза, то группируя вокруг своих научных начинаний сотрудников (Секция права и государства), то организуя бюро содействия по различным городам Союза (журнал „На Аграрном Фронте“), то охватывая своими обследованиями отдельные районы Союза (Комиссия по изучению последствий аграрной революции), или, наконец, привлекая налаженностью своей работы посетителей из различных областей Союза, стремящихся перенять опыт (Библиотека). Научные учреждения союзных республик начинают устанавливать связь с Ком. Академией (Украинский Институт Марксизма в Харькове).

Работа различных учреждений Ком. Академии за 1925 г. представляется в следующем виде:

Секция права и государства сосредоточила свои силы на коллективной работе по изданию Энциклопедии Права и Государства. За отчетный год вышли два выпуска Энциклопедии; третий выпуск (И,К,Л) предполагается к выходу в марте, четвертый выпуск (М,Н) — в июле. Далее Секция обсуждала вопрос об обследовании семейных и хозяйственных правоотношений крестьянского двора. Соответствующая анкета разработана, и сейчас поставлен предварительный опыт по проведению этой анкеты. К участию привлечены студенты комвузов и Тимирязевской Академии. Результаты будут пол-

вергнуты изучению совместно с представителями аграрной и методологической секций.

В связи с проектом нового Кодекса о браке, семье и опеке, пленум Секции обсуждал соответствующие тезисы тов. Стучки.

Секцией изданы: „Маркс и Энгельс о праве“, сборник „Революция права“. „Проблемы марксистской теории права“ Разумовского. Вторым изданием выходит „Общая теория права и марксизм“ Пашуканиса. Готовы к печати Ориу „Основы публичного права“, Саньяка „Гражданское законодательство французской революции“, Острогорский „Демократия и политические партии“. Наконец, предпринят перевод книги итальянского марксиста Дель-Панэ „Марксистская теория государства“.

Секция научной методологии Работа Секции научной методологии по экономической группе за истекший год выразилась прежде всего в подготовке коллективного труда „Кривые капиталистического хозяйства“. Выпуск первый: „Динамика средств производства“ тов. Вейца сдан в печать. Подготовлены к печати выпуск II: „Динамика кризисов и положение пролетариата“ т. Смит, а также труд т. Цыпкина „Мировое производство в сравнительных цифрах и диаграммах“, выпуск II: „Металл и машина“. Подготавливается к печати „Анализ и критика математического бем-баверкианства“ тов. Блюмина.

По группе социологии, сформировавшейся в ноябре 1925 г., ведутся следующие работы: т. Дядякиным „Диалектический метод, как метод научного познания“, т. Тележниковым „Проблема причинности в историческом и логическом освещении“, тов. Милоновым „Диалектика Маркса в Капитале“.

По группе естествознания ведется работа по теории относительности Секцией был поставлен ряд докладов.

Секция естественных и точных наук Секция естественных и точных наук приступила к работе в апреле 1925 года под руководством члена Академии О. Ю. Шмидта. Секция поставила коллективную разработку наиболее актуальных для борьбы за материализм вопросов по трем разделам: биологическому, физико-математическому и психоневрологическому. К работам Секции привлечены, с одной стороны, крупные научные силы: профессора Навашин, Кастерин, Фесенков, Костицын, Хинчин, Каган, Завадовский, Рубинштейн (Одесса) и т. д.; с другой, вокруг Секции начинает группироваться та часть научной молодежи, которая стремится к четкому материалистическому мировоззрению.

Работы носят отчасти литературный, отчасти экспериментальный характер. Для экспериментальных работ Секция пользуется существующими лабораториями и институтами.

По биологическому Разделу работа велась по следующим направлениям: установлена связь с идеологически близкими биологами, поставлены теоретическая разработка наиболее важных вопросов и экспериментальная работа, посвященная выявлению важнейших фактов, лежащих в основе биологии. В результате составлены историко-критические обзоры ряда областей в биологии; проведены экспериментальные работы по вопросам формообразования и наследования приобретенных форм и тенденций

(Завадовский), по изучению материальных основ наследственности (Навашин), по изучению влияния среды на организм (Рубинштейн); подготовлены новые темы экспериментальных работ. Далее, подготовлена база для создания организации биологов, и проведена работа по комплектованию библиотеки.

Раздел психо-неврологический, возникший в апреле 1925 г., вел работу по линии историко-критического исследования наук, относящихся к области психо-неврологии, и по организации научно-исследовательской работы. В части историко-критической Раздел организовал разработку обзоров по 30 приблизительно темам и по 6 отделам: психология и марксизм, психология немецкая, американская и французская, зоопсихология, психоанализ, психопатология, физиология нервной системы; организовал разработку истории психологии при участии коллектива сотрудников Института Экспериментальной Психологии, под редакцией Корнилова, и истории психопатологии, которая будет представлять собою коллективный труд психиатров под редакцией Розенштейна и Гуревича. Некоторые обзоры закончены.

В части научно-исследовательской, по прямому почину Секции, в особенности, тов. Залмансона и при непосредственном его участии, был создан в сравнительно короткий срок Институт по исследованию высшей нервной деятельности, который в настоящее время является составной частью Секции естественных и точных наук и в котором научно-исследовательская работа нашла свое наиболее полное выражение.

Последний Раздел Секции — физико-математический — сконструировался в апреле 1925 г. Поставив свою целью создание библиотеки по физико-математическим наукам, Раздел владеет в настоящее время 3.000 томов (выписано сверх этого 5.000). Для научной проработки Раздел наметил следующие темы: II закон термодинамики, вариационные принципы физики, геометрия и опыт, механические модели в электродинамике, принцип относительности. По этим темам составлен целый ряд критических обзоров. Некоторые из них опубликованы (обзор проф. Фесенкова II кн. «Вестника Коммунист. Академии»). Обзоры по II закону термодинамики сводятся в единое целое и будут опубликованы в виде отдельного исследования. Вопросы, возникавшие в связи с обзорами, обсуждались на семинариях. Раздел организовал четыре семинария по следующим темам: вариационные принципы механики, геометрия и опыт, интуитионизм, химическая активность. В результате получился ряд самостоятельных работ: тов. Люстерника „Основание вариационного исчисления“ и „Обоснование анализа и топологии без теории множеств“, доложенная на всегерманском математическом съезде (напечатано в «Вестнике Ком. Академии»); тов. Лихтенбаума „Обобщение понятия поверхности“ и „Условия разбиения плоскости кривыми“, тов. Шпирельмана „Определение n -мерного Эвклидова пространства“. В семинариях на ряду с такими видными представителями науки, как проф. Хинчин, Андреев, Вавилов, Тамм, принимали участие около 60 молодых ученых. Кроме того, Раздел организовал Информационное Бюро, цель которого — своевременная информация о текущей научной работе. Наконец, Раздел оказывал материальную поддержку проф. Фесенкову в его экспериментальной работе по исследованию

дованию влияния зодиакального света на движение внутренних планет, проф. Кастерину по проверке опытов Бухерера и Предводителю в его работах по молекулярной физике. Раздел приступил к работе по истории точных наук.

Секции: аграрная и экономическая

Во вновь организованные аграрную и экономическую Секции приглашены молодые силы, окончившие Институт Красной Профессуры, которые вместе с новыми научными сотрудниками методологической Секции, научными сотрудниками Инст. мир. хоз. и мир. полит. и Кабинета по истории революционного движения составляют солидное ядро молодых коммунистических сил. Аграрной Секции передано руководство Комиссией по изучению последствий аграрной революции и журналом На Аграрном Фронте. Этот последний за первый год своего существования сумел объединить вокруг себя большую группу аграрников-коммунистов и марксистов. В основном журнал направлял свое внимание на изучение современных процессов в деревне, теории аграрного вопроса, истории аграрных отношений и крестьянских движений в годы гражданской войны. Журнал установил связь с провинцией. В ряде городов существуют бюро содействия журналу из авторов и читателей. Такие бюро организованы в Харькове, Ростове, Саратове, Туркестане. Журнал ведет оживленную переписку с местами, помещает ряд материалов, присылаемых из провинции. Секцией выпущены книги тов. Крицмана „Классовое расслоение советской деревни“ и Яковлева „К хлебофуражному балансу“.

Кабинет по истории революционного движения

Кабинет по истории революционного движения подготовил к печати собрание сочинений Ткачева в 8 томах и приступил к подготовке издания сочинений тов. Воровского. В ноябре 1925 года Кабинет обновил руководящий состав, приобрел права Секции и приступил к развертыванию работ.

Комиссия по изучению последствий аграрной революции

Комиссия по изучению последствий аграрной революции была организована в начале 1925 года. В ряде заседаний пленума, под председательством тов. Милютина и выдвинутого пленумом рабочего бюро, под председательством проф. Лященко, был установлен отбор районов и подрайонов по производственным признакам (разный уровень сельскохозяйственного развития, степень промысловости) и принцип отбора волостей (по две на подрайон с большей и меньшей насыщенностью нетрудовым землевладением и по две с большим и меньшим классовым расслоением крестьянства). Выбор волостей совершался на основании обширного материала, присланного почти всеми (21) губстатбюро, к которым Комиссия обратилась с запросом. После выбора ГСВ было направлено нужное количество формуляров для копировки первичных материалов. В настоящее время материал копируется в 18 губерниях. Кроме того, в последнее время было решено привлечь к обследованию зап.-сибирские губернии. Уезды уже выбраны, и посланы запросы о цифровых характеристиках волостей. Копировке подлежат как подворные карточки, так и общинные бланки переписей 1916, 1917, 1919, 1920, 1922 и последующих годов, кончая 1925 г., как сплошных, так и выборных. Поступление

материалов ожидается к началу февраля. Всего предусмотрено пустить в разработку до 700.000 подворок. На ряду с указанной работой, комиссия была занята разработкой двух специальных анкет для монографического описания ряда селений и хозяйств, охватывающего все внутренние процессы, имевшие место в данном селении и хозяйстве за время войны и революции. Последние два месяца Комиссия уделяла особенное внимание наиболее важному методологическому вопросу— составлению разработочного бланка.

Кооперативная Комиссия Кооперативная Комиссия начала работу в конце декабря, объединила 19 научных работников в области кооперации. Цель ее — проведение подготовительной работы по организации Секции. В настоящее время Комиссия организует кооперативный Кабинет, ведет библиографические работы по кооперативной литературе СССР за 8 лет, организует ряд докладов и работает над программой сборника „Кооперация СССР за 10 лет“.

Общество историков-марксистов Общество историков-марксистов организовалось в мае 1925 года и заслушало доклады т. т. Покровского и Фридлянда. Цель общества—объединение всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории, научная разработка вопросов истории и марксистской методологии истории, борьба с извращением истории буржуазной наукой и т. д. В осуществление намеченных целей общество на двух собраниях обсуждало вопросы методологического характера и наметило целый ряд докладов. Кроме того, Общество приступило к изданию журнала трехмесячника.

Общество статистиков-марксистов Общество статистиков марксистов возникло по инициативе марксистской части профессуры, преподавателей и студентов статистического отделения быв. фона I МГУ. Задачи его: объединение (в пределах РСФСР) всех марксистски мыслящих и образованных работников статистиков, научная разработка современных статистических проблем в духе марксизма и ленинизма, методологическая консультация для учреждений и лиц по вопросам практики и теории. Систематическое развертывание работы началось с середины сентября 1925 года. За это время общество провело подготовительную работу по организации секции фабрично-заводской статистики и приступило к изданию журнала „Проблемы статистики“. С середины ноября 1925 года функционирует Консультационное Бюро, в задачи которого входит методологическая консультация для лиц и учреждений по вопросам практики и теории. За истекшее время в Бюро поступило 10 запросов, из них 5 от учреждений.

Институт мирового хозяйства и мировой политики И. М. Х. и М. П. был создан весной 1925 года. Вначале Институт сосредоточил свое внимание на вопросе о мировой роли Соединенных Штатов. В последнее же время перешел к разработке вопросов, связанных с общими мировыми проблемами в области хозяйства и политики. Институт подготовил к печати следующие труды: „Сельское хозяйство Америки“, „Сельское хозяйство, как фактор внутреннего рынка“, „Тенденции развития промышленности Америки“, „Америка и Китай“, „Америка и британские доминионы“. Институт выпустил 8 номеров журнала „Международная Летопись“,

подготовил переводы книг: Липпенкота „Экономическое развитие Соединенных Штатов“, Вудберга „Политические партии в Соединенных Штатах“. Далее, по заданию высших партийных и советских органов Институт составил ряд докладов: о мировом хозяйственном положении; о движении заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих; о положении отдельных отраслей промышленности в различных странах. в связи с социальным движением различных категорий рабочих. Кроме того, сейчас готовятся доклады: о хозяйственном положении Англии за последний год, о международной экономической конференции по отзывам печати и записка по вопросу о разоружении. Институт завязал сношения с целым рядом заграничных научно-исследовательских институтов и отдельных ученых.

Институт по изучению высшей нервной деятельности получил окончательное оформление и утверждение в ноябре 1925 года. Основной задачей Института является изучение высшей нервной деятельности животных и человека на основе объективного метода условных рефлексов, и в этом отношении Институт продолжает и развивает опыты академика Павлова. Но современное состояние учения об условных рефлексах требует уже более всестороннего подхода к предметам изучения, в особенности в связи с новейшими достижениями в области физиологии и морфологии мозга, биохимии и биофизики. Пользуясь современными новейшими открытиями в этих областях, Институт имеет в виду поставить очередной задачей использование этих данных для выяснения и решения некоторых форм нервных и так называемых душевных заболеваний, остающихся еще в настоящее время во многих случаях неисследованными.

С августа 1925 года Институт провел большую организационную работу. Заведующие отделами до января вели подготовку, и самое исследование на основе общего плана в лабораториях, которые находились в их ведении, а в Ленинграде заведующим физиологическим отделением были начаты опыты в специально приспособленном помещении зоосада, в виду того, что подготовка по выработке условных рефлексов на животных требует длительного срока. К январю Институт перешел в свое помещение. Физиологическая лаборатория имени Павлова в Твери была передана Институту. В настоящее время доставлены подопытные животные из Ленинграда (собаки и обезьяны), и во вновь оборудованном помещении развернулась исследовательская работа. По физиологическому отделению директор Фурсиков и научные сотрудники Института—Сирыцкий, Юрман и Стариков—приступили к выработке условных рефлексов на собаках и обезьянах на следующие темы: по вопросу о выработке цепных условных рефлексов на анатомическое раздражение; о корковой и зрительной мозаике в коре головного мозга обезьяны, о локализации пищевых безусловных раздражителей при выработке условных рефлексов и т. д., и т. д.

По отделению экспериментальной патологии Института проф. Богомолец и старшие научные сотрудники Перельман и Сиротинин работают по плану, который намечает в первую очередь: изучение вопросов о вегетативных центрах мозжечка, проверку литературных данных о специфических центрах обмена в промежуточном мозге и влиянии кенотоксинов

на центральную и вегетативную нервную систему. Остальные отделения заканчивают свои подготовительные работы.

Институт советского строительства — Осенью 1922 г. по инициативе первого состава слушателей Курсов марксизма, которые настояли на выделении из различных отделов и кабинетов Академии в один специальный кабинет всех изданий и материалов по советскому строительству, возникла Секция советского строительства. Не имея ни средств, ни штатов, Кабинет и Секция не могли широко развернуть работу. В конце 1924 г., когда встал на очереди вопрос об оживлении советов в связи с работами Совещания при ЦИК СССР по советскому строительству, выявились затруднения, связанные с отсутствием в Москве центра, в котором были бы достаточно полно представлены и разработаны местные и центральные материалы по советскому строительству. Тогда возник и был решен вопрос об организации Института. Таким образом, Институт был вызван к жизни давно назревшими потребностями развития и роста советского строительства, и этим объясняется, что он за короткое время успел развернуться из небольшого кабинета в целую организацию с рядом учреждений. Институт имеет целью научное обобщение практического опыта советского строительства под углом зрения марксистско-ленинской теории государства. Для этого Институт организует изучение всех отраслей советского управления и местного хозяйства и содействует распространению научных знаний по этим вопросам. В основу конкретного плана работ Института было принято то положение, что вся его работа должна строиться под углом зрения изучения практики диктатуры пролетариата как по линии подавления сопротивления буржуазии, так и по линии строительства нового типа государства.

Разработка вопросов должна носить глубокий характер, рассчитанный на ряд лет. К 10-летию советской власти Институт советского строительства должен дать первые предварительные итоги работы в области собирания материалов, проработки их и разработки ряда частных проблем. Для успешного выполнения всей программы перед Институтом ставятся следующие задачи: накопление объективного материала, первичная его обработка, непосредственное изучение проблем диктатуры пролетариата и советского строительства. В течение первого полугодия были организованы и в той или иной мере развернули свою работу Секции: федеральная, местного управления, местного хозяйства и Секция очередных вопросов; Комиссии: историческая, методическая, редакционная и библиотечная. В составе библиотеки организовались: федеральный и местный кабинеты, отделы общей и иностранной литературы, читальный зал, газетное и декретное бюро. Был выработан подробный план для всех учреждений Института.

Федеральная Секция ведет работу по темам следующего содержания: 1) Процесс создания Союза ССР; 2) Процесс организации центральной системы финансовых органов и 3) Государство диктатуры пролетариата и негосударственные классовые организации пролетариата и бедняцкого и середняцкого крестьянства.

Секция местного управления в первую очередь поставила работу по изучению советского избирательного права. Работы по собиранию ма-

териалов начались с июня и близятся к концу. Секция разрабатывает три темы: 1) „Сельские советы, волсполкомы и волс'езды, как формы участия населения в управлении“, 2) „Городские районные советы, как форма участия рабочих в управлении“, 3) „Итоги районирования“. Кроме того, Секцией сдано в печать комментированное положение о горсоветах, и перерабатывается к переизданию комментированное положение о вол-исполкомах. Совместно с Секцией местного хозяйства заканчивается подготовка к печати „Энциклопедии местного управления и хозяйства“.

Секция местного хозяйства по темам своих исследовательских работ разбилась на три подсекции по изучению: местных финансов, местной промышленности и жилищного дела в связи с земельной политикой и коммунальным благоустройством.

Задачей Секции очередных вопросов является разработка очередных вопросов советского строительства и организация широкого обмена мнениями по ним. Секцией намечены следующие темы работ: меры укрепления революционной законности (состоялся доклад тов. Яхонтова); меры улучшения низового районирования; живая связь в советской системе управления; очередные задачи по культурно-просветительному под'ему деревни (состоялся доклад тов. Семашко) и др. Задачи Исторической Комиссии заключаются в выполнении предварительной исследовательской работы по изучению истории развития центрального и местного управления СССР. В текущем академическом году предполагается в основном проработать период с 1917 по 1921 год. Методическая Комиссия ведет разработку вопросов методологии и техники научно-исследовательской работы, общих для всех или нескольких учреждений Института, с одной стороны и, с другой, выполняет задания центральных партийных и советских органов, связанные с вопросом организации преподавания и изучения советского строительства в различных вузах, на курсах и кружках.

Институтом изданы 3 сборника „Советского Строительства“, „Положение о волостных с'ездах и волостных исполнительных комитетах“, „Московский Совет рабочих депутатов в 1917 г.“ Игнатова.

Библиотека Института начала функционировать в мае 1925 года с того момента, когда Институту был передан кабинет советского строительства, который и лег в основу библиотеки Института. Дальнейшие поступления книг шли двумя путями: с одной стороны, продолжалась передача из Ком. Академии, с другой стороны, библиотека Института стала непосредственно приобретать литературу. Надо отметить крупные массовые передачи литературы из ведомственных и других библиотек. Всего с мая по январь поступило в библиотеку 109.150 книжных единиц, из которых оставлены в библиотеке 62.653, остальные переданы в обменный фонд.

В газетное бюро Института поступает 230 газет разных названий, из них 55 на 19 различных языках. В газетном бюро за время с 24/VII по 1/I, т.-е. за два месяца, размечено 3.353 газеты, сделано 16.745 вырезок. К 1 октября газетное Бюро располагает 55.000 вырезок за текущий год. Декретное бюро является местом комплектования изданий, содержащих нормативный материал. Работа декретного Бюро должна

охватывать законодательство по Союзу ССР, по союзным и автономным республикам, по автономным и неавтономным областям и по губерниям. До 1 октября текущего года пересмотрено 2.220 номеров газет и 1.069 номеров журналов. Из этих изданий сделана выборка декретного материала. Декреты заиндексированы. Записано 8.216 актов. Кроме Института советского строительства декретное Бюро приняло на себя обязательство по обслуживанию Секции права и государства при Коммунистической Академии, правового отделения НКИ и Института советского Права.

За истекшее с 1/X—24 г. по 1/1—26 г. время библиотеки Библиотека тека чрезвычайно обогатилась, развилась и окрепла. Две стороны деятельности библиотеки—планомерное ее пополнение и успехи в области каталогизации—особенно отчетливо подтверждают это положение. С 1/X—24 г. по 1/X—25 г. в библиотеку поступило 117.396 книжных единиц (за предыдущий год—83.000 книжных единиц), что дает среднее поступление в месяц 10.693 книжных единицы. Ежемесячный прирост за октябрь—декабрь 1925 г. составлял уже 14.168 книжных единиц. Кроме того, зарегистрировано 59.892 кн. ед. из поступления прежних лет. На 1 января 1926 г. книжное имущество библиотеки составляет 116.797 кн. единиц.

Источники получения их таковы: 44,5% поступило из Книжной Палаты, 24,4% от издательств (обязательный экземпляр), 5,1% бесплатно из разных источников (в том числе быв. библиотека Каллаш, книги из Коллектора Главполитпросвета) и 15,9% (в прошлом году 6%) приобретено за деньги. Эти 15,9% составляют 25.418 книжных единиц (в прошлом году куплено было лишь 5.000). По отделу комплектования в течение 1925 года заказано 8.778 иностранных книг и получено 8.337; за то же время библиотека подписалась на 502 иностранных журнала, из которых регулярно поступает 359; в конце года была сделана подписка свыше чем на 800 иностранных журналов на 1926 г. В области систематического комплектования русской литературы надо отметить: продолжавшееся комплектование советских (с 1917 г.) правительственных и ведомственных изданий; усиленное комплектование вновь организованного в текущем году Отдела местных изданий; приобретение недостающих для полноты комплекта номеров периодических изданий, в том числе и газет, осмотр разных складов, обменных фондов и т. п. (этим путем библиотека пополнилась приблизительно на 10.000 кн. ед.); покупка в порядке спешности новейшей литературы для удовлетворения требований посетителей читального зала и кабинета.

Выделив достаточное количество квалифицированных каталогизаторов, библиотека с 1 февраля 1925 года приступила к составлению словарного каталога на все текущие поступления как русские, так и иностранные. Подобного каталога не имеется до сего времени ни в одной библиотеке СССР. Помимо того, мы и за границей не находим определенных руководств к составлению такого рода каталогов. Поэтому составление словарного каталога в наших условиях является научно-творческой работой, к участию в которой пришлось привлечь наиболее квалифицированный персонал библиотеки. В помощь персоналу были организованы постоянные совещания, на которые

приглашались видные библиотекари специалисты. В результате работы Отдела систематизации, библиотекари с разных концов республики приезжают знакомиться со словарным каталогом и принципами его составления. На ряду со словарным каталогом Отделом каталогизации были созданы в отчетном году каталоги: топографический с систематическим расположением карточек, служебный, алфавитный и специальный каталог по кабинетам. Таким образом, текущие поступления описаны в библиотеке вполне научно и с исчерпывающей полнотой. Параллельно с составлением своих собственных каталогов библиотека организовала в своих стенах централизованную каталогизацию русских текущих поступлений для трех крупных научных библиотек: I МГУ, Архива Октябрьской Революции и Института имени Ленина. Словарные каталоги для этих библиотек изготовлялись путем дублирования карточек в библиотеке Коммунистической Академии при весьма незначительном содействии со стороны заинтересованных учреждений (за исключением библиотеки Института им. Ленина). Работа по каталогизации текущих поступлений выражается в следующих цифрах (за время с I/II—25 г. по I/I—26 г.): описано 25.124 тома, на которые составлено 31.703 алфавитных карточек. После простановки предметных рубрик карточки были размножены и распределены, при чем было распределено 112.167 описаний русских книг; из них 67.171 пришлось на долю нашей библиотеки, остальные на долю других. Кроме того, около 15.000 карточек было заготовлено, но еще не распределено. Отделом систематизации за время с I/II—25 г. просмотрено и классифицировано 20.480 томов, на описаниях которых поставлено свыше 20.000 предметных рубрик. Кроме того, Отделом составлена карточка предметных рубрик в 10.000 с лишним карточек. На ряду с каталогизацией текущих поступлений, библиотека приступила также к описанию своих ранее поступивших книжных богатств. Было описано свыше 3.000 томов и составлено 6.600 карточек для литературы о 1905 г., описано свыше 2.000 томов и составлено свыше 3.000 карточек для собраний кабинета экономики, свыше 2.500 томов и более 3.000 карточек для литературы о Ленине и 420 томов (653 карточки) для кабинета библиографии. Складывая все эти цифры с числом карточек, составленных при каталогизации текущих поступлений, и добавив число карточек, вошедших в служебный каталог и т. д., мы получим, что общее число написанных за отчетный период карточек вместе с дублированными составит 201.689 карточек. Сверх этого отдел регистрации составил 16.415 журнальных карточек и зарегистрировал из них 165.006 номеров журнала. Кроме того, было составлено 5.198 газетных карточек; учет регистрации номеров поступающих газет начался лишь с октября 1925 г. и выразился за 3 месяца числом 38.887. Общее число получавшихся библиотекой в 1925 г. газет составляет 492, из которых 78 иностранных названий; число названий журналов, поступивших за то же время—2.968.

Библиографический отдел выполнял следующие задания: составление предметного библиографического карточного указателя по ленинской литературе; эта работа, выполняемая совместно с Институтом имени Ленина, передается в печать к февралю текущего года; составление такого же указателя для литературы о 1905 году; срок выполнения задания

1 марта текущего года; работа по раскрытию псевдонимов и установлению авторов анонимных книг и статей: в настоящее время раскрыто свыше 3.000 псевдонимов и составлена специальная картотека псевдонимов, содержащая 5.000 с лишним карточек. Библиотечные карточки снабжены предметными рубриками.

Справочный отдел работал над постатейным описанием 175 русских и иностранных журналов (к концу года это число возросло уже до 190 названий). Результаты этого начинания выразились в написании (с мая 1925 года) около 13.000 карточек на журнальные статьи. Описания теоретических работ коммунистов (2.000 карточек) были выделены из этого материала и в настоящее время редактируются членами президиума Академии и готовятся к печати. Число выданных в месяц письменных справок возросло со 100 до 200 (декабрь 1925 г.); число письменных справок, выдаваемых лишь по вопросам более или менее сложным, в среднем также удвоилось и достигло 47 справок в декабре 1925 года. Чрезвычайно увеличивается число поступающих в справочный отдел запросов со стороны, напр., из Центральной рабочей библиотеки, из правительственных учреждений и даже с мест. На справочный отдел была также возложена организация выставок, которых в 1925 г. было устроено 10 на следующие темы: 9-е января, памяти В. И. Ленина, день работницы, день Парижской Коммуны, 1-е мая, перевыборы Советов, работа в деревне, 8-я годовщина Октября, революция 1905 г., декабристы. Многие из этих выставок были широко использованы рабочими районными организациями не только для ознакомления с содержанием выставок, но и для изучения методов их устройства.

Положение с помещением должно быть признано катастрофическим. Отсутствие свободного помещения лишает библиотеку возможности расширить круг своих читателей. Вот почему, обращаясь к данным, характеризующим деятельность читального зала и кабинетов, мы не находим в них признаков сколько-нибудь значительного увеличения числа читателей и роста обращаемости книг. В самом деле, за время с 1/X—24 г. по 1/X—25 г. было выдано 1.487 читательских билетов (в предыдущем году—1.200), что дает увеличение лишь на 24%. За три последних месяца 1925 года было выдано 345 читательских билетов, и за весь отчетный период—1.832. Если к этому числу прибавить 170 сотрудников и курсантов Академии, то общее число лиц, воспользовавшихся библиотекой, выразится числом 2.002. Общее число посещений за время с 1/X—24 г. по 1/X—25 года составляет 50.231 (в предыдущем году 40.000), а за последние три месяца 1925 года—11.918, всего посещений за 15 месяцев—62.149. Читателям было выдано книг 103.733 тома. Обращаемость этих книг составляет 220.529 за год, 60.346 за последние три месяца 1925 года и 280.875 за весь отчетный период. Библиотекой было обращено внимание на вопросы внутреннего распорядка в кабинетах—на расстановку книг, на ускорение процесса выдачи книг и т. д. Выработана и применяется единообразная форма ежемесячной статистической отчетности кабинетов, составленная применительно к требованиям, установленным библиотечной комиссией ГУС'а.

Следует также отметить сформирование в истекшем году двух новых кабинетов, призванных обслуживать вновь созданные секции Акаде-

ми, а именно: кабинета точных наук и аграрного кабинета; последний еще не вышел из стадии организации.

Штаты библиотеки далеко недостаточны для выполнения принятых ею на себя многочисленных и углубленных заданий. Хотя к самому концу отчетного периода штаты и были доведены до 119 человек, однако заявка оказалась удовлетворенной далеко не в полной мере.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы заключаем, что библиотека Коммунистической Академии в течение отчетного периода ставила себе и посильно разрешала две основные задачи: во-первых, всемерно содействовать ученой деятельности Академии путем исчерпывающего подбора литературы по тем отраслям знаний, которые входят в сферу изучения Академии, и путем составления библиографической указателей на специальные темы, выдвинутые работами Академии. И, во-вторых, на опыте повседневной работы практически ставить и разрешать в стенах библиотеки методологические задачи, в частности, в области каталогизации, разрабатывая как новые усовершенствованные приемы библиотечной работы, так и теорию библиотечного дела. В этом отношении библиотека является научно-исследовательским учреждением с узкой, точно-очерченной сферой деятельности.

Доклады Коммунистической Академии За 1925 год Коммунистической Академией и ее научными учреждениями были поставлены нижеследующие доклады:

Милютин.—„Ревизионизм тов. Варги в аграрном вопросе“.

Орлов.—„Логические основы теории множеств“.

Скворцов-Степанов.—„Что такое политическая экономия“.

Радек.—„Итоги 1924 года в области международной политики“.

Полонский.—„Ставрогин в „Бесах““.

Спектатор.—„Итоги мирового хозяйства за 1924 год“.

Фриче.—„Фрейдизм и искусство“.

Харазов.—„Аберрация и принцип относительности“.

Никольский.—„Новая периодизация истории“.

Стучка.—„Пролетарский суд и буржуазное право“.

Вейц.—„Движущие силы мирового хозяйства“.

Вейц.—„Кинетические и потенциальные производительные силы мирового хозяйства“.

Покровский.—„Пугачевщина“.

Фридлянд.—„Крестьянская война в Германии“.

М а ц а.—„О проблеме формы и содержания в искусстве“.

Семашко.—„Вопросы культурного строительства в деревне“.

Преображенский.—„Экономия, финансы и политика современной Франции“.

Крицман.—„К вопросу о дифференциации крестьянства“.

Завадовский.—„Дарвинизм и марксизм“.

Покровский.—„1905 г.“.

Шестаков.—„Октябрьская забастовка и соц.-дем. в 1905 г.“

Горин.—„Чем же были советы 1905 г.“

Дубровский.—„Крестьянское движение в 1905 г.“.

Яковлев.—„Советская демократия и Ленин“.

Варьяш.— „Роль и значение математического метода в научном исследовании“.

Крицман.— „Об изучении классового расслоения крестьянства в СССР“.

Черномордик.— „Декабрьское вооруженное восстание 1905 г.“.

Тимирязев.— „Диалектика природы и современная физика“.

Яхонтов.— „Революционная законность“.

Рудаев (закр. доклад).— „О т. н. законах логики“.

Серебровский.— „Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты“.

Нечкина.— „Декабристы“.

Преображенский.— „Закон ценности в советском хозяйстве“.

Вавилов.— „Вариационные принципы физики и механики“.

Выгодский.— „Платон, как математик“.

Люстерник.— „Геометрические основы теории вихрей“.

Гуревич.— „Основные идеи Бродвея и Вейля“.

Ковнер.— „Методы Гильберта в теории квант“.

Всего за год было поставлено 37 докладов. Во втором полугодии доклады ставились, главным образом научными учреждениями Академии.

Главный орган Ком. Академии— „Вестник Ком. Академии“— вышел в отчетном году в 4-х книгах (10, 11, 12 и 13-й).

К 1 января 1926 года слушатели Курсов марксизма и социализма при окончили свои занятия. Семинарским порядком проработаны: Ком. Академии политэкономия, история русской пореформенной экономики, история партии и основы ленинизма; кроме того, были поставлены циклы лекций по основам советского государственного права, мировому хозяйству, истории революционного движения, историческому материализму.

Прием нового состава закончен, и 1 февраля слушатели приступили к систематическим занятиям. Слушателей нового набора—120 человек, которые распределяются следующим образом:

По социальному положению:

рабочих	96 чел.—75,6%
крестьян	5 „ — 4,0%
интеллиг.	26 „ —20,4%

По партийному стажу:

до 1917 г.	66 чел.—52,0%
с 1917 „	33 „ —26,0%
с 1918 „	16 „ —12,6%
с 1919—21	12 „ — 9,4%

По возрасту:

от 20 до 25 лет	11 чел.— 8,7%
„ 25 „ 30 „	38 „ —30,0%
„ 30 „ 35 „	53 „ —40,9%
„ 35 „ 40 „	20 „ —16,4%
„ 40 и выше	5 „ — 4%

По образованию:

низшее	100	чел.—78,8%
среднее	26	" —20,4%
высшее	1	" — 0,8%

По полу:

мужчины	115	чел.—90,6%
женщины	12	" — 9,4%

По национальности:

Русских	82	чел.—64,5%	Грузин	2	чел.— 1,6%
Евреев	18	" —14,1%	Узбеков	1	" — 0,8%
Армян	6	" — 4,7%	Башкир	1	" — 0,8%
Латышей	6	" — 4,7%	Эстонцев	1	" — 0,8%
Тюрков	2	" — 1,6%	Литовцев	1	" — 0,8%
Украинцев	2	" — 1,6%	Киргизов	2	" — 1,6%
Татар	2	" — 1,6%	Балкарцев	1	" — 0,8%

Бюджет Ком. Академии. С ростом деятельности Академии значительно вырос и ее бюджет—с 521 тыс. за 1924/25 г. до 1.138 тыс. руб. по смете за 1925/26 год, т.-е. более чем в 2 раза. Из основных статей прироста следует отметить увеличение на 250 тыс. на зарплату возросшего штата, на 115 тыс. по научным работам и около 163 тыс. на ремонт зданий.

БИБЛИОГРАФИЯ РАДИЩЕВА.

IV.

Юбилейная литература 1902 г.¹⁾

316. Н. П. Ашешов. Памяти первого народолюбца. (К столетию со дня смерти Радищева). «Новое Дело» 1902, IX, 208—224.

317. В. Мякотин. Хроника внутренней жизни. «Русское Богатство» 1902, IX, 183—184. Юбилейная заметка.

318. А—евич. (Е. Соловьев). Александр Николаевич Радищев. «Журнал для Всех». 1902, IX, 1231—1236.

319. А. Ершов. А. Радищев. (Род. 1749 г., ум. 1802 г.). «Образование». 1902, X, 101—120.

320. А. Б. (А. И. Богданович). Критические заметки. «Мир Божий». 1902, IX, 95—97. Юбилейная заметка. Перепечатана: «Нижегородский Листок». 1902, № 253.

321. А. Ф. (А. Фомин). К столетней годовщине смерти А. Н. Радищева. (Библиографическая справка). «Литературный Вестник» 1902, VI, 99—104.

322. Н. Н. Епанчин. А. Н. Радищев 1749—1802. (К столетию со дня кончины). «Антиквар» 1902, VII (октябрь), 209—211).

323. В. Якушкин. А. Н. Радищев († 12 сентября 1802). Русские Ведомости 1902, № 252, 12 сентября; № 259, 19 сентября; № 268, 28 сентября.

324. К. Зубковский. Народолюбец XVIII столетия. «С.-Петербургские Ведомости». 1902, № 249, 12 сентября.

325. Ч. Ветринский. (В. Е. Чешин). Памяти А. Н. Радищева 12/IX

1802 г.—12/IX 1902 г. «Самарская Газета» 1902, № 196, 12 сентября.

326. Николай Васильев. А. Н. Радищев. (К столетию со дня его рождения (смерти?). «Орловский Вестник» 1902, № 241, 12 сентября.

327. К. В. Дубровский. Памяти А. Н. Радищева. (По поводу 100-летия со дня смерти 2 сентября (12 сентября?)) «Восточное Обозрение». 1902, № 205, 1 сентября; № 206, 3 сентября.

328. В. Ю—в. А. Н. Радищев. По поводу столетия со дня его смерти. «Саратовский Дневник». 1902, № 147, 12 сентября.

329. Musea. Первый русский публицист. (По поводу столетия со дня смерти А. Н. Радищева). «Одесские Новости» 1902, № 5744, 12 сентября.

330. Э. Д—арский. К столетию со дня смерти А. Н. Радищева (12 сентября 1802—1902 г.г.). «Южный Курьер» 1902, № 179, 13 сентября.

331. (Б. п.). К столетию годовщины смерти А. Н. Радищева. «Харьковский Листок» 1902, № 847, 12 сентября.

332. (Б. п.). Памяти А. Н. Радищева. (К столетию со дня его смерти). «Новое Время», 1902, № 9522, 7 сентября. Иллюстрированное приложение, стр. 5—7.

333. Из книги А. Н. Радищева. (Памяти хорошего человека). «Сибирский Вестник». 1902, № 211, 1 октября. Пересказ гл. «Зайцово» из «Путешествия».

334. «Одесские Новости». 1902, № 5747, 16 сентября. Выдержки из газетных юбилейных статей.

¹⁾ См. «В. К. А.» кн. 13 и 14.

V.

Популярная и учебная литература.

335. (Б. п.). Иллюстрация 1861, т. VII, № 159, 129—130. Краткое биограф. данное.

336. Кениг. Очерки русской литературы. Перевод с немецкого. Тип. Я. Трея. СПб. 1862. Стр. 45—46. В гл. «Новиков» — упоминания.

337. Г. Караулов. Очерки истории русской литературы. Т. I. (Литература древнего периода и нового до Пушкина). Изд. 2-е. Одесса. 1870. Стр. 542—551. 3-е изд. в 1888 г.

338. Галахов, А. История русской словесности. Т. I. отд. II. СПб. 1880. Стр. 273—276. 3-е изд. в 1894 г.

339. В. И. Семеvский. История крестьянского вопроса в связи с историей внутреннего быта России в XVIII и первой половине XIX в. Лекции. Изд. литографированное. СПб. 1885. Стр. 90—94.

340. И. Порфирьев. История русской словесности. Часть II. отд. 2. Литература в царствование Екатерины II. Изд. 2-е испр. и дополненное. Тип. имп. Универс. Казань. 1886. Стр. 254—265.

341. П. Смирновский. История русской литературы XIX в. Вып. III. Либералы и консерваторы Александровской эпохи. Изд. «Пет. Учебн. Маг.». СПб. 1900. Стр. 1—14. Обзор жизни и деятельности.

342. K. Wallezewski. Littérature russe. Editeur A. Colin et Cie. Paris, 1900. Стр. 120—122.

343. В. Е. Якушкин. Александр Николаевич Радищев. Галерея русских деятелей. Главные деятели освобождения крестьян. Премия к «Вестнику и Библиотеке Самообразования». Под ред. С. А. Венгерова. «Брокгауз-Ефрон». С. П. Б. 1903. Стр. 34—39.

344. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. «Просвещение». С. П. Б. 1904. Т. XVI. стр. 88. Б. п.

345. Вл. Каллаш. Памяти И. П. Пнина. «Русские Ведомости» 1905. № 253, 17 сентября.

346. В. В. Сиповский. История русской словесности. Часть II. (История литературы с эпохи Петра до Пушкина). Тип. «Труд».

С. П. Б. 1906. Стр. 96. 99. 149. Гл. VI. Екатерининский период. 2-е изд. 1906 г.

347. А. Богданович. Критические заметки. «Воскресная книга». Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву». «Мир Божий» 1906, I. 24—26.

348. К. Левин. Первый борец за свободу русского народа. Жизнь и деятельность Радищева. Содержание: «Благородные» и «подлые» люди. II. Ущербные годы Радищева. III. Путешествие из Петербурга в Москву. IV. Суд над Радищевым. V. Ссылка, смерть и значение Радищева. Кн-ство Е. Д. Мягкова «Колокол». М. 1906. 46 стр. Перепечатано в 1918 г. См. № 391.

349. А. Алферов и А. Грузинский. Русская литература XVIII века. Хрестоматия. Изд. «Сотрудник Школ». М. 1907. Стр. 254—273. Гл. XX. А. Н. Радищев.

350. И. Посадский. А. Н. Радищев. (Его жизнь и деятельность). Первые борцы. Под ред. Н. Белозерского. Вып. I. Кн-ство «Освободительное движение». С.П.Б. 1907. 71+2 нен. стр.

351. В. Покровский. Историческая хрестоматия. Пособие для изучения русской словесности. Вып. XV. М. 1907. 407 стр.

Оглавление: 1. В. Якушкин. Учебные годы Радищева на родине.

2. Его же. Радищев за границей. его учебные занятия там и возвращение на родину.

3. М. Сухомлинов. Лейпцигский университет и благотворное влияние его среды на русских студентов.

4. П. Н. Милюков. Градация предреволюционных настроений во Франции и отражение их в различных кружках русского общества.

5. Бобров. Радищев как философ.

6. А. Веселовский. Западные писатели и Радищев.

7. П. А. Радищев. Радищев на службе.

8. Губерти. Письмо к другу, жительствовавшему в Сибири.

9. Каллаш. Публицистическая, философская и автобиографические черты в «Житии Ушакова» Радищева.

10. Его же. Стихотворение Радищева «Осьмнадцатый век», как гимн свободе.

11. Губерти. Общий обзор «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева.

12. В. И. Семевский. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII веке.

13. Туманов. Круг основных идей в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева.

14. В. Мякотин. Картина пороков и зол Екатерининской России, нарисованная Радищевым в его «Путешествии».

15. Стоюнин. Вопрос о счастье, как основной в «Путешествии».

16. Семевский. Быт крепостных людей в XVIII веке.

17. Его же. Отношение Радищева к крепостному вопросу.

18. В. Якушкин. Крепостной вопрос в литературе XVIII века и план освобождения крестьян Радищева.

19. Мякотин. Отражение и самостоятельная переработка Радищевым западных идей в вопросе о религии, человеке и его природе, естественном праве.

20. П. Н. Милоков. Связь «Путешествия» Радищева с настроением 80-х годов.

21. Туманов. Сенсация, произведенная в обществе появлением «Путешествия» и его культурно-историческое значение.

22. П. А. Радищев. Радищев до прибытия в ссылку в Илимск.

23. В. Мякотин. Путевые заметки Радищева.

24. П. А. Радищев. Радищев в ссылке.

25. В. Мякотин. Научные занятия Радищева в Сибири.

26. П. А. Радищев. Возвращение Радищева на родину, его служба и смерть.

27. Вопросные пункты коллежскому советнику и кавалеру Радищеву и ответы его, из «Архива» кн. Воронцова.

28. Повинная Радищева из «Архива» кн. Воронцова.

29. Разбор сочинения Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», написанный имп. Екатериной II, из «Архива» кн. Воронцова.

30. Сильванский и Лонгинов. Екатерина II и Радищев.

31. Якушкин. Радищев и Пушкин.

32. И.—р. (А. И. Герцен). Князь Шербаков и Радищев.

33. Пыпин. Грот и Галахов. Крылов и Радищев.

34. Туманов. Отражение идей Радищева в произведениях последующих писателей.

35. Сухомлинов. Было ли «Путешествие» Радищева с точки зрения современников революционным набатом.

36. Сухомлинов. Цезура и взгляд на нее Радищева.

37. Шишкин. Радищев-писатель граждан.

38. Туманов. Историческое значение деятельности Радищева.

352. В. Покровский. Александр Николаевич Радищев. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. М. 1907. IV+225 стр. Из предыдущей хрестоматии статьи: 1. 2. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 13. 14. 15. 18. 19. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 29. 30 и 38.

353. Малый энциклопедический словарь. «Брокгауз-Ефрон». С. П. Б. 1909. Т. IV. стр. 1138. Б. п.

354. Н. В. Тулупов и П. М. Шестаков. Очерки и рассказы для первоначального знакомства с историей. Ч. I. Изд. 2-е. И. Д. Сытина. М. 1909. Стр. 315—319.

355. Итоги XVIII века в России. Введение в русскую историю XIX века. Очерки А. Лютца, В. Зоммера и А. Липовского. Тип. И. Д. Сытина. М. 1910. 1) Стр. 127—129. Очерк А. Лютца «Русский абсолютизм XVIII в.», гл. IV. Народные волнения и политические настроения в правящей среде в XVIII в. 2) Стр. 410. Очерк В. Зоммера. «Крепостное право и дворянская культура в России XVIII в.». (Упом.). 3) Стр. 491—498. Очерк А. Липовского «Итоги русской литературы XVIII в.». Очерк Липовского отдельно см. № 358.

356. Воля. Заветы лучших людей от Радищева до Льва Толстого. Памяти 19 февраля. Сборник. Составил В. Е. Ермилов. С предисловием П. С. Когана. Изд. Н. Н. Ключкова. М. 1911. Стр. 1—9. Глава: Первые апостолы свободы в России. А. Н. Радищев и Н. И. Новиков. (Мысли Радищева и картины из крепостного быта—отрывки из «Путешествия»).

357. В. Евгеньев. Борьба с крепостничеством в русской художественной литературе. Освобождение крестьян. Сборник статей. Изд. «Жизнь для всех». 1911. Стр. 92—109. Гл. I. Восемнадцатый век.

358. А. Л. Липовский. Очерки по истории русской литературы от эпохи Петра Великого до Пушкина. С. П. Б. 1912. Стр. 120—128. А. Н. Радищев. (1749—1802).

359. Д. Д. Михайлов. Курс истории русской литературы от эпохи Петра Великого до Пушкина и хрестоматия. С. П. Б. 1912. Стр. 110—112.

360. А. П. Стеблев. Исторический обзор русской литературы XVIII и первой четверти XIX века. Пушкин и его предшественники. Курс средней школы. Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. 131—133.

361. В. Сиповский. Общий курс русской литературы. Изд. литографированное. Высшие Женские Курсы. С. П. Б. 1912—1913. Стр. 297—317.

362. Н. М. Мендельсон. Очерки по истории русской литературы. Изд. 2-е. Кн-ство «Польза» Антик. М. 1913. Стр. 34—39.

363. А. М. Хирьяков. Очерки истории русской литературы. Изд. И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 136—145.

364. Проф. И. Малиновский. Крестьянский вопрос и художественная литература. «Биржевые Ведомости» 1913, № 13632. 5 июля.

365. Н. А. Заозерский. Чтения по русской литературе. Изд. реального училища, учрежденного Н. Г. Бажановым, под ред. Н. Г. Бажанова. М. 1914. Стр. 32.

366. Проф. В. В. Сиповский. Русская лирика: Вып. I. VIII век. (Из лекций, читанных на Петроградских Высших Женских Курсах). П. 1914. Стр. 101—116. Глава: Радищев. (Свойства лирики Радищева. Ода «Вольность». Гимн XVIII веку).

367. В. Евгеньев. Писатели-борцы с крепостной неволей: Очерк из истории русской художественной литературы XVIII и XIX веков. Тип. «Энергия». С. П. Б. 1914. Стр. 22—34. 41—42. Гл. XVIII.

368. А. И. Незеленов. История русской словесности для средних учебных заведений. Изд. 20-е исправленное под ред. В. В. Каллаша. Часть I. (С древнейших времен до Карамзина). Изд. тов. «В. В. Думнова». М. 1914. Стр. 216—226.

369. В. Саводник. Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Типография И. Н. Кушнерева. М. 1914. Стр. 390—391.

370. С. Ашевский. Русские писатели и война. «Задруга». М. 1915. Стр. 20—21.

371. А. Шалыгин. Учебный курс истории русской литературы. (От Петра Великого до смерти Пушкина) и хрестоматия. П. 1915. Стр. 121.

372. Проф. А. С. Архангельский. Введение в историю русской литературы. Т. I. Из лекций по истории русской литературы. П. 1916. По указателю имен.

373. Проф. А. Н. Веселовский. Просветительный век и Александровская пора. Лекции, читанные на Московских Высших Женских Курсах в 1915—1916 г. Записки слушательниц. М. 1916. Стр. 9, 12, 39, 53, 77, 86—91, 97—107.

374. **Вл. Бурцев.** Изучайте Радищева. «Саратовский Листок» 1916, № 191, 7 сентября.

375. **К. В. Сивков.** Крепостное право и русская изящная литература. (1762—1861). Изд. 2-е дополненное и исправленное. «Задруга». М. 1917. Стр. 7—9.

376. **Ч. Ветринский.** (В. Е. Чешин). Освобождение крестьян и русские писатели. Изд. 2-ое. «Задруга». П. 1917. Стр. 31—34.

377. **В. Мияковский.** Радищев. Светочи прошлого—творцы будущего. Для самообразования. Изд. «Огни». П. 1917. 4 неч.+107+3 неч. стр. Оглавление: I. «Век Екатерины». II. Детство и годы учения. III. Жизнь в Петербурге. IV. «Путешествие из Петербурга в Москву». Гражданские убеждения Радищева. V. Крепостное право и протест Радищева. VI. Суд над писателем. VII. Радищев в Сибири. VIII. Возвращение в Россию. IX. Снова в Петербурге. X. Отношение потомства к Радищеву. В конце книги библиография по Радищеву.

Отзыв: **Я. Барсков.** Новое о Радищеве. «Книга и Революция» 1920, III и IV, 30—31.

378. **Р. М. Кантор.** Забытый пророк вольности и мученик народный—Александр Радищев. С портретом. Изд. «Свободный Путь». П. II+40 стр.

Отзыв: **Я. Барсков.** Новое о Радищеве. «Книга и револ.» 1920. III—IV, 31.

379. **С. Орловский.** Русские писатели—апостолы свободы: «Революция и история». Изд. «Задруга». П. 1917. Стр. 12—16.

380. **Ю. Айхенвальд.** Радищев. Серия жизнеописаний. «Сеятели правды». Изд-ство «Свободная Россия». М. 1917. 16 стр.

381. **Евг. Шведер.** Первый русский борец за свободу Александр Николаевич Радищев. Биографический очерк. Тип. «Печатник». М. 1917. 38 стр.

382. **А. Хирьяков.** Народные заступники—Радищев и Новиков. Изд. «Задруга». П. 1917. 14 стр.

Отзыв: **Я. Барсков.** Новое о Радищеве. «Книга и Революция» 1920. III—IV, 29—30.

383. **Борис Манджос.** Родоначальник русского народничества. (А. Н. Радищев). «Путь освобождения» 1917, I, 6—10.

384. **Александр Николаевич Радищев.** Первый пророк и мученик революции. Речь, произнесенная на открытии его памятника народным комиссаром А. Луначарским. С приложением снимка с памятника Радищева работы Шервуда, его портрета и избранных страниц из его книги: «Путешествие из Петербурга в Москву». Изд. П. С. Р. и К. Д. П. 1918. VII+20 стр.

Речь А. Луначарского см. № 395.

Отзывы: 1. **Я. Барсков.** Новое о Радищеве. «Книга и револ.». 1920, III—IV, 31—32. 2. **В. С—кий.** «Вестник Жизни» 1918. VI—VII, 169.

385. **В. Лебедев.** Александр Николаевич Радищев. «Рабочий Мир» 1918, XIV, 11—15.

386. **К. В. Сивков.** Русская история. Курс элементарный. Ч. II. «Задруга». М. 1918. Стр. 135, 146.

387. **П. Н. Сакулин.** История новой русской литературы. Эпоха классицизма. Курс, читанный на Моск. Высш. Женск. Курс. 1917—1918 г.г. Записки слушательниц. Изд. Общ. при Истор. Филос. Факультете. М. 1918. Стр. 114, 118—134. 142. 143.

388. Рассказы по русской истории. Общедоступная хрестоматия, составленная кружком преподавателей под ред. **С. П. Мельгунова** и **В. А. Петрушевского.** Изд. 4-е. «Задруга». М. 1918. Стр. 316—320.

389. Из нашего прошлого. Рассказы из русской истории, под ред. **Я. И. Вишнякова,** **С. П. Мельгунова,** **Б. Е. и В. Е. Сыроечковских.** Ч. II. XVIII и XIX век. «Задруга». М. 1918. Стр. 196—202.

390. Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. II от Петра до Павла I. Вып. I. Сборник отрывков из записок, воспоминаний и писем, составленный **П. Е. Мельгуновым,** **К. В. Сивковым** и **Н. П. Сидоровым.** «Задруга». М. 1918.

391. **К. Левин.** Первый борец за свободу русского народа. Жизнь и

деятельность А. Н. Радищева. Изд. ВЦИК. М. 1918. 36 стр. Содержание см. № 348. Отзыв: 1. Я. Барсков. «Книга и Революция» 1920. III—IV. 29. 2. В. С—кий. «Вестник Жизни» 1918. VI—VII, 169.

392. Н. Ашешов. А. Н. Радищев. первый русский республиканец. Изд. П. С. Р. К. Д. 1919. 54 стр.

Отзыв: Я. Барсков. «Книга и революция» 1920, III—IV, 31—32.

393. М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. I и II (от древнейших времен до конца XIX стол.). ГИЗ. М. 1921. Стр. 119—120. Ч. II. Глава: Революционная буржуазия. Радищев, его отношение к крепостному праву и царской власти. Идеи Радищева, как отражение экономического развития.

394. Н. К. Пиксанов. Два века русской литературы. Введение: Темы для литературных работ.—Систематическая библиография.—Руководящие вопросы. Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования. ГИЗ. М. П. 1923. Стр. 29, 31, 54. Радищев и декабристы. Идеологическая параллель.

395. А. В. Луначарский. Литературные силуэты. Транпо-секция. М. 1923. Стр. 5—10. Статья: Александр Николаевич Радищев. Впервые. См. № 384.

396. Проф. Н. Кравченко. А. Н. Радищев. как один из провозвестников освобождения крестьян. Томск. Б. Г. 7 стр.

397. Старый журналист. Литературные отклики. Изд. Тов. «Влад. Книгоиздательство». Владимир. 1923. Стр. 11—12. Статья: Екатерина и Радищев. (К открытию в Москве памятника Радищеву).

398. М. Коваленский. Хрестоматия по русской истории. Т. II. Изд. 2-е. ГИЗ. М. П. 1923. Стр. 82—87. Статья Радищева «Описание моего владения». Стр. 123—124. Гл. XV и XXIV из «Путешествия» и замечания Екатерины на книгу. Стр. 221—226. Сон и ода. Вольность. Вопросы и ответы Радищева.

399. Художественно-историческая хрестоматия. Составили Н. А. Гейнике и Б. И. Горев. Т. I. «Новая Москва». 1923. Стр. 460—462. Гл. Спасская полесь из «Путешествия».

400. Проф. Н. Рожков. Учебник истории всеобщей и русской. курс систематический для 2 ступени единой трудовой школы и для самообразования. Перепечатано со 2-го изд. Госиздата. «Книгоиздательское Товарищество» при Курском Губкоме Р. К. П. Курск. 1922. Стр. 195.

401. Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Историко-литературная хрестоматия. Ч. II. Литература XVIII века с вводными статьями, примечаниями, вопросами и темами. ГИЗ. М. 1923. Стр. 304—316. Отрывки из «Путешествия», оды «Вольность» и «Осьмнадцатое столетие».

402. В. Фейдер. Хрестоматия по истории классово-борьбы. С предисловием Я. Негупской. Ч. I. Крестьянство и пролетариат. Рабоч. коопер. Изд. «Прибой». П. 1923. Стр. 9—11. Отрывки из «Путешествия».

403. Первая книга о горе мужицком. (Жизнь и деятельность А. Н. Радищева). Составили Н. Ашикин. Изд. «Красная Нива». М. 1923. 32 стр.

403а. М. Мебель. Рабства враг—Радищев. «Знание» (Харьков) 1924. XXI. (38). 3—7.

403б. Д. Благой. Первенец революции. (К 175-летию со дня рождения А. Н. Радищева). 1749—1924. «Красная Нива» 1924. № 36, 872—873.

403в. И. Полтавский. Героическое в русской революции. С предисловием Б. И. Горева. В двух томах. Том. I. Изд-во А. Д. Френкель. Л. 1925. Стр. 52—70. Биограф. данные.

403г. М. Б. Вольфсон. Очерки обществоведения. ГИЗ. Л. М. 1925. По указателю имен.

403д. М. Б. Вольфсон. Очерки обществоведения. Изд. десятое. учебное пособие для школ I и II ступени. ГИЗ. М. Л. 1925. По указателю имен.

VI.

Иконография Радищева.

404. Собрание оставшихся очиненный покойного Александра Николаевича Радищева. В тип. П. Бекетова. Иждивением издателей. М. 1807. Ч. I. Портрет Радищева—гравюра Вендрамини; на вкладном листе.

405. Иллюстрация. 1861. № 159. Стр. 129. Снимок с предыдущего. Стр. 133. Вид Илимска и дома. где жил Радищев.

406. Библиографические записки 1861, № 1. Портрет Радищева с автографом—подписью. на вкладном листе.

406а. Русские люди. Изд. Вольфа. 1866. Портрет Радищева. (См. у Ровинского. Т. IV. Приложение. столб. 137).

407. Сочинения Александра Николаевича Радищева. С портретом автора и статьей А. П. Пятковского. (Редакция изд. П. А. Ефремова). Изд. кн. маг. Черкесова. СПб. 1872. Т. I. Гравированный с гравюры Вендрамини. на вкладном листе.

408. Исторический Вестник 1883. XII. Портрет. С гравированного портрета Алексева. Гравюра Паннемакера в Париже. На вкладном листе.

409. Н. Ф. Хованский. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губ. Вып. I. Саратов 1884. Фотографический снимок с предыдущего. На вкладном листе.

410. Д. А. Ровинский. Материалы для русской иконографии. Вып. III. Экспедиция заготовления Государственных бумаг. 1884. № 112. С гравюры Алексева.

411. Проф. А. Брикнер. История Екатерины II. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1885. Ч. V. Стр. 693. С гравюры Алексева.

412. Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. III. П. О. Тип. Акад. Наук. СПб 1888. Столб. 1850. С гравюры Вендрамини. Столб. 1849—1850. Краткие биограф. данные. Опи-

сано кроме приложенного, 4 портрета.

413. Пажи за 183 года (1711—1894). Биографии бывших пажей с портретами. Собрал и издал О. Р. фон-Фрейман. Тип. Акцион. Общ. Фридрихсгам. 1894. Стр. 42. С портрета из собрания гравюр П. Я. Дашкова.

414. А. Е. Бурцев. Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг, брошюр и т. д. Тип «Брокгауз—Ефрон» 1901. Т. V. Стр. 52. С гравюры Вендрамини.

415. Галерея русских писателей. Текст редактировал И. Игнатов. Изд. С. Скирмунта. М. 1901. Стр. 59. С гравюры Вендрамини. При портрете краткие биограф. данные.

416. Антиквар 1902. VII. (Октябрь). С Гравюры Вендрамини. На вкладном листе.

417. Новое Время 1902. № 9522. 7 сентября. С гравюры Вендрамини. В иллюстрированном приложении.

418. Журнал для всех. 1902. IX. 1154. С портрета масляными красками в Радищевском музее в Саратове.

419. Галерея русских деятелей. Главные деятели освобождения крестьян. Премия к «Вестнику и Библиотеке Самообразования» Под ред. С. А. Венгерова. «Брокгауз—Ефрон». СПб. 1903. С гравюры Вендрамини. На вкладном листе.

420. А. Е. Бурцев. Словарь редких книг и гравированных портретов. Тип. Брокгауз-Ефрон. СПб. 1905. Т. VI. Стр. 5. № 2457. С гравюры Ф. Алексева.

421. Путешествие из Петербурга в Москву А. Н. Радищева. (Ред. Н. П. Павлова-Сильванского и П. Е. Щеголева). СПб 1905. Гелиографюра тов. Ф. Голика и А. Вильборк. С портрета, принадлежащего Радищ. музею в Саратове. С подписью—автографом с письма Павлу I. На вкладном листе.

422. В. И. Покровский. Александр Николаевич Радищев, его жизнь и сочинения. М. 1907. На обложке.

423. Полное собрание сочинений А. Н. Радищева. Под ред. С. Н. Тройницкого. Кн-ство «Сириус». СПб. 1907. Т. I. Снимок с портрета неизвестного художника (конца XVIII в.) из собрания вел. кн. Николая Михайловича. На вкладном листе.

424. Полное собрание сочинений А. Н. Радищева. Под ред. проф. А. К. Бороздина, проф. И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева. СПб. 1907. Т. I. С портрета, находящегося в Саратове, в Радищ. музее. На вкладном листе. Т. II. Портрет А. В. Радищевой (первой жены) снимок с портрета в Сар. музее. На вкладном листе.

425. Полное собрание сочинений А. Н. Радищева. Редакция, вступительные статьи и примечания Вл. Вл. Каллаша. Изд. В. М. Саблина. М. 1907. Т. I. Точное воспроизведение портрета при изд. 1807 г. На вкладном листе. Т. II. С портрета в Саратовском музее. На вкладном листе.

426. Русские портреты XVIII и XIX столетия. Т. III. Изд. вел. кн. Николая Михайловича. СПб. 1907. № 153. А. Н. Радищев. В овале с миниатюры из собрания Николая Михайловича. № 154. А. В. Радищев. С портрета в Саратовском Радищевском музее. При портретах краткие биографические данные.

427. История русской литературы. Под ред. прив.-доц. А. В. Аничкова, проф. А. К. Бороздина, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Изд. И. Д. Сытина. М. 1909. Т. II. Вып. IX. Стр. 441. В овале. Вып. X. Стр. 370. С портрета в Саратовском музее.

428. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина. Под ред. С. А. Венгерова. Изд. «Брокгауз-Ефрон». 1911. Т. V. На вкладном листе. между 336 и 337 стр.

429. А. М. Хирьяков. Очерки истории русской литературы. Изд. И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 137. Снимок с первого изд.

430. Собрание портретов, издаваемых П. П. Бекетовым. Каталог со-

ставил С. П. Виноградов. Изд. А. В. Морозова. М. 1913. Вкладной лист между 60 и 61 стр. С портрета в овале, грав. Ф. Алексеева. Стр. 55. Описание.

431. Н. М. Мендельсон. Очерки истории русской литературы. Изд. 2-е. Кн-ство «Польза». Антик. М. 1913.

432. А. В. Морозов. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. IV. Р.-Ф. М. 1916. Табл-ща CCCLXIII. С гравюры Алексеева в овале. Столб. 987. Описание 4 портретов кроме приложенного.

433. Е. Шведер. Первый русский борец за свободу Александр Николаевич Радищев. Биогр. очерк. Тип. «Печатник». М. 1917. На вкладном листе.

434. Красная Звезда 1918. I. 3. Зарисовка памятника в Москве.

435. Пламя 1918, XXIII, 15, 16. 2 снимка с памятника в Петербурге.

436. Пламя 1918. № 20, 11. Снимок с бюста работы скульптора Шервуда.

437. Рабочий Мир 1918. XIV, 11. Портрет.

438. Из нашего прошлого. Рассказы из русской истории. Под ред. Я. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сыроячковских. «Задруга». М. 1918. Ч. II. XVIII—XIX в. Стр. 201. То же.

439. Александр Николаевич Радищев. Первый пророк и мученик революции. Речь, произнесенная на открытии его памятника народным комиссаром А. Луначарским. С приложением снимка с памятника Радищева работы Шервуда, его портрета и избранных страниц из его книги: «Путешествие из Петербурга в Москву». Изд. Ф. С. Р. и К. Д. П. 1918. На обложке портрет. Снимок с памятника на вкладном листе.

440. «Путешествие из Петербурга в Москву». (На языке нашего времени). С портретом Радищева. Под ред. В. Л. Бурцева. Librairie Russe et Française L. Rodstein. Paris. 1921. Портрет на вкладном листе.

VII.

С м е с ь.

441. (Б. п.) Друг Просвещения 1804. Ч. IV. № X, 35—36. Русский анекдот. Подвиг офицера Радищева в 1785 г. на Кавказе.

442. Н. С. Селивановский. Записки. Библиографические записки 1858 № 17, 518. О печатании «Путешествия» в Неимцове.

443. Отчет имп. Публичной Библиотеки за 1859 г. СПб. 1860. Стр. 26. О приобретении экземпляра «Путешествия». Изд. 1790 г.

444. Свящ. М. Морошкин. Обозрение немецкой богословской литературы. Православное Обозрение 1865. Т. XVIII. 543. Упоминание.

445. А. Трефолов. Алексей Петрович Мельгунов. генерал-губернатор Екатерининских времен. Р. А. 1865, 887. Упоминание.

446. (Б. п.) Случайные люди в России. Из сочинений Гельбига «Russische Günstlinge». III в Тюбингене в 1809 г. Р. А. 1865. 414. В примечании о покровительстве гр. А. Р. Воронцова Радищеву.

447. М. И. Богданович. Первая эпоха преобразований имп. Александра I. (1801—1805). В. Е. 1866. III. 168. Упом. об обвинении гр. А. Р. Воронцова в демократизме за сочувствие Р.

448. А. Пятковский. Замечательные русские деятели. Иван Иванович Бецкий. (Историко-биографический очерк). Дело 1867. IX. 75. Упоминание о зависимости судьбы Р. от изменения политики Екатерины.

449. «С.-Петербургские Ведомости» 1869. № 291. 22 октября. Объявление о готовящемся изд. сочинений Р. под ред. П. А. Ефремова.

450. (Б. п.) Русский Архив 1869. X. 1728. В отделе мелочи, поправки, заметки, о существовании в селе Андреевском, Владимирской губ., в кабинете гр. А. Р. Воронцова портрета Р.

451. М. Н. Лонгинов. Биографические сведения о русских писателях в XVIII в. и библиографические известия об их произведениях. Григорий Николаевич Теплов. Р. С.

1870. Т. II, 195. Упомянуто биограф. секретаря Теплова. Ф. В. Ушакова, написана Р.

452. Степан Иванович Шешковский. (Род. 1720 г. ум. 1794 г.). Р. С. 1870. XII (т. II), 637. Заметка П. А. Радищева, сообщено П. А. Ефремовым. По поводу этого: Р. С. 1871. Т. III, 647.

453. Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетия. Р. С. 1870. Т. II, 494. Составлено П. Ф. Карабановым. О покровительстве кн. Е. Р. Дашковой Р. и о влиянии сего на ее судьбу.

454. К. Н. Батюшков. Род. 1788, ум. 1854. Письмо его к Гнедичу. Р. С. 1871. Т. III. 212, 214, 219. Сообщено П. А. Ефремовым. В примечании, что биография Р., написанная Н. А. Радищевым, находится у кч. П. А. Вяземского. В том же томе на 394 стр. поправка к этому сообщению. Повторяется сообщение Р. С. 1874, VI. 384, 385. В первые сообщает Д. Бантыш-Каменский в Словаре русских достопамятных людей 1836. См. № 99.

455. (Б. п.) Рылеев. Материалы для истории русской литературы 1816—1825. Р. С. 1871. I. (т. III), 94. Упом. об отношении Пушкина к Р.

456. О. Миллер. О нашем крестьянском вопросе в VIII столетии. Р. А. 1875, III, 87. Упом., как об авторе проекта освобождения крестьян с землей.

457. Д. Языков. Вольтер в русской литературе. (Историко-библиографический этюд). Древняя и Новая Россия. 1878, т. III. № 9. 73, 75. Упом.

458. Кн. П. Вяземский. Александр Сергеевич Пушкин. 1831—1837. (По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям). Берг. 1880, № 114, 17 июля. Упом. в шуточных стихах.

459. Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземского. Т. V. 1848. Изд. гр. С. Д. Шереметьева. М. 1880. Стр. 191. Упом.

460. (Б. п.) О стихотворении Пушкина «Памятник». (Я памятник

воздвиг себе нерукотворный). Р. А. 1881. I. 235. В первой редакции Пушкин упоминает Р.

461. А. Н. Пыпин. Открытие Радищевского музея в Саратове. В. Е. 1885. VII, 836.

462. Бартеиев. Жильбер Ромм и гр. П. А. Строганов. Р. А. 1887. I, 18. Упом., что в биогр. Ромма, составленной Виссаком, указано, что у Ромма находилась рукопись «Путешествия».

463. Русские Ведомости. 1888. № 56. 26 февраля. Публикация, что за безукоризненный экземпляр «Путешествий» уплатить 1.500 руб.

464. А. Куш, Радищевский музей в Саратове. И. В. 1890, I. 175—185. Стр. 180—182, речь Н. П. Боголюбова. см. № 173.

465. Проф. В. Бильбасов. Памяти имп. Екатерины II. (1796—6 ноября 1896). Р. С. 1896. XI, 265—266. Заметка о жестокой каре Р.

466. П. Н. Краснов. Предшественники Пушкина. Книжка Недели 1899. VII. 185. 186. Упоминание.

467. Е. Шмурло. Герцен и Радищев. (Заметка). С.-Петербургские Ведомости. 1900. № 37. 7 февраля. О необходимости снять запрещение с «Путешествия».

468. Заметки кн. П. А. Вяземского на книгах. Р. А. 1902. XI. 426. На номер «Путешествия» заграничного изд.

469. В. Богучарский. (В. Я. Яковлев). Из прошлого русского общества. Изд. М. В. Пирожкова. С. П. Б. 1904. По указателю имен. Упом. в связи с цензурными мерами на «Голос» 1865 г. и запрещение Ефремовского изд.

469а. Вл. Новоселов. Свобода в русской поэзии. Очерк. Вестник Литературы. Иллюстрированный двухнедельный журнал словесности науки и библиографии. 1905. № 14. 316—317.

470. П. Е. Щеголев. Семен Олейничук. Былое. 1906. IV. 108. 109. 112. Олейничук напоминает героичностью проповеди Р. «Исторические рассказы» напоминают «Путешествие».

471. Памяти П. А. Ефремова. Сообщения, сделанные на общем собрании 13 февраля 1908 г. Русское

библиографическое общ. при Московском университете. М. 1908. Стр. 11—13, 16. Свящ. Н. Миловский. Из личных воспоминаний. (К истории Ефремовского изд. сочинений Радищева).

472. Б. Л. Модзалевский. Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А. Ф. Онегина в Париже. Пушкин и его современники. Вып. XII. С. П. Б. 1909. Стр. 11. Упом., что отрывок из статьи о Радищеве находится за № 16 в музее.

473. А. Пругавин. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. С. П. Б. 1909. Стр. 289. Упом.

474. К. Валишевский. Вокруг трона. Пер. с франц. Тов. «Образование». М. 1909. Стр. 111. 114—116. Неточные данные.

475. (Б. п.). Исторический Вестник 1910. VIII. 704—705. Радищевский музей (к 25-летию).

476. Б. Л. Модзалевский. Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в музее А. А. Бахрушина. Пушкин и его современники. Вып. XIII. СПб. 1910. Стр. 102. упом. о рукописи Пушкина о Р. Отдельный оттиск. СПб. 1910.

477. М. П—ий. Придворный календарь. 1741 г. Русский Библиофил. 1911. IV. 16. О судьбе «Путешествия» 1790 г., изд. 1872.

478. Е. Бошняк. Шекспир в России. Голос Минувшего. 1913. XII. 300. Упом. о взгляде Р. на Шекспира.

479. А. Поляков. Пушкин и Пнин. Пушкин и его современники. В. XVII—XVIII. С. П. Б. 1913. Стр. 256. 258. 260. Упом. Отзыв: А. Бем. К уяснению понятия историко-литературного влияния. (По поводу статьи А. С. Полякова «Пушкин и Пнин»). Пушкин и его современники. Вып. XXIII—XXIV. П. 1916. По указателю имен.

480. Голос минувшего. 1913. V, 283. В докладе Я. Л. Барскова в общ. любителей древней письменности в С. П. Б. о переписке московских масонов. Упом.

481. Пушкин и цензура. Пушкин и его современники. Вып. XVI. 1913. Стр. 96. Сообщил А. Егоркин. Из

журнала С.-Петерб. ценз. ком. от 12 мая 1840 г. Запрещение печатать статью Пушкина «Александр Радищев».

482. Временник Пушкинского дома. 11. 1914. По указателю имен. Уном.

483. **И. Бикерман.** Пушкинские заметки. Пушкин и его современники. Вып. XIX—XX. П. 1914. Стр. 57. Упом.

483а. **В. Вольский.** Из истории порабощенной печати. Северная Рабочая Газета 1914. № 60, 20 апреля.

484. **А. П. Михневич.** Любовь наших великих писателей. М. 1915. Стр. 123—126. Стихи: Предсмертный монолог А. Н. Радищева.

485. **В. Бурцев.** Радищевский музей в Саратове. Утро России 1916. № 251, 8 сентября.

486. Описание дел архива министерства народного просвещения. Под ред. С. Ф. Платонова и Николаева. П. 1917. Т. I. Предисловие. стр. II—III. Справка о службе сына

Р., Н. А. Радищева, архивариусом. (1803—1807).

487. **П.** К открытию памятника А. Н. Радищеву. Пламя 1918. № 20. 14.

487а. **Н. К—ов.** А. Н. Радищев. (К открытию памятника). Рабочий Край 1918. № 166. 27 сентября.

488. **Б. В. Томашевский.** Ритмика 4-стопного ямба по наблюдению над стихом «Евгения Онегина». Пушкин и его современники. Вып. XXIX—XXX, 1918. Стр. 174. Упом.

489. **Dr Brückner.** Russische Literaturgeschichte. Von den Anfängen bis 1866. W. de Gruyter. Berlin und Leipzig. 1919. Стр. 59.

491. **Nöfel.** Einführung in den russischen Roman. Versuch einer Deutung der Russischen Geistigkeit und der russischen Formgebung. Musarion Verlag. München. 1920. Стр. 77. Упом.

491. Красная Нива. 1923, № 21, 27 мая. 24. 1. «Снимок с титульного листа «Путешествия». Изд. 1790 г. 2. Снимок первых двух строф оды «Вольность».

Р. Мандельштам.

Указатель имен.

А. Б., см. Богданович, А. И.
 Айхенвальд, Ю. И. 261. 386.
 А. Л. 222.
 Алферов, А. Д. 349.
 Андреев, В. 128.
 Андреевич, см. Соловьев, Е. А.
 Анничков, А. В. 254.
 Анненков, П. В. 105. 165.
 Антонович, В. Б. 136.
 Анучин, Д. Н. 64. 298.
 Аристов, В. Я. 170.
 Арсеньев, А. В. 12.
 Архангельский, А. С. 372.
 Арцимович, Е. А. 24.
 Ашевский, С. 55. 66. 370.
 Ашешов, Н. П. 316. 392.
 Ашукин, Н. 403а.
 Бажанов, Н. Г. 365.
 Бантыш-Каменский, Д. Н. 99.
 Барсков, Я. А. 78. 80, 286. 305. 377. 378. 382. 384. 390. 391. 480.
 Барсуков, Н. П. 96. 140. 146.
 Бартенев, П. И. 46. 48. 52, 143. 151. 152. 154. 155. 462.
 Барышников, Н. 135.
 Батюшков, К. Н. 178. 453.
 Безбородко, А. А. кн. 155, 160.
 Бекетов, П. П. 430.

Белозерский, Н. 350.
 Бем, А. 478.
 Бенитцкий, А. П. 91.
 Березин, Н. 18.
 Бикерман, И. 483.
 Бильбасов, В. А. 180. 465.
 Битовт, Ю. 21.
 Благой, Д. 403в.
 Бобров, Е. 60, 209.
 Богданович, А. И. 320. 347.
 Богданович, М. И. 447.
 Боголюбов, В. 290.
 Боголюбов, Н. П. 173.
 Богословский, П. С. 313в.
 Богумил, А. 250.
 Богучарский, В. (В. Яковлев). 468
 Болотов, А. Т. 147.
 Борн, И. М. 90.
 Бороздин, А. К. 73, 241, 254.
 Бошняк, Е. 478.
 Брикнер, А. Г. 174, 411.
 Бродский, Н. Л. 402.
 Брюсов, В. Я. 310а.
 Brückner A. 489.
 Булич, Н. Н. 271.
 Буренин, В. П. 45.
 Бурцев, А. Е. 14. 16. 22. 49. 59. 61, 62. 63. 65. 414. 420.

- Бурцев, В. Л. 81. 291. 292. 374, 485.
 Валншевский, К. 474.
 Walczewski, K. 342.
 Васильев, Н. 326.
 Вейдемейер, А. И. 102.
 Венгеров, С. А. 57. 109. 258. 287, 419.
 Вернадский, Г. В. 296.
 Веселовский, А. Н. 161. 162. 266. 295. 370.
 Веселовский, Ю. 212. 213а.
 Ветринский, Ч., см. Чешинки.
 Виноградов, С. Г. 430.
 Вишняков, Я. И. 389.
 Владиславлев, И. В. 31. 32а.
 Водовозов, В. В. 287.
 Войтоловский, Л. Н. 258.
 Вольский, В. 483а.
 Воронцов, А. Р., гр. 143.
 Воронцов, С. Р., гр. 151. 152. 158. В. П. 270.
 Вяземский, П. А., кн. 140. 458. 459. 468.
 Гавриленко, А. А. 244.
 Галяхов, А. Д. 123. 338. 351.
 Ганжулевич, Т. 277.
 Гейнике, Н. А. 399.
 Heibg. 92. 114. 180.
 Геннади, Г. Н. 7. 9. 96.
 Герцен, А. И. 41. 50. 105. 111. 302.
 Гершензон, М. О. 303.
 Глинка, С. Н. 98. 196.
 Глинский, Б. 231.
 Голицын, Н., кн. 114.
 Голицын, Ф. Н. 144.
 Гольцев, В. А. 199.
 Горев, Б. И. 399.
 Граббе, П. Х., гр. 186.
 Гредескул, Н. А. 24.
 Григорович, Н. И. 160.
 Григорьев, А. А. 150.
 Грот, Я. К. 117. 126. 135. 215.
 Грузинский, А. Е. 349.
 Губерти, Н. В. 11.
 Даденков, Н. 267.
 Данилов, В. В. 259.
 Дашкова, Е. Р., кн. 116. 142.
 Добролюбов, Н. А. 198. 265.
 Довнар-Запольский, М. В. 285.
 Дубровский, К. В. 327.
 Евгений, митрополит. (Болховитинов). 100.
 Евгениев, В. 357. 367.
 Евлахов, А. 258а.
 Егоркин, А. 481.
 Екатерина II. 103. 120. 124. 139, 216.
 Епанчин, Н. Н. 322.
 Ермилов, В. Е. 336.
 Ершов, А. 319.
 Ефремов, П. А. 6. 47. 48. 106. 122, 454.
 Завадовский, П. В., гр. 154. 182.
 Заозерский, Н. А. 365.
 Зиновьев, Н. И. 135.
 Зоммер, В. 355.
 Знаменский, С. Ф. 24.
 Зубковский, К. 324.
 Иванов-Разумник, Р. В. 247.
 Игнатов, И. 415.
 Измайлов, А. Е. 91.
 Иловайский, Д. И. 121.
 Ильинский, Н. С. 156.
 Имшенецкий, М. В. 24.
 Каллаш, В. В. 66. 68. 74. 74а. 75, 224. 230. 251. 345.
 Каменев, Г. П. 101.
 Кантор, Р. М. 378.
 Капица, О. И. 24.
 Карабанов, П. Ф. 453.
 Карамзин, Н. М. 172.
 Караулов, Г. Э. 337.
 Castéra, J. 89.
 Кашин, Н. П. 66. 273. 311.
 Каченовский, 95.
 Кеневич, В. Ф. 127.
 Кениг. 336.
 Кизеветтер, А. А. 269.
 Ключевский, В. О. 268.
 Кнатц, Б. Г. 24.
 Кнатц, А. Э. 24.
 Князьков, С. А. 24.
 Кобеко, Д. Ф. 118.
 Коваленский, М. Н. 398.
 Коган, П. С. 356.
 Корольков, М. 242.
 Корсунов, А. 112.
 Котляревский, Н. А. 300.
 Кравченко, Н. 396.
 Краснов, П. Н. 466.
 Кропоткин, П. А. 249.
 Крылов, И. А. 230.
 Кутузов, А. В. 286.
 Куш, А. 174. 464.
 Лапшин, И. И. 73. 307.
 Лебедев, В. 385.
 Левин, К. 348. 381.
 Лемке, М. К. 66. 74.
 Лернер, Н. О. 255.
 Липовский, А. Л. 355. 358.
 Лонгинов, М. Н. 5. 45. 110. 112, 115. 124. 125. 288. 351. 451.
 Лопухин, И. В. 286.
 Лосский, А. 26. 262.
 Луначарский, А. В. 384. 395.
 Lüther, A. 84.
 Лютц, А. 355.

- Ляцкий, Е. 239.
 Лященко, А. 192.
 Майков, Л. Н. 175, 178, 194, 197, 213.
 Максимов, С. 137.
 Малиновский, И. 364.
 Манджос, Б. 383.
 Мандельштам, Р. С. 326.
 Мазов, О. Ф. Р. 87, 88.
 Мебель, М. 4036.
 Межов, В. И. 8.
 Мезнир, А. В. 17.
 Мельгунов, С. П. 283, 388, 389, 390.
 Мендельсон, Н. М. 362, 402.
 Мизинов, П. 212.
 Миллер, О. Ф. 140, 456.
 Миловский, Н. 471.
 Милюков, П. Н. 204, 223.
 Минцлов, С. 28.
 Михайлов, Д. Д. 359.
 Михневич, А. П. 484.
 Мняковский, В. В. 273, 274, 275, 276, 279, 280, 281, 294, 377.
 Модзалевский, Б. Л. 25, 234, 472, 476.
 Морозов, А. В. 432.
 Морозов, П. О. 107, 108, 207.
 Морошкин, М. (свящ.). 444.
 Мякотин, В. А. 206, 217, 317.
 Незеленов, А. И. 169, 185, 188, 368.
 Неустроев, А. Н. 10.
 Николаев. 486.
 Николай Михайлович. 426.
 Новиков, Н. И. 85, 86, 122.
 Новоселов, В. 469а.
 Новосильцев, Н. Н. 143.
 Nötsel, К. 490.
 Овсянко - Куликовский, Д. Н. 254, 255.
 Ольминский, М. (М. С. Александров). 228.
 Орловский, С. 379.
 Остроглазов, П. М. 13.
 Павел I. 166.
 Павлов-Сильванский, Н. П. 23, 66, 233, 260.
 Петрушевский, В. А. 388.
 Пиксанов, Н. К. 29, 326, 283, 297, 309, 394.
 Пиль, г-жа. 143.
 Пиль, И. А. 159.
 Плавильщиков, В. А. 3.
 Платонов, С. Ф. 486.
 Плеханов, Г. В. 299, 313, 313а.
 Пнид, И. П. 113.
 Покровский, М. Н. 300, 393.
 Покровский, В. И. 351, 352.
 Полевой, П. Н. 210.
 Рейфа, I. 314
 Полтавский, И. 403г.
 Поляков, А. 479.
 Попельницкий, А. З. 79.
 Порфирьев, И. 340.
 Посадский, И. 350.
 Прозоровский, А. А., кн. 121.
 Протопопов, М. А. 258.
 Пругавин, А. 473.
 Прытков, Н. 153.
 Пушкин, А. С. 69, 105, 106, 107, 108, 109, 213.
 Пыпин, А. Н. 20, 45, 125, 129, 188, 190, 195, 216, 257, 278, 293, 297, 300, 461.
 Пятковский, А. П. 46, 113, 187.
 Радищев, М. Н. 143.
 Радищев, Н. А. (сын). 69, 140.
 Радищев, Н. А. (отец). 142.
 Радищев, П. А. 112, 273, 452.
 Радлов, Э. Л. 305а.
 Репинский, Г. К. 141.
 Ровинский, Д. А. 410, 412.
 Рогожин, В. Н. 2.
 Рожков, Н. 400.
 Розанов, И. Н. 284.
 Рубакин, Н. А. 27.
 Рубановская, Е. В. 143.
 Рябинин, Д. 158.
 Саводник, В. 369.
 Сантов, В. И. 178.
 Сакулин, П. Н. 304, 308, 387.
 Сватнков, С. Г. 236.
 Святловский, В. В. 312.
 Селивановский, Н. С. 442.
 Севеинский, В. И. 157, 164, 168, 181, 201, 240, 245, 258, 339.
 Семенников, В. П. 82, 83, 274, 275, 276, 285а, 285б, 294, 306, 309, 311.
 Сивков, К. В. 375, 386, 390.
 Сидоров, Н. П. 253, 273, 283, 390, 402.
 Сиповский, В. В. 221, 346, 361, 366.
 Скабичевский, А. М. 191.
 Смирдин, А. 4.
 Смирновский, П. 341.
 Соловьев, Е. А. (Андреевич). 235, 243, 318.
 Сопиков, В. С. 1, 2.
 Спасович, В. Д. 179.
 Срезневский, В. И. 301а.
 Станкевич, А. 105.
 Старчевский, А. 104.
 Стеблев, А. П. 360.
 Сторожев, В. Н. 311.
 Стоюнин, В. Я. 123, 164.
 Страхов, М. И. 24.
 Суворин, А. С. 45, 54, 88, 124, 129.

Сухомятников, М. И. 53. 54. 56. 182.
188.

Сыромятников, В. 256.
Сыроечковский, Б. Е. 389.
Сыроечковский, В. Е. 389.
Тарасов, Е. И. 264. 282.
Терновский, Ф. 130.
Тихонравов, Н. С. 121. 202.
Томашевский, Б. В. 488.
Трефолов, А. 445.
Тройницкий, С. Н. 72 .
Трубецкой, Н. Н., кн. 286.
Тулупов, Н. В. 354.
Туманов, М. Н. 229. 232.
Тургенев, И. П. 286. 351.
Тургенев, Н. И. 263.
Тучков, С. А. 252.
Уваров, С. С. 93. 94. 95.
Ульянинский, Д. В. 226, 227.
Уманский, В. 70.
Ушаков, А. 124.
Фатеев, А. 289.
Фатов, Н. Н. 304. 311.
Фейдер, В. 403.
Флоринский, В. М. 238.
Фомин, А. 19, 321.
Фрейман-фон, О. Р. 193.
Friedrich. 315.
Хирьяков, А. М. 363. 382.

Хованский, Н. Ф. 171. 409.
Храповицкий, А. В. 96. 119. 146.
Цинговатов, А. Я. 311.
Челищев, П. И. 175.
Чернышев, В. И. 245. 248.
Чудинов, А. Н. 69.
Чешихин, В. Е. (Ветринский, Ч.).
273, 325, 376.
Шалыгин, А. 371.
Шашков, С. С. 203.
Шведер, Е. 381.
Шестаков, П. М. 354.
Шилов, А. А. 32.
Шильдер, Н. К. 214.
Шишкин, И. 45. 351.
Шлоссер, Ф. К. 136.
Шляпкин, И. А. 30.
Шмурло, Е. Ф. 183. 184. 467.
Шпет, Г. Г. 310.
Шугуров, М. 142.
Щапов, А. П. 133.
Щеголев, П. Е. 23. 66. 73. 77. 233,
253, 272. 470.
Энгельгардт, Н. 220.
Языков, Д. 457.
Якушкин, В. Е. 15. 74. 167. 176.
177. 189. 209. 218. 220. 237. 323, 343.
Якушкин, Е. И. 105.
Яцимирский, А. И. 68.

Р. Мандельштам.

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Милютин, В. П., Попревский, М. И., Преображенский, Е. А., Прицман, Л. И.,
Дволацкий, Ш. М., Ротштейн, Ф. А., Деборин, А. И.